Менестрель

Литературно-художественный альманах

№ 6

Омск
2017

Менестрель: литературно-художественный альманах. – Омск : Вариант-Омск, 2017. – № 6. – 246 с.

16+

Редакционная коллегия: А.В. Козырев (главный редактор), А.Ю.Сергеева (зам. главного редактора), А.Г.Свириденко (зав. отделом прозы), Д.П. Соснов, И.Н.Сенин, А.И. Петров.

Подписано к печати 16.01.2017. Формат бумаги 60x84/8.
Печать оперативная. Усл. печ. л. 35,75. Тираж 300 экз.
Издательство «Вариант-Омск»
644043, г. Омск, ул. Фрунзе, 1, кор.3, оф.15.

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Евгения Джен БАРАНОВА

И ВОТ ПРИШЛА ПОЭЗИЯ

Стихотворения

Короткий обморок сирени

Короткий обморок сирени
был неглубок, но Мандельштам
вернул кустарник сизой лени,
лиловых сумерек рукам.

И обморок остался – щуплый
отросток лета на сносях.
Сирень – была. Хотелось щупать,
разламывать, в рисунок взять.

Сирень – была. Сиреневела.
Звала шелковицу в пажи.
Так девочка в наряде смелом
от взрослости своей бежит.

Так мальчик, осознав охоту,
грозит рогаткой воронью.
Короткий обморок. Всего-то?
Сирень-сирень-сирень. Июнь.

Молочник

Был человечком непрочным,
пряником с высохшим дном.
Где же ты, птица-молочник,
скользкий бидон с молоком.

Масло, кефир, простокваша
в год девяносто (какой)
мимо балкона пропляшут:
– Дяденька, есть молоко?

Улица вырастет. Тонок,
лопнет асфальт пузырьком.
Вырвется птица-бочонок,
и улетит молоко.

Детства трава худосочна.
Впрочем, не умер пока,
помни, как птица-молочник
реет среди молока.

Бабушкина почта

«Давай поженимся немедленно,
пока война не началась,
пока с преданиями летними
ещё удерживаем связь.

Я превращаюсь в меланхолика.
Жуки над вишнями снуют.
Что Берислав – четыре домика.
Поедем в Винницу, Анют.

Там Пирогова внуки бросили,
там сосны с детства корабли.
Давай поженимся – до осени
я независим от ИФЛИ.

Жизнь без тебя – котёнок раненый:
все трётся, трётся головой...»
Его убили в Померании,
её убили – под Москвой.

Эволюция

Из подушек на пухлых креслах
в изразцовой печи небесной
на овсянке и молоке
я настаивалась, старела,
целовала, лгала, смелела,
переламываясь в руке.

Я смотрю на себя – не верю:
что мне делать? какому зверю
уподобиться? где найти –
саламандры, лягушки, змеи –
чьи аллели внутри алеют?
кто с фонариком впереди?

С чьим дыханьем чешуекрылым
над смолистой склонюсь могилой
(земляничное слово: лес!)
Плауны привечают гостя,
зеленеют неяркой злостью
и календула, и чабрец.

Может, все-таки к моховидным?
После жизни бревна не видно,
а при жизни – туман свинцов.
Но не выбраться. Давит тайна.
И глядит на меня зеркально
человеческое лицо.

Космогония

Я боюсь, что суп остынет.
Я боюсь, что дом исчезнет,
что останутся от места
ножки, рожки, пенопласт.

Оживёт проспект Вернадский,
встанет панцирем железным,
потечёт слюной по небу
и по совести воздаст.

Уплывут дома-колодцы,
догорят высотки-свечи,
разрастутся снова сосны,
и берёзы, и репей.

И тогда проспект Вернадский,
упадёт землёй на плечи,
превратится вьюга в стаю
очень белых лебедей.

Из земли родится голем,
из него добудут глину,
расфасуют по адамам
для иванов и марусь.

Новый вырастет Вернадский,
леденящий, стройный, длинный,
и в его бетонном пальце
я случайно появлюсь.

Желток

Солнце закатное – дивное солнце.
Страшное солнце. Кровавый желток.
Оком скользит над двубортным оконцем,
огненным лаком ласкает висок.

Лакомка кошка купается в красном,
зубки свои примеряет к руке.
Солнце закатное – солнце безвластных –
топит в туманном своём молоке

Осипа, Анну, кресты под Смоленском,
звёзды на кедах, Рязань, Эр-Рияд.
Или же красит карминовым блеском
то, что советские песни хранят.

Солнце закатное – чёрствое солнце.
Призраки зданий тихонько гудят:
– Друг мой поручик, а, может, вернёмся?..
Но никогда не приходят назад.

Отрепьев

Не бродить по Тушино, как вор,
не тушить капусту для своих.
Смутных мыслей взломанный простор –
танец или бабочка парит.

Или крик, в лужёную гортань
мастером впечатанный немым.
Не томить в околице герань.
Не хранить в хрусталиках жасмин.

Ворожит пропащая Москва:
клюква-брюква, чудо на бобах.
Я иду с Отрепьевым, едва
стылого касаясь рукава.

Где печаль, Григорий, где просчёт?
где Марина – пена – синева?
Я иду с Отрепьевым, ещё
мало понимая, что жива.

Что не мне багряным родником
согревать народное добро.
Не искать отдушины ни в ком.
Не бродить по Тушино, не бро...

И вот пришла поэзия

И вот пришла поэзия, стоит
в дверях /в сенях/ на самоваре бабой.
И тянет вверх, и тянет говорить,
но горло перехватывает как бы.

И блеск от слов, точнее, гарь горнил,
доспехов блеск, восторг оруженосцев.
И вот пришла поэзия – гони!
Или отдай, но только не потворствуй.

За каждый вымпел, каждый огонёк,
за каждый поэтический окурок,

придётся отвечать, мой королёк,
придётся умирать на партитурах.

Иначе жизнь – бессонная петля.
Ишь, как душа под панцирем клокочет.
И вот пришла поэзия. Ныряй.
Не оставляй свободы многоточьям.

Айседора

Мир устроен очень мудро.
Ночь всегда линяет в утро.
Танцовщице снится паровоз.
И взлетает Айседора,
словно шар, цветной и полый,
словно шарф по лестнице колёс.

Разметались строчки-тени.
Пьёт с провидцем Провиденье.
Из Кореи тянет в Кореиз.
Я любила. Это слишком.
Каждый маменькин парнишка
подтвердит, что love теряет is.

Нравственный закон снаружи
вряд ли будет обнаружен.
Кантом вышивает Фейербах.
Министерство горькой правды
превращает стадо в равных.
Осторожней в мыслях и словах.

Впрочем, стоит ли об этом.
Мы расстались светлым летом.
Ранней/поздней осенью/весной.
Мир устроен очень чётко,
потому пошлю всё к чёрту
и уйду на цыпочках в прибой.

Владислав КУРАШ

СЕРЫЙ ЧЕЛОВЕК

Рассказ

Он придёт к тебе ночью и заберёт твою жизнь…
Из детской страшилки

Посвящается моему отцу

В последние дни мая, когда устанавливается жаркая погода и города раскаляются, как консервные банки, начинается сезон летних отпусков. Большинство горожан, собрав свои нехитрые пожитки, выезжает на природу, на дачи, прячется от нестерпимого солнца в зелени беседок, под густыми кронами тенистых деревьев.

Мерно покачиваясь в гамаке или просиживая весь день с удочкой у реки, бродя по лесным тропам, наслаждаясь свежим воздухом, щебетанием птиц, журчанием проточной воды, перекатывающей через мшистые коряги и валуны, забываешь обо всём и сливаешься с природой в единое неразделимое целое, наполненное умиротворением и гармонией. Это происходит настолько плавно и незаметно, что, в конце концов, когда приходит время возвращаться домой, не понимаешь, от чего так саднит сердце и не хочется никуда ехать. И ещё долго не можешь привыкнуть к городской жизни и целый год ждёшь, когда же снова наступит лето, чтобы собрать свои нехитрые пожитки и всей семьёй или вместе с друзьями вырваться из душного города на лоно живой природы, туда, где обретаешь душевное равновесие и покой.

Каждый год в это время я отправлюсь со своими старыми университетскими друзьями на несколько неделек порыбачить на Сейм. Уже прошло лет десять с тех пор, как мы окончили университет. Жизнь разбросала нас кого куда по всему свету. Мы обросли семьями, новыми друзьями и знакомыми. У каждого свой бизнес, свои заботы, свои интересы. Мы больше не устраиваем весёлых пирушек и шумных вечеринок. Наши встречи теперь редки и случайны. Но, не смотря ни на что, мы всё же сохранили крепкую дружбу и неподдельный интерес, и любовь друг к другу. И каждый год в это время, следуя давней традиции, мы откладываем все свои дела в сторону, оставляем семьи и уезжаем рыбачить на Сейм.

Сначала нас было двенадцать – практически вся наша группа. Даже девчонки, Светик и Ксюша, поначалу ездили с нами. Кстати, они первыми покинули нашу компанию. Они давно уже стали мамами и теперь вроде бы как не совсем и прилично замужним женщинам ездить, кто знает, куда, в окружении такого количества мужчин. За ними – Серёга, Костик и Лёха. Лёха уехал на родину, в Карелию. Серёга – на золотые прииски в Магадан. От них уже много лет нет ни слуха, ни духа. Костик осел в Москве. Он иногда позванивает кому-нибудь из нас, время от времени поддерживает с нами связь.

И вот нас осталось семеро: я, Антон, Колька, Михалыч, Сева, второй Сева и Русик. Мы каждое лето неизменным составом с рюкзаками и удочками выезжаем на Сейм, и на несколько недель, отмахнувшись от всего, становимся настоящими дикарями, доисторическими неандертальцами, первобытными людьми, такими же задорными и юными пацанами, какими мы были десять лет назад.

Приятно, хоть и ненадолго, снова ощутить себя молодым и беззаботным, полным энергии и сил, эдаким сорвиголовой, среди таких же, как и ты, молодых и беззаботных, близких тебе по духу, понимающих тебя с полуслова, товарищей. Словно и не было этих десяти лет, словно только вчера мы окончили университет.

И вот мы снова стоим по колено в воде, со спиннингами в руках, на широкой песчаной косе, посреди огромной, сливающейся с горизонтом, реки, сверкающей и искрящейся на солнце до боли в глазах, и не хочется ни о чём думать: ни о прошлом, ни о

будущем, ни о настоящем, хочется просто жить и наслаждаться этой обжигающей ноги водой, этим слепящим глаза солнцем, этим пьянящим ощущением вернувшейся юности.

Мы и в самом деле не так уж стары, нам всего лишь немного за тридцать, и жизнь, хоть, впрочем, уже и сложилась, но всё ещё манит своими радужными многообещающими перспективами, всё сильнее разжигает желание жить, радоваться и наслаждаться жизнью.

Мы всегда ездим в одно и то же место, приглянувшееся нам и полюбившееся с первого раза. Это деревня Духановка (всего пятьсот дворов), расположенная на левом берегу Сейма, на первой боровой террасе, среди шикарного соснового леса. Мы не любители туристических маршрутов и палаточных городков. У нас своя сельская романтика, с утренним парным молоком, со свежевыпеченным домашним хлебом, с душистым запахом сеновала.

В Духановке мы останавливаемся у тёти Веры. Мы называем её так, потому что привыкли к ней за долгие годы нашего знакомства, как к родной. Она всю жизнь проработала в сельской школе учителем. Ещё молодой потеряла на войне мужа. Своих детей Бог не дал. Зато чужих воспитала полдеревни. За это ей люди и по сей день в ноги до земли кланяются. Она давно уже не работает в школе, как и все сельские жители, держит небольшое хозяйство. Тяжело одной. Но мир не без добрых людей. Не забывают её односельчане, и колхоз, чем может, помогает, да и мы, когда приезжаем, и сена накосим, и дров нарубим, и по хозяйству управимся.

И она нам так рада, словно родные мы ей. Говорит, целый год нас ждёт, всё скучает. А когда уезжаем, всегда плачет.

Её дом стоит на самом краю деревни, за домом – небольшой огород, а за огородом сразу же начинается лес.

Ранним утром, задолго до рассвета, когда в деревне все ещё спят, с удочками и снастями, с приготовленной вечером наживкой, захватив с собой кое-что перекусить, по узкой лесной тропинке мы отправляемся на рыбалку. Ещё совсем темно и поэтому приходится идти осторожно, ориентируясь по знакомым приметам. Начинает светать и постепенно всё проясняется, приобретает чёткие формы, окрашивается в яркие тона. Под ногами приятно шуршит хвоя, стволы сосен, покрытые лишайником, шершавые и стройные, как корабельные мачты, тянутся вверх, к самому небу, а между соснами, внизу, на небольших полянках, поросших брусникой и вереском, играют и пляшут первые лучики солнца, пробивающиеся сквозь густые кроны деревьев. Где-то далеко за спиной раздаётся пение петухов, спустя какое-то время доносится мычание коров – село начинает просыпаться и всё вокруг оживает. Мы выходим из леса, и перед нами открывается живописная картина Полесской низменности. Когда-то здесь на протяжении сотен миллионов лет было море. Отступая, оно оставляло свои отложения, формируя тем самым современные грунты и ландшафт этого края. Затем был Днепровский ледник. Его сточные воды и приграничные ураганы закончили эту работу. И вот теперь мы стоим и не можем оторвать глаз от чарующей красоты Полесья. Во все стороны, на многие километры, во всём своём великолепии и величии, слегка подёрнутая утренним туманом, простирается бескрайняя долина реки. Широкий полноводный Сейм парует и поблёскивает матовым глянцем среди жёлто-зелёных, выгоревших под безжалостным солнцем, заливных лугов с сагами и болотами, поросшими вербой, лепешняком, осотом и очеретянкой.

На правом коренном берегу реки, круто возвышающемся над поймой, в не менее живописном месте, среди столетних дубов и клёнов, раскинулась деревня Камень. Отсюда хорошо видны её беленные известью избы с соломенными крышами, курящимися струйками дыма и выкрашенными заборами. Каменистый склон, спускающийся от деревни к самой реке, сплошь и рядом усеян громадными глыбами и валунами, миллионы лет назад служившими основанием морского дна.

Мы спускаемся в пойму, и под рубахи забирается обжигающая морозной свежестью утренняя сырая прохлада. Роса, громадными каплями висящая на траве, искрящаяся в лучах восходящего солнца, словно хрустальным ковром укрывает всю пойму. В воздухе, напоённом прохладой и влагой, смешиваясь с прелым дыханием болота, повис душистый

букет ароматов луговых трав, среди которых угадываются и полевая мята, и конюшина, и келерия. Виляющая между оврагов и балок тропа выводит нас прямо к реке. Шумно взмахивая огромными крыльями, медленно поднимается из высокой травы испуганный енотом буро-серо-белый кроншнеп. Он поднимается высоко в небо и там замирает, превратившись в крохотную точку. Только куюиии-куюиии доносится до нас из-под небес.

Мы завтракаем и расходимся по широкой косе. Наловив рыбы, разводим костёр, стряпаем уху, обедаем и идём купаться. Вдоволь накупавшись, вылежавшись в горячем песке, с трофеями в садках мы возвращаемся назад. После ужина, задымив сигаретами, забираемся на сеновал, поудобнее устраиваемся в душистом свежескошенном сене и, глядя сквозь щели в прохудившейся дощатой крыше на звёзды, огненной россыпью разбросанные по чёрному, как сажа, небу, заводим долгие полуночные разговоры.

Кажется, я забыл познакомить вас с моими друзьями. Вообще-то я собирался сделать это в самом начале рассказа. Ну, да ничего. Сейчас я быстро наверстаю упущенное. С кого бы лучше начать? Пожалуй, начну с Антона. Ведь это он после окончания первого курса подбил нас поехать сюда, обещая чудесный отдых и массу незабываемых впечатлений. Заядлый рыбак и охотник, вместе с отцом он исходил всё Полесье. Где только они не бывали?

Несмотря на хрупкое телосложение, он был очень сильным и выносливым, и всегда отличался от нас целеустремлённостью и незаурядным умом. Он практически не изменился за это время – такой же подтянутый и опрятный, гладко выбритый, с приятным запахом, сдержанный в словах и суждениях. Среди нас он самый успешный. У него красавица жена, трое детей – три маленьких Антона, таких же дисциплинированных, как и он, должность в каком-то департаменте, трёхкомнатная квартира в элитном районе города, седьмая модель «жигулей». Словом, всё, что нужно для полного счастья.

Он не любит пустой болтовни, говорит только по делу, и даже теперь, когда мы остаёмся одни на сеновале, он больше молчит, слушая других, отвечает, когда его спрашивают, причём отвечает сдержанно и лаконично, словно он ни в кругу друзей, а на докладе у своего начальника, и лишь изредка, когда затрагивается какая-нибудь волнующая его тема, он может подробно и обстоятельно, не упуская ни единой мелочи, излагать свои мысли и соображения.

Колька – полная противоположность Антону. Не менее талантливый и одарённый, но чересчур ленивый и неорганизованный, он всегда был душой нашей компании. Любитель всякого рода авантюр и приключений, он первый поддержал Антона с его предложением поехать на Сейм. Внук участника трёх войн, безумный любитель военной истории, непревзойдённый знаток всех видов оружия, он никогда не любил учиться, хотя учёба давалась ему легко, без особых затруднений, и страстно мечтал работать в каком-нибудь конструкторском бюро военной промышленности. Мечтам его не суждено было осуществиться. Будучи изрядным лентяем, он пошёл по пути наименьшего сопротивления. По настоянию родителей рано женился, не без их помощи устроился на какой-то машиностроительный завод, получил двухкомнатную квартиру где-то на окраине города – на этом и остановился.

Многие считают его неудачником, хотя он себя таковым не считает, по-прежнему мечтает о военной конструкторской карьере, впрочем, мечтами всё и заканчивается, живёт тихой семейной жизнью с женой и дочкой, по выходным навещает родителей.

Слегка неуклюжий, немного нескладный, с непропорционально большим телом и руками, с непослушными, как брёвна, пальцами и мощными короткими ногами, всегда стриженный наголо, с далеко выступающим лбом и глубоко посаженными глазами, слегка приплюснутым носом и большими губами он производит впечатление карикатурного уродца, эдакого Квазимодо. Но это лишь первое впечатление. Познакомившись с ним поближе, покорённые его душевной простотой и непосредственностью, вы в него тут же влюбитесь навсегда, и уже больше не будете обращать внимания на его внешние недостатки. Имея в запасе тысячу свежих анекдотов и разных невероятных историй, ему ничего не стоит заставить вас надрываться от смеха. С ним легко и просто любому. За это мы его любим и ценим.

Особое место в нашей компании занимает Русик. Мы его тоже все очень любим. Он никогда не хватал звёзд с небес и с благодарностью довольствуется тем, что имеет. Он во всём придерживается золотой середины. Подчёркиваю – золотой. Это не каждому удаётся. С ним, на удивление, легко и просто. Уверенный в себе, он заражает своей самоуверенностью. Для него не существует безвыходных ситуаций. Он всегда знает, как лучше поступить и всегда готов поддержать и помочь. Он самый настоящий надёжный друг.

Русик с детства занимался спортом, а после окончания университета стал работать тренером. Много колесил по стране, женился на такой же спортсменке, как и он, у них родился сын, теперь они воспитывают его в самых лучших спортивных традициях. Жизнью своей он доволен, считает себя самым счастливым и удачливым человеком, и ничего другого ему не нужно.

Теперь с вашего позволения расскажу о Севах. О них нельзя говорить по отдельности. Севы – два приятеля не разлей вода и неисправимые бабники. Насколько мне известно, в семейной жизни у них не всё гладко. Но они об этом не особо любят распространяться. Зато о своих любовных похождениях могут рассказывать часами. Рассказчики они, конечно же, отменные. Можно животы надорвать, слушая их бесконечные россказни.

Вот дошла очередь и до Михалыча. Михалыч такой же убеждённый холостяк, как и я. Мы знаем друг друга с самого детства. Михалыч – мой сосед. Уже больше тридцати лет мы живём в одном дворе и видимся практически каждый день. Михалыч занимается ремонтом электроприборов. Он ремонтирует на дому, поэтому его квартира больше похожа на мастерскую. Люди говорят, что у него золотые руки. Я это и без них знаю.

В свободное от работы время Михалыч читает. У него огромная библиотека. Он скупает книги везде, где только может, в магазинах, на книжных рынках, с рук. Ему интересно всё. И классика, и фантастика, и детективы, и любовные романы, и научная литература.

У него есть ещё одно хобби. Он хочет изобрести антигравитационный двигатель и сконструировать летательный аппарат для межгалактических перелётов. Он уверен, что у него это получится и очень злится, когда мы посмеиваемся над ним. Кто знает, а, может, ему и в самом деле когда-нибудь удастся изобрести что-нибудь такое сверхгениальное.

– Посмотрим, что вы тогда скажете,– обиженно грозит он нам указательным пальцем и, шурша сеном, под дружный хохот отворачивается от нас и делает вид, что засыпает.

Но он не думает спать. Через какое-то время он снова присоединяется к разговору. И, в конце концов, снова начинает рассказывать о далёких галактиках и внеземных цивилизациях. Его монотонный голос постепенно убаюкивает и мы засыпаем. Один лишь Колька не спит. Он внимательно, с интересом слушает россказни Михалыча.

– И что дальше?– переспрашивает Колька.

– На чём я остановился?– заложив за голову руки, пожёвывая ароматную травинку, говорит Михалыч.

– Ты рассказывал, что у каждого есть свой серый человек,– напоминает ему Колька.

– Ну, да, у каждого,– вспоминает Михалыч.– И у тебя, и у меня, и даже у Севы.– При этом он толкает Севу в бок и тот просыпается.

– Чего тебе?– спросонья спрашивает Сева и снова засыпает.

Михалыч сдерживает улыбку.

– А где же он этот серый человек?– допытывается Колька.

– Где? Этого не знает никто,– выдержав небольшую паузу, Михалыч продолжает.– Наверное, ходит где-нибудь по белу свету и ищет тебя.

– А если найдёт?

– Если найдёт, значит скоро помрёшь,– еле сдерживает улыбку Михалыч.

– А если не найдёт?

– Значит, помрёшь в срок, как положено,– Михалыч больше не может себя сдерживать и отворачивается.– Ладно, давай спать, уже поздно.– Говорит Михалыч напоследок и тут же засыпает.

Колька ещё долго не может уснуть. Он лежит и думает о своей жизни, о жене, о дочке, о родителях, о несбывшихся мечтах, о том, что рано или поздно наступит конец и всё исчезнет. Ему становится грустно. Только под утро, уткнувшись лицом в сено, он засыпает.

В последний день, сходив на утреннюю рыбалку, мы собираем вещи, прощаемся с тётей Верой и рейсовым автобусом уезжаем в город. С автовокзала мы разъезжаемся по домам.

Дома меня встречает мама. Мы ужинаем, и я ухожу к себе в комнату. Ничего не хочется делать и вообще ничего не хочется. После сельской природы всё кажется серым и тусклым. Я ложусь на кровать, включаю телевизор и до поздней ночи без особого интереса щёлкаю каналы.

Так пройдёт целая неделя. А через неделю я засяду за рукопись и приступлю к работе. Нужно будет зайти к Михалычу, узнать, как он там поживает.

Постепенно жизнь войдёт в колею и потечёт по привычному руслу.

Я с головой ухожу в работу и к началу осени заканчиваю начатую ещё до поездки на Сейм повесть. Перечитываю её в последний раз, делаю последние исправления и отдаю маме. Мама – мой самый благодарный читатель. Все свои книги я посвящаю ей. Она достойна большей награды. Но пока всё самое ценное, что у меня есть – это мои написанные и ненаписанные книги.

После мамы я отношу повесть Михалычу. Обладая безукоризненным литературным вкусом (за что я его очень ценю), он до деспотичности беспощаден к моим произведениям. Не оставив камня на камне, он возвращает мне рукопись с правками и замечаниями.

После Михалыча я отношу повесть в «Неву». Её принимают и ставят в очередь на публикацию.

Теперь можно вернуться к остальным незаконченным рукописям. Что я и делаю. Я снова с головой ухожу в работу, и монотонный приятный ритм захлёстывает меня.

Из приятного состояния меня вырывает Колька. Он звонит мне и назначает встречу на углу Садовой и Ильинской у Оперного театра.

Я прихожу в назначенное время. Колька меня встречает с нескрываемым раздражением.

– Сколько можно ждать?– у него болезненный вид, он бледен.

Я пытаюсь что-то ответить, но он меня перебивает:

– Пойдём,– говорит он мне сухо.

Мы переходим через Ильинскую, сворачиваем в какую-то подворотню и проходим ещё метров триста, углубляясь в незнакомые дворы. Наконец, Колька останавливается и долго осматривается по сторонам. Раздражение и злоба сменяются страхом. Я с интересом наблюдаю за Колькой и ничего не понимаю. Мы молчим.

Спустя некоторое время Колька прерывает молчание:

– Знаешь, а он меня нашёл,– загадочно произносит Колька.

– Кто тебя нашёл?– ничего не понимаю я.

– Серый человек.

– Какой ещё серый человек?

– Помнишь, Михалыч как-то рассказывал,– начинает объяснять мне Колька.

– Михалыч?– переспрашиваю я.– Всё, что Михалыч рассказывает, бред и выдумки. Не верь ни одному его слову.

– Ты, кажется, ничего не понимаешь,– Колька снова начинает злиться.– Он меня нашёл.

– Кто тебя нашёл?– теперь начинаю злиться я.

– Серый человек,– невозмутимо повторяет Колька.

– Какой ещё серый человек?– я чувствую, как начинаю вскипать.– Я же тебе сказал, всё, что рассказывает Михалыч, бред и выдумки.

– Не бред это и не выдумки. Мы с ним встретились.

– И где же вы встретились?– перехожу я на повышенные тона.

– Возле Дворцового парка, когда я с работы возвращался домой. Он сам подошёл ко мне и поздоровался. А я ведь сразу ничего не понял и тоже поздоровался. И только потом до меня дошло, что это серый человек. Представляешь?

– Ну, и что дальше?

– Я удрал от него,– нервно хихикает Колька.

– Ну и молодец, и забудь о нём, и больше не думай.

– Он снова меня нашёл. Выследил гад. Домой ко мне припёрся.

– Домой?

– Да, домой. Сказал, чтобы я готовился, что через месяц меня заберёт.

– А ты случайно не сбрендил?– я с силой тыкаю его в лоб указательным пальцем.

– Сам ты сбрендил,– отмахивается Колька.– Я так и думал, что ты мне не поверишь.

– А ты поверил бы?

– Не знаю,– говорит Колька.

– Вот и я не знаю.

– Что мне делать? Мне страшно.

– К психиатру обратись,– говорю я напоследок и ухожу.

Я возвращаюсь домой по Пушкинскому бульвару. Срывается дождь. Я промокаю до ниточки, и на следующий день у меня поднимается температура. Меня кладут в больницу с воспалением лёгких. Две недели я валяюсь в больнице и ещё две недели сижу дома. Начинаю работать над новым романом. Хочу написать книгу о большой любви, которой мне так не хватает. Хоть я и считаю себя убеждённым холостяком и даже посмеиваюсь над женатиками, но в глубине души я всё же завидую им и с годами всё острее ощущаю в себе желание быть отцом и мужем, любить и быть любимым. О Кольке я больше не вспоминаю, словно ничего и не было.

В сочельник звонит Антон.

– Колька в больнице,– гробовым голосом говорит он в трубку.– Сердечный приступ.

Я молчу.

– Алло, ты меня слышишь?– переспрашивает Антон.

– Слышу, слышу,– отвечаю я Антону.

– Колька лежит в больнице Пирогова. Я всех уже обзвонил. Собирайся и подъезжай. Встречаемся там.

Я одеваюсь и выхожу на улицу. На дворе зима. Морозный воздух пощипывает нос, слегка обжигает лицо и ноздри. Выпавший ночью снег ещё не везде утоптан, похрустывает под ногами. Я сворачиваю на Некрасовскую аллею. Земля вдруг выскальзывает из-под ног. Невидимая сила швыряет меня в сторону. Я слышу пронзительный крик и падаю на спину. От сильной боли у меня темнеет в глазах. Я с трудом встаю и отряхиваюсь. Рядом на снегу лежит девушка. Она пытается подняться. Её милое личико искажено злобной гримасой. Я смотрю на неё в недоумении.

– Чего уставился, алкаш,– превозмогая боль, злобно взвизгивает она.– С утра уже налакался. Под ноги смотреть надо.

Я бормочу извинения и пытаюсь помочь ей подняться.

– Не прикасайся ко мне своими грязными лапами,– снова взвизгивает девушка.

Она вскакивает на ноги, делает два шага и снова падает на лёд. По её щекам текут слёзы, она хватается за ногу и плачет.

– Разрешите взглянуть,– обращаюсь я к ней и ощупываю её ногу.

Нога, словно губка, прямо на глазах распухает до невероятных размеров.

– Лапы убери, алкаш,– в истерике взвизгивает девушка.

– Извиняюсь, но я не алкаш,– объясняю я девушке.– И сегодня ещё не пил ни капли. И вообще я пью только по праздникам. А у вас, мне кажется, перелом, и вам нужно в травматологию. Давайте я помогу вам встать и отвезу вас в больницу.

Мои слова, как успокоительное, благотворно действуют на девушку. Она затихает и, опёршись о мою руку, встаёт. Я вызываю такси и мы едем в травматологию. Там ей накладывают на ногу гипс. Из травматологии я отвожу её на такси домой.

– Как вас зовут?– спрашивает она меня в такси.

Я представляюсь ей.

– А меня зовут Леной,– представляется она мне.

Оказывается, мы соседи. Лена живёт в нескольких кварталах от меня. Я помогаю ей подняться на этаж, она нажимает кнопку звонка, открывается дверь, появляется её мама.

– Что случилось, Леночка?– мама в недоумении смотрит на гипс.

– Потом расскажу,– говорит Лена, ей плохо, она хочет прилечь.

Я передаю Лену маме.

– Вы не зайдёте на чай?– Лена вопросительно смотрит мне в глаза.

Я вижу, что ей сейчас не до гостей, поэтому я отклоняю её предложение.

– Я лучше завтра зайду вас проведать,– говорю я Лене.– Если, конечно же, вы не возражаете.

Мы прощаемся, и я ухожу. Я сажусь в такси и еду в больницу Пирогова. Я сильно опаздываю. Все уже в сборе.

– А вот и пропажа, мы уже в розыск думали подавать,– пытается хохмить Михалыч.

Мы надеваем белые халаты, бахилы и заходим к Кольке в палату. Рядом с Колькой сидит его жена. Колька лежит под капельницей и глупо таращится на нас. Антон отдаёт жене пакет с фруктами, мы перекидываемся с ней несколькими словами и уходим.

Вечереет. Идёт снег. Загораются фонари. На несколько минут мы останавливаемся в больничном дворе, чтобы поболтать о том, о сём, но разговор не клеится. Мы расходимся.

Михалыч предлагает пройтись, и мы, не спеша, идём домой по Адмиралтейскому проспекту. Мы молчим. Я иду и думаю о Кольке, о том, что случилось, о Михалыче и начинаю вскипать. Не в силах себя сдерживать я хватаю Михалыча за грудки.

– Говори, гад, что ты там понарассказывал Кольке?– взрываюсь я.

– Ничего я ему не рассказывал,– не на шутку пугается Михалыч.

– А серый человек? Что это ещё за бред?

– Не знаю никакого серого человека, отпусти меня.

– Вспоминай, гад, а то задушу.

Я с остервенением начинаю трясти Михалыча.

– Отпусти, отпусти, Я вспомнил.

Михалыч бледен и дрожит, как осиновый лист. Я бросаю его, и он, словно мешок, падает на снег. Он тяжело дышит и смотрит на меня снизу вверх.

– Ну, было дело,– отдышавшись, говорит Михалыч.– Рассказал я ему как-то один анекдот, который сам же и придумал.

– Хороший анекдот.

– Ты меня чуть не задушил,– потирая шею, с обидой говорит Михалыч.

– Может быть, и надо было тебя придушить, чтобы ерунду не молол понапрасну.

У меня больше нет желания разговаривать с Михалычем, я молча разворачиваюсь и ухожу. Я тороплюсь домой. Дома меня ждёт мама и мой роман. Я хочу сегодня ещё немного поработать. А завтра я пойду в гости к Лене.

Дмитрий МЕЛЬНИКОВ

БЕЛАЯ БАБОЧКА-РУСЬ

Стихотворения

* * *

Ты убавляешь резкость пейзажа
и заметаешь пути,
и покидаешь белую пряжу,
что же, белянка, лети.

Ты удаляешься, не остаёшься,
слава беглянке, виват,
шапки бросают под самое солнце
тёмные руки солдат.

Это прощанье или братанье,
я утверждать не берусь,
в небе над нами кружит беспечально
белая бабочка-Русь.

* * *

Дом, где я жил, так быстро умер, что
я не успел забрать из неотложки
ни письма, ни винтажное пальто,
ни наши мельхиоровые ложки.

Теперь, в своём трёхкомнатном шале,
вплывая в чёрный космос без оглядки,
ты не услышишь, как стучит реле
моей необесточенной сетчатки.

Ты не увидишь, ибо далеко,
как падают посмертные сирени
на мальчика в малиновом трико,
растянутом и грязном на коленях.

Мне будут сниться цифровые сны,
зашарпленные тучи небосвода,
Москва ещё до ядерной зимы,
какие-то морлоки в переходах,

когда же мой закончится ночлег,
когда меня достанут из-под снега
при поцелуях новой Хины Члек –
пусть рамка увлажняемая века

пройдёт зеленым лазерным лучом
по барельефам станции Динамо,

где мальчик с алебастровым мячом
и девушка, похожая на маму.

* * *

На площадях антимосквы,
как обезвоженное древо,
руины бронзовой листвы
я погружаю в антинебо.

Не уповая ни на что
и ни на что не намекая,
один на каменном плато
с неутолённым сердцем Кая

я погружаю руки в нефть,
и медленное колыханье
втекает, как вторая смерть
в глазные яблоки сознанья.

В местах, где даже Бога нет,
как нет спасения и веры,
да не погаснет антисвет
на невещественности склеры.

* * *

Мне хочется быть Москвой беспосадочных перелётов,
золотистых платьев, нарядного Первомая,
широчайших проспектов, великой дружбы народов,
александровских фильмов, щедрого урожая,
румяных красноармейцев, смеющихся краснофлотцев,
легендарных комдивов на фоне дворянских дач,
их молочных дочек, увенчанных пляжным солнцем,
детей, играющих в мяч,

гипсовых пионеров с могучим сигнальным горном,
которых не расстреляют, не изнасилуют, не сошлют,
которые будут всегда в пространстве огнеупорном
отдавать безмолвный салют,

которые будут всегда – а что до молочных дочек –
так ведь это судьба – родиться в семье комдива;
белое стало чёрным и растворилось в ночи
времени и пространства, как серебро негатива.

Логика зла такова – оно кусает свой хвост,
сначала стреляешь ты, потом – по твоим и тебе,
и лучше это понять – иначе ногтей и волос
от тебя не оставят бесы в своей алчбе.

* * *

Ей кажется, что в дом забрался вор.
Она выходит в тёмный коридор,
идёт к двери, вздыхая еле-еле,
запахивая на ходу жакет,
мешком висящий на эфирном теле,
и тихо сквозь неё струится свет,
вещественный, как мёртвый эпителий, –
на столик, за который мне не сесть,
на выбитый паркет, на зеркала,
ей кажется, что в доме кто-то есть,
возможно, тот, кого она ждала,
и медленно она идёт назад,
садится в кресло, закрывает книгу
и раскрывает синие глаза,
как самую последнюю улику.
Она жива. Читает без очков
и ждёт меня в потустороннем мире,
где смерть пугает только новичков
и дважды два, конечно, не четыре.

* * *

От капустного листа
и чернеющего поля –
всё знакомые места,
непонятные до боли.

Церковь, рядом магазин,
жизнь направо, смерть налево,
голые персты осин
молча указуют в небо.

Надвигается зима,
она будет дольше прежней,
снова внутренняя тьма
будет спрашивать у внешней:

Кто Ты, русский Бог живых,
и Тебе какое дело
до печали остальных,
в ком душа не уцелела?

Будут ходики стучать,
лисы бегать через реку,
снова будет Бог молчать,
отвечая человеку.

* * *

От Перемиловских высот
до Бутовского полигона
над миром радуга встаёт,
и, в ней мерцая несинхронно,

одни восходят на дугу,
другие прячутся в траве,
кто город не отдал врагу
и кто расстрелян был в Москве.

Над миром радуга гремит,
взметая самый горький прах,
жасмин расцвёл и говорит:
«Был холод на моих губах,

а нынче стало так тепло,
и жмурится на солнце кот,
и шмель, блестящий, как стекло,
во мне гудит, как самолёт».

* * *

Мне приснился тихий Дон,
синий Дон небесный,
то, что раньше было дном,
оказалось бездной.

Снилось мне, что в том нигде
между облаками
ходят кони по воде
вместе с казаками.

Тем, кто был убит огнём,
кто бедою чёрной,
там теперь последний дом,
чистый и просторный.

Там теперь всегда вдвоём
Гришка и Аксинья,
и несёт их души Дон
синий, синий, синий.

Александр ЦЫГАНКОВ

В СОЗВЕЗДИИ ДЕЛЬФИНА

Стихотворения

Рождение картины

Павлу Филонову

Простой сюжет из жизни дикарей
Внезапно проявляется из леса,
И вёсла вырастают из ветвей
Воинственной щетиной Ахиллеса.
Пока ещё романтик-аргонавт
Скрывается в орнаменте-меандре,
Ахилл, как будто древний астронавт,
Является в реликтовом скафандре.

Ему попробуй, выдохни: «Дикарь!» –
Напорешься на копья, стрелы, пики...
Хронолог, многословный, как словарь,
Тебя отправит в лоно Эвридики.
Но в горле неродившихся морей
Рождается легенда или вера,
И символ бездорожья, Одиссей,
Скитается над волнами Гомера.

А дикари, как должно дикарям,
Детёнышам вживляют бычьи вены,
И тянут Ойкумену по морям,
И море волокут из Ойкумены.
И Ахиллес, как древний астронавт,
Шокирован от дикого сюжета,
Он с дикарями пьёт на брудершафт
И падает у статуи поэта...

Тяжёлый, словно поступь дикаря,
Идёт по Ойкумене Александр.
И голова философа-царя
Похожа на реликтовый скафандр:
Кудрявый целомудренный анфас,
И профиль со следами листопада...
Но это не Гомер и не Скопас.
История, увы, не «Илиада».

И всё вокруг во власти дикарей:
Быки и жерди, сети ирригаций...
Как рыбы, выползают из морей
Строители земных цивилизаций.
Шумит прибой... И первая строка,
Как пена, вытекает из кратера.

И время, что разъято на века,
Расходится кругами от Гомера.

Тотальный диктант

В начале августа в созвездии Дельфина
Вдруг вспыхнет в темноте сверхновая звезда –
И обретает речь божественная глина,
И держит на весу ночные города.
И плоть идёт на плоть. И нет числа и меры.
Вневременный провал Катулла и Рабле.
И все мы рождены ещё до нашей эры,
И до сих пор плывём на том же корабле.

Тотальный, как диктант, под портиком Сената
Солирует сверчок – поёт на все лады
Пифагорейских сфер. И лунная соната
Гуляет с ветерком над зеркалом воды.
Скульптурный пластилин запомнит форму тела.
И в матрицу времён мелодия сверчка
Прольётся, как металл для статуи Марцелла,
Несущего трофей Бессмертного Полка.

Дым отечества

Мой дикий край, родной Гиперборей!
Звезда в колодце. В срубах мужики.
Шумит река. И бродит у реки
Трофейный, словно азбука, Орфей.
По-скифски сатанеют облака.
Но скифы ловко резали по злату,
Не веря Богу, верили булату
И золото везли издалека.
Но этот вид теперь позеленел
От патины. Но живо наше племя!
И сотни лет отмеривает время
Туда, где скифы ставили предел.
Но скиф – есть скиф. И зрелище врагов
Не выродилось в контуры испуга.
И всем известно то, что скиф за друга
Способен наломать немало дров
И спрятаться во времени. Увы!
Не знает городов Гиперборея.
И не найти по карте Птолемея
Участок для строительства Москвы.

Гений места

Когда я жил в деревне и следил
При свете звёзд, как время прибывало

Во мне самом, я набирался сил,
И каждый стих, как жизнь, хотел сначала
Переписать, и в линиях судьбы
Разгадывал сюжет кедровой пади.
Срывал цветы и собирал грибы,
Вынашивал слова «Лесной тетради».
Как ветерок, стремился на простор.
Встречал друзей и провожал далече.
Подслушивал рыбацкий разговор
И плеск волны вживлял в структуру речи.
Смотрел на вещи просто, говоря
На языке забытого рассказа,
И всё-таки собрал для словаря
Цветной букет родного новояза.

Когда я жил в деревне, за чертой
Той бедности, чем славилась округа,
Нетрезвый гений места предо мной
Возник и закружил меня, как вьюга,
И вычерпал из проруби ведром
Рождественские звёзды! На дороге
Я говорил с полуночным вором
И спорил с ним о дьяволе и Боге.
Из темноты переходил в тепло,
Читал стихи Бориса Пастернака.
И бабочкой слетала на стекло
Одна звезда из круга Зодиака...

Вершина

Распятье читается в каждом окне,
И тень возникает на каждой стене.
Следы оставляет любая ступня.
И пепел останется после огня.

Но символ полёта – не крылья, а крест.
И место героя – не крепость, а Брест.
И ночь, поглотившая крики беды,
Прозрачнее всякой проточной воды.

Как всякая правда коварнее лжи,
Опаснее бритвы тупые ножи.
Рождённое слово острее пера,
Но ниже Голгофы любая гора.

Слова

когда-нибудь я научусь
без слов молиться
и в пустыне видеть Бога

и напишу поэму из имён
какими нарекли его в гордыне
строители высокой башни
и в споре разошлись
когда-нибудь я одержу победу
и пропою хвалу своим врагам
помилую друзей
прощу знакомых

когда-нибудь
ещё до восхожденья
и гибели библейских городов

Медитация

Я – Будда. Утро. Жду учеников.
Мои ученики ещё в постели.
Но кто моих детей будить посмеет,
Когда и сам учитель крепко спит.

Илья РЫВКИН

ДО ЯБЛОНЕВОГО ЦВЕТА

Рассказ

С гепатитом жить можно десятилетиями, а апластическая анемия неизлечима. Теперь беззащитное тело зависимо от медиков, по вине которых заболело вдвойне.

Единственное, что спасало Яна, – смотреть музыкальный канал для подростков. Раньше – ни за что, а вот – лежит и смотрит! Причем с тем чувством, с которым заблудившийся в пустыне припадает к фляге, а верующий – к причастию. Нечего было критиковать, не перед кем гордиться, протестовать. На койке в одиночной палате лежало умирающее животное семейства гоминидов и завидовало этим телочкам, поигрывающим в такт тыц-тыц шоколадным задом, и изнывающим от чувств ласковым бычкам.

Жизненность, биос, то, к чему относился раньше, ну, не с презрением, зачем же, а... просто не замечал, что ли? Тело, мол, есть сосуд бессмертного духа, низший уровень иерархии бытия, ну и тому подобная картонная мудрость. Так барин может не заметить народ, самовар растоплен, чашки на белой скатерти, пока народ не убежит, не вымрет или не подожжет усадьбу.

Он понял, что влюбился в простейшие явления жизни: открывать глаза, смотреть в окно на ровные ряды немецких домиков, построенных, словно для того, чтобы рисовать их цветными карандашами, общаться с людьми, любыми людьми. В гробу ни с кем не поговоришь! Смотреть на людей, на эти двуногие чудеса с благодарностью за все. Просто так. Жить радостью, брызжущей из самой субстанции бытия, как из зрелого фрукта, мажущего все вокруг сладким соком. Взглянуть ещё раз на солнце, прежде чем в крышку гроба забьют первый гвоздь. А ведь за всю здешнюю зиму всего несколько часов солнечной погоды.

В Эберсберге шёл карнавал. Ранним вечером Яна разбудил шум моторов, трещоток и весёлые вопли «хелау», толпа шутов ехала на украшенных гирляндами тракторах и горланила шлягеры, за ними неровными движеньями, то догоняя, то отставая, вышагивала ватага в тёмных деревянных масках. С выпученными глазами, клыками, торчащими из-под вывернутых осклабленных губ, горбоносые в косматых париках и платьях из чёрной козлиной шерсти, они трясли длинными деревянными шестами, будто угрожая клоунам.

Уже месяц Ян просыпался в отвратительно пахнущем холодном поту. Казалось, кошмары выступали из пор кожи, пропитывая постель, так что каждое утро бельё приходилось менять. Сегодня ему снилось, будто он шёл куда-то, да, домой, не в этот арендованный домик на болоте, а в ту розовую пятиэтажку, где вырос, она была оплетена трубами и кондиционерами, словно чурка, поросшая грибом. Шёл задом наперед почему-то. Как он здесь оказался? Как заболел?

Вот он выходит на свою последнюю вечернюю пробежку, в темноту, на заснеженную тропинку, преодолевая усталость и слабость. Темнота нагнетается, как растет уровень холодной воды во время прилива – и внезапно переливается через невидимый борт, затапливает поплывшую голову, сердце, подкосившиеся колени. Зачем бегаешь? – спрашивала Алиса, угловатая, веснушчатая, похожая на фею из детской книжки. От себя, от себя, собственного хозяина, в родной чёрный лес, дальше, чем поводок позволяет, не убегу, конечно же. От того, что ты не испытываешь ко мне ничего, кроме жалости. Наверное, следовало спросить у врача, можно ли бегать во время лечения. Последний анализ крови показал, что количество нейтрофилов и тромбоцитов ниже критической нормы в пять раз.

Лечащий врач, доктор Тобиас Гросс, человек амбициозный и динамичный, читал The New Yorker, что для баварской деревни – почти вызов тамошним нравам. Его праксис производил впечатление не столько больницы, сколько галантереи. Откуда у вас гепатит, спрашивал он с интонацией, выдающей подозрения самого гнусного и непристойного способа заражения. Доктору Гроссу следовало отменить терапию, с гепатитом живут и

живут, – а теперь каждый день может стать последним, но нет, доктор лишь сократил дозу и посоветовал быть осторожным, стараться ни в коем случае не пораниться.

Тот укол делать мучительно не хотелось, тело закричало бы, если б его кто-то слышал, – нет! «Делай что должно, и будь что будет». Вот и сделал. Рациональный механизм подействовал безотказно. Глянул Ян на балканскую икону с Чудом Георгия о Змие – и загнал шприц с рибавирином в вену, как Георгий копье в змеиную пасть. Отделил, значит, добро от зла, оказалось только, что ткань, добро и зло связующая, это была сама жизнь. Теперь, с таким уровнем нейтрофилов и тромбоцитов, каждый чих и каждая травма могли обернуться белыми тапочками.

В ту роковую зиму несчастья приходили одновременно, будто сговорившись. Фирма, где Ян разрабатывал системы безопасности, трещала по швам, а ещё молодой совсем кот заболел, два с половиной года, игривый и общительный. Котенок запрыгнул в дом месячным сиротой, уцепился за свитер, глянул гигантскими синими инопланетными глазами – и остался жить. Пока не растерял повадки боевого детства, он кусался и царапался до крови, не шёл на руки, шерсть не вылизывал, но со временем стал всем котам кот.

Выходя на лужок, он первым делом нюхал голубой колокольчик. Приходила соседская кошка, томно потягивалась, красовалась, а он дичился, наблюдал за ней из укрытия. Пошла вольная жизнь – гулять дни и ночи напропалую, гоняться по ветвям за белками, биться с жирными соседскими котами – возвращался весь израненный. Последнее время так привязался к Яну, что выбегал с ним на прогулку. Как другие выгуливают собаку, Ян гулял с котом, не отходившим ни на шаг.

Этой зимой кот всё время спал, а потом у него сильно распух живот, словно переполнен был какой-то жидкостью.

Ян принес его в лечебницу. На столе у ветеринара в глаза бросилась скляночка с окровавленными котовыми яичками. «FIP, инфекционный перитонит на неизлечимой стадии, – сказал доктор. – Надо усыплять, чтоб не мучился». Ян не хотел усыплять. В интернете он нашел гомеопата, который брался вылечить FIP при помощи аутонозодной очистки. Система процедур была странная и сложная. Сначала взять полграмма кала больного, развести в ста миллилитрах кипяченной водопроводной воды и размешать стеклянной палочкой пятьдесят раз по часовой и пятьдесят раз против часовой стрелки. Каплю жидкости прыскать при помощи шприца коту в рот. Затем брать ещё одну каплю, разбавлять её с каждым разом более и более и размешивать на пятьдесят кругов по часовой и против сильнее и сильнее. За пятидневным циклом – неделя отдыха. Потом то же следовало делать с мочой и, наконец, с кровью. Лечится ли подобное подобным, Ян так и не узнал, скорее, бесконечно малая единица болезни соотносилась с самой болезнью так же, как оскорбительные для разума манипуляции со страхом за жизнь любимого существа.

Через день после визита к ветеринару ночью в щель под дверью заполз страх снега, не холода, от которого можно замерзнуть, а именно снега – с ним в жизнь вторгалась ВЕЧНОСТЬ, это слово Снежная Королева приказала Каю сложить из льдинок. Ян крутился во сне, затягивая немыслимыми узлами влажные от пота простыни. Под утро приснился восход солнца в белом поле, и пришло странное чувство, что жизни почти не осталось, а потом неожиданно раздался стук в дверь. На крыльце растирала замерзшие руки ресепшионистка из их компании. Она протянула конверт с уведомлением об увольнении – банкротство предприятия – и, смущенно зажевав прощание, понеслась обратно, ступая в собственные следы по наметенным на ночь сугробам.

Пробежав глазами письмо, Ян побежал за кошачьим интерфероном, по пути заскочил в продуктовый за пакетом виноградного сока, сразу же открыл, выпил пару глотков – но его неожиданно стало рвать. По снегу разлилось красное пятно, похожее на пятно крови. Оба мы доходяги, подумал Ян.

Шестая ампула кошачьего интерферона оказалась последней. Всю ночь кот сидел перед входной дверью и внимательно смотрел на нее, вглядываясь в неизвестное, словно ожидая, что дверь откроется, затем приполз в спальню, лёг на кровать Яна головой к подушке и испустил дух. Везти трупик на кладбище для домашних животных совсем не

хотелось. Ян решил идти в лесок, ковырять мерзлый суглинок лопатой, долбить ломом – и, одеваясь, заметил множество мелких язвочек на лодыжках. Непривычно светлая, алая кровь просачивалась сквозь кожу и дрожала мельчайшими бусинками. Стер бусинки, натянул джинсы. Вышел засветло с обувной коробкой подмышкой.

В лесу дышалось легко, снежные подушки на еловых лапах, как скопления осязаемого забытья. Здесь коту, другу милому, будет спокойно.

Как ни старался уберечься, а всё-таки простыл. Температура поднималась и снова падала, будто волна колотились о ржавый борт дебаркадера. Вышел на кухню, отрезал хлеб, и – надо же – коркой поцарапал десну. С отвращением выплюнул пропитанный кровью мякиш. Как и предупреждал доктор, кровь не остановилась, подтекала всю ночь сквозь вату. Пластырем десну не заклеишь! Когда тромбоцитов так мало, даже обычная хлебная корка может оказаться смертельно опасной.

Утром собрался в районную больницу, вызвонил такси, но машина пропала по пути. Поехал на электричке в Эберсберг, примерзший к склону Альп городок с бывшим монастырём и старинным замком. Сырой, полутёмный барочный собор, постоянно в лесах, как будто хронический больной, молящий Мадонну помянуть его ныне и на смертном ложе. Скорую Яну, теперь безработному, вызывать было не с руки: если болезнь признают неопасной, вызов придется оплачивать самому, а это может стоить больше тысячи евро. Придётся потрястись в электричке, где из пассажиров только гулкие сквозняки, а потом полчаса заплетающимися ногами от остановки до опрятной, будто бы собранной из детского конструктора «Лего» клиники. Госпитализировать Яна не спешили, продержали несколько часов в приемном покое. Почему никто не написал стихов-проклятий про этот мир, желчно думал Ян. И всё же, после того как пожилая сестра нацедила из вены полдюжины пробирок крови, – положили в одиночную палату, под капельницу с антибиотиком, чтобы погасить горячку. Нейтрофилов – пять процентов от нормы, тромбоцитов ещё меньше. Температуру сбили, но ни нейтрофилы, ни тромбоциты восстанавливаться не спешили, гемоглобин упал до тридцати трёх единиц.

Слова «апластическая анемия» впервые прозвучали во время утреннего обхода. Недостаточность, или отсутствие костного мозга. Лёгкая форма апластической анемии может пройти сама, но чтобы прошла тяжёлая – это маловероятно. Медицинский справочник лаконичен: «Средняя продолжительность жизни больных тяжелой апластической анемией составляет 3-5 месяцев, и только каждый пятый живёт больше одного года. Сверхтяжелые случаи аплазии имеют ещё более худший прогноз». Там же указаны две возможности лечения: пересадка костного мозга и имуносупрессивная терапия. Если решиться на пересадку костного мозга, нужно искать донора, а где его взять, если даже с родной сестрой совместимость не полная? И даже если найти, то из пяти мужчин возраста Яна после пересадки костного мозга выживет один. После имуносупрессивной терапии, объясняет доктор, шанс больше в три раза, правда, жизнь долгой не будет: отключается механизм, ответственный за остановку бесконтрольного роста клеток, механизм этот защищает от рака, но ведь Яну нужно, чтобы клетки росли. Вырасти-то вырастут – но лейкемия! Поговорка прямо про лечение чумы холерой. А пока – переливания крови, красные пластиковые мешочки с консервами эритроцитов, белёсые – с тромбоцитами. Пластиковая пуповина – трубка капельницы, из таких в детстве мастерили рыбок и чёртиков, прокрашивая их изнутри йодом или зелёнкой, – соединяет с кровяными консервами, чьей-то чужой полуживой кровью, которая на время станет твоей, твоей жизнью; поэтому и ты становишься не вполне собой, не вполне человеком, человекоконсервом, перетекаешь в мир кентавров, химер, сфинксов, да и вампиров, кстати. А вот лейкоциты, нейтрофилы никак не перелить, иммунная система или своя, или её нет. Вот и нет её. Реакция на каждого возможного переносчика заразы – волна ужаса.

Через неделю во время утреннего обхода молодой специалист неопределенного профиля, похожий не то на вратаря популярного местного клуба, не то на полицейского из фильма про спасение мироздания, в последнюю секунду говорит, что в клинику поступил коммерческий пациент: богатая бабушка оплачивает услуги больницы сама, а не по

страховке, так что придется перебраться в общую палату или в мюнхенскую горбольницу, там как раз есть отделение онкологии-гематологии.

Ян, не раздумывая, принял предложение о переводе в Мюнхен. За два часа оформили бумаги и вызвали карету «скорой помощи». По дороге Ян разговорился с санитарами, юной крепкой женщиной с волосами цвета спелой пшеницы и парнем, похожего на неё, но помладше. Работа очень трудная, сказали они, вчера вот пришлось нести тяжёлое тело по узкой крутой лестнице с пятого этажа. Рабочий день не нормирован, вызовы и по ночам бывают, каждый день – боль, крик, страх, страдание. Маленькая зарплата. Но – работают. Потому что спасают людей. Не в переносном смысле, а просто и непосредственно.

Жёлтые павильоны мюнхенских городских клиник раскинулись между парком на левом берегу Изара, испещрённом тропинками, которые по ночам играют в веревочку, свиваются, путаются до состояния спагетти в тарелке, и парком Луитпольдхайн с крутыми холмами. Холмы эти искусственного происхождения, под ними руины домов, разбомбленных в сорок пятом. Клиники, до сих пор по-щегольски современные, добротные, свидетельствуют о временах, когда всё было настоящим.

Яна положили в просторную палату со сводчатым потолком. Окна выходили на юг, как и во всех остальных палатах. Ян смотрел на старые деревья, завидуя силе, вытягивавшей их, заклиная свои кроветворные клетки расти. Костный мозг как деревья, малое как великое, изнутри как снаружи – твердил он на вдохе и на выдохе. Но деревья не могли пробудиться от гнетущего сна, серые полосы на белом листе, части иероглифа, значения которого не разгадать. Страшный мир снежинок, белых кристаллических паучков, высасывающих тёплую кровь, прорывался в палату через кашель соседа. Господин Люгенбольд – пятидесятилетний владелец небольшого автопарка из деревни по ту сторону автобана. В тех местах выращивают несъедобную картошку, вся она идет на шнапс. Господин Люгенбольд то и дело по четверти часа заливается кашлем, наружу лезет мокрота и густая белая пена. Судя по акценту, то ли он из Трансильвании, то ли подунайский шваб. Любит поговорить про правильно-неправильно. «Тебе, Ян, нужно родить детей, иначе кто будет выплачивать нам пенсии». Какая, к чертям, пенсия, если тебе помирать!

В ватно-марлевой повязке не заснешь, а снять в прибое непрерывного кашля – задохнёшься не от повязки, так от страха. Забравшийся с головой под одеяло складывает оригами из обрывков сна. Иглистые шары – репейник микромира, полупрозрачные колбочки, извивающиеся мельчайшие змейки таятся на листьях салата, на кожуре яблок, в рыбе, яйцах, мясе, некипяченом молоке, сыре с плесенью и без. Съедобное сжалось до вареного, жареного да пареного, обязательно мягкого. Кровь уходит через малейшее повреждение десны как речная вода по правому рукаву, тогда кожа становится прозрачнее, а губы – бледнее.

Пункцию костного мозга из задних гребней подвздошной кости взяли на пятый день под местной анестезией. Оглушенная кость превратилась в неорганику, в горную породу; это уже не кость, это толща магматической формации, которую бурят в поисках рудоносных жил. Откуда там костный мозг? Нашли костную ткань, жиры, клетки стромы – не было только кроветворных клеток. Сверхтяжелый случай аплазии, смертельный диагноз.

Это как если сорвать стоп-кран в поезде дальнего следования – пассажиры и чемоданы падают вперемешку со своих полок, – сорвать стоп-кран и сойти посреди сумеречной степи. Не хочется проваляться последние недели жизни на казенной койке. Ян собрал вещи и зашёл попрощаться в ординаторскую. Дежурная сестра пыталась запретить ему уходить, но Ян был непреклонен, у нас демократическое государство, и вы не имеете права удерживать гражданина вопреки его воле. Только подпись на больничном бланке: «Беру ответственность за собственную жизнь на себя». Важнейшая подпись в жизни.

Дышалось снаружи хорошо, Яна поприветствовали отбившиеся от стаи снежинки и сырые городские огни. Задыхаясь на каждом двадцатом шаге, с марлевой повязкой на лице, полупрозрачный от обескровленности, он улыбался. Это не ваша жизнь, не хозяйничайте! Вам я уже доверял, уже жил для вас. Она моя, и я буду по-своему жить. Жив – приеду, обнимусь с подругой, поставлю Боуи или T-Rex, а помирать стану – пойду помирать в лес.

Полночь на скорую руку подшивала вчерашний день к завтрашнему. Электричка приметывала стежками внакидку застиранные пригороды со словно нарисованными домиками. Дом Яна то ли рос из болота, то ли тонул в нем. Да и дом ли, не грибница ли плесени в форме дома? За пять десятилетий строительный раствор так и не просох. Кусты прорастали сквозь влажный вымывающийся бетон, по весне из стены вовнутрь тянулись зелёные ветки. Хозяйка дома, художница, восьмидесятилетняя гречанка Халица, была родом из Александрии. Детство её пришлась на времена цветения и увядания многоязычного города, сороковые-пятидесятые, излёт эпохи египетского королевства. Каково инфанте в двенадцатикомнатном лабиринте на улице Шериф-Паша среди друзей и подруг отца: богачей, поэтов, колдунов, нимф, красавице, похожей на лепесток шафрана в шербете, потерять в раз все! «Свободные офицеры» захватили власть в пятьдесят втором и изгнали греков. Как Халица оказалась под Мюнхеном, Ян не знал, её холсты, где зеленым по зеленому были изображены руины, тоже не выдавали секрета. Яну запомнился один: выветривающийся ангел из песчаника.

Тяжёлые портьеры цвета мирта скрывают от соседского глаза покой вещиц с запутанным прошлым, сокровища барахолок, строчки непрочтённых книг, неестественные позы печальных католических святых, невидимые пруды тоски и черной желчи, поросшие, как водорослями, реальной, настоящей плесенью. Вещи то увеличиваются, то уменьшаются в такт учащенному неровному пульсу в висках, кружась в танце с головной болью. Порой кажется, что предметы сделаны из плотного страха, и если перестать бояться, то они растают.

Это кладбище того, чему не бывать, – его дом. Ян мог валяться сутками на матрасе и наблюдать за трудами паука, слушать рок шестидесятых или Баха, гулять с Алисой среди серых сугробов, от этих нехитрых занятий на душе становилось так легко, как лёгок полёт одуванчикового пуха. Есть ли надежда? Кощеевой иглой Ян вколол пару месяцев назад смертоносное снадобье, и теперь надо было эту кощееву иглу добыть и сломать.

Инструкция по применению рибовирина предписывала пользоваться эффективными контрацептивными средствами во время лечения и в течение семи месяцев после его окончания. Следовательно, за семь месяцев после окончания приёма препарат выводится окончательно? И костный мозг может начать восстанавливаться? Это шанс! Слышите, шанс! Только дожить до цветения яблони, потом появятся розы, а где розы, там и кровь, поётся в песнях.

«Никто тебя не проклинал, – в трубке звенит голос водуна, принца Дагомеи. – Но предки тобой недовольны». Когда все посыпалось: умер кот, обанкротилась фирма, и эта болезнь – Ян прислал ему свою фотографию. «Выживешь ли? Выживешь! – засмеялся водун. – В Храме Света в Бенине принесём жертву твоим предкам: козла, пару петухов. Тогда предки скажут, что делать». Ян отказался, со своими предками он сам разберётся. К тому же подписал бумагу, что берёт ответственность за свою жизнь на себя.

«Я» – это кожа. Индивидуальное, то, что отделяет «еще-не-я» внутри, мясо, требуху от «уже-не-я» снаружи.

Из полупрозрачного тела Яна выступали острова, архипелаги гематом: сначала сизые, потом расцветали красным, желтым, зеленым, розоватым и медленно, очень медленно погружались в белёсый студень. Внутренние кровоизлияния останавливались так же неохотно, как и внешние. А когда уровень гемоглобина падал и не возвращался, Ян сквозь сумрак обескровленного мозга разглядывал в окно инвалида у фонтанчика из аспидного сланца. Ян завидовал инвалиду: он живой и будет жить дальше. Яну оставалось лишь цепляться за то, что он видит, чувствует, как за якорь, в мире живых.

Раз в несколько дней Ян ездил на переливания. Чем реже переливать кровь, тем лучше, так думал он. После каждой трансфузии Ян становился чужим самому себе, циркулирующая в нём жизнь превращалась в чужую, враждебную. Каждая клетка тела была отвратительна и выла, орала, как больной зверь. С каждым разом организм научался успешнее отторгать чужеродные кровяные тельца, росло количество антител, перелитая кровь быстрее разрушалась, переливать приходилось все чаще. Отношение объёма

требуемой крови к промежутку между переливаниями Ян представлял как равнобочную гиперболу. Если расчёты верны, то продержаться можно месяца три, потом линия гиперболы взлетит вертикально.

Память подобна улью, приторной матрице с шестигранными ячейками, полнящейся прошлогодним солнцем. Несколько месяцев назад, в бесконечный ноябрьский вечер Ян и Алиса прогуливались по рождественскому рынку, и коренастый розовощекий пасечник, продававший восковые свечи, подарил им банку липового меда из соседней рощи. Хотел ли он этим жестом привлечь покупателей, или просто шевельнулась душа простеца из деревни, где поля охраняют не пугала, а круцификсы? Неважно. Именно ради таких подарков, чтобы дарить, получать их, и хотелось выжить. Ещё хотелось дожить до яблоневого цвета – но весна не наступала и не наступала. Доживёшь до цветения яблонь, шептала Алиса, обняв его, и свежие яблоки в сентябре попробуешь, много раз ещё!

Эллинский гоплит – февраль – мечет копье по прямой, идёт к месту, где оно вонзилось в мокрую землю, в замёрзшую грязь подо льдом, снова мечет копье, снова проходит отрезок серой бесконечности и так далее, никогда не доходя до горизонта, никогда не возвращаясь. Лес начинался сразу за домом, но теперь, пропитав стены, вошёл вовнутрь, и дом вдохнул полными легкими запах талого снега и опилок. Или это Ян пропускает запах через всё тело? Талый снег пахнет детством, и, как младенцы на прогулке держатся за веревку с кольцами, так и за этим запахом гуськом из мира первых воспоминаний, грунтовых вод, питающих душу, в мир настоящего топают цветки мать-и-мачехи. Там горизонт – зеркальная амальгама, грязные проталины – отражение просветов в облачном фронте, а мать-и-мачеха, первое удивление в жизни Яна, – отражение северного, вполнакала, солнца. Оттуда бегут чёрные холодные ручьи с бензиновыми разводами, набирая силу. Столько же и ещё два раза постольку проживёт – и научится строить бумажные корабли. Ян опускается на колени и целует жёлтый пушистый цветок.

Отец прислал открытку с рисунком Кандинского: продолговатое синее пятно с желтым полуободом, поперёк россыпь рангоутных деревьев, прямые паруса собраны, латинский парус на грот-мачте раздувается ветром, чёрные тревожные кляксы и лодка улыбкой. Глупо было бы умереть, так и не походив под парусом, не вырастив из бумажного корабля настоящую бригантину.

К десяти на переливание. Электричка несётся по ленте мебиуса в бесконечных серых сумерках. Шлепок, ватно-марлевая повязка крепится резинкой на ушах. Схорониться от чужого кашля, как солдату от стрельбы и бомбежки! Иногда закашливается один пассажир, кашель переходит ко второму, пятому, и вот уже все бронхи в вагоне заходятся в лае, словно стая, настигшая добычу. Колонизация патогенами желтоватого воздуха электрички. Замедленное кружение мельчайших капель мокроты. На выходе Ян тащится через лестничный пролёт. Отдышаться бы. Встречная старуха, глядя на него, покачивает головой, понимает, каково, если сердце. За угол и зигзагом мимо корпусов. Формалиновый душок. На крыльце отделения онкологии-гематологии, как всегда, будто на страже, скелетик в тапках и трениках. Ему чуть за тридцать. Скелетик опирается на штатив с мешочками крови. Мир помят от его взгляда, коверкающего предметы, чтобы высвободить из-под них солнечный луч – солнца нет уже пару месяцев. На вытянутом лысом черепе шерстяная шапочка. Он курит, значит – существует. Мокрый снег на вдохе, мокрый снег на выдохе.

После процедур – в февральские сумерки. По тоннелям переходов под Мариенплатц в мареве энергосберегающих ламп убегают, как буквы черновика, тысячи лиц. Тысячи ртов на все лады произносят что-то, пузырьками всплывающее к поверхности. Никто никого никогда не расслышит. Пьяный подросток со смазанным лицом замечает ватно-марлевую повязку, тычет указательным пальцем, орёт: «У него СПИД»! Был бы СПИД – помер бы. Не гнев, не ярость, а сам прозрачный поток жизни, как в замедленной съемке, разворачивает верхнюю часть тела Яна, подымает левую ногу над полом, вверх колено – до уровня пояса, раскручивает опорную правую, распрямляет ударную ногу на уровне лица незадачливого обидчика. Все тело – сплошная мышца. Стоп! Ян сам не знает, как это произошло, откуда силы, он падает в открытую дверь подошедшего поезда и зажмуривается.

Хрустнули все кости. На секунду возникло призрачное чувство, будто бы костный мозг заработал. Кровавый прилив в висках. Пульс за сто. В раковине черепа шумит красный океан. Каждый удар отдаётся глухой болью. Кто там стучит, не переставая, ломится вовнутрь? Грудь сдавлена, голова плывёт от ядовитых испарений, курящихся над трясиной страха. Миллионы литров ужаса под рыхлой неверной коркой из продуктов полураспада непрожитого. Страшно отключиться. Пока душа скитается в дурманящих лабиринтах лимба, бедное сердце решит отдохнуть и успокоится навеки. Оно уже неделями носится на американских горках, ритм извивается, как разрезанный червяк. В такие ночи спать нельзя, лучше измерить шагами зенитные углы сумерек, побеседовать с собственным страхом, заглянуть гадине в глаза. Вот они. Это страх тканей, клеток, умных вихрей ДНК, язык иммунной системы, голос самой плоти. Он переползает из костного мозга в головной, по частям, с каждым ударом сердца, прокладывает себе пути, ветвящиеся тёмные тоннели.

Ян одет во все красное, как священник в пасхальную ночь, – так тело, окружённое багряным, впитывает цвет, рождая красное из красного в красном. Сегодня он выбрал рубаху под шестидесятые, в малиновый цветок на багровом поле. Кружевные рюши на груди. Покупая, не чуял за ближайшим поворотом роковой болезни. Обидно умереть, не поносив обновы.

Здравствуй, отсутствие человека! На крыльце отделения нет паренька в шерстяной шапочке, курившего здесь каждый день. Почему они ни разу не заговорили? Почему так и не познакомились? А ведь могли сдружиться, и именно Ян мог быть лучом, которого парень искал. Жив ли? Все живы! Все наши невстречи – встреча. Ян пожал невидимую руку и прошёл в амбулаторию.

Он занял место в кресле для трансфузии, рыжая веснушчатая сестра нашла вену и, не с первого раза, оставив синяк с пятицентовую монету, вогнала иглу. В кресле напротив у господина Люгенбольда мешочек с кровяным препаратом был почти пуст, ещё немного – и к нему в вену потечёт пустота. Ян кивнул – общаться не хотелось – и уставился в окно. Краем глаза он видел, как господину Люгенбольду сняли капельницу, тот поднялся, сделал неверный шаг в сторону и стал грузно оседать на пол. Лицо с тёмными прожилками задрожало, будто оно было посторонним предметом, маской из высохшей дряблой кожи. Рот сам задвигался, пытаясь поведать напоследок нечто важное, но в этот момент господин Люгенбольд стал разваливаться на буквы так и не произнесённого текста.

Мартовские недели были подобны растущим ветвям: день – зелёная почка, следующий день – побег. Время распрямлялось по золотому сечению, вверх, в стороны, пускало отростки, распространялось по пифагоровой спирали, делилось, шумело под дождями, тянулось навстречу лучам. Гипербола не взлетала. Снег начал сходить, и почва сулила счастье: скоро Ян ляжет на тёплую летнюю землю, в лопухи под звёздами. За что ему даровали жизнь высшие силы? За просто так, незаслуженно, таков узор на песке от одной из волн никогда не останавливающегося океана.

Нестрогий католический пост был на исходе, наступала Страстная Пятница. Из кропильниц при входе вычерпывали святую воду и вытирали их насухо. Святые поблескивали сусальным золотом. Короли с мантией из толстого слоя пыли с укором и сожалением смотрели на туристов, выглядящих даже как-то богомольно в этом тусклом свете. Алтари и лики святых задрапированы черным. Собор готов к вечернему исполнению баховских «Страстей по Матфею». Зацветала яблоня.

Анна КОРЖАВИНА

ЯБЛОНЯ ИЗ СТРОКИ

Стихотворения

* * *

Вот бы проснуться кошкой!
Он переноску купит,
И никаких прощаний!
Лягу ему на грудь.
Спать на одной подушке,
Греть ему одеяло,
Будет на всех рубашках
Рыжая моя шерсть.

* * *

Руки и солнце – вот всё, что случилось.
Нет никаких перемен и не будет.
В память, как в яму, мы провалились,
Яблоки сгнили на блюде.
Голос дороги наполнен светом.
Ты возвращаешься в дом. Как призрак,
Бродишь по комнатам. Где же это
Счастье, прошедшее слишком близко?

* * *

Я дважды еду по мосту,
И дважды гаснут фонари,
И дважды волосы цветут
Костром изменчивой зари.
Всё дважды в городе моём:
Молчащий мост и мёртвый лёд.
Всё тот же вечер с каждым днём
Всё легче тень мою несёт.
И дважды сердце ищет фраз –
Незаурядных, но пустых.
А я живу всего лишь раз,
Всего лишь раз среди живых.

* * *

Руки не разжимаются.
Плакать от нежности хочется.
Здесь и сейчас кончается
Повесть об одиночестве.
Всё я судьбе простила,
Видя лицо средь безликих,
Как же нам сил хватило
Дочитать эту книгу?

* * *

Перед песней и перед счастьем
Задыхаюсь, как после бега.
Надевая новое платье,
Ощущаю себя раздетой.
Под ногами внезапно пропасть,
Нечто худшее, чем разлука.
Если вдруг забредёшь в мою осень,
Дай мне руку.

* * *

Дом – это место, которого нет.
Ты словом «было» дыру не заткнёшь.
Думала, правда, идёшь на свет,
Думала, что дойдешь...
Зеркало памяти снова лжёт:
Не было так никогда и нигде,
Как на вчерашней земле, в воде.
Лучше бы кончился этот год!

* * *

Наши яблоки не горчат.
Видишь, сгнили давно они?
Я тебе обещала ад,
А приходят райские дни.
Но ведь змей в раю не молчит.
Солнце замерло у черты.
Кто теперь тебя защитит
От собственной темноты.

* * *

Не вдыхай свободу – задохнёшься
И захочешь в клетку упасть обратно.
Будущее спит, а ты трясёшься,
Видя впереди слепые пятна.
Город пахнет серой, масло разлито,
По дороге к дому всегда травма…
Будут те же птицы и те же рыбы,
Прорастает «надо» через «могли бы»,
Прорастает «завтра» через «прощай».

* * *

Тебе будет сорок. Ты станешь солнцем.
Буду щуриться на твой профиль.
Перестанет постель колоться,
Ты вернёшься ко мне с Голгофы.
Было время – летели проклятья в спину,
Каждый вздох давался с трудом...
И расскажешь детям ты про руины,
На которых стоит наш дом.

* * *

Время падает, как топор.
Время рубит. Не станешь целым.
Сложит яблоки в вечный узор.
Пусть лежит гнилое на спелом.
И когда осень кончит гореть,
И погаснет над садом солнце,
То, что выше, чем жизнь и смерть,
В зимнем воздухе отзовётся.

* * *

Вот и сон обретает плоть,
И лицо моё заново лепит.
Он – такой, что смотрит Господь.
Выжигает любую злость,
Мёд, корица и детский лепет.
Разве мне его перемолоть?
Это он меня перемелет.

Яблоня из строки

Верю: однажды вырастет
Яблоня из строки
Лет так через четыреста
В месте, где ты погиб.
Из облаков кораблики
Вьюга слепила. В путь!
Помнишь, мы ели яблоки?
Это не зачеркнуть.

Игорь ХОХЛОВ

ВСЁ ТАК НЕПРОСТО

Стихотворения

* * *

Знаешь просто, что всё так непросто –
будь уверенным или робей...
И неправильный польский подросток
подмигнёт, усмехнувшись, тебе.

Здесь ведь многое, правда, неважно –
Лагутенко был полностью прав.
В этом мире, кроваво-мультяшном,
дефицит ощутимый добра.

Время пресно, как блюдо без соли,
но при этом опасно – капкан!
То сжимает оно, то мусолит,
то с размаху даёт по губам.

В данной плоскости правила строги –
понимаешь не хуже меня,
и чревато нам долго быть в грогге:
ведь чуть что – будут нас обвинять.

Подниматься! Тут вспомнишь барона –
да, Мюнхгаузена: что ж, встаём,
держим словом мы здесь оборону –
за избитость прости – день за днём.

* * *

И ни штыком, и ни прикладом
меня добьют – в другой войне,
в которой будут те, кто рядом.
Больнее так вдвойне, втройне.

Накладываю швы, заплаты –
так и живу который год,
и кажется всем тем, кто рядом,
что – «ничего, переживёт».

Наверное, быть лучше – гадом,
сместить всех правил полюса,
чтоб спохватились те, кто рядом,
чтоб сразу принялись спасать.

Догадки это лишь. Набатом:
«Больнее так вдвойне, втройне».
Надеюсь я, что те, кто рядом,
хотя бы крест поставят мне.

* * *

Винил настолько входит в моду,
что скоро выйдет из неё.
Как я живу? Проходят годы,
но сам себя не узнаешь.

Поставить бы пластинку, что ли,
через щелчки и через треск
услышать бы себя – без боли,
без жалобы, что жить – в обрез.

Послушать, после – удивиться,
что это вправду голос мой,
не оцифрован, как страница
бумажной книги дорогой.

И сам пока не оцифрован,
и не переведён в формат,
своим пульсирующим словом –
и только им – ещё богат.

* * *

Птичка-умничка пела,
а сейчас не поёт.
Недостойно, несмело
завершается год.

На каком подзаряде
я просуществовал,
время даром потратил
на дурной карнавал?

Бунтовать бы да биться,
сам покуда живой
и чего-то добиться,
только вот для чего?

Ничего, понемногу
возвращаться к себе
нужно, снова дорогу
выбирать, не робеть.

...На год план, если вкратце:
умирать – не пройдёт,
нужно птичку дождаться
с новой песней её.

Александр ПЕТРОВ

БОРЬБА С СИСТЕМОЙ И ДРУГИЕ МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

Повесть

Правило борца с системой №19*:*

прежде чем бороться с системой, не забудьте оплатить коммунальные счета. Как бороться с системой без воды, газа, света и Интернета?

А началось всё это вот как. Я прогуливался по набережной имени Наябова, откуда собирался свернуть на улицу имени Наябова, перейти по проспекту Наябова и немного посидеть в закусочной «У Чаши», где готовили прекрасное пюре, но меня внезапно кто-то хлопнул по плечу. В нашем 8491 году если тебя кто-то трогает по плечу, то это явно чекисты из СУКи. Прежде чем объяснить, как человечество с его пороками и потребностями так долго протянуло, стоит указать, что СУК – это Специальная Унитарная Команда. Это бравые молодцы в чёрных униформах, которые следят за тем, чтобы на улицах был порядок, не было никаких мечтателей, художников, музыкантов, писателей и прочих людей гуманитарного склада ума и тонкой душевной организации. Оно ведь вредит режиму!

На самом деле, сейчас была где-то середина XXI века. Дело в том, что во время одного из новогодних поздравлений наш правитель – Марат Наябов – выступил по телевизору изрядно выпимши и чего-то там напутал в числах. В общем, никто толком и не смог разобрать с каким годом он нас поздравляет, но всем показалось, что он поздравил нас с наступившим 8491 годом, пожелал счастья, здоровья и светлого будущего. На следующий день возникла крупная проблема: на всех компьютерах и телефонах календари были до 2099 года, поэтому пришлось потратить много денег на создание новых систем, таких как «Окна 8491» для компьютеров, в которых календарь начинался с 8490 года. Просто преданные своему вождю лидеры решили – если вождь сказал, что следующий год будет 8491, то так оно и будет! Разочарованные люди толпами снимали со стен календари и спешили покупать новые, так как мы теперь жили по новому летоисчислению. Партия радостно заявила, что мы теперь не только стали ближе к светлому будущему, мы его догнали, обогнали и ушли далеко вперёд, в общем, давно в нём живём. Все в очередной раз поразились мудрости и дальновидности нашего вождя.

Ну, так вот, я в ледяном поту повернулся, и хотел было сказать, что ни в коем случае не замечтался, а просто голоден и гуляю по вечерам не ради вдохновения, нет, вы не подумайте, а просто для сердца полезно, но… нет. Передо мной стоял небритый человек с короткой стрижкой, который пристально смотрел на меня.

– Вы!

– Нет, не я.

В нашем мире надо отрицать всё до последнего. Если спрашивают, знаете ли вы, как пройти до улицы Наябова, отвечайте, что не знаете. Если вас спрашивают, знаете ли вы, сколько сейчас времени, отвечайте, что не знаете. Незнающий всегда безопасен, потому что он дурак и ничего не знает. По крайней мере, так рассуждали наши органы безопасности, а я хорошо изучил их психологию. Нельзя было доверять даже случайным прохожим, ведь помимо СУК существовали ещё и Скрытые Военизированные Опергруппы Легитимно Очищающие Человечество. СВОЛОЧи, в общем. Они работали под глубокой конспирацией, всегда были одеты в гражданское и всегда были где-то среди нас. Сложно сказать, кто страшнее, СУКи или СВОЛОЧи, ведь и те, и те, если принимали тебя за социально опасный элемент, отправляли прямиком в Здание органов госбезопасности на площади имени Наябова, откуда, как известно, никто возвращался. В общем, СУКи были простой полицией, СВОЛОЧи же были полицией тайной.

– Нет, вы, – вдруг шепнул человек, – вы писатель! Я долго вас искал.

И тут у меня сердце ушло в пятки. Я был раскрыт. Они вычислили меня. Я тут же представил мрачные подвалы, я тут же представил себе ПИЗ… в общем Правительственное Исправительное Заведение Для Уголовников. Уже давно никто не делил преступников на уголовных и политических. Все преступления считались уголовными, потому что мысль о преступлении рождалась у головы человека, а не у его желудка или его левой пятки. Так гласила 58 статья из «свода законов Наябова».

– Вы ошибаетесь! Какой же я писатель! Я работаю землемером!

– Врёте.

– Ладно, полгода пытаюсь устроиться работать землемером.

Это было чистой правдой. Я окончил Аграрный университет имени Двестилыпина, получил жёлтый диплом, согласно которому я был квалифицированным землемером. Просто в последнее время сложно было найти работу по моей специальности. Меня уже полгода посылают из одной конторы в другую, просто какой-то ад тоталитарной бюрократии. Вот и приходится жить случайными заработками. Но проблема была в том, что я и правда был писателем. Но писал я уже много лет исключительно у себя в голове и помнил все произведения и стихи наизусть, никогда не переносил их на бумагу. Как этот человек догадался, я понятия не имею.

– Не бойтесь. Я не из СУК. И не состою в СВОЛОЧах. Я революционер!

Он сказал это с такой гордостью и напыщенностью, что я даже ненадолго поверил. Все-таки в нашем мире надо быть сумасшедшим, чтобы говорить такое вслух. За это тебя отправят в пиз… ну, вы поняли куда, и не важно, работаешь ты в органах внутренних дел или простой рабочий. Отправят и всё тут. А может он сумасшедший? Мне стало страшно. Я гулял, никого не трогал, надеялся поесть на последние деньги и завтра продолжить вновь тщетные поиски работы, а тут столько проблем разом свалилось на меня. Почему он решил, что я писатель? А если он правда революционер, то зачем он заговорил со мной? Ведь теперь даже за то, что я ответил ему, да даже за то, что мы встретились с ним взглядом, меня могли отправить в то самое место. А я не желаю бунтоваться. Я не бунтовщик, никакой революции я не хочу делать, потому что хотеть невозможного это издеваться над самим собою, подобные мечты что-то вроде вечно разбитого сердца и страданий по красавице, которая на тебя никогда не посмотрит.

– Извините, мне надо идти.

– Подождите. Нам действительно нужен писатель!

– Кому «нам»? И с чего вы взяли, что я писатель?

– Революционерам, – он теперь чуть ли не говорил нормальным тоном, и я начал испуганно оглядываться, нет ли кого поблизости, – а нужны вы нам для того, чтобы преобразить этот мир! Ведь вы этим и занимались раньше! Брали реальность и меняли её до неузнаваемости! Вы, возможно, последний писатель. И вы можете спасти человечество от этой тоталитарной диктатуры Наябова! Разом покончить со всеми этими СУКами и СВОЛОЧами! Никого больше никогда не отправят в пи…

– Я понял, понял, не продолжайте. Но я так и не услышал ответа на вопрос, с чего вы взяли, что я писатель?

– Вы единственный, кто гуляет медленно и останавливается на несколько секунд, бросая быстрый взгляд на облака и закат. Это признак мечтателей и писателей.

– Простите, но ваши умозаключения высосаны из пальца, мне пора…

– Послушайте, – он схватил меня за плечо, – это ваш последний шанс. После этого нет пути назад. Вы можете уйти – история заканчивается, вы завтра просыпаетесь в своей кровати и верите в то, во что хотите верить. В вождя, в партию, в великое будущее. Пойдёте со мной – и когда-нибудь вы окажетесь в стране чудес, и я покажу вам, насколько она глубока.

Говорил он, как сумасшедший. Но эта его настойчивость не на шутку напугала меня. Если это и человек из СВОЛОЧей, то я уже на крючке. Я был обречён. Я кивнул головой.

– Ладно, ведите меня.

– Хорошо, – он отпустил мою руку,– вы не представляете, какое важное решение для всего человечества вы приняли. Кстати, как вас зовут?

– Николай.

– Ладно, Николай. Зовите меня Белым Кроликом. Это моя революционная кличка, она давно заменила мне имя. Следуйте за мной.

И я последовал за ним, даже не представляя, что меня ждёт впереди.

Правило диктатора №22:

Прежде чем стать диктатором, постарайтесь в молодости хотя бы немного посидеть в тюрьме. Это создаст иллюзию, будто бы вы когда-то боролись с несправедливостью.

– Вроде бы похож.

Я смотрю на фотокарточку прошлого вождя, потом на испуганно трясущегося человека, который боится даже вздохнуть лишний раз передо мной, потом опять на фотокарточку, потом опять на человека, потом смотрю на один из многих тысяч моих портретов.

– Да, вы нам подходите, товарищ Бабурин.

– Для чего? – спрашивает он трясущимся голосом. И я начинаю рассказывать ему эту длинную и неприятную историю…

Ещё несколько дней назад наш прошлый великий вождь, товарищ Трудоголиков, лежал в мавзолее имени Наябова, то есть мавзолее имени меня, и все вроде бы были довольны. Люди приходили посмотреть, он тоже вроде бы не жаловался. Потом случилось непоправимое. В мавзолее отключили воду. По каким там причинам мне неизвестно, но я приказал расстрелять весь безответственный персонал Мавзолея и заменить его на ответственных людей. Но это случилось позже. К сожалению, забальзамированный труп вождя надо было по непонятным мне причинам мыть, причёсывать и менять ему костюм. Так как воды в Мавзолее не было, эти идиоты, эти никчёмные тупые кретины, решили отнести мумию вождя в соседнее здание и помыть его там. По дороге их остановили СУКи, арестовали (конечно, они не поверили, что какие-то два кретина несут вождя в соседний дом, чтобы его помыть, они решили, что сотрудники мавзолея – это преступники, рецидивисты, обнаглевшие настолько, что убивают людей уже на самой площади имени Наябова), затем без суда и следствия расстреляли и отправили вместе с вождём в морг. В морге долго не церемонились, решили не утруждать себя процедурой опознания и зарыли всех троих в какой-то безымянной могиле на неизвестно каком кладбище. Да, глупая история.

Узнав о том, что великого вождя закопали с полнейшими идиотами, я сгоряча приказал расстрелять тех, кто расстрелял этих идиотов, и вместе с ними расстрелять сотрудника морга, а потом расстрелять расстрелявших и повторить эту процедуру ещё три раза, чтобы никто ничего не узнал. Только потом я понял, что мы теперь понятия не имеем куда, собственно, закопали вождя.

Да, вот так вот тяжело быть диктатором! Но я придумал что делать. Нам нужно было всего лишь найти человека, похожего на вождя, убить его, забальзамировать и положить в мавзолей вместо вождя. Вряд ли кто-то заметит перемену, а если заметит, то побоится сказать об этом вслух.

– В итоге, – закончил я свою историю, – мы нашли вас. Сходство практически сто процентное. Знаете, мне кажется, словно сейчас передо мной стоит сам оживший Илья Владимирович! Настолько вы на него похожи!

Я засмеялся, затем дал знак человеку у двери, и тот выстрелил в двойника.

– Чтобы через час он лежал в мавзолее.

– Будет исполнено!

В комнату зашли четыре солдата и унесли труп. Я облегченно вздохнул и сел в кресло. Как же всё это надоело! Сил моих нет терпеть всё это безобразие! А ведь это только начало дня. Длинного, скверного дня. Решив, что сегодня мне надо отдохнуть, я взял газету и

решил посмотреть, какие фильмы на этой неделе показывают в кинотеатрах. Три фильма о том, как чинить комбайнеры, два трёхчасовых фильма, показывающих, как рабочие трудятся в шахтах и семь фильмов про селекцию растений. Я отбросил газету и закурил. Ни одного фильма про меня! Ни одного. Я вызвал к себе своего заместителя Лаврова и сказал, чтобы это исправили и на следующей неделе показывали как минимум десять фильмов про меня.

– Но, товарищ Наябов, про вас пока снято только девять картин. Мы не успеем за неделю снять новый фильм.

– А какой был последний?

– Так… дайте подумать… Хм… Что там у нас… Одним из последних был «Товарищ Наябов изучает труды товарища Трудоголикова», «Товарищ Трудоголиков изучает труды товарища Наябова», «Товарищ Наябов и товарищ Трудоголиков вместе изучают труды друг друга»… а! Вот! Последний фильм про вас это «Вождь спит». Восьмичасовая эпопея про ваш сон.

– Хм… так запустите этот фильм под двумя разными названиями! «Вождь спит» и «Сон вождя». Я хочу, чтобы на следующей неделе про меня показывали десять фильмов. Люди должны видеть, что я забочусь о родине.

– Да, кстати о родине… у нас небольшие экономические проблемы.

– Какие ещё проблемы?

Лаврентьев побледнел.

– Ну, в общем, там что-то напутали. Мы должны были отправить несколько сотен новых комбайнов в Наябовград и несколько сотен тракторов в Наябовград. Так вот, там всё как всегда напутали, и теперь в Наябовграде много комбайнов, но совсем нет тракторов, а в другом Наябовграде много тракторов, но совсем нет комбайнов. Работа стоит!

– Так. Срочно исправить! И да, думаю, что Наябовград надо переименовать в Наябовск, чтобы как-то их различать.

– Но у нас остается ещё 931 Наябовградов в 16 республиках! Я давно пытался намекнуть вам, что это вызывает много проблем и надо что-то предпринять…

– Так, иди сюда.

Он подошёл к столу едва не плача.

Я взял листок и начал писать «Наябовград, Наябовск, Наябов-на-Наябове, Наябовбург…» тут моя фантазия закончилась, и я передал ему тетрадку с карандашом.

– Ты понял? Ты должен придумать ещё 931 название в этом духе. Не знаю там, Усть-Наябов, Нижний Наябов, прояви фантазию. Не зря же я выбрал тебя своим заместителем. Подашь мне список вечером. Иначе твоё место займёт твой заместитель! И он продолжит этот список. А если и он не справится, то его место займёт его заместитель. Ну, ты понял.

Он кивнул, взял тетрадку и ушёл. Я вызвал к себе министра печати и сказал, чтобы во всех газетах написали статью о мудрой и гениальной административной реформе Наябова, которая поможет нам решить большинство проблем и приблизит светлое счастливое будущее.

И вдруг я вспомнил о ней. Вскочил, побежал в бункер. Она стояла там. Я в тысячный раз попробовал запустить её. В очередной раз где-то полчаса тыкал красную кнопку запуска, дергал рычаги, проверял, не отошёл ли где провод. Бесполезно. Она не работала. В конце концов, я несколько раз гневно пнул эту бесполезную махину, махнул рукой и покинул бункер. Пришла пора править самой великой, по мнению большинства, страной в этом мире.

Правило борца с системой №53*:*

Борясь с системой, не забывайте пользоваться её благами, особенно бесплатными. Это ни в коем случае не подачка со стороны государства, как могут подумать некоторые начинающие борцы с системой, – это компенсация за моральный ущерб со стороны системы.

Белый кролик, правда, оказался революционером. Какими-то запутанными закоулками мы добрались до подвала, в котором находился их штаб.

В тёмном прокуренном помещении сидели два человека, которые были похожи на персонажей какого-то кино. Один был со шрамом, другой в очках. Они о чём-то яростно спорили.

– Я считаю, что после прихода к власти, в первую очередь мы должны переименовать страну из Наябии во что-нибудь нормальное! Вместе с диктатором надо будет уничтожить все упоминания о нём, – сказал человек в очках.

– И что ты предлагаешь? Как нам назвать страну? – ответил человек со шрамом.

– Ну не знаю… Какая-нибудь там демократическая республика.

– Ладно. Вопрос, безусловно, важен, но это дело всё-таки пятое-десятое. На повестке дня вопрос: как нам обустроить Наябию?

– Я думаю, мы должны сделать упор на свободу, равенство, братство… и животноводство!

– А почему животноводство?

Человек в очках хотел что-то ответить, но тут увидел нас, подскочил, начал радостно жать мне руку.

– Ты нашёл его, нашёл! – радостно кричал он.

Кролик представил мне двух остальных. Их клички были, как ни странно, Шрам и Доцент. Собственно, эти три человека и составляли всю революционную ячейку. Шрам стал революционером после того, как всех его родственников по отцовской и материнской линии, а также родственников его жены до девятого колена признали врагами народа и арестовали. А все из-за того что Шрам обернул селёдку газетой, в которой был напечатан портрет самого Наябова. Самое парадоксальное, что самому Шраму удалось скрыться и он, будучи в бегах, спрятался в том самом подвале, в котором Кролик начал свою революционную деятельность.

История Доцента была более прозаична. Он был некогда преподавателем в НГУ (Наябовском Государтсвенном Университете) и доктором наук по Наябографии. Доцент прекрасно разбирался в Наябоведении, Наябистике и Наябологии, вследствие чего заметил явные противоречия. Например, во всех книгах были цитаты из собрания сочинений Наябова, но самого собрания сочинений нигде не было. Доцент обошёл все библиотеки, изучил все фонды и ни в одном не нашёл этого самого собрания сочинений. СВОЛОЧи не спали и заметили, что Доцент слишком глубоко копает, и в один миг его лишили рабочего места и научного звания. Обозлившись на власть, Доцент задумал устроить теракт, но в последний момент встретил Кролика, и тот уговорил его начать более организованную борьбу с тоталитарным режимом.

Деятельность этих революционеров в основном сводилась к разговорам на кухне и иногда, для разнообразия, разговорам в подвале. Никакой программы и никакого плана действий у них, как выяснилось после короткого разговора, не было. Даже в планах у них не было плана. Однако кое-что в запасе у Кролика было.

– В общем, у нас есть информация, что где-то в подземельях под площадью имени Наябова…

– Какой именно? – переспросил я.

– Самой главной! Где мавзолей!

– Ааа…

– Ну, так вот, там находится кое-какая машина, чудесное изобретение Наябовских инженеров. Она называется «Тварь-машина»! Вообще она должна была называться «Твор-машина», ну, типа машина творчества, но так как всё-таки делали её люди с математическим складом ума, то букву перепутали.

– И что делает эта машина?

– Ооо! Это очень сложное изобретение! В общем, каким-то образом оно преобразует реальность, всё это как-то завязано на других измерениях и всё в этом духе. Механизм нам знать не обязательно. Но нужно условие, при котором эта машина бы заработала. Ей нужны какие-то переменные, координаты, с помощью которых она преобразовывала бы мир и…

– И для этого вам нужен человек с фантазией. То бишь я?

– Да, да, да! – радостно закричал доцент.

– А у вас что? Вы же революционеры, то есть коли вы именуете себя революционерами, то у вас должна быть какая-то программа, там, я не знаю, представление об устройстве государства, которое вы хотите построить и всё в этом духе.

– Это дело для политиков! А мы революционеры! – сказал Шрам и похлопал по револьверу, висевшему у него за поясом.

– Ааа… И как же вы собираетесь пробраться в одно из самых охраняемых мест на планете?

– Ну, вообще-то есть один путь. Туда ведёт один из тоннелей со станции Наябова.

– Какой именно? Все станции метро – это станции Наябова.

– Ну, тут объяснить сложно, тут мы только можем тебя довести до этого места.

– И когда мы выдвигаемся?

– Сейчас, – Шрам достал из какого-то ящика ещё несколько пистолетов, – медлить нельзя. Нас в любой момент могут закрыть.

– Подождите, подождите, – попытался остановить их я, – а если я откажусь?

– Откажешься от жизни в другом, нормальном и прекрасном мире?

– Да, именно так. Вдруг я устроюсь землемером, так я хотя бы буду жив. А если приму участие в вашей афере, то 50% что нас убьют, остальные 50 что нас будут долго и страшно пытать, а потом убьют!

– Тогда… ну… нам придётся…

Кролик встал у выхода, за моей спиной стоял Шрам.

– Вы угрожаете мне?

– Ну, у нас нет выбора. Вы знаете важную революционную тайну. Теперь отсюда у вас два выхода. Живым, но вместе с нами и прямиком к «Тварь-машине», в новый дивный мир, либо мёртвым в ближайшую канаву.

В общем, ситуация, в которую я попал, была самой что ни на есть скверной. Пожав плечами, я согласился, и все радостно вздохнули.

– Однако же у меня есть некоторые вопросы.

– Да-да? – откликнулся Доцент.

– Неужели я последний творческий человек в Наябии?

– Эм… ну… кажется, да. Мы думали, что писатели из «Союза писателей Наябова» хорошо шифруются, но после синтеза аналитических парадигм философского анализа языка и текста, с применением аналитической психология в широком смысле и аналитической философии, то бишь философии обыденного языка я…

– Можно короче?

– Если короче, писателей там нет. Это всё тоталитарное искусство, диктуемое сверху. Ремесло, а не творчество. Можешь сам убедиться, – Доцент бросил на стол передо мной несколько книг. Я взял какую-то из книг наугад, открыл случайную страницу и начал читать: «Молодой рабочий Иван крепко сжал дрель. Услышав столь милые для рабочего человека звуки, он пришёл в настоящее возбуждение; когда сверло начало входить в дерево ритм дыхания Ивана поменялся, он стал дышать чаще и глубже, чувствуя настоящее удовольствие от своей работы».

– А вот творения «Союза художников Наябова», – сказал Доцент, отодвинув красную штору в углу.

На каждой картине был Наябов, причем на всех картинах он был в одной и той же позе, только пейзажи менялись. Сюжеты картин были просты и незамысловаты. «Наябов с детьми». «Наябов с рабочими». «Наябов у «Мавзолея имени Наябова». «Наябов на открытии нового завода имени Наябова». «Наябов в родном городе». «Наябов в неродном городе».

– Думаю, фильмы о Наябове вы видели?

– Да видел.

– А вот песни о Наябове, бьюсь о заклад, вы не слышали?

– Нет.

– Хорошо, сейчас услышите.

И тогда Доцент тихо включил музыку в магнитофоне.

«На широких приволжских просторах
Городов, словно на небе звёзд.
Но один нам особенно дорог,
Где Наябов родился и рос»
«У Наябовской стены тихо ели стоят,
Часовые проходят на пост.
Над Наябовской стеной, не сгорая, горят
Пять высоких рубиновых звезд.
А под теми звёздами-рубинами –
Твой гранитный, твой бессмертный дом.
И к тебе, родному и любимому,
Мы тропой заветной идём.

Наябов – наше знамя!
Наябов вечно с нами!
Для страны родной
Ты всегда живой.
Наябов – наше знамя!
Вечно с нами – Наябов!»

«Я песней сердца славлю тебя, земля, –
Моей страны счастливый простор!
Я песней сердца славлю сады, поля,
Мои леса и цепи дальних гор!

Великий Наябов глаза мне открыл, –
И смело гляжу я вперед.
Великий Наябов народ наш сплотил,
Любимый Наябов к победам ведёт!»

– Ладно, ладно, ребята, я понял, хорошо, я с вами! – остановил я Доцента, так как больше слушать это было невозможно.

Шрам кивнул, Кролик похлопал меня по плечу, Доцент улыбнулся.

– Добро пожаловать в наше маленькое, но сплоченное революционное общество.

– Ну, а название-то у вашей революционной партии есть?

– Да. Мы – Антинаябовцы! – гордо сказал Доцент.

Правило диктатора номер 39:

Не забывайте методично уничтожать тех, кто помог вам прийти к власти. Они слишком много знают, слишком много будут требовать, да и вообще…

Многим кажется, что быть диктатором сверхдержавы легко. Ан нет. Чуть-чуть сильнеё сдавишь узлы – задушишь народ; чуть-чуть ослабишь хватку и потеряешь контроль. С тех пор, как я стал диктатором, я не отдыхал ни дня. Несмотря на то, что меня день и ночь охраняет по нескольку десятков охранников, редко когда мне удается выспаться, так как на меня регулярно совершаются покушения. Большинство из них носит абсолютно идиотический характер.

Один старик разводил голубей и надрессировал их так, чтобы они прилетели прямо в мою резиденцию, предварительно их заминировав. Птицы прилетели, немного побегали у моего окошка и полетели обратно к себе в голубятню, где и благополучно взорвались. Старик не пострадал, только потом заболел острым отравлением свинцом в тяжелой форме.

Книги с отравленными страницами и курительные трубки с сибирской язвой стали обычным делом. К счастью, у меня в бункере жило около двадцати моих двойников. Состав их регулярно менялся, так как большинство из них часто умирали страшной и мучительной

смертью. Но что тут сказать… быть двойником диктатора дело нелегкое, а они сами добровольно-принудительно выбрали этот тяжкий путь.

Пока Лавров решал важные государственные вопросы, я в очередной раз пытался разобраться в том бардаке, который творился в нашем государстве. На повестке дня стоял вопрос, какой идеологии мы придерживаемся. Закрывшись в своём кабинете, я достал хорошо спрятанную книгу «Создание тоталитарного режима для чайников» и принялся читать.

«Быть диктатором сложно. Во-первых, вам нужно дурить народ. Лучший способ для этого – идеология. Не всякая идеология подходит для того, что бы облапошивать миллионы людей. Желательно выбрать такую идеологию, которая была бы противоположна другой сверхдержаве *(при условии, что ваше государство сверхдержава, смотрите стр.190, п.5).* Если вам лень придумывать что-то своё, то можете взять стандарт: коммунизм, социализм, марксизм-капитализм. Когда народ отвлекается на внешнего врага, то он абсолютно не замечает проблем своей собственной страны»

А что, неплохо! Я у власти уже несколько лет, а идеологию мы так и не выразили. Я решил особо не заморачиваться, и сделать Наябию страну коммунистической. Хитро улыбнувшись, я продолжил читать книжку:

«Если вы не обладаете даром красноречия, то вы можете использовать при публичных выступлениях речи других диктаторов, которые приведены на странице 191, в приложении номер 7».

Бегло просмотрев приложения, я выбрал несколько речей, потом вызвал к себе Лаврова и сказал, что сегодня буду говорить торжественную речь на главной площади имени Наябова, у мавзолея. Он кивнул и пошёл раздавать указания.

Через полчаса я уже стоял на площади, на которой столпились тысячи людей и ждали моих слов. Достав из кармана мятую бумажку, я начал читать текст, скомпилированный из выступлений других диктаторов.

– Я, как представитель нашего Наябовского Правительства, хотел бы сказать тост за здоровье нашего наябовского народа, – сказал я и выпил рюмку.

– Я пью, прежде всего, за здоровье наябовского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций на этой планете, – я выпил вторую рюмку.

– Я пью за здоровье наябовского народа потому, что он заслужил… – текст дальше был каким-то неразборчивым и я просто выпил рюмку. Текст стал расплываться, меня немного затошнило и я закурил сигарету.

– Я пью за здоровье наябовского народа потому, что у него имеется здравый смысл, общеполитический здравый смысл, ясный ум, стойкий характер и терпение, – четвёртая рюмка, кажется, была лишней. Теперь я с трудом мог рассмотреть не то что лица в толпе, но даже текст на бумажке.

– За здоровье наябовского народа! – мне уже было всё равно, я сделал несколько крупных глотков прямо из горла, потом опершись о трибуну, с сигаретой в зубах пытался несколько минут рассмотреть чего там написано в этой проклятой бумажке.

– Короче, бл..дь, нынешнее поколение наябовских людей будет жить при коммунизме! Наши, сука, цели ясны, задачи, сука, определены!

Я щёлкнул рукой, и мне принесли ещё одну чекушку водки. Народ оглушительно хлопал. Были ли аплодисменты посвящены моей речи, или же люди хлопали, потому что вокруг было очень много людей в чёрных шинелях, непонятно, но я к тому времени был пьян настолько, что едва стоял на ногах. Открыв новую чекушку, я продолжил свою речь, местами импровизируя.

– В общем, все свои силы мы должны бросить на борьбу с гидрой империализма. Выпьем за это! – я пью и слышу оглушительные аплодисменты.

– Мы этой мрази покажем кузькину мать!

Кто-то тронул меня за плечо. Я повернулся, но мне сложно было рассмотреть лицо этого человека. Кажется, я напился в дупель.

– Мы, бл..дь, коммунисты, в ответе за судьбы своей страны, за правильный ход какого-то там развития, не могу прочесть это слово, ну пох…й, за условия жизни народа, з…

опять это сложное слово! В общем, за воспитание людей, особенно молодежи, за безопасность родины, сука! – сказал я, а потом, отпив ещё немного из бутылки, сказал, – Только массовые расстрелы спасут Родину!

Правило борца с системой №59*:*

Настоящая революция начинается на кухне, причем критика существующего режима тем жестче, чем больше выпито крепких алкогольных напитков.

Доцент вернулся с разведки необычайно радостным.

– Наябов собрался толкать какую-то речь на главной площади имени Наябова! Улицы опустели! Это наш шанс!

– Всё, быстрее, в путь! – сказал Кролик, запихал в какой-то мешок оружие и кивком указал на дверь.

Все остальные пошли за ним. Шрам перед этим глотнул из своей фляжки чего-то крепкого. Где он умудрился достать алкоголь загадка, так как пить разрешалось только высшим партийным деятелям, а в стране вроде как был сухой закон.

– До метро идти минут десять, там спустимся, потом по тоннелю минуты три и мы попадём в лабиринты, ведущие к «Тварь-машине». Мы справимся.

Мне ничего не оставалось делать, кроме как плестись за ними. Если бы я закричал, попытался убежать, они бы догнали меня и убили. Если бы я смог добежать до отряда СУК, то нас бы арестовали и расстреляли. Их как революционеров, а меня просто так, хотя бы за то, что не сдал их сразу. Закон у нас был жёстким и избирательным.

Шли мы какими-то закоулками. На улице темнело. Издалека слышались аплодисменты, и иногда до нас доносились какие-то обрывки речи Наябова, которую он пытался произнести в явно нетрезвом состоянии. Это было обычное явление. Практически на каждом выступлении Наябов напивался в дупель, и его оттуда уносили его личные телохранители.

Обычным людям пить было запрещено, считалось, что это вредит здоровью нации. Однако народные умельцы приспособились пить всё, что содержит хоть немного спирта. Одеколоны, лосьоны для лица, стекломой, в ход шло всё. Правда, за появление в общественном месте, будучи в нетрезвом состоянии человеку грозил расстрел, но это мало кого останавливало. С тех пор, как запретили религиозные убеждения, в народе даже появилась фраза «Религия – стекломой для народа!».

Любые запреты в Наябии доходили до крайностей. Один мужик увидел, что ему перешла дорогу чёрная кошка, и решил пойти другой дорогой. Всё это заметили СВОЛОЧи, мужика арестовали за «суеверность», и через несколько часов пыток он признался, что верит в загробную жизнь. Люди в застенках Наябовки-38 вежливо предложили бедному мужику проверить, существует ли загробная жизнь на самом деле или нет. Висит подкова над дверью? Расстрел. Попросил друга, что бы он тебя обматерил перед экзаменом? Расстреляют обоих.

Расстрелы были в Наябии самым обычным делом. При этом путём простых математических вычислений, можно понять, что расстреливали в день гораздо больше людей, чем их рождалось. Более того, на расстрелы тратили столько патронов, что в случае крупномасштабной войны банально не хватило бы патронов на защиту родины. Однако Наябова это не волновало. Управление сверхдержавой для него было чем-то сродни игры.

Возле метро стояло несколько подозрительных людей, вполне возможно, что это были СВОЛОЧи. Шрам сжал в кармане свой пистолет. Но люди просто бросили на нас косые взгляды и всё. Вот мы и спустились в метро. Со стороны выглядели мы довольно странно, поэтому я сильно переживал, а вот остальные наоборот, чувствовали себя уверенно. Видимо они были людьми храбрыми и готовыми умереть за светлое будущее в любой момент. Я же не был таким, на кой чёрт мне помирать за светлое будущее, если я его не увижу? Да, может это эгоцентрично, но это правда. Многие считают, что мы – писатели – романтики и идеалисты, но на самом деле большинство из нас прожжённые циники, которые к моменту взросления разочарованы во всём, в чём только можно разочароваться. Несколько раз у меня появлялась мысль всё-таки попробовать сбежать от этих психов, но, кажется, Шрам

постоянно наблюдал за мной. Ирония судьбы! Из заложников тоталитарного абсурдного государства я стал заложником безумных революционеров, верящих в какую-то фантастичную тварь-машину. Есть ли вообще свобода на этом свете?

– Так, вот эта дверь для персонала, – Кролик указал на дверь с надписью «не влезай, убьёт!».

– А надпись тебя не смущает? – спросил я.

– Это чтобы туда случайно никто лишний не забрёл.

– Ааа, – кивнул я, делая вид, что поверил. Если бы они один за другим зашли в эту дверь и получили добрую порцию тока, то это бы заметно облегчило мою жизнь. Через месяц другой я бы может всё-таки устроился землемером, и жизнь бы моя наладилась, потом подал бы заявку в ЗАГС, где мне бы подобрали какую-нибудь жену, и всё бы у нас было хорошо.

Но нет. Подошёл последний поезд, станция опустела. Лишь один человек в углу читал газетку.

– Это СВОЛОЧ, – сказал Шрам, потом достал пистолет и выстрелил в того человека.

Кролик быстро открыл дверь, мы все забежали внутрь. Доцент принялся минировать дверь.

– Ты с ума сошёл? – закричал я.

– Успокойся. Революция требует жертв! Это был наш идеологический враг.

– Идеологический враг? А какая у тебя идеология?

– Революционная.

– Это не идеология!

– Нет, это идеология!

Выдохнув воздух, я сел на какую-то батарею.

– Успокойся, Избранный. Шрам всё сделал правильно.

– А, так я уже Избранный!

– Да. Ты наше главное оружие против контрреволюционной гидры.

– Замечательно. А чем контрреволюционная гидра отличается от гидры империализма?

– Революцию делать – это тебе не теории строить.

Доцент заминировал и заварил дверь, дополнительно закрыв её на семь замков. Теперь открыть её снаружи было сложно.

– Всё, нам пора идти.

Я встал и пошёл за группой, с каждым моментом всё больше убеждаясь в том, что я попал не в группу революционеров, а в группу сумасшедших психопатов.

Правило диктатора номер 87

Хорошенько запомните: каждый человек виновен, пока он не докажет обратного.

Проснулся я уже затемно, с похмелья, и в настолько скверном состоянии, что решил развязать маленькую победоносную войну с соседним государством, и позвонил в отдел номер шесть, чтобы там напечатали ещё несколько тысяч доносов на случайных людей.

На столе лежала толстая тетрадка от Лаврова, в которой было, как я и указывал, 931 название городов с корнем «Наябов». Я пролистал тетрадку и убедился, что работа выполнена на совесть: «Наябин, Наябинск, Наябийск, Наябаул, Наябгород, Наябовещенск, Наябовосток, Горно-Наябовск…». Я вызвал Лаврова, похвалил его и приказал, чтобы реформа была приведена в действие и немедленно.

– И, Паша, будь добр, принеси мне чего-нибудь опохмелиться.

Он кивнул, и через несколько минут у меня на столе стояла бутылка хорошего коньяка. После пары рюмок я вновь был готов управлять государством. С одной стороны это занятие очень увлекательное, с другой стороны тяжёлое и скучное.

Того расстрелять, этого посадить… и так целыми днями. Поначалу мне это нравилось, но сейчас всё это порядком надоело. А чёртова машина, будь она проклята, больше не

работает. Чтобы она заработала, нужен настоящий художник, писатель, творец, но где ж их взять, если всех их расстреляли? Те, что остались в живых, скорее ремесленники, которые пишут редкой паршивости книги и мои биографии, которые вполне годятся для промывки мозгов народу, но не несут за собой никакой художественной ценности.

Вот взять, например, лежащую на столе книжку «Наябов: путь великого», написанную на днях каким-то фрезеровщиком из Наябовграда (какого именно не знаю). Она практически слово в слово повторяет книгу «Наябов: великий путь», только в некоторых предложениях переставлены местами слова и чуть-чуть укорочены главы про те времена, когда я был ещё младенцем. Эти две книжки в свою очередь являются копиями книг «Путь великого Наябова» и «Великий путь Наябова», которые в свою очередь копируют «Великий путь великого Наябова». Нет слов, описывающих до чего мне всё это надоело.

Ситуация с картинами была не лучше. Художники просто не могли нарисовать что-то своё и следовали изданной в не-помню-каком-году книге, в которой были указаны каноны живописи.

«Допустимые изображения вождя:

1. Вождь за рабочим столом
2. Вождь с рабочими
3. Вождь с крестьянами
4. Вождь с детьми
5. Вождь поздравляет ударников труда
6. Вождь расстреливает врагов народа…»

Всего этих канонов было, кажется, 53. К каждому из этих канонов также были свои правила, вот например памятка, как следует изображать Вождя за рабочим столом: «За окном должна быть ночь, дабы люди думали, что даже ночью вождь заботится о родине. Лицо Вождя должно быть немного напряженным, он должен быть занят какой-то письменной работой; при этом часть листа должна быть исписана. Рядом с правой рукой вождя должна стоять стопка книг…»

В общем, теперь в искусстве не допускалось никакого произвола. Всё должно быть по канонам. Памятники должны изображать либо Вождя, либо рабочих. Книги только про Вождя. Картины только про Вождя. Музыки никакой, если не считать песен о Вожде. Театральные постановки только про Вождя и только по мотивам книг о Вожде. Всё искусство так или иначе должно быть связано с Вождём. В результате подобной политики в течение длительного времени, все творческие люди ушли в подполье, но долго они там прятаться не смогли, и к настоящему времени не осталось ни одного творческого человека. Последних художников передавили лично по моему указу бульдозером. Лишь потом я понял свою ошибку. Прошлый Вождь убрал из школьных предметов все, которые могли хоть как-то поспособствовать развитию творческих способностей. Ребенка, который имел неосторожность изрисовать тетрадку или написать стихотворение отправляли в специальную школу, где из потенциального гуманитария делали абсолютного технаря, прекрасно разбирающегося в естественных и технических науках. В самых сложных случаях делали какую-то сложную операцию и удаляли зоны мозга, отвечающие за творческие способности.

Корни всего этого росли из «Закона Ильича». Был такой ученый по фамилии Ильич, который ещё при первом Вожде научно доказал, что любое творчество ведёт к свободе, самоуправству и всему прочему, а апогеем творчества является оппозиция государства. В итоге творчество взяли под тотальный контроль.

И вот я оказался заперт в ужасном тоталитарном абсурдном мире, который сам и создал. Сотни раз я пробовал включить ещё раз эту «Тварь-машину», вернуться обратно, туда, где я был бы простым Маратом Наябовым, аспирантом технического университета, но она не работала. Первое время мне нравилось быть всемогущим диктатором, но потом я понял, что эта работа явно не по мне. Я знал, что должен жить по законам этого мира, иначе меня убьют в результате заговора и на моё место поставят следующего вождя. Закурив трубку, я погрузился в мрачные думы.

Всё здесь было не так. Там я был обычным человеком, а здесь вокруг меня был целый культ, но культ этот был какой-то абсурдный. Да и мир этот был каким-то абсурдным донельзя.

На повестке дня, а точнее ночи, были следующие вопросы. Например, надо было что-то делать с сумасшедшими домами. Они были настолько переполнены нормальными людьми, которые понимали что в стране что-то не так, что некуда было девать нормальных сумасшедших. В месяц строилось по нескольку огромных сумасшедших домов, но все они за несколько суток заполнялись несидентами, то есть теми, кто не мог сидеть тихо, и для настоящих шизофреников просто не оставалось места. Дальше больше – возникла проблема с персоналом. Ладно медсёстры, их было пруд пруди, но психиатров катастрофически не хватало. В некоторых республиках психиатр работал в командировочном режиме, разъезжая из одного города в другой и посещая местные сумасшедшие дома. Расстреливать несидентов согласно моей настольной книге «Создание тоталитарного режима для чайников» было нельзя, иначе вокруг них может появиться ореол мучеников и борцов за правду. То ли дело признать их сумасшедшими, тогда никто этих дураков слушать не будет.

Помимо проблемы с персоналом и помещением возникала ещё и проблема с лекарствами. На заводах банально не успевали делать нужное количество транквилизаторов, необходимых для того, что бы превращать всех этих подозрительных фруктов в овощей. Я сделал несколько звонков в министерство здравоохранения, вежливо напомнил им о том, что проблемы должны быть решены в ближайшее время.

Было ещё несколько важных вопросов. Например, что делать со школьными уроками литературы, если из разрешённых книг остались лишь мои биографии и научно-технические инструкции? Как заставить детей на уроках рисования делать чертежи комбайнов? С какого возраста человека можно расстреливать? То и дело мне сообщают о бунтах в тюремных лагерях, так как регулярно происходит путаница из-за названия (каждый лагерь назван Наябовским), и некоторые лагеря оказываются переполненными и лишенными еды, а другие наоборот, почти пустыми, но переполненными едой. Надо было решать что сделать: поставить в каждом городе мою статую длиной в 300 метров или потратить эти деньги на военно-промышленный комплекс.

Мои мрачные думы прервали стуком в дверь.

– Проходите.

Это был Лавров.

– Товарищ Наябов! Срочные новости! Кто-то пытается пробиться в вашу комнату… ну… ту самую…

– Что?

Бросив трубку, я вскочил, схватил со стола пистолет и побежал к ней, оттолкнув Лаврентьева.

Правило борца с системой №28*:*

Если вам удалось развязать гражданскую войну, то постарайтесь уничтожить как можно больше памятников и объектов культурного наследия, взорвать побольше зданий и важных стратегических объектов. Это весело!

Мы около часа бродили по лабиринтам подземки столичного Наябовграда. Доцент утверждал, что он прекрасно знает куда идти, но судя по всему, ни черта он не знал. Шрам флегматично молчал, Кролик цинично усмехался, но волнения не показывал.

– Когда-то здесь планировали сделать бомбоубежище, – сказал Кролик, – но потом учёные подсчитали, что на нашей планете ядерного оружия столько, что эту самую планету можно уничтожить 1789 раз, и в бомбоубежищах смысла нет. Иначе говоря, следующая война может оказаться для нас последней.

Шрам цинично усмехнулся.

– Фактически, – продолжил Шрам, – это кажется, что мы живём, работаем, к чему-то стремимся. На самом деле мы постоянно на острие бритвы, и из-за ругани двух дипломатов

все мгновенно может взлететь на воздух. Это может произойти в любой момент. Так что мы, фактически, спасаем мир.

– А почему этого не произошло до сих пор?

– А этого никто не знает. Понимаешь, когда бежишь по лезвию бритвы, останавливаться нельзя. Вот так и весь мир. Никто не может остановиться и подумать, все куда-то бегут. Знают ведь, что если остановятся то всем конец.

– Кажется, нашёл! – прервал наши философствования Доцент, – вот он, коридор 19, вон там, в конце дверь 05. Нам туда.

– Почему здесь нет охраны? – спросил я.

– Потому, – ответил Доцент, – что это очень и очень секретное место, о котором знает только Вождь и несколько приближённых к нему людей. Эта «Тварь-машина» очень непредсказуемый механизм и неизвестно, как он отреагирует, если в его поле окажется посторонний человек.

– Откуда вы вообще всё это узнали?

– Не суть важно. Дальше ты пойдёшь один.

– Как это один?

– Мы все люди без фантазии, и творческой жилки у нас нет. Нам нельзя приближаться к «Тварь-машине». Наши убогие представления о мире могут помешать «Тварь-машине» сделать твой богатый духовный внутренний мир творца реальностью.

– А оружие то хоть дадите?

– Тебе оно не понадобится.

– Да уж, хороши, революционеры!

Обозлённый я двинулся по этому коридору к двери 05. Что меня там ждало, я не знал.

Внутри комнаты было маленькое, похожее на компьютер изобретение, рядом с которым стоял какой-то человек, нацелив на меня свой пистолет.

– Кто ты такой?

Подняв руки, я представился. А потом меня прошиб холодный пот. Это же был сам диктатор воочию! Сам Наябов наставил на меня ствол!

– Отлично. Ты…

– Землемер, – ответил я.

– А теперь правду.

– Писатель, – выдохнул я.

Ещё совсем недавно я просто шел к себе домой по набережной Наябова, а теперь этот самый Наябов, человек, именем которого названы все улицы, площади, набережные и города этой страны, под угрозой пистолета допрашивает меня.

Однако когда я сказал, что я писатель он вдруг спрятал пистолет обратно к себе в кобуру.

– Настоящий писатель?

– Ну да.

– Врёшь! – он опять потянулся за пистолетом, – все настоящие писатели мертвы!

– Нет, нет, что вы! Я просто нигде не публиковался и хранил свои произведения в голове.

– Ну-ка расскажи мне парочку твоих рассказов, которые ты хранишь у себя в голове.

– Ну, например, рассказ о мальчишке с маленького рыболовецкого судна. Моряки с этого судна вели охоту за легендарным огромным китом по прозвищу «левиафан» в течение шести лет. Пока они гонялись за ним, они побывали почти во всех уголках земли. В итоге судно потерпело крушение, а кит внезапно спас мальчишку и на себе донёс до земли.

– Нереалистично, но красиво. Ещё что-нибудь есть?

– Да. Солдат навещает в госпитале свою первую любовь, связь с которой потерял пятнадцать лет назад. Она обещала ждать его, и пока ждала, поседела и повредилась рассудком. Выходя из палаты, солдат чувствует горечь на душе и раскаяние, но понимает что ничего уже не изменить…

– Понятно, понятно. Неплохо. Да. Ты действительно писатель, – Наябов убрал пистолет в кобуру, – и теперь мы выберемся из этого ада.

– Этого ада? Мне кажется, вам этим адом управлять очень даже нравилось.

– Опять двадцать пять! Да нет же! Это долгая история.

– Торопиться нам некуда. Я подожду. Я хочу понять, наконец, что тут творится и что это за «Тварь-Машина»!

– Хорошо.

Правило диктатора №75*:*

Придумайте себе какое-нибудь хобби, вроде игры в гольф или коллекционируйте монетки. Это как бы говорит людям, что вы тоже человек, а не бездушная машина.

Я начал свой печальный рассказ: «Раньше я был совсем обычным парнем Маратом Наябовым. Учился в техническом институте, не то что бы с особым успехом, но благодаря зубрежке и упорству стал аспирантом на одной из кафедр, причем аспирантом у самого авторитетного учёного. Он-то и изобрел эту штуку.

Как и все люди, я смотрел кино, гулял с друзьями, иногда выпивал с друзьями, иногда выпивал с девушками, иногда с девушками гулял. Я был самым обычным, самым среднестатистическим человеком. Я абсолютно ничем не выделился. Я не был человеком творческим, но и в точных науках я не был гением. Во всех областях я был, как говорится, «середнячком». Но мне всегда хотелось большего. Я часто мечтал о великом будущем, но понимал, что это всё мечты, которые никогда не воплотятся в жизнь.

Однако машина профессора всё изменила. В моём мире она называлась «Твор-Машиной», машиной творчества. Работала она следующим образом. Попробую объяснить доступным языком. Измерение, в котором живём сейчас мы – лишь одно из бесчисленного количества существующих измерений, некоторые из которых похожи на наш мир, в других же творится то, что ты себе и представить не можешь. Профессор разрабатывал эту машину практически пятьдесят лет. Он основывался на теории относительности; что главное во всём эксперименте – это фигура наблюдателя, то бишь сам человек. Он пытался создать машину, которая бы не преобразовывала уже существующее измерение, так как в этом не было надобности, ведь их существует миллиарды миллиардов, а всего лишь перемещала наблюдателя в наиболее подходящее для него измерение. Как-то так. Профессор здраво рассудил, что если измерений существует невероятно много, то есть такие, которые были бы идеально приспособлены для жизни конкретного индивидуума.

На создание машины ушло целых пятьдесят лет. Пятьдесят лет профессор искал связующую ниточку между наблюдателем и измерением. Пытался понять, что нас держит здесь, что мешает нам путешествовать из одного измерения в другое так же, как мы путешествуем из одной страны в другую. И он нашёл ответ…»

– И что это? – спросил Писатель Наябова.

– Не знаю.

– Как так? Подожди, товарищ Диктатор, ты создал интригу, а теперь говоришь, что не знаешь ответа?

– Да. Профессор нашёл ниточку, это верно. Но он… как бы объяснить… он не понял, что это такое до конца. Он всего лишь нащупал верный путь, и машина заработала. Но объяснить работу механизма он не смог.

– И ты воспользовался им.

– Да. И оказался здесь. В мире, где я не просто никому не известный Марат Наябов, а где я Великий Вождь, Диктатор, Правитель Величайшей Сверхдержавы. Только…

– Только вот ноша оказалась тебе не по плечу, да?

– Да, – устало вздохнул я, – всё-таки быть простым аспирантом гораздо легче.

– А почему ты не смог вернуться обратно?

– Не знаю. Видимо, эта машина работает лишь в одном направлении. Она переместила меня во вселенную, где я чуть ли не бог, но профессор немного её не доделал, и я оказался заперт в этом абсурдном тоталитарном ужасном мире.

– А что, если вселенная, в которую переместит нас «Тварь-машина», связавшись с моим сознанием, гораздо хуже?

– Вот и узнаем.

– Хорошо. Там мои друзья. Можно я их…

– Нет!

– Но это они привели меня сюда!

– Машина рассчитана максимум на двоих. А твои друзья… они ведь революционеры, верно?

– Да.

– Тогда всё окончится хорошо. Представь, что станет с карточным домиком, если убрать одну из нижних карт? То же станет и с этим миром, когда он лишится своего правителя.

– Ладно. Что я должен делать?

– Подойди к машине. И приготовься.

Писатель подошёл к машине. Затем к ней подошёл я, вздохнул и нажал ещё раз на кнопку пуск. А потом все вокруг затряслось, и мне показалось, что всё летит вдребезги.

Правило борца с системой 52*:*

Обычно на смену старой системы приходит новая, ещё более уродливая. Так что перед игрой в борца за справедливость трижды подумайте.

Я очнулся в просторной комнате от громкого хлопка. Открыв глаза, я увидел Наябова, лежащего на полу в луже крови. Он застрелился. Через несколько минут в комнату вбежало несколько солдат.

– Как вы, товарищ К.? – спросил меня один из них. Ещё один уже подавал стакан с водой, двое других вытаскивали труп Наябова из кабинета.

– Я… Я в порядке…

Я осмотрелся. Это был большой кабинет, увешанный моими портретами, в центре стоял шикарный стол с золотым телефоном и курительной трубкой. В углу стояла пыльная «Тварь-Машина». Посмотрев в зеркало, я удивился – на мне был шикарный китель, я выглядел гораздо старше и упитаннее, чем был в том, своём мире.

– Оставьте меня одного, пожалуйста.

– Так точно, товарищ К.! – отрапортовал солдат, и через несколько секунд я уже был в кабинете один.

Я подошёл к окну. Почти на каждом здании был мой портрет, всюду были лозунги вроде «Слава товарищу К.!» и т.д. и т.п. Где-то в центре огромного мегаполиса виднелась моя огромная статуя. В голове пронеслись слова Наябова: *«Он пытался создать машину, которая бы не преобразовывала уже существующее измерение, так как в этом не было надобности, ведь их существует миллиарды миллиардов, а всего лишь перемещала наблюдателя в наиболее подходящее для него измерение»*. Наябов надеялся, что фантазия творческого человека создаст сказочный утопический мир, но банальное незнание человеческой психологии его подвело.

Зазвонил золотой телефон на столе. Пришло моё время управлять сверхдержавой.

Станислав ДОМБРОВСКИЙ

ПЕРЕЛИВАНИЕ КРОВИ

Стихотворения

***

Встанет горным утесом киль,
рухнет волна о борт.
Курят хмурые моряки,
думают нас с тобой.

Через шторм из ревущих лет
видят счастливых нас,
словно сон о большой земле.

Радиотишина.

Их голландец ни жив, ни мёртв
десять столетий как.

В небе, сером от спящих гор,
солнцем горит драккар.

...солнце рвётся из ржавых дюз.
В метр борода. Оброс
викинг-я. Я бреду в бреду
через анабиоз.

Нам не верили. А теперь,
тысячу лет спустя,
мы стоим перед дверью.
Дверь заперта.

Там – мечта.

– Шлюз, давление снизить до...
– Двигатели – в нули.

«Центр, на Кассиопее дождь».

##.##.####,
лето, социализм.

* * *

сбросив рамки одежды, в комнате
под неровный дабстэп свечи
курят голыми на балконе
двое в августовской ночи.

не пугай их, залётный байкер,
батарею забудь, сосед.
понимаешь, любовь – не байки,
этот случай не как у всех.

он читает ей песнь песней,
так, как будто бы сам писал.
их дыхание – это лестница
в изумлённые небеса

и её прорезает нежностью
от груди и до пальцев ног.
это плавится кожа между них.

за окном, как в цветном кино,
просыпается древний город,
гаснут утренние фонари.

их грядущие дети смотрят,
улыбаясь, на них.

...замри,
и хоть кроет по-чёрной, вспомни,
так же бешено, как кричишь:

курят голыми на балконе
двое в августовской ночи.

Переливание крови

Едут гунны. Дикие, степные,
спаковав надежды и мечты
в пару крепких сумок, отпускные,
минимум одежды и зонты,

наплевав на сытую стабильность
в маленьких никчёмных городах,
бросив тех, которые любили
и, конечно, обещали ждать,

в поездах, прокуренных плацкартах,
отрезая прошлое навзрыд,
едут гунны в заревое завтра.

Не смотри в глаза им, не смотри,
там такие прожитые бездны,
что утонешь в них, не ровен час.

Разве ты, оседлый, бесполезный,
знаешь, как ржавеет на мечах
ярость покоренной высоты и
как сгораешь в сбывшейся мечте.

Мирно спят обрюзгшие статисты,
звёзды оставляя в небе тем,
кто хватает небо полной горстью,
не боясь обжечься впопыхах,
не боясь исчезнуть в этом городе,
сотню раз прочитанном в стихах.

...И горят их факелы неровно,
И несут их лошади. Немой
город спит и бредит свежей кровью.

Тобой.

Игорь ФЕДОРОВСКИЙ

ДЕВОЧКА-ДРОЖЬ

Стихотворения

* * *

Глупоглазая девочка-дрожь,
Как пройти, не задев за живое
То ли рвущийся в прошлое дождь,
То ли сердце твоё нежилое.

Глубоко западают дожди,
В самый миг, что с тобой был счастливым,
В самый Дом, не смогла даже ты
Заселить его собственным ливнем.

Оборвался начавшийся слог
Наш с тобой. Одновременно трудный.
Но ненастье давно пронеслось,
А дрожишь всё равно. От простуды.

* * *

В семье не изучаются азы,
А значит,
буквы
с каждым
днём
мельчают…
И дочка просит денег на язык,
И мама говорит, чтоб замолчали.

Мечты о прошлом… день вчерашний свеж,
А помнишь, ты хотела быть моделью,
А не моей женой… вчера мне «свешали».
На триста граммов меньше карамели.

Соседи ночью не давали спать,
Сказать им… Позже, пусть они подохнут!
Ведь, может быть, проснёмся, и потом
Нам будет жить совсем не так уж плохо.

По холоду кому идти в собес?
Считать кому дрожащими руками
Квитанции и удержать в себе
Остывшие глаголы с матерками.

Накануне двадцати восьми

И бабушка, ослепшая с годами,
И дедушка, погибший на войне,
Во мне прозреют, прошлое отдам им,
Чтоб оставалось навсегда во мне.

А будущего чёрные провалы –
Пространства между теми, кто ушёл,
Вдруг встретятся, окажется, права ты
И ты… и ты… мне с вами хорошо.

Мне б настояться, календарь увидеть,
Жене напомнить – день рожденья мой!

Но бабушка из дома снова выйдет
Пожалуй, деда слышится гармонь.

На волчьем хвосте

Сносить «Привоз», сказали, будут,
а там и груши вполцены,
и теплится сквозь льдинки утро,
роняя в Омку поцелуй.

Сносить «Привоз», а что на место?
Под мост? Вселенную впихнуть
не выйдет. Лишь в карман министра
легко осядет что-нибудь.

А мне осесть на твёрдой почве,
убраться с Волчьего хвоста…
Но будто сам отправлен почтой –
и дом, и улица не та…

На пустыре, как будто в стае,
от сырости дома спаслись,
иду туда и сам врастаю
в года, которые прошли.

Где сочно мне: «Арбуза нада?»
На вид он тяжелей меня,
но укатился в чьё-то завтра,
а я остался в именах,

что Омка шепчет на рассвете:
друзья, соседи… мать с отцом.
Привоз снесён, оставшись целым,
продайте детства месяцок!

Пропишешь, дядя Ваня, справку
метлой от Волчьего хвоста!
И сразу сказка станет правдой,
но «Жили-были» ты оставь.

И отойдя на миг… за водкой,
не обернись за двадцать лет,
и пыль хвостом ударит волчьим,
оставив на рубашке след.

Жене скажу, что с дуба рухнул,
и оттого на шее грязь.
И… молодая, не старуха
Мне половину груши даст.

Первый класс

Родители уходят и дорожку
Протаптывают в небе для тебя,
А ты глядишь и думаешь, хороший
Твой млечный путь в подтёках сентября.

А ты идёшь и понимаешь, страшно:
Твой первый путь из дома без родных,
И каждый проходящий – это радость,
А вдруг… со мной? Но шаг… и я без них.

Ещё немного. Сколько – неизвестно.
Как мама бы хотела, чтоб дошёл!
Но рвётся путь, расхлябанный и звёздный,
Пожалуй, в ад дорога хорошей?

Боишься шелеста седых кустов, лениво
Сдувает ветер с фонарей огни…
Родители уходят и больнее,
Что ты идёшь и будто бы средь них.

Но незнакомцы, сиплые, с усмешкой,
Кто маму подгоняет, кто сестру,
Соседский пёс оскалился – успеешь,
Ты поиграй со мной, ведь ты мне друг.

Сбавляю шаг, моя дорожка сбита,
Огромный серый дом, а у ворот
Апостол Пётр – дворник дядя Петя
Про школу первоклашкам что-то врёт.

Анна СТЕПАНОВА

ОЩУЩЕНИЕ РОДСТВА

Стихотворения

* * *

Люди разные, но объект – один.
Одинаково плачется, значит:
Никаких тебе середин.
До копейки чётко. Без сдачи.

Как в аптеке, граммовка точна.
День приёма таблеток – назначен.
Впрочем, я также обречена
Провалить вас. Без пересдачи.

Самый сложный экзамен по мне –
Отвечать человеку «взаимно».
Пробегут мураши по спине.
По его. И моей мимо.

Пробегут холодком слова
О моей – не чужой – неудаче:
Я совсем не достойна вас,
То есть вместе не быть нам, значит.

Вы уходите, да. Сперва.
Возвращаетесь, переплача.
Значит, снова экзамен – провал.
Значит, снова, выходит, права:
Вы больны.
День приёма таблеток назначен.

* * *

Нет. И я представлять
Не буду,
Что меня поцелует
Кто-то – не ты.

Ты – причина
Моей простуды.
И лекарство от –
Тоже ты.

Нет. И я не согласна
С миром,
Что твердит, мол,
Не
  за
   мени
     мых
Нет.

Так, как ты говорил
Моё имя,
Никогда не смогут
Другие.
Мне не вышибить
Клин клином,
Им лишь только
Сошёлся (видишь?)
На тебе свет.

* * *

Ты не мог не появиться.
Ты не мог не сказать о себе.
У нормальных девушек –
Карета с принцем,
У меня вот ты
С пылью до небес.

Сколько не молчи,
Сколько в небо не вой,
Вместо божьих подарков –
Кирпичи.
Просто в руки бери
И заново строй.
И молчи.

Мне бы всё как попроще
Хочется,
Чтобы – звёздочка с неба,
Желанье сбылось.
А на деле – тотальное
Одиночество.
Ну и ты. Моей жизни
Сквозь.

Совпадаем с тобой
До безумия –
Не должно быть так,
Ведь дороги – вразлёт.
Совпадаем,
А сами думаем:
Вдруг на этот раз
Повезёт.

* * *

И в какое ребро
Ни пыталась жизнь
Уместить меня –
Бесполезно.

Тот – с добром,
Тот – за всех решил,
Третий – лучше двух,
Взятых вместе.

– Жизнь, ау?
Где же МОЙ Адам?
На огрызках яблочных
Восседаю.
Недоговори...
И мне по лбу
Косточка покруче
Прилетает.

А потом ещё!
И – больно так! –
Ещё:
Мол, ну, угощайся,
Королева!
Собрала недоадама
В счёт:
Ни библинки в нём,
И ни Адама в нём.

Забираю.
Я ведь тоже, в общем-то,
Недоева.

* * *

Брала синицу без привычек:
Кормушка, руки и вода.
Навешала ненужных лычек:
Породиста. Умна. Тверда.
Устойчива к сезонным переменам, да.

Синица синевеет на балконе,
Клюёт моё замёрзшее окно.
Ей ничего не нужно, кроме:
Кормушка-домиком да мнимое тепло...

Синица синевеет. Еле дышит:
Спустя недели бесконечных травль
Балкон мой осаждён был – с крыши
Упал журавль.

* * *

Я потеряла ощущение родства
И не хочу быть частью этой стаи.
Пусть по щелчку, по счету «на раз-два»,

Моя фамилия, как дым, растает.

Я потеряла ощущение плеча:
Свои заходят со спины неслышно,
В лице родном я вижу палача,
И после взмаха лезвия меча
Он ровно и спокойно дышит.

Я потеряла ощущение вины:
Для стаи человечность не в почёте,
Когда их волчья правда на излёте,
Они казнить других обречены.

Разрушен мир. И дым растаял…
Спустя цепочку этих долгих лет,
Я одного сейчас не понимаю:
Как пёсья свора мне казалась
волчьей
стаей?

Сергей ЮДИН

ГРОАХ

Рассказ

О вдовы, все вы таковы.
А.С. Пушкин, «Каменный гость»

Полное прозвище её звучало как леди Гроах Ногинская, возраст – два с половиной года, рождена безымянными родителями в деревне Ногино Тверской области. Когда бы владельцам такого рода существ вменялось в обязанность заводить паспорта вроде собачьих, то в графе «особые приметы» или «экстерьер» – автор не помнит достоверно, что именно указывается в подобных паспортах – так вот, в какой-нибудь подходящей графе значилось бы без сомнения: частичное отсутствие хвоста, нехарактерный охристо-бурый с зеленоватым отливом окрас и неестественная величина. Но для литератора, поэта или любого иного человека, наделённого больным художественным воображением, достаточно оказалось бы одного взгляда на леди Гроах, дабы записать в ту же гипотетическую графу: поразительное сходство с видом homo sapiens.

И действительно чудилось нечто извращенно-человеческое в этой тупорылой и щекастой усатой морде, больших розовых лапках, до странности смахивающих на ручки младенца, и прежде всего – в выпуклых, похожих на маслины чёрных глазках, в коих явственно теплилась искра разума. Гроах даже дремать предпочитала сидя на мощных задних конечностях, сложив передние на внушительном животе. Да и вообще мало чего наблюдалось в ней от бессловесных тварей. Соображала она на удивление быстро; жадно и цепко впитывала любые, пусть и мимолетные, впечатления; отличалась завидной способностью к рассудочной деятельности. Впрочем, и бессловесной назвать Гроах можно было лишь условно. Писк её поражал слух широчайшим диапазоном тональностей и модуляций: от кошмарных звуков, напоминающих скрип железа по стеклу, до каких-то переливчатых трелей, вызывающих в памяти упоительное птичье щебетанье в весеннем лесу.

Такова была эта странная тварь, прижившаяся в благоустроенной двухуровневой квартире на Фрунзенской набережной, занимаемой в описываемые времена почтенным и ничуть не странным, а напротив, самым что ни на есть обыкновенным, можно сказать, рядовым московским семейством Медогоновых-Гозманидзе.

Но прежде стоит, наверное, коротко остановиться на предыстории появления её по означенному адресу.

Как-то осенью Людмила Никаноровна Медогонова-Гозманидзе обихаживала садово-огородные плантации на задах дома в упомянутой тверской вотчине. Возможно, «обихаживала» – не совсем подходящее слово, ибо разумеется, Людмила Никаноровна или Людочка, как называли её близкие знакомые и как впредь, на тех же правах, станем именовать нашу героиню и мы, не пачкала рук навозом, не издевалась над маникюром, пропалывая какие-нибудь ягодные культуры, или (упаси боже!) не копала гряды, готовя их к посадке озимого чеснока, – для всех подобных работ по местным деревням слонялось достаточное количество спившихся, но ещё способных к несложному физическому труду представителей вымирающего племени селян, – нет, досуг её занимал куда более возвышенный процесс составления роскошного букета из осенних астр, хризантем и золотарника, живописные купы которых в обилии произрастали вдоль невысокого забора и среди разного рода декоративных кустарников. И вот, в тот самый момент, когда Людочка проходила мимо нелюбимых ею топинамбуровых джунглей, что заполонили южный, ближайший к реке угол участка, и кинула рассеянный взгляд в их сторону, в глаза ей бросилась не видимая ранее из-за травы звериная нора. Не заметить её было сложно. Теперь, когда пожухлые злаки лишь слегка скрадывали очертания норы, круглое отверстие её, достигающее в диаметре не менее сорока сантиметров, так и зияло устрашающей чёрной пастью среди выперших наружу корней и клубней земляной груши. Людочка отчего-то

заинтересовалась и решила рассмотреть нору поближе. Но едва она подошла к буйным зарослям топинамбура и склонилась над норой, как новое происшествие заставило её взвизгнуть и уронить почти готовый букет. Не замечая, что ступает прямо по срезанным цветам, Людочка резво метнулась в сторону, зажала рот обеими ладонями, чтобы остановить ещё один готовый сорваться с губ пронзительный крик, и уставилась на нору расширившимися от страха глазами...

Если читатель предвкушает, что мы во первых же строках повествования угостим его какой-нибудь увлекательной жутью, то, увы, заблуждается. Ибо, на наш взгляд, одна только субтильная женская психика могла найти нечто страшное в заурядной старой крысе. Да, всего-навсего крысе. Именно её узрела Людочка выползающей прямо из широкого зева огородной норы. Безобразно огромная, тощая как смерть и абсолютно седая тварь медленно, с видимыми усилиями выбралась на божий свет и замерла у самого входа в своё логово. Людочка завороженно наблюдала за омерзительным существом, когда внезапно конечности крысы объяла мелкая дрожь, тело её несколько раз изогнулось в предсмертных конвульсиях, и тварь околела.

Брезгливо передернув плечами, Людочка собралась было уйти, но вспомнила про цветы. Она осторожно приблизилась к норе и, стараясь не смотреть на крысиный труп, по-прежнему внушающий ей необъяснимый ужас и вполне понятное отвращение, принялась собирать оброненные растения. Она ещё не успела закончить, когда внимание её привлекло еле слышное попискивание. Людочка решила, что тварь против ожидания до сих пор жива, и вновь стремительно отскочила. Оказалось, однако, что дело вовсе не в этом, старая крыса была вполне и окончательно мертвой, мертвее не бывает, из норы же один за другим появились три крошечных крысёныша.

Тельца их, едва опушенные серыми, пока ещё мягкими волосками, дрожали словно от холода, хотя погода на дворе стояла вполне себе теплая; уже не слепые, но явно совершенно беспомощные детёныши неумело косолапили на хилых, кривых ножках, тыкались мордочками в неподвижное тело старой крысы и жалобно пищали. Короче, если и не душераздирающее, то достаточно неприятное зрелище. Особенно для впечатлительных и склонных к рефлексии натур. Да и вид едва народившихся и уже обреченных на смерть маленьких существ способен тронуть любого. Даже если загодя известно, что очень скоро из очаровательных малышей вырастут весьма неприятные, зловредные и агрессивные особи. Рассадники эпизоотий и природные резервуары всяких опасных инфекций. Впрочем, сами понимаете, сказанное характерно не для одних только грызунов.

Людочка поспешно отвернулась и заторопилась к дому, подальше от этого наглядного примера дарвиновского естественного отбора. «Надо велеть Прохору выкорчевать к чертовой бабушке проклятый топинамбур и все там перекопать, – подумала она, ставя букет в майоликовую вазу. – Не хватало мне только крыс на участке!»

После обеда, во время которого ей буквально кусок в горло не лез, Людочка пошла-таки посмотреть на крысиный выводок. Вернее, собиралась-то она совершить послеобеденный моцион, просто побродить вдоль реки, однако ноги будто сами принесли её к давешней норе. Тем паче, что калитка, ведущая к берегу Сабли, располагалась аккурат подле зарослей земляной груши.

Рядом с трупом старой крысы лежали два дохлых крысёнка; по их телам уже деловито сновали рыжие муравьи, тут же медлительно насыщалась парочка тучных, оранжево-чёрных жуков-мертвоедов. Третьего крысёныша нигде видно не было.

Покинь Людочка тотчас это место, ничего бы не произошло, и нам, собственно, не о чём было бы рассказывать. Но случай – вековечный движитель эволюции и всегдашний союзник беллетристов – вторгается в жизнь даже самых заурядных особей, а судьба – непрошенный попутчик – ведает тысячи способов сотворить многострадального Иова из любого Суллы Феликса, а то и Радаманта из первой попавшейся заблудшей овцы. В нашем случае вмешательство фатума выразилось в лёгком касании лодыжки героини. Что-то холодное и мокрое ткнулось в ногу Людочки; она вздрогнула, опустила глаза и узрела

последнего оставшегося в живых крысёныша – тот копошился прямо у её правой ступни, тщетно пытаясь перебраться через неожиданное препятствие.

О серых крысах (они же – пасюки или Rattus norvegicus) Людочка почти ничего не знала. Смутно помнила только, что создания эти весьма умны, вроде бы снискали себе сомнительную славу каннибалов, обладают незаурядными физическими данными, практически невосприимчивы к радиации и зачастую переносят чуму и иные неприятные болезни, типа загадочной содоку. Как бы то ни было, первым побуждением Людочки было отшвырнуть маленькую тварь ударом ноги куда подальше или даже раздавить подошвой лакостовского пантолета, украшенного логотипом в виде симпатичного зеленого крокодильчика. Но то ли побоялась она испачкать стильную французскую обувь, то ли чувство жалости взяло верх, но вместо того, чтобы одним движением избавить мир от ещё одного пасюка, она неожиданно для самой себя присела и протянула крысёнышу палец.

Вот с этого непроизвольного движения всё и началось. Крысёныш немедленно ухватился за палец обеими передними лапками и ловко взобрался на ладонь Людочки. Взобравшись же, пискнул, склонил набок мордочку и уставился своими чёрными бусинами прямо ей в глаза. Удивительное дело – взгляд этот показался Людочке не только совершенно осмысленным, но и как будто оценивающим. Во взгляде крысёныша не читалось испуга или вообще страха, напротив, он словно изучал новое для себя человеческое существо, внимательно всматривался и запоминал черты склонившегося над ним лица. Продолжалось таковое рассматривание всего несколько секунд, затем крысёныш зевнул, обнажив розовый ротик, снабжённый покуда крошечными, но уже острыми зубками, свернулся клубком и заснул прямо на людочкиной ладони.

Людочка оказалась в затруднительной ситуации: одно дело – уничтожить на месте преступления шныряющего где не положено вредителя и совсем другое – лишить жизни доверившееся тебе существо. Тем паче, доверившееся столь бесхитростно и оттого ещё более трогательно. При всех недостатках (они же – достоинства) женской природы на подобное вероломство Людочка способностей в себе не ощущала. Она отнесла крысёнка в дом и с осторожностью, стараясь не нарушить младенческий сон, уложила в высокую шляпную коробку.

Дальнейшее – очевидно.

* * *

Юрий Карлович, доктор исторических наук, профессор, представитель плодовитого и разветвлённого рода Медогоновых-Гозманидзе, являл собой тип законченного интеллигента в четвёртом поколении. И диссидента – в третьем. Один из дедов Юрия Карловича боролся с царизмом, отец и мать – с коммунизмом. Некогда, в кровожадную хрущевско-брежневскую эпоху, оба родителя его состояли непременными членами всяких разных хельсинских и инициативных групп, входили в состав всех возможных правозащитных фондов, комиссий и объединений. Изведали гонения, даже ссылку (не то в красноярское, не то в краснодарское захолустье) и мелочно-пристальный интерес компетентных органов. Правда, отсидок в мордовских и якутских лагерях не удостоились. Избежали и лап карательной психиатрии. Бог миловал. Ну так ведь и тогда далеко не каждый стремился довести меру собственных страданий до эдакой крайности. Единицы, подвижники и страстотерпцы. Уезжать Медогоновы-Гозманидзе не хотели, хотя и были такие предложения (или, скорее, настоятельные рекомендации) от властей предержащих. Покинули постылое отечество лишь после девяносто первого года. Сейчас оба жили в Северной Америке: отец – в Лос-Анджелесе, мать – в Торонто.

Сын, натурально, пошёл по стопам предков. Вот только времена изменились. Чересчур вегетарианские настали времена. Политические преследования инакомыслящих сделались до обидного редки. Самиздат превратился в смешное ретро, интересное разве букинистам. Литературу распространяй какую душе угодно. Правительство не хает только ленивый. И что? И ничего. Это особенно раздражало Юрия Карловича. Ибо для любого

мыслящего человека было очевидно – режим-то не поменялся, кровавый, насквозь прогнивший антидемократический режим. А репрессии? Где они? Какие-то выборочные, несерьезные, малахольные даже репрессии. И как тут, скажите на милость, не возненавидеть родные осины? Как не затосковать по героическим временам глобального противостояния систем и мировоззрений?

Нет, Юрий Карлович, конечно, не сдавался, боролся... Ну, не то чтобы боролся, но в СМИ, по крайней мере, выступал и высказывался охотно и регулярно. Со всей бескомпромиссностью. Дабы оставаться рукопожатным в кругах людей честных и демократически настроенных. Любил порассуждать о «фантомных имперских болях», тотальной лжи на правительственных телеканалах и продажности официальной прессы. Ну и вполне естественно, будучи историком, основной упор делал он на обнародовании и развенчании извечно-захватнической, мракобесно-имперской политики любимого отечества. Ясно ведь, что применительно к России даже и патриотизм есть явление сугубо отрицательное, вредное и абсолютно неприемлемое, тупая агрессия, лапотное тщеславие. Сплошной барабанный бой.

По жизни, среди друзей и знакомых, Юрий Карлович тоже слыл вполне симпатичным человеком. Не красавец, но бонвиван, жизнелюб, жуир и большой ценитель удовольствий, в том числе и женщин. Женщины, со своей стороны, не оставались равнодушны к импозантному профессору. То есть буквально липли. Вот и Людочка как-то прилипла. Встретила его на курорте в Южной Италии и прилипла. А после, обладая решительным и твёрдым характером, спешно женила на себе годящегося ей в отцы учёного мужа. Но едва миновал медовый месяц, как новобрачная, увы, совершенно охладела к избраннику своего сердца. Выяснилось, что профессор – непримиримый, кристально честный и неизменно последовательный в борьбе за либеральные ценности – в личных отношениях предпочитает придерживаться несколько иных, точнее, прямо противоположных принципов.

Но что того неприятнее – профессор оказался жутко ревнив. Учитывая, что сам он не слишком обременял себя правилами морали, был даже слегка безалаберен в быту, это может показаться странным. Тем не менее, подобное сочетание отнюдь не редкость. При развитом (если не гипертрофированном) собственническом инстинкте Юрий Карлович полагал к тому же, что ответственность за поддержание домашнего уюта и упрочение семейного благополучия целиком лежит на плечах супруги. Искать радостей на стороне – не женское дело, но полностью мужская прерогатива. Людочка не разделяла взгляды мужа, и атмосфера в доме равномерно накалялась, периодически доходя, как водится, до точки кипения. Впрочем, обыкновенно зачинщицей скандалов и истерик становилась сама Людочка. Так сказать, задавала тон. Ибо Юрий Карлович в любой ситуации старался себя блюсти, сохраняя холодную вежливость и язвительную учтивость среди всех домашних бурь. Понятное дело, такое поведение лишь распаляло гнев Людочки и, в конечном итоге, усугубляло растущее обоюдное отчуждение.

Не следует думать, будто Людочка обладала депрессивным или мнительно-тревожным характером. Совсем нет. Но много ли уравновешенных особ женского пола встречали вы на своем веку? Автору, по крайней мере, нечем похвастаться в этом смысле. Вместе с тем, Людочка уважала порядок. Даже любила. Законы, нормы, запреты и ограничения (особенно – запреты и ограничения!) – суть, костяк, становой хребет любого общества. Если, разумеется, речь идет о правильном обществе. На всю жизнь запомнила она слова отца, сказанные ей в детстве: «Убери из самого занюханного и законопослушного городишки органы правопорядка, детка, и увидишь – через день каждый станет плевать и мусорить на улицах, а через два – воцарятся хаос и смертоубийство». Отец был прав. Некогда он принадлежал к верхушке партийно-хозяйственной номенклатуры, руководил крупной добывающей отраслью, а значит, сам устанавливал правила. Хотя бы в этой отдельно взятой отрасли.

Как и многие, во времена студенческой юности Людочка отдала дань бунтарству. Быть может, и скудную дань, но для неё достаточную. Однажды ходила даже на какой-то митинг к памятнику Пушкину. По счастью, это быстро прошло. Едва годы учёбы в

университете подошли к концу, мысли и чувства Людочки приняли совсем иное направление. Теперь она отчетливо осознавала, насколько правы власти в своей решимости обуздать всякую расхристанную вольницу, всякое неустройство. Отныне Людочка всей душой, с энтузиазмом приветствовала репрессии в отношении курильщиков, пьяниц, нелегальных мигрантов и прочих лиц с вредными привычками («Одно ведет к другому», – говорил отец, во всю жизнь не бравший в рот сигарет и спиртного). Дай ей волю, в этих репрессиях она пошла бы куда дальше: не остановилась бы перед принудительным лечением, насильственной стерилизацией и смертной казнью. Генофонд общества следует очищать от распущенных элементов. Здесь требуется скальпель, а не терапия. Хныканья тех из знакомых, которые не могли или не желали избавляться от гнусных пороков, вроде табакокурения, ничего кроме отвращения у Людочки не вызывали. Ей нравилось представлять себя в роли Главного санитарного врача или руководителя пенитенциарной системы – вот бы где она развернулась! К нарушителям порядка сердце Людочки не знало жалости. Юрий Карлович порядок не ценил – разбрасывал по квартире носки и нижнее белье.

Надо сказать, окружающими разлад в семействе Медогоновых-Гозманидзе практически не замечался. Ибо, помимо Людочки и Юрия Карловича, в квартире обитал только ангорский кот Агасфер. Наличествовала ещё домработница Глаша, – тучная неразговорчивая особа, – но та приходила исключительно по средам. На людях же супруги старались соблюдать приличия.

Агасфер – животное в сущности добродушное, даже ласковое, но подверженное всем порочным инстинктам своего кошачьего племени – являлся любимцем профессора, слушался только хозяина и игнорировал хозяйку, которую за таковую не признавал. Совершенно естественно, при появлении на его законной территории дополнительного квартиранта, кот стал проявлять к крысёнышу нездоровый – пищевой и охотничий – интерес. Первое время он вообще мог часами сидеть перед клеткой с новым питомцем, ел того глазами, не мигая и почти не шевелясь, лишь едва слышно повякивая от возбуждения. Крысёныша такое избыточное внимание, казалось, нисколько не смущало; он невозмутимо и деловито шнырял по просторной, купленной Людочкой в староарбатском зоомагазине клетке (двухуровневой, как и квартира), не страшась проскальзывать перед самой мордой природного врага. Словом, не обращал на потенциальную опасность ни малейшего внимания.

Вообще-то поначалу он ни на кого не обращал внимания. Вернее, не делал особых различий между Людочкой и Юрием Карловичем, с одинаковым равнодушием воспринимал их присутствие, охотно брал корм как из женских, так и из мужских рук, а в ходе частых и порой очень бурных супружеских скандалов сохранял несокрушимое спокойствие. В отличие от Агасфера, которого приходилось даже закрывать в чулане на время ссор, – вспыльчивый ангорец немедля бросался в бой, норовя вцепиться когтями в самое лицо Людочке, стоило той чуть повысить голос на его обожаемого повелителя.

Поведение крысёныша удивляло и обижало Людочку. Всё-таки она спасла это существо от верной гибели. Откуда же подобная индифферентность? Явное отсутствие привязанности, не говоря о симпатии, и вполне естественных для любой домашней твари предпочтений? А ещё врут, будто крысы – едва ли не самые умные из четвероногих!

Но все изменилось в одночасье. Внешним поводом, как и следовало ожидать, послужил всё тот же извечный антагонизм между семействами грызунов и кошачьих. Однажды вечером, во время мирного разговора по телефону с подругой, Людочка услышала пронзительный, полный отчаяния и боли писк, доносящийся со второго этажа. Бросив трубку, Людочка стрелой взлетела по винтовой лестнице и ворвалась в малую гостиную. Открывшаяся ей картина оказалась достойна кисти Эдварда Лира, а то и самого Ивана Грота: по одну сторону клетки – заходящийся в истошном писке крысёныш, по другую – Агасфер, намертво вцепившийся зубами в хвост несчастной твари. Не составляло труда догадаться, что наглый хищник воспользовался счастливым случаем – опрометчиво высунутым между медными прутьями длинным крысиным хвостом – и предпринял попытку сожрать недруга по частям.

Надо отдать должное молниеносной реакции Людочки: не теряя ни секунды, она сорвала с ноги тапку и что было мочи саданула каучуковой подошвой по жирному крупу. Агасфер, не привыкший к столь бесцеремонному обращению, подпрыгнул на месте, зашипел и пулей метнулся прочь. Зубы он так и не разжал, поэтому, когда Людочка повернулась к клетке, то увидела крысёныша, который жалобно пищал и, вертясь на месте, безуспешно пытался дотянуться мордой и лапками до изрядно укороченного хвоста.

Людочка тут же позвонила ветеринару. Не дожидаясь его приезда, она самостоятельно обработала окровавленный огрызок зелёнкой и забинтовала куском марли. А потом ещё целый час, до самого появления звериного доктора, бережно баюкала крысёныша на руках, опасаясь, что тот как-нибудь сдерёт повязку и истечёт кровью.

Ветеринар полностью одобрил принятые хозяйкой неотложные меры, снабдил Людочку мазью-антисептиком и велел ежедневно менять бинты, вплоть до полного заживления. Он заверил Людочку, что потеря хвоста или его части – обычное дело для пасюков, жизнь которых на воле полна, как известно, тревог и опасностей, поэтому и беспокоиться особенно не о чем.

Вот сей едва не обернувшийся роковыми последствиями случай и явился той самой песчинкой, что перевешивает иные каменные глыбы, тем толчком, что разбудил в таинственных недрах дремлющего сознания крысёныша неизведанные доселе чувства. Отныне внутренний мир его, замкнутый до последнего времени, подобно гаду Уроборосу, исключительно на самом себе, значительно расширился, ибо вдруг, нежданно-негаданно обогатился новым объектом привязанности и даже поклонения. Каковым, само собой, явилась его спасительница.

С этих пор для крысёныша существовала только Людочка – единственное божество и кумир; на неё одну оказались направлены любовь и внимание, только она имела право кормить и ласкать своего питомца, чистить клетку и выгуливать. Прогулки эти становились всё более самостоятельны и обширны в географическом смысле, пока он не получил, наконец, право на всю жилплощадь. Поначалу негодующего Агасфера приходилось запирать на пару часов в чулане, но по мере того, как крысёныш рос и матерел, необходимость в изоляции кота отпала сама собой. При этом значительную часть времени крысёныш проводил, угнездившись на плече хозяйки, да и спать вскоре повадился в её постели.

Нам не дано понять, отчего такая метаморфоза произошла именно сейчас, а не ранее, не в момент действительного спасения крысёныша от неминуемой голодной смерти. Да и какой смысл гадать? Чужая душа – потёмки. Тем более, если речь идёт о душе крысы.

Примерно в означенный же период крысёныш получил имя. До этого его так и звали – «крысёныш». Но, во-первых, после визита ветеринара выяснилось (к великому удовольствию склонной к феминизму хозяйки), что это вообще-то самочка. И потом, Людочка справедливо решила, что если особи мужеска пола и могут обходиться без личных имён, то для девочек отсутствие таковых – верх неприличия. Имя было выбрано далеко не сразу. Людочка перепробовала самые разные варианты прозвищ и кличек, но все они не подходили – не ощущалось никакой ответной реакции. А Людочка твёрдо верила, что нужное имя существует только одно, и произнесённое вслух немедленно окажется признано владельцем.

Так и вышло.

Одним тоскливым осенним утром Людочка лежала на диване и от нечего делать просматривала не то некую монографию, посвящённую шотландской истории, не то комментированное издание Шекспира. И вот совершенно случайно наткнулась она на авторскую ремарку, свидетельствующую, будто знаменитую леди Макбет, верную и деятельную супругу Гламисского тана, звали Гроах. Что за странное имя! Людочка несколько раз повторила его про себя, а после – вслух с разной интонацией, точно проверяя на вкус: Гроах, Гро-ах. Буквы перекатывались на языке, как сухие горошины: Гр-р-о-ах-х. Внезапно Людочка с удивлением заметила, что крыса, до сих пор спокойно дремавшая в изножье дивана, сидит на её груди и внимательно прислушивается. Людочка повторила чужеземное имя ещё раз, крыса немедленно отреагировала – задрала мордочку и обнажила

передние резцы, смешно шевельнув кисточками жестких усов. Улыбнулась. Так крыса стала леди Гроах Ногинской.

* * *

Минул целый год, прежде чем, наряду со внезапно вспыхнувшей любовью к хозяйке, в сердце Гроах проникло, укоренилось там и дало ростки ещё одно чувство. По-сути, оно явилось лишь закономерным продолжением, результатом первого – нет ничего естественнее соседства любви и ненависти.

Возможно, говорить в нашем случае стоит не о чувстве, а о страсти. Не менее вероятно также, что завзятый пурист упрекнёт автора этих строк в невежестве, в антропоморфизации бессловесных тварей – дескать, о каких-таких чувствах он толкует? Какие ещё чувства у животных, коих природа наделила единственно слепыми инстинктами? Ну, так заявим сразу: автор выше мелочных придирок поборников логики и здравого смысла и не собирается ввергать читателей в пучину бессмысленной дискуссии о терминах.

Так или иначе, этим возросшим на благодатной почве любви чувством оказалась самая жгучая ненависть к хозяину дома, к Юрию Карловичу Медогонову-Гозманидзе. Разумеется, катализатором стали бесконечные семейные склоки, невольным свидетелем которых становилась Гроах и во время которых Людочка принуждена была регулярно выходить из себя, выплескивать наружу море негативных эмоций, разражаться слезами и выносить унизительно-вежливые упреки мужа в якобы имевшем место легкомысленном поведении, а то и в неверности. Гроах справедливо подозревала, что обожаемая госпожа её не находит со стороны супруга не то что благоговейной преданности, но и простого уважения, что тот вовсе не выказывает по отношению к ней должного почтительного трепета или, по меньшей мере, является причиной её слез, страданий и испорченного настроения. Так что результат был предсказуем.

Сначала неприязнь Гроах выражалась лишь в том, что она всячески избегала Юрия Карловича, но вскоре приняла более осязаемые формы. Первой ласточкой стало неприятное происшествие с рукописью профессора. Юрий Карлович как раз работал над фундаментальным трудом по истории России. В нём, помимо философско-нравственных экзерсисов в духе Пауло Коэльо, содержались убедительные доказательства того, что Россия виновата всегда и во всём уже одним только фактом своего существования.

И вот рукопись исчезла. Профессор как всегда оставил её на ночном столике подле кровати, – он любил творить вечерами, – а утром рукописи на месте не оказалось. Была среда, и на поиски бросили все наличные силы, включая Глашу. В конце концов, драгоценный манускрипт нашёлся под комодом. Но – боже мой! – в каком виде! Часть листов превратилась в бумажную труху, часть – просто основательно погрызена, остальные – варварским манером загажены крысиными экскрементами. Никаких сомнений в виновности Гроах не возникало, улики были налицо, и явные улики. Но поскольку «манускрипт» представлял собой всего лишь компьютерную распечатку с незначительной рукописной правкой, инцидент удалось как-то замять, а скандал спустить на тормозах. Людочка, естественно, целиком и полностью приняла сторону своей питомицы, даже нашла повод попенять мужу, обличив в неаккуратности: «Вечно ты разбрасываешь где попало свои дурацкие бумажки, а после кто-то виноват!» Сам Юрий Карлович, хотя и жаждал крови преступницы, посягнувшей на самое святое, но в силу характера и врожденной интеллигентности не решился настаивать на немедленной расправе. Тем не менее, тягостное впечатление, произведённое на профессора крысиным демаршем, заставило его задуматься о возможных путях избавления от гнусной твари.

Дальше – хуже.

Надо сказать, к двум годам Гроах достигла поистине устрашающих размеров, превратившись в эдакого крысиного монстра, гиганта, байками о которых работники московского метрополитена запугивают доверчивых обывателей. С хвостом (вернее, его половиной) она тянула на метр с гаком, вес зашкаливал за полтора кило, а ростом Гроах

почти сравнялась с Агасфером – не менее тридцати сантиметров в холке. Характер её также претерпел значительные и, в основном, пугающие изменения. Была ли тому причиной растущая день ото дня ненависть к профессору или что иное – неизвестно, однако в характере крысы проявились незаметные прежде, вовсе новые, неожиданные черты и особенности. Гроах на самом деле начинала походить на свою шотландскую тезку. Причём в последний, худший период жизни леди Макбет.

Если ранее это было весёлое, резвое и жизнерадостное существо, бойко шнырявшее по комнатам, вихрем носившееся вверх и вниз по крутой винтовой лестнице, соединяющей оба уровня квартиры Медогоновых-Гозманидзе, то теперь она сделалась мрачна и нелюдима, превратившись в эдакую сумеречную отшельницу. Днем Гроах всё больше спала в ногах людочкиной кровати (клетка уже не вмещала крысу-переростка и отправилась в чулан), ночами же серым молчаливым призраком бродила по квартире, шарила по углам и подолгу высматривала что-то на улице, сидя на широком подоконнике и прильнув тупорылой мордой к тёмному стеклу. В хозяйке она по-прежнему души не чаяла, а вот Юрий Карлович стал с некоторых пор относиться к Гроах с опаской: как-то раз, когда он по привычке вознамерился отпихнуть ногой внезапно выросшую у него на пути крысу, та ощерилась и попыталась цапнуть его за брючину. Жаловаться жене на недостойное поведение её любимицы профессор посчитал ниже своего достоинства, но ещё более утвердился в мысли о нежелательности совместного проживания с пасюком, выказывающим столь явную и ничем не мотивированную агрессию по отношению к главе дома.

А потом пропал Агасфер.

***

Никто из домашних не заметил, как это произошло. Просто в один воистину чёрный осенний день, когда профессор возвратился со службы из института, кот не встретил его по обыкновению в дверях. Юрий Карлович сразу заподозрил неладное. И раньше изредка бывало, что Агасфер по каким-либо причинам пропускал возвращение хозяина. Но сейчас сердце подсказало Юрию Карловичу, что произошло нечто плохое. Он немедленно обыскал квартиру, заглянул во все возможные углы и закоулки, где мог зашхериться его любимец – напрасно, – кот будто в воду канул. Людочка тоже встревожилась и присоединилась к розыскам; она отлично помнила – ещё днем, в обед, Агасфер спокойно дремал на холодильнике и никак не отреагировал на предложенный kitekat. Куда он мог, в самом деле, подеваться? Квартира располагалась на пятом и шестом этажах добротного сталинского дома, так что форточки и окна имели ограничители во избежание несчастных случаев с домашними питомцами. Но Юрий Карлович обратил внимание на открытую настежь форточку в большой гостиной и кинулся на улицу. Однако внизу, на газоне, ни кота, ни следов его падения не наблюдалось. В тщетных поисках прошел весь этот и даже следующий день. Кот исчез. Юрий Карлович был безутешен – он прожил вместе с Агасфером долгих тринадцать лет. Несмотря на отсутствие очевидных признаков падения кота, в случившемся он всецело винил супругу – распахнутая форточка вопияла о допущенной тою непростительной халатности. Людочка обвинения отвергала как огульные, но выглядела явно смущённой. Ведь кот куда-то да делся! И надо же было этому несчастью случиться именно в то время, когда она сидела дома. Правда, часа на полтора она отлучалась – ходила по магазинам, некоторое время провела в ванной... Слабое оправдание.

Через день, в очередную среду, о своём увольнении неожиданно заявила Глаша. Ноги её больше не будет в доме, где вольготно шастают кровожадные пасюки-мутанты! В ответ на людочкино недоумение, Глаша торжественно предъявила окровавленный клок кошачьей шерсти и поведала, будто обнаружила сей артефакт под кухонной раковиной, среди переплетения ведущих вниз сливных и канализационных труб. Не иначе, мол, выпестованное некоторыми чересчур сердобольными дамочками чудище уволокло несчастного кота в подвал, а там сожрало!

Людочка ни на йоту не поверила словам глупой бабы. Мало ли откуда мог взяться проклятый клочок! Но нехороший осадок на душе всё-таки остался. Шерсть она сожгла,

мужу решила ничего не рассказывать – для чего ещё больше накалять и без того взрывоопасную атмосферу в доме, понапрасну расстраивать человека, он и так после исчезновения Агасфера ходит сам не свой, точно в воду опущенный. Что бы ни случилось с котом, Гроах не имеет к этому никакого отношения. Не может иметь. Она милая и совсем не кровожадная. Да и не справилась бы она с котом, куда ей. Немыслимо даже предположить обратное.

Так в доме Медогоновых-Гозманидзе поселился страх.

* * *

Атмосфера в доме и правда становилась все более удушающей: Юрий Карлович, надолго замкнувшийся, ушедший в себя после таинственного исчезновения любимца, спустя месяц вроде бы немного оклемался от пережитого потрясения, но сделался совершенно невыносим. Он подхватил простуду и теперь целыми днями торчал дома, изводя Людочку мелочными придирками и язвительными упрёками по любому, самому незначительному поводу. Новой домработницы, взамен сбежавшей Глаши, найти пока не удавалось, и Людочке волей-неволей пришлось взвалить заботы по дому на свои плечи. Любезный её сердцу порядок не должен нарушаться. Юрий Карлович наблюдал за её деятельностью на сём поприще не без тайного удовольствия, подмечая каждый просчёт и каждое, даже и пустяковое, упущение. Обычно Людочка не привыкла сдерживаться, требовалось совсем немного усилий, чтобы вывести её из себя, но на этот раз она на удивление долго и с необыкновенным смирением сносила дурное расположение духа супруга. Человек потерял практически члена семьи, надо же дать ему время оправиться от такого удара судьбы. А ещё смутное чувство вины – непонятно в связи с чем и за что – нет-нет да и тревожило чуткую людочкину совесть. Но всё имеет свой предел, в том числе и терпение. Последней каплей, переполнившей чашу этого самого терпения, явился очередной хамский жест Юрия Карловича: он обнаружил, что Людочка забыла протереть пыль на полированной поверхности его рабочего секретера и начертал пальцем на самом видном месте: «Людмила Никаноровна – дура!»

Последствия оказались несопоставимы с тяжестью пусть и хулиганской, но вообще-то, говоря между нами, вполне безобидной выходки профессора. Затяжная хандра и депрессия сыграли с ним злую шутку. Людочка буквально взорвалась. Увидев надпись, она бросилась в спальню и принялась с остервенением кидать вещи в спортивную сумку. Хватит с неё! В этом дурдоме и у сумасшедшего крыша поедет! Юрий Карлович не предпринял попыток успокоить супругу или извиниться, он молча, скрестив руки на груди, с кривой усмешкой наблюдал за сборами. И совершенно напрасно. Людочка не шутила. Она немедленно, сейчас же уезжает в Ногино! Её нервы дороже всех котов на свете! Вернётся не раньше, чем через три дня – возможно, к тому времени он придёт в норму и перестанет строить из себя Сулеймана Великолепного, лишившегося любимой наложницы! Юрий Карлович молча развернулся и покинул комнату.

Людочка с лихвой насыпала диетического корма в крысиную миску, добавила воды в питьевую ёмкость (грызуны и сутки не в состоянии обойтись без воды) и собралась было уходить, когда из коридора послышалось напутственное пожелание профессора: «Скатертью дорога!». От возмущения у Людочки перехватило дыхание, она даже не сумела ответить достойным образом. Лишь через минуту нужные слова нашлись: «Пропади ты пропадом!» – крикнула она в пространство и схватила сумку. Уже на пороге комнаты, обернувшись, Людочка встретилась глазами с Гроах – та как обычно лежала в изножье кровати – и тут же отпрянула в испуге: крыса не спала, но, приподняв морду, смотрела куда-то поверх её головы; и на одно короткое мгновение Людочке почудилось, будто взгляд этот сверкает злобной и одновременно угрюмой радостью. Спустя секунду наваждение рассеялось – Гроах вновь свернулась калачиком и мирно засопела, смешно шевеля жёсткими, как рыболовная леска, усами.

«Езжай, езжай, – удовлетворенно проворчал профессор, заслышав оглушительное хлопанье входной двери, – а я покамест, даст бог, избавлюсь от твоего треклятого чудовища».

* * *

Чтобы успокоить расшатанные нервы, трёх дней оказалось мало. Для начала октября погода стояла неестественно тёплая, временами даже жаркая, так что Людочка задержалась в деревне на целую неделю. Возвращалась она в умиротворённом настроении, но с лёгким беспокойством за Гроах: как та пережила отсутствие хозяйки? Хорошо ли заботился о ней Юрий Карлович? Впрочем, и воды и пищи она оставила более чем достаточно, так что и волноваться вроде бы не о чем.

За всю неделю муж ни разу ей не позвонил; сама Людочка тоже не стала ронять достоинства и не спешила первой делать шаг навстречу примирения. Но молчание Юрия Карловича не особенно её тревожило – она знала характер мужа, тот предпочтёт дуться до тех пор, пока не забудется самая причина ссоры. Или покуда какая-нибудь новая аспирантка или студенточка не завладеет его падким до мимолётных чувственных удовольствий вниманием, не отвлечёт от суетных забот и треволнений.

На звонок в дверь никто не ответил – видимо муж вышел-таки на работу – и Людочка с облегчённым вздохом достала ключи.

Плотная волна густого сладковатого смрада буквально отшвырнула Людочку прочь и едва не сбила с ног, стоило ей только распахнуть тяжёлую металлическую дверь квартиры. Вонь стояла страшная. Приторная сладковато-тухлая вонь не то гниющих фруктов, не то разлагающихся животных отбросов. Не очень соображая, что делает, Людочка достала из кармана надушенный платок, прижала к лицу и вошла внутрь. Свет в прихожей горел; как сомнабула, влекомая путём зловонных миазмов, двинулась она дальше – через кухню, большую гостиную и кабинет – к спальне мужа. Несмотря на погожий солнечный день, свет горел во всех помещениях. Но всюду было пусто. И жарко, словно под пологом тропического леса. Приоткрытая дверь спальни казалась заляпана какими-то мелкими черными кляксами, из-за неё доносилось приглушенное гудение. Людочка присмотрелась – кляксы на двери шевелились, передвигались с места на место; ещё шаг – и большинство из них с жужжанием взвилось в воздух. Мухи. Десятки, а может и сотни жирных, зеленовато-чёрных падальных и мясоедных мух. Эпицентр тошнотворного запаха явно находился именно там, в спальне. Людочка толкнула дверь ногой и, преодолевая отвращение, нарастающую дурноту и подкатывающие к горлу рвотные позывы, ступила через порог. Воздух казался липким и одновременно обжигающим от тлетворного, всепроникающего духа разлагающейся плоти. Огромное, обнаженное, раздутое гнилостными газами тело раскинулось на кровати; оно походило на нелепо искорёженную, бугристую куклу из обожжённого до черноты пластика. Куклу, над которой угрожающе навис переливчатый гудящий полог, дьявольский шатер, сотканный из летучих бойцов вельзевулова воинства – множества мушиных эскадрилий... Прежде чем сознание Людочки помутилось и спасительный обморок избавил её на время от кошмара действительности, с каким-то отстраненным равнодушием она успела заметить полчища омерзительных белесых личинок, сплошным шевелящимся ковром облепивших бедра и гениталии трупа.

* * *

Следствие по факту безвременной кончины профессора Юрия Карловича Медогонова-Гозмандизе затягивалось. Главным образом из-за того, что эксперты никак не могли прийти к единому мнению о причинах смерти. Слишком далеко зашли процессы разложения. Свою роль сыграли жара и наглухо закрытые окна. А также тот необъяснимый факт, что именно в означенное время коммунальные службы решили провести внеплановое испытание отопительной системы в целях подготовки к предстоящему зимнему сезону.

Собственно, выводы первоначального судебно-медицинского исследования были столь же однозначны, сколь неопределенны – внезапная остановка сердца. Отчего? Почему? Юрий Карлович никогда не жаловался на сердце. Но Людочку выводы вполне устраивали. Точнее, мало интересовали. Ей было всё равно. Суета сует. Время рождаться и время умирать. Законам природы следует повиноваться без рассуждений. На возбуждении уголовного дела и производстве дополнительных экспертиз настояли родственники. Разумеется, родственники Юрия Карловича, а не Людочкины.

В ходе комиссионной экспертизы выяснилось, что левая сонная артерия на шее трупа имеет повреждения, однако, носят ли они прижизненный или посмертный характер, обусловлены ли неким внешним воздействием или образовались под влиянием все тех же процессов гниения – в этом вопросе члены комиссии разошлись.

Родственники не угомонились; следователь вынужден был назначить ещё какую-то комплексную экспертизу. Кажется, с привлечением специалистов по гистологии, судебной химии, бактериологии, рентгенологии и массе других служебных дисциплин с непроизносимыми названиями. Результаты её ожидались не ранее чем через месяц. Впрочем, со слов следователя Людочка знала, что и комплексная экспертиза навряд ли внесёт окончательную ясность. Так что расследование в любом случае обречено на прекращение либо приостановление.

Если причины смерти мужа не слишком интересовали Людочку, – по крайней мере, поначалу, – то самый факт сей смерти преследовал её постоянно. Стоило закрыть глаза, в памяти снова и снова всплывал все тот же кошмар – гора иссиня-черной плоти, возвышающаяся на грязных смятых простынях, тучи мух; даже запах тления преследовал Людочку ещё целую неделю после случившегося, где бы она ни находилась. «И в распухнувшее тело раки чёрные впились», – строки, и в школьные годы вызывавшие у неё дрожь невольного отвращения. «Безобразно труп ужасный посинел и весь распух». Бр-р-р! Теперь она знала – поэт не преувеличивал. Напротив. Зрелище смерти может быть куда более отталкивающим, нежели любые поэтические фантазии.

Но как только стали известны выводы комиссионной экспертизы, – особенно, в части довольно противоречивых умствований специалистов о вероятностном механизме повреждения сонной артерии, – Людочка потеряла покой. От одного предположения, одной мысли о том, что же именно такое *на самом деле* могло произойти с Юрием Карловичем, у неё внутри все обмирало.

Когда следователь предложил ей ознакомиться с заключением экспертизы, – в качестве вдовы покойного и, соответственно, потерпевшей по делу она имела на это полное право, – Людочка не решилась отказаться. Дабы не уронить высокое звание вдовы и просто из любопытства. Однако ещё не дочитав до конца объёмный многостраничный документ, она горько пожалела о своей сговорчивости. Ибо почти физически ощутила, как в сердце просачивается страх. Противный, холодный и липкий. Тягостное, непередаваемо мерзкое ощущение. Точно проглотила огромного слизняка. И тот ползает теперь где-то внутри, подле самого сердца, пятнает его отвратительными студенистыми выделениями. Один из участвовавших в экспертизе патологоанатомов высказал мнение, что-де найдись исследуемый труп в каком-нибудь лесном массиве или хоть парке, раны на шее вполне можно было бы отнести к следам деятельности всяких разных хищников, а так – остается лишь разводить руками и списывать всё на чересчур позднюю стадию разложения. Ибо какие хищники в квартире? Людочке немедленно пришло на память выражение злобного торжества – то самое, что примерещилось ей перед отъездом из города в блестящих глазках Гроах. Невероятным, почти мучительным усилием воли Людочка отогнала от себя это видение, подавила страшную догадку. Правда, ненадолго.

О Гроах в тот роковой октябрьский день, разом превративший её из жены во вдову, Людочка вспомнила далеко не сразу. Лишь когда был подписан протокол осмотра, тело Юрия Карловича уже увезли, а полицейские, понятые и криминалисты перестали, наконец, слоняться вокруг нестройными толпами, Людочка ахнула и бросилась на второй этаж. Она забежала к себе в спальню и с облегчением выдохнула – Гроах мирно почивала на её

постели, все на том же месте, будто и не прошло целых семи дней с момента их расставания. Гроах заслышала шаги хозяйки, подняла морду и зевнула. Людочка счастливо рассмеялась. Она не одна на свете – с ней по-прежнему её Гроах!

Теперь же Людочка боялась возвращаться домой, боялась встретиться глазами со своей Гроах и невольно прочесть в них подтверждение собственным невероятным догадкам. Покинув кабинет следователя, она долго бродила по вечерней набережной, потом заночевала у подруги. Благо та жила недалеко – на Комсомольском проспекте.

Сразу после памятного приезда из деревни ей уже пришлось несколько ночей провести вне дома, а крысу запирать в спальне – в квартире трудилась целая бригада самых квалифицированных уборщиков и дезинфекторов известной клининговой компании. Но сейчас – совсем иное дело, Людочке было элементарно жутко. Она просто-напросто сбежала. Сбежала, малодушно страшась взглянуть в лицо действительности. А может и не действительности, а только своим фантазиям и страхам.

Минуло долгих три дня прежде чем Людочка сумела-таки заставить себя войти в родной подъезд и подняться на пятый этаж. Перед дверью она замешкалась – правду сказать, её до колик в животе пугала фатальная неизбежность предстоящей встречи. Встречи с кошмаром, неотступно преследовавшим её все эти дни и ночи. Людочка взглянула на часы – десять утра; Гроах скорее всего спит. Стараясь производить как можно меньше шума, Людочка зашла в прихожую; сделавшимися вдруг странно непослушными руками сняла плащ, осторожно скинула с ног туфли. Снова эта подкатывающая к горлу тошнота, судорожное стеснение в груди и липкий, назойливый страх, тысячью ледяных мурашек ползущий от стоп к плечам и дальше – к кистям рук. Медленный подъём по винтовой лестнице – с каждой ступенькой сердце её начинало трепыхаться, как пойманная в силки птица, а воля и решимость таяли. Вот, наконец, коридор и дверь в спальню. Людочка замерла, не в силах двинуться с места и преодолеть охватившее её оцепенение. Тщетно пыталась она встряхнуться и сделать шаг – ноги не слушались её, всё тело сотрясал неудержимый озноб. Она так и торчала бы здесь целую вечность, словно изваяние, порождённое взглядом одной их горгон, но дверь в спальню открылась сама. На пороге стояла Гроах.

Да, то была несомненно её Гроах. Но, Боже, как она изменилась! Вместо упитанного, тучного животного перед Людочкой предстал какой-то обтянутый шкурой скелет, и не скелет даже – тень, иссохшие крысиные мощи. Ходячее анатомическое пособие. Зловещий призрак былой Гроах.

Людочка невольно отшатнулась – Гроах вздрогнула, как от удара, чуть слышно пискнула и предприняла слабую попытку приблизиться. Людочка открыла было рот, пытаясь что-то сказать, но вместо этого вдруг развернулась и опрометью кинулась вниз по лестнице.

Опомнилась она только на улице. Мимо мелькали немногочисленные прохожие, умиротворенно рычали машины, откуда-то со стороны сквера на 2-й Фрунзенской доносились весёлые детские крики – обычная городская суета. Людочка прислонилась к морщинистому стволу старого тополя, схватилась за голову – в висках оглушающими толчками пульсировала кровь. Что же делать? Она не может, не в состоянии находиться под одной крышей с этим ужасным фантомом, живым напоминанием о странной смерти мужа. Всякий раз, видя ее, она станет думать, строить версии, теряться в догадках, что же именно произошло тогда, в те неестественно жаркие осенние дни в запертой квартире между крысой и человеком. Да и не придётся ли ей самой тоже вздрагивать по ночам в испуге, чуть заслышав, как гнусная тварь возится и копошится в изножье кровати. Разве кто-нибудь способен вынести подобную пытку? А ведь это может длиться долго, очень долго. День за днём. Годы... Нет! Проблему следует решить прямо сейчас, немедленно! Гроах сама во всем виновата, она нарушила правила. Правила надо соблюдать!

Людочка встряхнулась, взяла себя в руки и решительно двинулась обратно в квартиру.

Гроах встретила её на пороге. Как в былые времена встречал Юрия Карловича Агасфер. Едва распахнулась дверь, крыса затрусила ей навстречу, смешно подбрасывая

вверх исхудавший до самых мослов крестец. Людочка отлично понимала: стоит немного промедлить и последние капли решимости улетучатся окончательно. «Уходи прочь!» – с трудом выдавила она из себя первые попавшиеся на язык слова. Крыса вскинула морду, но с места не стронулась и как будто в недоумении уставилась на хозяйку. «Уходи! – теперь уже в полный голос крикнула, даже взвизгнула Людочка. – Убирайся! Вон из моего дома!»

Гроах съёжилась, сразу сделавшись как будто вдвое меньше ростом, робко кинула на своё божество последний, затравленный взгляд, медленно развернулась и поковыляла на кухню. Сзади она разительно смахивала на седую, страдающую радикулитом и суставными болями старуху. Чуть помедлив, Людочка зашла следом, но на кухне уже никого не было. Только приоткрытая дверца под мойкой хлопала от легкого сквозняка.

Больше Людочка никогда её не видела. Впрочем говорят, в тот же день в районе Фрунзенской набережной сразу несколько прохожих стали свидетелями удивительного зрелища: огромная, неестественной величины и худая как смерть крыса пересекла проезжую часть, каким-то чудом избежав попадания под колеса мчавшегося по всем полосам транспорта, запрыгнула на гранитный парапет и мгновенно сиганула в Москву-реку. Наиболее любопытные из очевидцев подскочили посмотреть, как крыса станет переплывать реку. Известно ведь – эти твари плавают не хуже дельфинов. Но узрели лишь широкие концентрические круги, нехотя расходящиеся по маслянистой, глянцево-чёрной воде.

Игорь ЛУКШТ

ТРЕВОЖА НЕБО МЕДЛЕННОЙ МОЛЬБОЙ

Стихотворения

Кошка и Буслаев

На вишню всё тише нисходят каскады дождя,
и листья, дрожащие в струях усталого ливня,
во влажной прохладце под хмурью небес серебрятся.
И кошка брезгливо
трясёт мокрой лапой, в осоку войдя,
под лепеты водных пульсаций и гул водосливов.

В ромашковый лес, где канавы по кромки полны
шипучей водой, где неслышно и мягко, как тени,
скользят пузыри по волне, по зеркальному дрипу.
И капли в смятенье,
буравя пространство, быстры и нежны,
влекутся со всхлипами к аркам склонённых растений.

К плетениям трав, словно дикие джунгли, густым…
Но кошка в расстройстве – упругость стеблей попирая,
громадной храминой, широкой, заросшей по цоколь, –
сантехник Буслаев
лежит на поляне в плену дремоты,
и во-до-по-то-ки натуру его омывают.

Щебечут ручьи на просторах могучей груди,
струят по рукам, что грубей, чем курильские крабы.
И ливень герою не страшен – спокойствие пашен
разлито во храпе,
он спит – до зари ты его не буди.
И снится Аркаше пейзаж мирового масштаба.

Там волны великих морей и течения рек
закованы в трубы. А боги стальных оболочек –
сантехники – статны… Клозеты чисты, и опрятны…
“Нет, нынче до ночи
никто не покормит. Бесчувственный век!”, –
и кошка невнятно буслаеву маму порочит…

Аркадий, суровый, как сфинкс в африканских песках,
подобно пустынному стражу, к векам равнодушен,
лелеет бугристую землю, за деву приемля…
И скачет по лужам
ворчливая кошка в голодных грустях –
качаются стебли... Гроза над Семёнковым кружит.

Моление над глиняным комом

Травины пыльные, обломок валуна…
Сквозь толщу стен в подвальные глубины
нисходит свет из старого окна,
где ветра вздох, где ворох воробьиный…
Мерцает в каплях серебра скульптурной глины
зелёный ком, чья плоть окроплена

Шнуром зеркальным плещущей струи.
Здесь в магме родовой, первоначальной,
сокрыты все творения мои –
рождённые и будущие чада –
отзвучия любовей и печалей,
отчаяний и помыслов рои.

Под коркой глины слышу шелест крыл,
смятенье юных губ и плеск ладоней,
и старости ворчливые хоры...
Здесь смерти необузданные кони
сквозь льды и хаос древних космогоний
летят в пещерах глиняной горы.

Я рассекаю грубой бороздой
горбы и глади глиняного поля,
тревожа Небо медленной мольбой:
«Пребудь со мной, в дни радости и боли,
в часы трудов – в обычае ль, в крамоле –
Отец Небесный, Свете тихий мой»…

Студенецкие пруды

Скажи, звёздный странник, Итакой рождённый Улисс,
что гонит потомков твоих в каждодневный круиз
по миру, по свету, по гатям родимой земли?...

В тенистых аллеях, в бездонные дни благоденствий
с мадонной моею, чреватой прелестным младенцем,
одежды овеем, сандалий тесьму припылим…

Слиянье голландских традиций и русских трудов –
окружья мостов над каналами старых прудов,
где пресненский парк, амальгамой седой полонён,
дрожит миражом в отраженьях фарфорово-хрупких,
и светятся скупо его озарённые купы…
А с тихого ль неба, с вечерних ли меркнущих крон
ссыпается варварский грай молодых воронят,
на врановом вече вещающих скорый закат.
Но солнце ещё не погасло в осоках полян,
и, пуха пухлей, золотистые лохмы соломы
мерцают сквозь травы в волокнах прохладной истомы,
и флоксовы шапки сочат сладко-сонный дурман.

Там, в звонах и гудах, в печали – о чём ли? о ком? –
прощальная ходка шмеля над дремотным вьюном.
Летун басовитый ажурные петли плетёт,
льёт сумерек росы в развёрстые зевы сосудов –
нефритово-розовых, палевых, трепетно-грудых,
прилежен и важен в плену неотложных забот.

Окликнешь ли Время – покатится медленный зов
по глади, по грусти, по неге старинных прудов,
и взгляд твой отметит проплешину мёртвых ветвей,
устало плывущие капли листов пожелтелых,
зацветшие воды, щербатых мостов обомшелость,
извивы расщелин и ржавую оспу камней.
Поведай, Улисс, отчего неизбывна тоска
и льдисты свирели великой Косой? Но пока…

пушинка, малёк, водомерка, стрекозье крыло,
лампада кувшинки, крушины шумок наговорный –
неяркого летнего дня драгоценные зёрна,
и время неспешно, и вязы вздыхают светло.
И время не властно над алым скользящим лучом
и локоном светлым, и худеньким нежным плечом...
Ковчежец небесный в зерцале каналов плывёт –
в зелёном и розовом золоте ряски вечерней
И, словно над влагой багряною грек-виночерпий,
склоняются ветви над флегмою гаснущих вод.

Иван ДЕНИСЕНКО

НЕ МЫ ПРИЧИНА ЭТОЙ ОСЕНИ

Стихотворения

* * *

Насте

В доме пахнет яблоками. В доме,
сложенном из глины и камней,
тем сильнее надо греть ладони,
чем темнее мир и холодней.

Кто сидит над чашкой, кто над чаном,
погружая ноги в белый пар,
кто, закрывшись в плед, читает чадам,
чтобы ночью каждый крепче спал.

Кошка на шкафу лежит в истоме,
вечно в полусне – ни бе, ни ме.
В доме пахнет яблоками – в доме,
выросшем когда-то на холме.

Окна, уподобившись полотнам,
дышат и колеблются едва.
В них – просторы в мареве болотном,
жухлая осенняя трава.

Кажется, что и в лесу косматом,
чья полоска вдалеке видна,
все пьяны чудесным ароматом
теста, яблок, терпкого вина.

И медведи раздувают ноздри,
и олени смотрят через лес,
и пернатый клин повис, как ножны,
на боку темнеющих небес.

В кухне жарко и ужасно тесно,
тонко вьётся стружка кожуры,
дольками становятся и в тесто
падают зелёные шары.

И во всём большом и тёплом доме,
что вступает в холода и тьму,
в кабинете, в детской, в коридоре
чутко внемлют таинству тому.

Внемлет дом, плывущий над планетой,
как свеча, с которой через падь
двигается тот, кто ночью этой
отчего-то вынужден не спать.

Внемлет вечный космос, отовсюду
приникая к окнам, где уют,
где в столовой достают посуду,
где пирог из печки достают –

в доме, что всегда немного набок,
ибо совершает оборот
вкруг звезды, неся дыханье яблок,
зябкий сад и марево болот.

* * *

Хвостом ударит рыба в озере,
метнётся ветер охладелый.
Не мы причина этой осени,
до срока вторгшейся в пределы.

Не мы источники и авторы
неодолимой зябкой смуты,
мы каждым деревом оправданы,
чьи сны не нами были сдуты.

Но мы ваганты онемения
и летописцы угасанья,
нечаянно, но, тем не менее,
имеющие к ним касанье.

Пуста проулка переносица,
мир по сезону неприкаян.
Лист за листом летит, проносится,
мы каждый щедро нарекаем.

Они закружены, заверчены,
прошиты Солнцем и Селеной.
Есть что-то общее в инерции
любого тела во Вселенной –

от мощных центров излучения
до межпланетной чечевицы.
Во всём какое-то значение,
и мы не просто очевидцы.

Сильнее кутаются в городе,
везде стремятся утеплиться.
Не мы источник зябкой горечи,
перекосившей эти лица.

Но мы свидетели сгорания
холстов, что дивно колоритны,
предугадавшие заранее
и фабулу, и алгоритмы.

И мы старатели задумчивой реки,
чья песнь неповторима:
всю жизнь записывай, заучивай,
но все попытки будут мимо.

В ней блики плещутся и отзвуки,
струясь от самого истока
до устья этой славной осени,
в пределы вторгшейся до срока.

Как много жёлтого и белого!
Мы погружаемся в пространство
не в поисках иного берега,
а чтоб на месте не остаться.

Там – тайны жизни неизученной,
просторы в скважине замочной…
За всё, что встретим за излучиной,
благодарим Тебя заочно.

* * *

Время закончилось, формы оплыли,
в землю втянулись холмы.
Дремлют дома из спрессованной пыли.
Десять минут до зимы.

Двери вросли, потеряв очертанья,
снами заилено дно.
Холод сквозь парк пробирается тайно,
всеми замечен давно.

Птицы над нами, и тучи, и листья,
бледное вымя Луны.
Тени пространства торопятся слиться,
непостижимо длинны.

Шарики в ветках – проколоты, сдуты.
Спят под водой погреба.
Тихо плыву на обломке минуты,
стрелкой секундной гребя.

Небо потрескалось, формы просели,
пустоши – в первом снегу.
Время до цели узнаю у цели,
если добраться смогу.

Лёгкая птица на голову села,
рыба коснулась ступни.
Как бы здесь ни было сыро и серо,
всё-таки мы не одни.

Пусть напролёт всю неделю и даже
далее этих семи
датчик твердит: ситуация та же –
десять минут до зимы.

Даже когда переулки белёсы
и продолжения нет –
в мареве дня воспаряют берёзы
и претворяются в свет.

* * *

По некоторым признакам уже
среда, и если б только это как-то
меняло жизнь на нашем этаже,
где атмосфера вечного антракта, –

то даже в этом случае едва ль
я пил бы кофе чуть быстрей, имея
расчёт нащупать нужную педаль
и выбрать путь короче и прямее.

Что будет, то само придёт сюда –
в кафе, в котором сонно и в котором
по некоторым признакам – среда,
ничуть не тяготящая повтором;

сюда, где малолюдно, несмотря
на близость туристических диковин,
бледнеющих в дыханье ноября –
они плывут, и мы их не догоним.

Они идут, как лодки иль плоты,
по времени – к неведомым заставам,
чей свет порой сквозит из темноты,
но чей приход мы явно не застанем.

Он сам сюда придёт, придёт сюда –
в холодный мир, в потоки водной пыли,
где чёрный парк и тусклая слюда,
где, как казалось, мы когда-то были.

И тень в окне, в потоке бытия
мучительно взыскующая центра,
по некоторым признакам не я,
но это субъективная оценка.

Бегут по стёклам, тают рубежи.
Дождь на скамье читает томик Сартра.
Подсядь к нему, мой друг, и расскажи
о планах на сегодня и на завтра,

и, если вспомнишь, то и на вчера.
А мне, на вас взирающему немо,
по некоторым признакам – пора,
хотя и это – только теорема.

Пора на север – это там, вдали;
и свой этаж я назову теперь вам:
он пятый – если счёт вести с земли,
а если с неба – я живу на первом.

* * *

Среди немых и вздыбленных коряг,
когда уходит солнце, обагрив,
за неименьем водки пью коньяк
и спотыкаюсь, пробегая гриф.

За неименьем сна смотрю окно.
Там так темно и сыро потому,
что, вероятно, это всё же дно,
а если так – уже не потону.

Сигнала нет. Антенны съела ржа.
На проводах повис аэростат.
И многие, от сырости дрожа,
довольно скоро жабры отрастят.

И чем их упрекать в неправоте,
уж лучше спать, не размыкая век.
Но я не сплю – гадаю по воде:
мне выпадет, по всем приметам, снег.

Он выбелит, всего себя раздав,
живейшую из видимых планет,
и это, в общем, будет неспроста
в условиях, когда сигнала нет;

когда в тягучей зыбкой пелене
знакомо всё (не в этом ли подвох?) –
и лишь через слова даётся мне
всё то, что нужно, чтобы сделать вдох.

Михаил СМИРНОВ

ПЕРЕСТУПИТЬ ПОРОГ

Рассказ

Опершись на толстую суковатую клюку, старик прищурился и взглянул в сторону берёзовой рощицы, что виднелась за околицей. Вот уже десяток лет минуло с того дня, как жинку отнесли на мазарки. Думал, что его быстрее отвезут на кладбище, но оказалось, она опередила. Не болела, не жаловалась на хворь, а всё суетилась по хозяйству, но потом, как-то сразу слегла, неделя не прошла, как сгорела, сожгла её хвороба. Молчала, а напоследки прошептала, чтобы простил её, непутёвую. Сказала, потянулась к нему, вздрогнула, откинулась на подушку и всё – ушла. Тихо ушла, спокойно, только лицо было хмуроватое, словно сейчас откроет глаза, погрозит пальцем и опять начнёт выговаривать, что он до чёртиков допился.

Старик вздохнул. Проводил взглядом стадо коров, бредшее по улице. Кивком поздоровался с пастухом, не замечая, что он о чём-то спросил. Отмахнулся от соседки, которая назойливо рассказывала ему про Ваську – тракториста, что он, зараза, проехал по её огороду и перемесил аж почти всю картошку, а скоро уже надо копать. И теперь она не знает, хватит картохи до весны или нет. Старик достал папироску. Закурил, натужно закашлялся, растёр плевок галошей, затянулся ещё раз, поплевал на окурок и бросил под ноги. Курица, копошившаяся в пыли, тут же бросилась к нему, ухватила папироску и с квохтаньем помчалась во двор, к подружкам, похвастаться своей добычей.

…Скрипнули тормоза. Из-под колёс врассыпную бросились куры. Заклубилась пыль, оседая на придорожной траве. Водитель, лет сорока, в расстёгнутой до пупа рубахе, в линялых джинсах, устало вздохнул, пригладил короткие волосы и растёр лицо ладонями. Неторопливо поправил фотографии, висевшие над стеклом. Подхватил приготовленную большую сумку. Открыл дверцу и спрыгнул на землю. Оглядел новый грузовик. И выглянув из-за кабины, забасил:

– Эй, дедок, здесь ли живёт Помидоркин? – тихо хохотнул и сказал. – Пустишь на постой?

Старик привстал со скамьи, приложил ладонь лодочкой к глазам, поправил очки с дужкой, замотанной синей изолентой и, прищурившись, стал всматриваться сквозь толстенные стёкла.

– Я-те дам, Помидоркин! – заворчал он, снял фуражку, ладонью провёл по лысине и пригладил узкий разлохмаченный венчик волос. – На постой, говоришь? Ну, чуток постой, обормот, постой, а опосля можешь в управу вертаться. Там поживи. Ишь, нашли Помидоркина, – сразу зашевелились чернущие брови-гусеницы и он стал бурчать, что ему много всего обещали, а ничего не сделали, все обманщики, начиная от завсклада и заканчивая председателем колхоза, и поэтому пусть все катятся к чёртовой матери или к его соседке, Катьке, которая разнесла это прозвище по всей деревне.

– Ну, а меня-то пустишь переночевать? – появившись из-за машины, засмеялся водитель и быстро сбежал по откосу насыпной дороги. – Здорово, дедка Лёша! Здорово, старый ворчун!

– Андрюшка, шалопай, приехал! – опираясь на клюку, дед поспешил навстречу. – Я уж не чаял, что увижу тебя. Думал, не дождусь, а ты взял и прикатил. Ох, молодца, Андрейка! Опять шуткуешь над стариком, да? Проходи в избу, проходи. Умойся, да за стол. Ужин простыл. Знаешь, а надысь Верка прибегала. Полы пошкрябала, увидишь, какие чистые. Не успел извазякать. В избу-то захожу токмо поспать и всё. Ещё бельишко простирнула да на огороде повозилась. А председатель, зараза, так и отправляет ко мне командировочных, так и норовит подселить, но я всех гоню в шею. Пущай у себя устраивает,

куркуль. А утречком я курицу зарублю. Лапшичку сварганим. Да, Андрюшка? – и всё заглядывал в лицо, и всё теребил за рукав.

Андрей заметил, как старик обрадовался. Разговаривал, прыгая с пятого на десятое. Так было всегда, когда он приезжал в деревню. Приезжал в командировку, а бывая проездом в соседние районы, обязательно заворачивал на денёк к старику, у которого всякий раз останавливался, ежели заносило в эти края.

– Дед Лёша, какая курица? – скидывая обувь на крыльце, сказал Андрей. – Им же лет сто не менее, а петух – тот ещё в революцию горланил, сигналы подавал.

– Эть, неугомонный! – поправляя сползающие очки, хрипловато засмеялся старик. – Всё изгаляешься надо мной, шалопай, всё подсмеиваешься? Андрюха, ты знаешь, а моя внучка, Анютка, замуж засобиралась. Ох, времечко бежит – страсть! – открыв дверь в избу, зашлёпал по широким половицам. – Проходи, Андрейка, проходи, – и сразу же загремел чугунками.

Поставив сумку возле двери, Андрей осмотрелся. Всё было, как и раньше. Обшарпанная печь, рядом с ней стояли закопчённые чугунки, стол скособочился возле оконца, в углу висели иконы, и чуть теплилась лампадка. Громко тикали ходики. На полу протянулись старенькие половики. Возле входа висела фуфайка да плащ неопределённого цвета на толстенных гвоздях, а под ними стояла небольшая скамеечка. Тут же, возле вешалки, примостился рукомойник. Скинув рубашку, Андрей потянулся и ковшиком долил в рукомойник воды.

– Разве она не уехала в город? – склонившись над старенькой раковиной, прибитой к стене, отфыркиваясь, сказал Андрей. – Ты же говорил, будто Аннушка поступала в институт.

– Ай, – дед махнул рукой и протянул полотенце. – Вот, возьми утирку. Чистая! Поступила, а потом перешла в этот или на этот… Ну, как его… Тьфу ты, забыл! Ну да ладно, бог с ним. Надумала замуж выскочить и хорошо. Парень-то нашенский, деревенский. Здесь будут жить. Ну и правильно! Нечего от родной землицы отрываться, нечего… А бабка Дарья, что в проулке жила, так в город к сыну укатила. Сказала, что навсегда. Хе-х! Зиму перекантуется, а к весне вернётся. Не выдержит жизни-то городской – суета, да и только. Хе-х! – опять хмыкнул старик и начал расставлять тарелки.

– Пусть выходит замуж, – пригладив мокрые волосы, сказал Андрей. – Детишки появятся, и ещё раз станешь прадедкой Лёшей. Нянькаться будешь. Пелёнки да распашонки менять и стирать. Это же хорошо! – и усмехнувшись, уселся на старую расшатанную табуретку.

– Опять смеёшься, злыдень? – насупив кустистые брови, добродушно заворчал дед Лёша. – Только и делаю, что с внучатами да правнучатками нянькаюсь. Ладно, боятся, что могу и крапивой отстегать, а то бы заездили меня, старика. А тебя, Андрюшка, я ещё вожжами отхожу. Понял? – опять перепрыгнув в разговоре, сказал он и погрозил скрюченным пальцем.

– За что накажешь? – сверкнув шалым взглядом, удивлённо сказал Андрей. – Не успел появиться, а уже хотят отлуп дать. Всё, пойду, возьму сумку и отправлюсь на уборочную. Эх, ну и встретил дорогого гостя, дедка Лёша… – и нарочито нахмурился.

Уперев руки в боки, притопнув ногой в старом драном носке, старик поправил сползающие очки и опять погрозил пальцем, что делал постоянно, когда Андрей шутил над ним.

– Будто бы не знаешь за что, – покачав головой, с ехидцей сказал он. – А кто своим дально… Как его… Долна… Ай, забыл! – дедка Лёша махнул рукой. – Кто шоферюгам сказал, как меня в деревне обзывают, а?

Андрей засмеялся, взглянув на ершистого старика.

– Это, дедка Лёша… – откинувшись к ободранной стене, сказал Андрей. – Я уже устал говорить тебе, а ты каждый раз продолжаешь меня носом тыкать. Ну, сам подумай, если сказать твоё имя, водители полдня бы по деревне катались, чтобы тебя разыскать, а так, едва у первого встречного спросили про Помидоркина и сразу же показывают на твой дом. Ты же стал знаменитостью из-за прозвища, – и, не удержавшись, громко расхохотался.

Запыхтев, старик взъерошил седой венчик волос, ожесточённо пошкрябал небритый подбородок, скрюченным пальцем поправил очки и исподлобья взглянул на постояльца.

– Уже сколько лет мне прохода в деревне не дают, а тут ещё ваши наезжают да потом своим другарям рассказывают, – сдвинув густые брови, заворчал старик, продолжая греметь посудой. – Хоть из дома не выходи. Вот уж угораздило получить прозвище. Скоро по всей матушке-Рассеи прославлюсь из-за бестолковой соседки, – и, усевшись на лавочку, в который раз начал рассказывать, как получил прозвище. – Это осенью было, почти перед холодами. Сельпо-то рядышком. Сижу утречком, в оконце посматриваю, а сосед, Витька – обормот, из-за забора выглянул и махнул рукой, чтобы я вышел. Пока бабка возле печи возилась, я схватил папиросы, буркнул, что пошёл покурить, прошмыгнул мимо неё и быстрее на крыльцо, а там уже Витька дожидается. Ох, тоже любил погулять – страсть! Шепчет, чтобы я закусь взял и показывает две бутылки. Ну, а какая закусь-то? Только помидорки с огурчиками да сало. А сальцо-то возле моей старухи лежало в ящике. Не возьмёшь. Сразу поймёт. Ну, я заскочил в избу, чашку схватил и только хотел выйти, как бабка спросила, что я надумал. Ну и того… Говорю, что солёненького захотелось. Моя-то знала, как я любил помидоры. Посмотрела на стол, а в чеплахе горкой помидорки с огурчиками лежат – это я с вечера достал. И сейчас опять собрался. Видать, смекнула, что её обманываю. Нахмурилась и велела, чтобы я дрова принёс. Надо печь растапливать да хлеб выпекать, а меня дёрнуло сказать, что не царское дело с поленьями возиться и выскочил из хаты. Кто же от дармовой водки откажется? Токмо дурачок. Вот я губы-то раскатал на бесплатную водку. Ну, а бабка промолчала. Я обрадовался! Как был в пиджачке, так и выбежал. Кое-как в сараюшку пролез в галошах. Грязюка была страшенная! Соседу шепнул, чтобы в баню отправлялся и меня ждал. Сам-то нырнул в погреб. Помидорчики с огурчиками полную чашку наложил, из сарайки появился и смотрю под ноги, чтобы не упасть-то. А бабка с крыльца, как бросила в меня чеплаху со вчерашними помидорами и гаркнула, что, мол, вот тебе, царское отродье, угощеньице. Извольте выкушать! И надо было такому случиться, здоровенная помидорина угодила мне по лысине и расползлась на голове, я от неожиданности, может, с перепугу – не знаю, как рванулся в сторону, ноги скользнули по грязи, и я, с размаху угодил рожей-то прямо в корытце, в котором моя старуха поросяток кормила. Поднимаюсь, раскорячился, с меня всё течёт, вся башка в помидорке, очки залеплены, а она, как увидела, так на крыльце и уселась. И тут, как нарочно, соседку принесло. Витьку своего потеряла, зараза! На меня посмотрела, а бабка говорит, что новую помидоркину корону примеряла, а сама закатывается, заливается. Соседка заохала, потом стала хохотать и быстренько рванула по деревне, всем растрезвонила, как бабка приголубила меня. Вот с той поры и прозвали Помидоркиным. Эх, да… Вот, Андрюшка, всем бы таких жинок, как моя была! Нет, таких уже не найдёшь. Перевелись… – и старик замолчал.

Андрей, приезжая в деревню, всякий раз слышал историю, как баба Таня отучила дедку от солений. Уже много лет прошло с той поры, как её не стало, а дед Лёша постоянно о ней вспоминал и, как Андрей подмечал в разговорах, тот частенько наведывался на старое кладбище и подолгу там сидел, рассказывая новости, разговаривал с баб Таней, а бывало, просто присаживался на скамеечку и молчал, посматривая куда-то вдаль и о чём-то думал. Может молодость вспоминал, может свою жизнь перебирал, словно странички переворачивал – никто не знает. Но всегда возвращался домой притихшим, задумчивым, присаживался на крылечке и осматривал опустевший двор, старую поленницу, что вытянулась вдоль покосившегося забора, с десяток кур, копошащихся в пыли и вздыхал, понимая, что без хозяйки, дом становится пустым и холодным. Умирает дом-то…

– Ладно, дедка, хватит меня разговорами кормить, – нахмурившись, сказал Андрей. – Ужинать-то будем? Аж в животе урчит! Да, ещё… В пакете гостинцы привёз. Ну и чекушечку прихватил… – и хитровато взглянул на старика.

Дедка Лёша засуетился, нижняя губа мелко задрожала и отвисла, обнажив краешки обкуренных щербатых зубов. Недоверчиво взглянул на Андрея, потянулся, раскрыл пакет и, заметив бутылку, заулыбался и потёр ладони.

– Эть, молодца, Андрейка! – он поставил чекушку на стол, вопрошающе взглянул на постояльца, сокрушённо вздохнул и вытащил рюмку из шкафчика. – Уважил старика, уважил. Ну, может капельку, а?

– Нет, дедка, нельзя, – качнул головой Андрей. – Утром в соседний район ехать. Я же на денёк отпросился, чтобы тебя навестить. Работы много. Хороший урожай собрали. После уборочной, сразу домой рванём, даже сюда не заверну. Сам пей, тебе же привёз гостинец.

– Эх, ну и ладно, – довольно махнул рукой старик. – Мне больше достанется. Хотя, погодь… Винишко испробуешь? Что? А-а-а, внучка с женихом приходили, вот и осталось. Ты же знаешь, я не уважаю винцо. Так, одно баловство… Лучше стопочку белоголовки тяпнуть. Хотя, какая сейчас белоголовка? Ерунда! Вот раньше была – да, водка! Стакан принял на грудь и пошёл частушки горланить по деревне. А теперь, опрокинешь бутылку и не можешь себя найти с утра. Одним словом – отрава!

– Нет, дедка, не хочу, – опять отказался Андрей. – Чем угощать-то будешь?

– Было бы что выпить, а закусь всегда найдём, – дед Леша поправил очки, хитровато взглянул на Андрея и загремел чугунками. – Ага, хочешь картошечку с буряками? Ага, не откажешься… Ну, тогда твоё место возле корытца, куда я рожей ткнулся, – и попёрхиваясь, залился тонким смешком. – Эть, как поймал тебя! Не всё надо мной смеяться, Андрюшка. Может, кашкой пшённой покормить? Не любишь? А мои цыплятки наперегонки бегут. Ох, скусная! – и опять прокатился смешок.

Прислонившись к стене, Андрей, улыбался и наблюдал за дедкой Лёшей. Ему нравилось смотреть, как дедка суетится, радуясь встрече. Суетился, не зная, чем угостить, куда посадить своего постояльца, к которому привык за долгие годы. Да и Андрей тоже привык к нему. Выкраивал денёк-другой, мчался сотни километров, чтобы встретиться со стариком, гостинец ему передать, а потом поговорить по душам, что дедка Лёша очень любил, особенно, если чуток выпьет. Казалось, этот денёк-другой быстро пролетали, но в то же время, они были долгими. Засиживались до третьих петухов. Нравилось слушать, как дедка рассказывал про свою жизнь, про семью, детей и внуков с правнуками. Постоянно говорил про бабу Таню, которую давно уж схоронил, но всегда о ней помнил и при случае, рассказывал, как они жили. Пусть частенько повторялся, но Андрею интересно было его слушать. Так и сидели до рассвета, пока на тарелках и в чеплашках ничего не оставалось, всю ночь гоняли чаи из самовара с баранками, пряниками да всякой карамелькой, какая находилась в запасах у старика. Едва ложились, чтобы немного вздремнуть, как до Андрея уже доносился бубнящий голос – это дедка Лёша выгонял пару овечек, а потом принимался кормить прочую живность. Затем начинал греметь чугунками, кастрюлями, что-то шкворчало на кухоньке, чем-то гремел, потом распахивалась дверь, и дедка теребил за плечо…

– Андрюшка, оглох что ли? – донёсся голос старика. – Вечерять-то будем, али как? Я такой супчик сварил, аж язык проглотишь. Третий день не могу доесть, и никто не заходит, зараза, чтобы помочь.

Устало растерев лицо, Андрей взглянул на дедку, который стоял возле него, держа в руках чекушку.

– Что? – тряхнув головой, сказал Андрей. – А-а-а, конечно будем! У меня в животе кишка кишке приговор пишет, как говаривала мать. А ты, вижу, дедка Лёша, дождаться не можешь, когда стопарик опрокинешь, да? Так и нянькаешь бутылку, так с собой и таскаешь. Наверное, на стол собирал, а её в руках держал или в кармане прятал. Видать опасаешься, что выпью…

– Эть, ну какой же ты неугомонный, шалопай! – ткнув пальцев в очки, дед Лёша поправил их, присел на краешек табуретки и торжественно водрузил чекушку на середину стола, где уже стояла початая бутылка вина. – Сам же отказался, а теперь изгаляешься над стариком, да? Ну-ну, смейся, злыдень! Вот дождёшься, отправлю в управу, пусть председатель к себе на постой берёт. У него места много! Бригаду оглоедов можно загнать и ещё место останется. Не домишко стоит, а дворец состряпал. Вот скажи мне, Андрюшка, зачем этому малохольному нужны такие хоромы, ежели вдвоём с жинкой живут, а? Перед

кем решил похваляться? Перед нами? Нет, наверное, перед курями да гусятками. А нам-то наплевать и растереть, – и, похрустывая луком, посмотрел на постояльца.

– Какой дворец? – Андрей взглянул исподлобья и махнул рукой. – Там, возле пруда, который?

– Да, на бережку стоит, – сказал дедка Лёша и, не удержавшись, потянулся за бутылкой. – Выйдет из баньки, в чём мать родила, постоит, покрасуется, по пузу похлопает, потом сверкнёт голой задницей и бултых в воду! Сперва, как стали они жить в хоромах, все бегали туда, чтобы поглазеть, а затем махнули рукой. Пущай жирует! Главное, чтобы работа была да деревенских не обижал. Ну, смотрю, заговорил тебя, а сам уже поклёвываю со стола. Давай-ка, повечеряем…

На столе возвышалась горка нарезанных ломтей хлеба. Рядом стояла солонка. На тарелках и блюдцах были разложены картошка в мундирах, лук, сало отсвечивало розоватым цветом, лежали куски пирога – это Анютка принесла. Тут же, сбоку примостилась горочка жареной мелочёвки – то ли верховка, то ли окуньки – непонятно, вишнёво светился бок бутылки с вином, а рядом с печкой дожидался старенький самовар.

– Эх, дедка, так и знал, – горестно вздохнул Андрей, и хитровато взглянул на старика. – Себе-то поставил рюмку, а мне из горлышка пить, аль в тарелку с супчиком налить, а? – и, подперев подбородок, он посмотрел на старика.

– Ну, злыдень! – у старика задрожала губа, обнажая прокуренные зубы. – Опять меня цепляешь. Ты же сказал, что не будешь пить. Эть, ну и балаболка! – и, развернувшись на табуретке, открыл шкапчик и достал гранёный стакан. – Хороша рюмочка, Андрюшка, аль мелковата? – с ехидцей сказал он и довольно хохотнул, ткнув пальцев в очки, сползшие на кончик крупного шишкастого носа. – Наливай!

Плеснув немного вина в стакан, Андрей улыбнулся. Ему нравилось наблюдать, как ершился старик, как подсмеивался над ним, но и сам не обижался на шутки, а лишь нарочито хмурил чернущие брови-гусеницы и начинал ругать всех и вся, словно он такой сердитый, а душа-то у него была предобрая, да и характер безобидный, покладистый. Так, попыхтит, как самовар и успокоится. Ну, а «злыдень» – это его любимое слово, которое применял в любых случаях, когда шутил и, когда бранил.

– Ух, вонюча, зараза! – дедка Лёша нюхнул водку, передёрнул плечами и, неторопливо выпив, зажмурился, не глядя протянул руку, схватил со стола кусок пирога и выдохнул. – Но хороша-таки, душонку греет! – и, надкусив пирог, аккуратно положил на стол, придвинул тарелку с супом и, покряхтывая, стал шумно хлебать.

Поставив стакан, Андрей придвинул щербатую тарелку, захрустел луком, зачерпнул гущу и с недоумением посмотрел в ложку, опять помешал в тарелке и снова взглянул.

– Деда, кто супчик варил? – он медленно положил ложку. – Не Анюта, случайно? С чем сварганили?

Шумно отхлёбывая, старик прошепелявил:

– Сам кашеварил, сам. Суп санды, как называла его бабка. Что под руку попало, с тем и приготовил. Неужто, тебе не нравится? Вкусный – страсть!

Подняв ложку, с которой свисала капуста и вермишель, Андрей посмотрел на старика.

– Ты случайно не ошибся, дедка Лёша? Может, это для поросяток?

– Ага, придумаешь тоже, – утерев рот стареньким полотенчиком, прошамкал дед и вытащил из тарелки крупный мосол с мясом. – Это тоже свинюшкам, да? Нет, Андрюшка, я вкусный супчик сварил. Ух, а запашистый! – он вздохнул и прикрыл глаза.

– Ты бы ещё горох туда насыпал, – ворчливо сказал Андрей. – Что уж мелочиться-то?

– Прям, тебе не угодишь! – пробубнил дедка и потянулся за чекушкой. – Наворачивай, наворачивай… Здесь тебе и первое, и второе блюдо, словно в столовке побывал, – он взглянул на стол и шлёпнул по лбу. – Эть, старый дурень! Забыл же… Андрюшка, может в погреб слазить, а? Ну, вытащу баночки с огурчиками-помидорчиками. Хочешь?

Похрустывая косточками рыбьей мелочёвки, Андрей засмеялся, взглянул на старика, который сразу же насупил кустистые брови, чертыхнулся и погрозил ему скрюченным пальцем.

– Дедка, ты же клялся-божился, что не станешь их выращивать, – продолжая хохотать, сказал Андрей. – Сам же на всю жизнь наелся, так для кого засаливаешь?

– Это… Как его… – старик запнулся, привычно ткнул в дужку, поправляя очки, отодвинул тарелку и буркнул. – Да, от пуза наелся или накормили – не знаю! А соленья для гостей. Вот, к примеру, ты приехал, а я баночку достал и угощаю. А помидорчики да огурчики вкусные – страсть! Так могла только моя бабка Таня выращивать да солить. Ну и меня научила. Правда, сам-то не кушаю. Да… А раньше любил. Ох, как любил, пока моя старуха не отвадила. К-хе! Как вспомню, так смеюсь. Да уж, за раз меня отучила. Вот была характерная… Эх-хе-хе! – и дедка Лёша задумался, посматривал в оконце и, словно невзначай, изредка смахивал мелкие слезинки, что терялись в двухнедельной щетине. – Я же, Андрюшка, был шебутным в молодости – страсть! – насупившись, медленно сказал он. – Ох, измучилась со мной бабка! Нет, я не пропойца, как некоторые. Да, выпивал, но опосля работы или в выходной. Не успеет баб Танька оглянуться, я уже со двора ушмыгнул и быстрее к магазину. В кармане ни копейки, а домой на бровях возвращался. Ладно, летом тепло. Свалился под куст, отоспался и домой, а то и обратно к магазину. А зимой, бывало, упаду, кто-нибудь из соседей меня заметит и бабке скажет. Она схватит детское корыто, дочку возьмёт с собой, меня, как полено, загрузят и волокут, чтобы не замёрз, а я развалюсь и горланю песни. Да уж, досталось моей бабке…

Старик достал мятую пачку, вытянул папироску, дунул – табак разлетелся по столу. Вытащил другую, прикурил, выпустил сизоватое облако дыма, надсадно закашлялся и, задумавшись, опять стал смотреть в оконце, в ту сторону, где находилось кладбище.

– Ой, дедка, – шлёпнул себя по лбу Андрей. – Я же забыл! Краску в городе купил. В машине лежит. Надо баб Тане оградку и памятник покрасить.

– Что говоришь? – дед, не глядя ткнул папироску в старенькое блюдце, поморщившись, растёр грудь, достал новую и снова закурил. – Краска – это хорошо. За зиму вся оградка заржавела. Схожу опосля на мазарки, подмалюю, – он встрепенулся, поправил очки, вылил остатки водки, медленно выпил, громко закряхтел и поморщился. – Да уж, измучилась со мной бабка… – старик помолчал, потом неожиданно сказал. – Ну, ничего, скоро с ней встречусь. Чуток осталось…

– Не понял, дед, – нахмурившись, сказал Андрей. – Как встретишься?

– Понимаешь, Андрейка, чует моё сердце, что долго не протяну, – чуть запнувшись, сказал старик. – И ночами снится бабка, будто к себе зовёт. Словно иду по рощице, она появится передо мной, помашет рукой, улыбнётся и скроется. Опять выглянет, усмехнётся и снова исчезнет, будто играется со мной, как будто ждёт, чтобы за ней побежал…

– Дедка, прекрати ерунду молоть, – Андрей взглянул на старика. – Ты ещё меня переживёшь. Вон другие, кое-как ходят, а ты носишься, будто молодой. У тебя же румянец на щеках, что любая девка позавидует. А сколько работы успеваешь переделать за день – не каждый здоровый мужик справится. Выброси из головы все дурные мысли, выброси, – и он хлопнул ладонью по столу.

– День, говоришь, – старик усмехнулся, взглянув поверх очков. – Это ты встанешь утречком и ждёшь, когда же денёк закончится. А я не успею глаза открыть на рассвете, смотрю, уже ночь на дворе. Это вы, пока молодые, не понимаете, как времечко бежит. Даже не бежит, а мчится. Да уж… И не поглядывай на мой румянец. Может щеки-то и красные, зато нутро сгорело, пеплом покрылось. Жизнюшка-то пролетела, вот уже порог впереди виднеется. Осталось переступить и всё, словно тебя и не было на этом свете. Эх-хе-хе! Да уж… – он качнул головой, взял бутылку, встряхнул, посмотрев на свет, и медленно поставил на стол.

Искоса поглядывая на старика, Андрей, всё больше хмурился, подмечая, как за этот год сильно сдал дедка. Казалось бы, что он такой же шебутной, каким увидел впервые несколько лет назад, когда определили на постой к старику. А может, раньше не обращал внимания, что дед начал сдавать. Да и понятно, встречались-то вечерами, когда Андрей возвращался после поездки, умывался, ужинали вместе, и под смешливый говорок старика,

начинал засыпать, а утром опять на уборочную. И так все годы, когда бывал здесь в командировке или просто проездом.

– Ладно, дед Лёша, успокойся, – Андрей сильно растёр лицо ладонями. – На следующий год приеду, сходим на могилки, подправим оградку. Если получится, новую привезу. Ну и того… шкалик не забуду, – взглянул на старика и, хмыкнув, сказал. – Слушай, может тебе жениться, а? Глядишь, вся хвороба пройдёт.

Долгим взглядом смотрел на него старик. О чём-то думал, хмурился, и сразу начинали шевелиться брови-гусеницы, затем снова взглянул в оконце и, взъерепенившись, рявкнул:

– Ты, злыдень, – сказал он и погрозил пальцем. – Вот возьму кочерёжку да прогуляюсь вдоль хребтины, сразу забудешь про женилку. Ишь, болтун выискался! Запомни, жинка даётся один раз и на всю жизнь, а остальные бабы – это приблудные, – запыхтел, то и дело, поправляя очки и, посмотрев в окно, как-то сразу сник, сгорбился, немного помолчал и тихо сказал. – Знаешь, Андрюшка, не нужны мне другие бабки. Да и не хочется, чтобы в нашем доме, какой мы поставили ещё в молодости, где наши ребятишки родились, здесь появилась другая старуха. Вот взять вас, городских. Вы же поженились, чуток пожили и, если не по нраву, разбежались. И так всю жизнюшку ищите себе баб да мужиков. А я женился, когда батя велел. Ох, крутой характер! Голодное время было. Батяня-то сильно хворал нутрянкой, когда с войны вернулся. Весь израненный был. Мамка надорвалась на работе. Чуть живая ходила. И батька сидел, сидел, смотрел на меня, как я куролесил, а потом сказал, что поженит. Я в кошки-дыбошки! Молодой, не нагулялся ещё. А он, как врезал кулачищем по столу, аж доска лопнула. Вот такая силушка была. Да уж… Неделю со мной мучился, а потом рявкнул, что поженит на любой, кто согласится за меня выйти замуж. Я-то посмеялся и ушёл на посиделки. А батя присел на лавке возле дома и стал всех девок, кто мимо проходил и ему понравились, спрашивать, кто из них согласится. Я же шальной был, никому прохода не давал. Все отказывались, а тут Танюха с работы возвращалась. Он возьми да спроси, мол, выйдешь замуж за моего шалопая? Она тоже с характером оказалась, девка. Ну и нашла коса на камень. Сказала, что выйдет, но с условием, что в этот выходной придут сваты, а свадьбу сыграет через неделю и не позднее. Да ещё заявила, чтобы новую гармонь мне подарили. Ежели не исполнит, тогда она сделает от ворот поворот сватам. Отец аж головой завертел! А деваться-то некуда! Сам предложил. Да и девка была ладная и хозяйственная, а не какая-нибудь свиристелка. Не знаю, как у него получилось, но и сваты были, и свадебку сыграли, и кроме гармошки, которая до сей поры в горнице стоит, нам несколько ложек да стаканов подарили и штуки три утирки со скатёркой. Вот и всё наше богатство. Да уж… – и, задумавшись, долго молчал, потом опять продолжил. – Вот так мы и прожили всю жизнюшку. Любовь, любовь, вы говорите! А мы прожили, детишек вырастили, на ноги поставили, внуков дождались, а когда моя бабка умерла, знаешь, даже домой не хочу заходить. Душа болит. И в груди жжёт, будто уголёк попал. А захожу, так изба пустой кажется, словно никто не обитает в ней. Скажи, Андрейка, ты же грамотный, почему так? Одна радость, когда ребятки мои приходят или внучатки прибегают. А уйдут, сижу и посматриваю на мазарки. Сам-то здесь, а душа с бабкой ушла. Ну, ничего, немного осталось, чуток ещё. Да уж… – дедка Лёша закурил, пыхнул несколько раз, затушил и молча стал смотреть в тёмное оконце.

И Андрей молчал, опасаясь нарушить воспоминания старика. Он впервые услышал, как дедка рассказывал про жизнь. Ту жизнь, настоящую, о которой он никому не говорил, от всех скрывал. И сейчас, он был не рядом, а там, в прошлом времени, когда были живы его родители, его молодая жена, Таня, когда подрастали ребятишки и он, отправляясь домой, прихватывал кусочек хлеба или варёную картоху, чтобы угостить малышню. Времена-то были тяжёлые, голодные…

– Дедка Лёша, рановато хоронишь себя, – наконец, сказал Андрей, посматривая на ночные сумерки за окном. – Тебе ещё жить да жить…

– Нет, я отжил своё, – перебив, махнул рукой старик. – Пора в путь собираться. Я уже и вещички приготовил, чтобы меня переодели. Ты не ругайся – грех! – и, помолчав, хлопнул ладошкой по колену. – Знаешь, Андрюшка, хотя мне ещё рановато туда отправляться.

Правда! Вот Анютку замуж выдам, напьюсь от души, наиграюсь на гармошке, охальные частушки спою, а потом вернусь домой и улягусь, возьму самую большущую свечку в руки и буду лежать, покуда концы не отдам. Ей-богу, ни разу не поднимусь, даже не шевельнусь! Вот-те крест! Ты знаешь меня, я же настырный. Как сказал, так и будет, – и дедка Лёша привычно перепрыгнул с пятого на десятое. – Ну, ладно, Андрейка, что-то заговорились с тобой. Всё, забудь, что языком намолол. Это душа болит, а поделиться не с кем. Вот и развязался язык, когда ты появился. Обрадовался, что приехал к старику, что увидел тебя. Не обращай внимания. Всё, пора на боковую. Часок вздремнёшь, и я подниму тебя. Пока до района доберёшься, уже обед настанет. Иди, укладывайся на диван и поспи чуток.

– А ты, дедка? – направляясь в горницу, сказал Андрей и, потягиваясь, громко зевнул. – Правда, аж глаза слипаются. Пойду, немножко поваляюсь…

– Я тоже привалюсь, – поправив очки, сказал старик и взял фуражку. – Сейчас на двор схожу, покурю на лавочке и вернусь. Спи, Андрейка, спи, – он стоял в дверях, долгим взглядом смотрел на постояльца, медленно растирал грудь, морщился, хотел что-то ещё сказать, но потом махнул рукой и тихонечко вышел.

Едва закрыв глаза, Андрей задремал, но вскоре ему показалось, что дедка Лёша ходит по кухоньке, о чём-то бормочет и привычно звякает чугунками. Зевнув, Андрей посмотрел на тёмный проём двери, за которым стояла тишина, лишь размеренно тикали ходики. Приподнявшись, он выглянул в оконце, где в ночном сумраке едва виднелся силуэт старика и изредка мелькал малиновый огонёк папироски и едва доносился глуховатый кашель. «Почудилось» – подумал Андрей, заворочался на стареньком диване и, чуть погодя, засопел.

Он вздрогнул, когда за стеной загорланил петух. За окном тёмно-серые предутренние сумерки. Поёживаясь, Андрей накинул на плечи рубашку, вышел на крыльцо и негромко сказал:

– Дедка, хватит сидеть. Давай чаёк погоняем, и я поеду.

Старик сидел на лавочке, прислонившись к забору и молчал.

– Уснул, что ли, Помидоркин? – хмыкнул Андрей, быстро спустился, отворил калитку и похлопал по плечу. – Поднимайся, дедуль. Солнце в зените, а ты дрыхнешь, – потом вгляделся в лицо старика и не сказал, а выдохнул. – Эх, как же так... Ты же Аннушку собирался выдавать замуж, обещал матерные частушки спеть, а сейчас… Дедка Лёша, как же так, а? – он замолчал, продолжая смотреть на деда, потом оглянулся, услышав неподалёку протяжный женский крик и сказал. – Эх, старик, всё же дождался своего часа. Всё же переступил порог, повстречался с баб Таней и ушёл с ней. Ты долго этого ждал, очень долго, – Андрей присел на лавку и медленно провёл рукой по холодному восковому лицу дедки Лёши.

Григорий ГОРНОВ

ЯНДЕКС ПОЭТ

Стихотворения

* * *

Живу у Бродского в подряснике,
Как маленький жучок навозный.
Мне не увидеть света ясного,
Лишь залетает пух мимозный,
Мошка летит, сухие веточки,
Кусочки индюшачьих почек.
И я чихаю, словно деточка,
Ноздрю чью солнышко щекочет.

Яндекс поэт

новый мир читать последний номер
амфибрахий сколько ударений
как оставить анонимно коммент
ломоносов книга откровений

электронный адрес форум липки
издать книгу железнодорожный
бродский и не совершай ошибку
чёрная пластинка невозможней

муза евтушенко сколько весит
как писать французские сонеты
способ не беситься если бесит
вуз где обучаются поэты

сколько раз рыбак закинул невод
платье к лету ювелирный вырез
шведская актриса ингвар бергман
люберцы селёдка самовывоз

* * *

Ты на четверть Бог, на две четверти человек.
На одну шестнадцатую – пчеловед.
На одну тридцатую ты король.
А твоя отмершая часть – корой.

На одну шестнадцатую ты кентавр.
На две первых ты всё равно в кентах
У всех равных, поскольку седьмая часть
В руках той, у которой в руках и власть.

На сотую часть ты Яго. На сотую Арлекин.
Много частей в которых ты шут и мим.
Есть части, не занятые ничем вообще.
Есть часть, что кружится надо мной в плаще.

Есть часть в бочке, катящаяся к концу.
Есть часть, подносящая нож к лицу
Той, у которой седьмая часть,
Той, у которой в руках и власть –

Власть над тобой, надо мной и над всем вообще.
На одну тысячную ты человек в плаще.
Если в целом: тебя в этом мире нет,
Единицунанольразделитьпоэт.

* * *

Возьми меня так, чтобы цветы – из пальцев.
Тысячелистник, мать-и-мачеха и лилейник,
Ожившая муза мёртвых уже испанцев,
Сгусток воздуха, летающий по арене.

Возьми меня так, чтобы волосы снежным пухом
Испарялись, конденсировались и снова
Испарялись, когда входишь свободным духом
В меня, как стихотворение входит в слово.

Измождай меня, из спальни устрой концлагерь,
Муза мёртвых испанцев, русская шовинистка,
Чтобы я, будто атом, который попал в коллайдер,
Не мог ни кричать, ни плакать, ни шевелиться.

Отрекись от меня, чтобы общим телом
Видеть драконьи стаи, горные грозы и водопады,
Чтобы двух миров прочерченным водоразделом
Тьму и свет превращать в тысячи кровоточащих виноградин.

А когда по Стиксу загрохочут встречные грузовые,
На другой берег, прошу, перенеси над бездной,
И зажги лампады за все языки земные,
Чтобы в каждой затрепетал – небесный.

Женщина наоборот

Ты ходишь головой. Целуешь пяткой.
Коленкой смотришь. Ляжкой говоришь.
Легко все части тела увлеклись
Игрою в салки и игрою в прятки.

Под синим платьем ухо позвонка –
Признаньям пальцев так пристрастно внемлет.
И я, по пояс погружённый в землю,
Наполовину в небесах пока.

По маю снег остался лишь во мне,
В пещере тесной, скрытой костью лобной.
И ты рукой отбросила надгробье
И старый снег подбросила к луне.

Не стало платья, но остались мы.
Не стало ляжек, головы, коленок:
Взошли везде созвездия горелок
Сверхновой и пульсирующей тьмы.

Саломея

Вечернего зрения заросшие каменоломни,
Среди которых вьётся шумный каскад канала,
Расступаются, обнажая цементный завод в Коломне,
Чьи элеваторы безветрие обкорнало.
Так Афродита оставила время стареть в пещере.
Но время за годы мутировало до динамита,
И его уровень уже примерно в районе шеи,
Будто разлившаяся Нева – несчастье антисемита.
Но даже если корни его уходят куда-то к Ною,
Оно само собой порождает тысячи разных пьесиц,
Среди которых, укрытые простынёю,
Крест и звезда, пирамида и полумесяц –
Вместо тебя, поэтому кажется оспоримой
Твоя теория о суггестии вероломства,
Где жизнь испаряется с каждым словом, являясь неиспаримой,
И показывает мне карту с узкоколейками Холокоста,
Переходящими в подъездные пути логистических терминалов
Того зазеркалья, где я ногтем отскабливаю амальгаму
И вижу сквозь дыры, как новенький Терминатор
За войском идёт в заснеженную Вальхаллу.
Ты просыпаешься утром – дом твой увит метелью.
И в окно летит шестикрылым подобьем птицы
Шар бытия – и ты приспосабливаешься к виденью.
И льётся Чёрное море с левой лопатки на ягодицы.
И тонкое небо дрожит, норовящее разорваться.
И моя голова уже поднимается по душевным лозам
Твоим в сон наяву, не сравнимый с полотнами Караваджо.
И солнце в клетчатой дымке блестит подносом.

Арканар

На восточной окраине, у залива, где от палёнки
Сдохло полшколы, и от сифилиса нет отбоя,
Я сидел у проходной гарнизона и ждал Алёну,
Но она так и не вышла, после отбоя.
Солнце садилось. Заприметив во мне чужого,
Гопники курили и постреливали глазами,
Но почему-то не подходили. Произнеся полслова,
Поэт провёз на тележке коробки с карандашами.
Я слышал аллегро оркестра и органный выдох.

Луна сняла сандалии и бросила, попав мне в темя.
Небо было похоже на дно корыта,
Из трещин которого беглые вились тени.
А к Алёне когда она уже почти досидела смену
И в разнарядном журнале регистрировала приказы,
Зашёл молодой лейтенант, и предложил измену.
(Вряд ли он ожидал, что Алёна отдастся сразу)
По прямым линиям пересекали город
В гробовой тишине большие собачьи стаи.
И я стал одним из тех, кого убивает голод,
За озвученную вслух позицию о восстании.

Гранат

Среди дев ветра, разломанный изнутри,
Думающий о зубах твоих (под давлением тюрьмы сока)
восклицает в безвременье, и я слышу молитвы три:
о воде, о любви, чтобы встала с колен осока.
Он прощается долго: уже последние РЖД
Увозят двумерных духов в лабиринты твоей Канады,
И я смотрю и им в след и вижу всю жизнь в 3D,
И чувствую, как судьба встает сама на сервисные канавы –
изолинии памяти – кольца, показавшие возраст мой
Заходящей в метро, которой не примирится с ложью,
И знающей лишь, что свет, поглощённый тьмой
В мире творит, когда сеткою кровяной
С двух сторон татуируется наша кожа.

* * *

Там, где проходит жизнь Христа,
Много одиноких твоих олив,
Чтобы можно было разнять уста,
Ничего на землю не уронив.

Там, где песок летит на ладонь,
В последний момент отклоняя сачки,
Я смотрю подолгу на твой огонь,
И в белом нагаре мои зрачки.

Там, где невидимые врата
К живым замкам не пускают рук
На моих плечах, крепко сжав уста,
Уснёт заснеженный твой паук.

А там, где у смерти глаза блестят –
Там, где никто не искал любви,
Зажгутся и громко зашелестят
Твои лопатки, как буква «v».

Дарья СИМОНОВА

ФЁДОРОВНА И ЗЕЛЁНЫЙ КОТ

Рассказ

Я шагнула на корабль, а кораблик
Оказался из газеты вчерашней…

Что мы, в сущности, знаем о поздней любви, кроме того, что она невозможна? В молодости она нам кажется смехотворной, в зрелости – горькой. Потому что в ней, как и во всем, выходящим из берегов, видится опасный подвох. Но только не здесь – в отделении ортопедической хирургии. Здесь, где не только режут и удаляют, – но где взамен больного вставляют инородное, но здоровое, которое согласно нашей непоколебимой вере, облегчит и украсит нам жизнь. Даст опору. Достаточно упомянуть, что в соседнюю палату прилетела из Южно-Сахалинска 80-летняя валькирия – с двумя чемоданами без сопровождающих. Оконфузилась в уборной, бредила не умолкая, подняла хирургам тонус бессмысленностью риска – и всё же была прооперирована, хоть и пролежала перед этим на каталке в коридоре часа два. Забытая.

И ничего! Всё обошлось. Полетела обратно на отремонтированном крыле. Разве мы не живём вечно?

У анестезиолога Вильямыча дрожали руки. Это шёпотом заметила Галя. И теперь я иногда представляю, как он справляется с дрожью в половине восьмого утра, когда ему необходимо сделать укол в позвоночник очередному беззащитному голому человеку, которого просят завернуться в позу эмбриона – так, чтобы он едва не рухнул с узкого операционного стола. Зато хребет, куда должна войти игла с анестезией, выгибается горбом наизготовку, словно стебель бамбука перед тем, как треснуть. И я представляю, как Вильямыч хмуро целится, сделав перед этим окружную блокаду, благодаря которой мы не особо чувствуем этот главный укол. Который раньше – совсем недавно!– делать не умели, попадали в нерв, и люди оставались калеками… Но мы устроены так, что от неизбежности полагаемся на миф прогресса. Будто теперь не опасно. Это раньше, а сейчас… технологии. Как это смешно и странно! Потому что в игле и человеческих руках нет никаких технологий. И прогресса тоже. Всё как раньше, как пятьдесят и сто лет назад. Всё зависит от точности этих самых рук.

Но нет, по-нашему – всё зависит от магии веры в опыт. Вильямычу недавно исполнилось 70 лет. Он опытный – и всё тут. Поэтому его пальцам простителен лёгкий тремор. И ни с кем ещё ничего страшного не случилось. Это самый мощный аргумент для нас. Они – все эти хирурги – носятся по коридору, смеются, ерничают, курят на чёрном балконе. Ничего страшного не произойдет. Даже если у анестезиолога дрожат руки.

А после укола ноги «сдуваются», становятся как у мокрой тряпичной куклы, набитой песком. Нижняя часть постепенно теряет чувствительность. Но и верхняя, не сказать, что готова к мозговому штурму. Она хочет вступить в незлобивый ёрнический спор анестезиолога и молодого ассистента о том, кто будет ставить катетер. Хочется поучаствовать, потому как речь идет о твоей бренной тушке, так бессмысленно стекающей с операционного эшафота, – теперь, когда её заколдовали спинальным наркозом. Хочется объяснить, что не стоит это делать младшему по званию – хотя лично я ему доверяю, он бережный, аккуратный, с чуткой рукой. Но всё же молодым – молодые. Даже памятуя о том заезженном аргументе, что все мы для них – не женщины, а пациенты. Но, помилуйте, пациентами, в сущности, является всё население планеты, кроме затерянных в глубине континента диких африканских племён… Кого-то из этого населения молодому хирургу всё же придётся рассмотреть с необычного ракурса. Так что давайте не будем портить ему репутацию противоположного пола и гасить влечение. Словом, на данном этапе я выбираю зрелого циника. Ему уже ничем не навредишь.

Речь идёт, конечно, не о Вильямыче. Это другой анестизиолог – звезда местного значения. Балагур и любимчик. И, наверное, совсем не циник, и, наверное, с ним здорово посидеть и выпить. Анестезиолог по определению не карьерист. Конечно, ему тоже хочется на тёплое местечко. Но ему никогда не стать заведующим хирургии и не получить здесь отдельный кабинет. Притом, что ответственность он несёт не меньшую, чем оперирующий доктор. Анестезиологов душат передаваемыми из уст в уста древними сказаниями о не проснувшихся после наркоза. И неброские «работники сна», наводящие волшебный морок, с нежной лаконичной суровостью топят завесу недоверия в немудрёной шутке.

Но у Вильямыча дрожали руки. Он был не шутником, скорее рассудительным ироником. Хотел уйти на покой. И не уходил, потому что боялся пустоты. У него год назад умерла жена. Что он будет делать в пустой квартире? Дети и внуки – драгоценное, но другое. Вильямыч не из тех, кто надоедает и лезет в чужую жизнь. Это не мужское, этим занималась жена. Однако после её ухода стало понятно, что кто-то должен заниматься этим неблагодарным делом, иначе всё развалится. Просядет, разойдётся, утонет, уплывёт. И наступит пустота. Такая звонкая и неделимая, с ней не сладишь по частям. Это финишная прямая. Она может утопать в цветущей вишне и раздираемых ликованием лицах болельщиков, но свернуть вбок – на волю, в пампасы! – уже не получится. Похоже, всё всерьёз, раз главная примета жизни ретировалась. Не правда ли – тот, кого ты, пробуждаясь, видишь первым в течение без малого пятидесяти лет, – это и есть твоя главная примета…

Мне казалось, что именно в этой больнице будет подведена какая-то важная черта моей жизни. Свойство любого лазарета – казаться значимой засечкой на линии судьбы. Все потому что больница для меня – тюрьма и мука. Выдержать испытание – пройти инициацию. И ведь, «отмотав срок», я порой действительно встречаюсь с большими переменами. А здесь… много значило уже одно то, что во время операции мне сделали переливание крови. И эта кровь, как я постепенно осознала, принадлежала тому, кто был совсем не похож на меня. Решительный человек, который умеет добиваться своего. Он, надеюсь, здравствует и процветает, мой брат по крови. Благодаря ему я стала куда менее удобным человеком, чем была. Даже если пока этого никто не заметил.

Вильямыч часто заходил в нашу палату. Потому что Фёдоровна была сложным случаем. Выходило так, что наркоз ей требовался общий, и пришлось вставлять в горло трубку для вентиляции легких. Из-за этой трубки, повредившей ей нутро, она долго кашляла и жаловалась, что Вильямыч «своим шлангом ей всю глотку разорвал». Что говорить, глотка у Фёдоровны была её главным и самым мощным орудием. Она была громким весёлым любвеобильным тираном, – образчик русского характера, – и сначала я её боялась, потому что властные женщины – не моя компания. И всё же первый укол привязанности я почувствовала почти сразу – когда она заплакала после разговора с дочкой. Ничего не случилось, просто от того, что та далеко. Фёдоровна была истовой матерью и бабушкой.

Поймав себя на моментальной симпатии, я пошла в смятении бродить по больничному бродвею, восхищая коллег крейсерской скоростью. Давным-давно мне, хромой копуше, не приходилось слышать таких комплиментов. А тут, в больнице, сошла за чемпиона! Окрылённая успехом, я шла тренироваться в восхождениях и спусках по лестницам, напоминая себе вместе с приподнимающимися костылями гигантский штопор. А потом я смотрела в окно и жалела, что это не старая больница в центре города, потому что там видны деревья в старинных запущенных садах, а здесь промзоны, гряда бетонных многоэтажных коробок и зеркальный стоунхэндж Москвы-сити вдалеке. И солнце жарит как на адской сковородке! Вдобавок все вокруг боятся сквозняков – а я их жажду, как Ихтиандровы жабры – моря. Но потом мне неизменно вспоминалась одна такая дряхлая больница – там из окна был виден морг, во дворе я нашла захоронение нескольких несчастных, расстрелянных в 1930-е годы, кроме того, там я и сама была близка к совершению убийства. Редкой мерзостной породы были тамошние докторицы.

Здесь – иначе. Говорю я это осторожным суеверным шёпотом, и скорее плюю через левое плечо. Разве можно вслух хвалить доктора?! Который отпилил тебе полколена… Не зря после любого слова благодарности Галя приговаривала: «Пускай он не слышит!» –

примерно с той же благодушной интонацией, с которой мирный труженик произносит «будь он неладен». Конечно, сглазить неумеренными похвалами проще простого. Потому пациенты держат себя в руках. Есть, конечно, особые случаи. Галя, ремонтировавшая здесь уже второй сустав, невозмутимо поведала о своей бывшей соседке, которая делала врачам комплименты иного рода. Те её боялись и избегали. Хирурги-ортопеды – это вам не психиатры. Они чураются «негабаритного» поведения и избегают бесед с пациентами, даже в рамках их диагноза. Они желают сделать своё дело, и по прошествии двух недель распрощаться с нами. И никогда больше нас не увидеть. Мы вроде тоже хотим того же. Сделать – и блаженно забыть! Но если это получается, что всем дай Бог, – мы ведь друг друга помним! Мы – понятно почему. А доктора – потому что мы у них получились! Удачный опыт – жемчужина в копилку профессиональной репутации, новый виток в карьере, лакомый кусочек в жадную пасть самолюбия, материал для диссертации, доклада, статьи… Таким образом, человек остаётся на всю жизнь связанным со своим доктором тончайшей подкожной нитью памяти. Никогда больше не увидеть – и помнить на ощупь, держать наготове в узелках памяти. Амбивалентность!

А если всё не так гладко? Если мы не стали образцовыми пациентами, и не так уж хорошо живётся нам после операции. Болеем и сетуем на младшего создателя. Теперь ведь у нас не один создатель, в божественный замысел вмешался хирург, значит, он у Господа в ассистентах. А вдруг ещё – чур меня! – не прижился титановый заморский конструй?! Слабый и никудышный врач постарается вытеснить неудачу. Вплоть до низменных уловок – например, при маловероятной случайной встрече сделает вид, что не помнит, пройдёт мимо, как чужой. И даже более-менее приличный врач имеет обыкновение прятать голову в песок. Но если доктор выдающийся – что, само собой, редкость! – он и душевно, и профессионально будет больше привязан к провалу, чем к триумфу. Объяснять это бессмысленно, кто знает, тот поймет. Да и ни к чему запоминать этот редчайший случай – он выпадает раз в сто лет…

Фёдоровна же пребывала в состоянии иной амбивалентности. Она все больше раздражалась на Вильямыча за то, что горло всё саднило и кашель не успокаивался, и вместе с тем… я поймала себя на мысли, что мы говорим только о нём. И эти разговоры её тонизируют. Нет, не так – её как ребенка, успокаивало бесконечное повторение одного и того же образа. Вот я ей рассказываю, как меня только-только привезли в реанимацию – а мест нет, я стою – точнее лежу на каталке посреди маленькой тесной комнаты и оглядываю фигурантов. Вильямыч кормит Фёдоровну с ложечки – она едва очнулась после наркоза и мало что понимала. Он говорит ей, что так же кормит внуков. И мне тоже отчаянно хочется супа, притом именно такого, каким Вильямыч кормит Фёдоровну – куриного с вермишелью. Редчайший случай! Суп я не ем, это моя тридцатилетняя реконкиста против родительского обеденного диктата трёх блюд. Но после операции аппетит зверский – ведь полдня во рту девственная пустота. Куриный с вермишелью сегодня в меню, и именно его и хочется. Опять редчайший случай для моего нутра – хотеть в точности того, что тебе уже несут.

В реанимации спокойно и прохладно. Ничего не болит, местный наркоз ещё долго не отойдет, и тело пока ещё не измаялось от лежачей позы. Изголовье приподнято, тарелку с супом поставили прямо на урчащий живот. Донесёшь ложку – сизифова победа! Голод не тётка, изловчишься. С тобой нянчатся анестезиологи и медсёстры. Лови момент – ты ведь не хочешь, чтобы когда-нибудь он повторился. Боже упаси, чтобы тебе когда-нибудь было так хорошо…

Вот об этом эпизоде я бесконечно рассказывала Фёдоровне – ведь кто же, кроме меня, ещё мог это рассказать! Я была единственным свидетелем этому трогательному акту. Остальные присутствующие были в отключке, и только я чувствовала себя любопытным сусликом, встающим в степи на задние лапки, чтобы узреть приближающихся врагов. В смысле – товарищей по ревматоидному несчастью. Ревматоики в отделении были в большинстве, хотя их изрядно разбавляли «счастливцы» с травмой сустава или пациенты с неустановленным точно диагнозом. Пребывая здесь, я пробовала составить психосоматический портрет пациента, больного ревматоидным артритом – где я ещё увижу

этот типаж в таком изобилии… Давно известно, что этим заболеванием страдают преимущественно женщины. Но никто, насколько мне известно, не пытался описать этот психотип. Артрит, как я могла наблюдать, не ходит один, он любит сопутствующие заболевания. И по женской линии, в том числе. Но это тот случай, когда проблема – стимул. Одиноких я тут не видела, кроме той 80-летней героической бабули, – и то она вовсе не одна, просто за дальностью расстояния и из-за дороговизны билета родня с ней не поехала. Тесные отношения с роднёй – вот что отличает ревматоиков. Иначе им не выжить. Можно усмехнуться, что всякому больному хана без поддержки. С чем грустно соглашусь, но замечу, что не каждая болезнь способствует общительности, скорее напротив. Она выводит человека из игры постепенно, сужая круг посвящённых в его несчастье. А потом он и вовсе исчезает с горизонта. А потом исчезает совсем.

Для самых юных и беспечных из нас такой тихий уход без единой просьбы о поддержке – зияющее откровение об одиночестве. Ты захлёбываешься непостижимым вопросом о молчании. Душа осыпается, как фреска, от бессмысленной уверенности в том, что мог бы помочь, облегчить, продлить – но тебя не попросили. И только условно опытная зрелость объяснит тебе, что человек всегда просит о помощи. Только мы его не слышим. Умение почувствовать невесомый крик отчаяния – это редкость. Надо быть слишком настроенным на другого, надо почти избавиться от самого себя. Потому что этот крик – немой. Никто на грани бездны не будет бросаться к жалу жалости или вежливого сочувственного отказа. Это тот случай, когда так плохо, что уже даже и хорошо. Можно отвлечься от жидких щей и мелкого жемчуга, можно вдруг полюбить спаржу, сырные палочки, маджонг, подростковые сериалы про веселых вурдалаков, яблоки с мёдом, кофе без сахара, варган. Можно парить, тренируясь отрываться от земли. А просить не получится… разве что за тех, чьи слёзы уже сейчас чуешь по запаху. Кого ты должен научить жить без тебя.

От артрита не умирают. Но он так хитро подтачивает габитус, что расстраиваются другие системы организма. Таким образом, пожиратель суставов заметает следы, как опытный серийный убийца. Чтобы летальный исход на него никто не «повесил». Но наши милейшие 80-летние валькирии дарят нам надежду! Да и сама замена сустава – из области чудес, хотя чудо зависит от страны-производителя, от музыкальной точности хирурга и имеет срок годности. И, тем не менее, ревматоики большей частью оптимисты. Специфика болезни такова, что чаще всего её не скроешь, но при этом способность и желание трудиться сохраняется. То есть больной вынужден комментировать свой недуг. Отвечать на вопросы, «развенчивать» страшилки о том, что ты хромой не с рождения, отбиваться от настоек чертополоха и в целом агрессивного потока народной и восточной медицины. Потому что нирванная восточная медицина в её русском варианте от восточного оригинала бесконечно далека. Объяснять, что поздно пить Боржоми, когда почки отвалились, в наших пенатах бесполезно. Но русский человек всё ж таки северный азиат, и всегда будет больше доверять шаману. И дело тут не в образовании и не в доходе. Нас веками так мордует всё официально разрешенное, что мы бежим в благословенную сосновую глушь, чтобы какой-нибудь чокнутый божий одуван излечил нас толчёным хвостом гадюки. Временами и я, конечно, поддаюсь этим древним языческим верованиям. Болезнь непоправимо запускается, пока мы ищем спасения у эзотерики и очковтирательства. Каюсь – лично я тоже предпочту и дальше запускать, чем сдаться бездарным мясникам, не умеющим ни лечить, ни грамотно отрезать. Но ежели взамен отрезаемого тебе вставляют новое – почему бы не попробовать…авось приживётся.

И вот, всё это обсуждая с общественностью, выкатывая на всеобщее обозрение свою уязвимость, ревматоик превращается в стоика. И привыкает казаться почти здоровым. А от «казаться» до «быть» – всего один шаг между мирами. И Фёдоровна беспечно и безотчётно пыталась его сделать. Неунывающий человек, она превращала падение в полёт. Тогда и для меня мучительное становилось смешным, больница превращалась в пионерлагерь, – ведь если здесь не станешь ребенком, то превратишься в соляной столб.

…превращала полёт в падение, зная, что её подхватят. Дети, например. У Фёдоровны, вдовы, были хорошие дети. И внуки, и даже правнучка. Что значило «хорошие» в тот момент для меня? Во-первых, они всё время ей звонили и приезжали к ней. Во-вторых… красота в глазах смотрящего. У их матери было качество, которое я безуспешно взращивала в себе. Она умела встать горой за своих. Так, что против не попрёшь! Можно возразить – кто за своих отпрысков не вступится?! Можно вспомнить классику о том, как материнский инстинкт перетекает в материнский эгоизм. Верно. И всё же! Я сделана из мягкой горькой сердцевины, называемой чувством вины, я не могу переть грудью вперёд. Да и грудь, признаться, маловата. Если моего ребёнка ругают – я теряюсь. Страдаю. Таким образом, предаю его, вставая на сторону врага. Но даже если его ругают за дело – я должна ругать иначе, *не с ними*! Я же, потрясённая его очередным вероломным враньём, – с яростью примыкаю к карательному хору.

Почему моя мама – всегда мой заступник и импресарио, а я для своего сына – бесноватый фюрер, осознавший свой крах…

Его папенька, мой давно бывший муж, делает иначе. Он спокойно всё выслушает и неспешно ответит нечто вроде:

– Да, я вас понимаю. Парень самоутверждается. Но я с ним справляюсь. В данном же случае, это ваши проблемы. Ради вашего удобства я его ломать не буду.

И медленно удаляется. Больше его не вызывают. То есть жалуются опять мне, и в довесок ещё и на него. К нему же вопросов нет. И весь мой замес любви и тревоги за будущее, приправленный кровью и потом воспитания, отправляется, как оконфузившийся футбольный мяч, в мои же ворота. «Юрий Деточкин, конечно, виноват. Но он… не виноват!» У меня остаётся одна киноцитата в руках.

А ведь если бы я умела быстро и безапелляционно парировать – как Фёдоровна! – ко мне пришло бы со временем ангельское умение моей матушки звонить в минуты роковые, когда провальное отчаяние уносит меня в свои ядовитые воды, и всё кажется непоправимым, и жизнь – равнодушная, в лучшем случае злая пустыня. И тут раздаётся звонок, соломинка божья как живое свидетельство того, что Кто-то там, сидящий в чёрной дыре, ещё видит во всём это смысл.

Но если за родную кровь Фёдоровна стояла горой, то чужим детям она не доверяла. Она обнаружила это с первых хохотливых вздохов о Вильямыче. Я ей с радостью подыграла – она меня печально осадила: «О чём ты… у него дети, внуки. Они не дадут ему снова жениться! Дети сейчас очень эгоистичны»

Я не верю ни в какие *сейчас* и *тогда*. Просто они необходимы нашей психофизике. Дети как дети – тогда и сейчас они всего лишь не могут сдвинуть гранитную плиту стереотипа, о том, что в семьдесят лет уже не принято спариваться. Зачем? В головах плотно устоялась одна схема о молодой охотнице за деньгами. Или – охотнике. Вот они – понятно зачем. А если «молодая была уже немолода»? Так затем же, просто она уже состарилась. И теперь ищет выгоды для своих отпрысков. Какими бы мы ни были гуманистами, симпатия и любовь для большинства из нас плотно связаны с фертильностью. Дети не обязательны, но обязательна их гипотетическая возможность. И точка. А если за спиной уже не по одной семье, и дети у каждого свои, так чего же, собственно… можно ездить на море и гулять там по променаду со случайными попутчиками своей возрастной категории, можно ходить на старческие танцы или играть в парке в бадминтон. Но зачем с дуба рухнуть и вдруг жениться? Даже без штампа – всё равно это угроза здравому смыслу. Разве что помогать друг другу век доживать…

И в этом *разве что* всё дело! Мы, все остальные, на кого ещё не опустилось старческое вето, тоже помогаем друг другу жить. Жить вместе – самый простой способ обрести смысл. Хотя простота тут очень спорная.

Но Фёдоровна устало отмахивалась от свержения стереотипов.

– Не о том мы. Дело не в Вильямыче. И не в чьих-то детях… Прежде всего, мои не дадут. Ася так и сказала однажды.

Асю, внучку, Фёдоровна вырастила как дочь, так вышло. Какая-то жуткая история с невесткой, – я подробности обошла. И как будто бы Ася, вскользь обороняясь от соседского трёпа, – дескать, а что если бабушка найдёт себе нового спутника жизни? – спокойно ответила: «Тогда я больше порог её дома не переступлю». По мне, этой оплеухой умная девочка раз и навсегда отвадила охотниц до пересудов. Но Фёдоровна полагала, что в шутке лишь доля шутки. Дети привыкли, что она безраздельно принадлежит им. И памяти отца. Если второго такого нет, чего ж трепыхаться…

Тесные отношения с родными всегда чреваты. Мне подумалось тогда, мельком, что дети, что бы они ни обронили всуе, не стали бы препятствовать… союзу с Вильямычем. Побудем, наконец, дерзкими и прямолинейными и перейдём с испуганного шёпота на декларацию. Есть такие личности, которые заслужили услышать «да» на любой вопрос. Если представить, что между Фёдоровной и ирочничным рефлексирующим меланхоликом-доктором протянулась нить-переглядочка, то дети, скорее всего, были бы только «за». С оговорками, но принципиально согласны. Препятствие ж было в самой мятущейся влюблённой, которая – я уверена! – полагала, что ей не потянуть близость. Не потянуть – в том смысле, что не стать лучшей. Вступить в хрупкую сферу интимного почти для каждого из нас означает «суметь стать лучше предшественников». Кто-то очень боится не соответствовать этой миссии, кто-то априори в себе уверен, кто-то делает вид, что не думает об этом. Но все думают – с разной степенью интенсивности борьбы сознания и подкорки. Победа приходит легко к тем, кто в себе не сомневается ни на минуту. Он провозглашает себя лучшим – про себя, а потом и вслух – в разговорах с дружественными слушателями. Кто это может опровергнуть? Никто и никогда. Это же не турнир. Наглость – второе счастье. Но как семидесятилетней Фёдоровне положить на лопатки жену Вильямыча времён расцвета женственности, когда бы он у неё ни случился?! Она всё равно останется лучшей, а Фёдоровна получит утешительное второе место. Конечно, можно из отрывочных сведений слепить версию о том, что супруга была фригидна, и Вильямыч всю жизнь маялся от недостатка женской ласки. Но в такие игры прабабушке играть поздновато. Не по чину, как говорится.

Именно этого боялась Фёдоровна. Обнажиться для любви, которая так и не придёт… Но, пока я погружалась в предположения – обожаю лезть не в своё дело! – Фёдоровна изучала списки докторов при входе в отделение. Фамилия Вильямыча привела её в некоторое замешательство. «Он еврей, что ли…»

– Так это ж хорошо, – не задумываясь, ответила я.

– Почему?

Сразу не ответишь. Потому что не в поверхностно национальном дело. А в благотворной разнице материй. Спокойное ироничное достоинство – и бойкая витальность. Житель мегаполиса, каждое летнее утро купающийся в реке, – радости старого престижного района! – и рождённая на берегах Енисея любительница стерлядки… Они могли соединиться, как этно и джаз… они были единоутробной противоположности. Что же до национальностей, то меня всегда раздирает противоречие двух тенденций. Первая – гуманистически молчать об этом, ибо человек – наша общая национальность. По образу и подобию… – и этим все сказано. Душа вне этнических меток. Однако говоря о цветке, мы непременно называем его розой, клевером, ирисом или васильком… Надо очистить восприятие, чтобы столь же природно воспринимать описание встреченного нами человека.

И мне живо представилось, как Вильямыч, оказавшись в ближнем круге своей неистовой пациентки, станет куда как более защищённым от внешних и внутренних врагов. Москаль, еврей, интеллигент – ему ото всюду может прилететь камень. Фёдоровна – его грозный оберег на всех тёмных российских тропах. Вот смеху будет, если я ей об этом скажу! Но она поймёт. Мы соединяемся, чтобы помогать друг другу жить. Временами это очень опасное дело. И поздняя любовь об этом знает.

А Вильямычу трепетно необходим рядом тот, кто не боится проявлений своего естества. Закон эмпатии – телесная свобода заразительна. Дрожание рук – это боязнь потерять контроль над собой. В сущности, старый доктор боится падения во тьму. Он устал

от той предельной ясности, что царит в его голове. Устал от кубиков позитивизма, из которых выстроил своё гнездо. Он из тех интеллигенций, особей которых нужно замораживать для потомков. Иначе марсиане землян не поймут, когда настанет время встречи. Планету, как всегда, спасёт народный умелец в седьмом колене, умеющий вырезать аппендицит ножницами в тайге.

Втайне мы понуро соглашались с тем, что никакая новая подруга Вильямычу не нужна. Ему нужен отдых. Или напротив – извержение Везувия, выброс адреналина, второе дыхание? Одно очевидно – с Фёдоровной он помолодеет. Глядишь, и пройдёт тремор. Он же чувствует, где спасение: тянет его непреодолимо в нашу палату. Или просто путь мимо пролегает на балкон-курилку? Но кто его заставляет делать шаг в сторону… И зачем мне знать об этом? Подходя к этому краеугольному вопросу, я теряюсь. И, где бы я ни находилась, начинаю мять в руках зелёного кота. О нём, конечно, стоит упомянуть отдельно.

В нашей палате лежала русалочка Дина. Она была сложным случаем, её оперировали самые лучшие хирурги, и долго фотографировали её, так сказать, «до»… чтобы потом предъявить на международных симпозиумах триумфальное «после». Но – мы не говорим ни о чём таком в силу жёстко обозначенных незыблемых суеверий. Мы пока видели только «до» – ходила Дина с титаническими усилиями, – скорее ездила на инвалидном кресле, чем ходила, – и при этом была лучистой и деятельной барышней. Поэтому я и называла её про себя русалочкой. У её ложа все время копошились друзья и родственники. Поначалу я приняла её за школьницу, но ревматоики иногда выглядят намного моложе своих лет – причудливое действие принимаемых гормонов. Дина, несмотря на трудности передвижения, была владелицей магазина. Лежа в больнице, она, как любой предприниматель, держала руку на пульсе, бесконечно говорила по телефону и, в отличие от меня, нисколько не тряслась над своим ноутом, на клавиатуру которого беспечно водружалась то кофейная кружка, то туалетная бумага. Будучи хрупкой и уязвимой физически, она умудрялась быть независимой и продавала разноцветных котов. Это было всё лишь дополнение к основному одёжному ассортименту, но дополнение, как выяснилось, удачное. Одного из котов прохладного морского колера привез Дине её верный помощник, худощавый парень в джинсе. Кота он доставил вовсе не из сентиментов – некоторым больным после операции предписывалось класть подушку промеж суставов. Кот подходил для этой роли идеально, поскольку и был подушкой – очень нежной и тактильно приятной фактуры. Кот безраздельно завладел симпатиями аудитории, и вскоре вся палата заказала себе таких котов. Кроме меня – потому что в нашем доме давний слезный уговор не множить поголовье мягких игрушек – оно и без того топорщится пыльными хвостиками из всех углов.

Кота заприметил и Вильямыч, в очередной раз зашедший проведать бурлящую темпераментным эпосом Фёдоровну. О чём она говорила тогда, я уже не вспомню, но кот восседал у той спинки кровати, за которую машинально держался уставший анестезиолог. Теперь он машинально мял в руках кота.

– Это что у вас такое? – спросил он с тихой, смиренно-равнодушной интонацией, словно о второстепенном, постороннем, неважном для нынешнего лечения симптоме. Вильямыч всегда чётко давал понять, что его в твоём организме интересует, а что нет.

– Нравится? – задорно поддела Фёдоровна. – Теперь у нас коты!

– Я вижу, вы здесь надолго обосновались, – доктор, не слишком интересуясь остальными, кивнул на её растущий скарб из обновок и приобретений для внучек и правнучки. Скарб уютно очерчивал уголок Фёдоровны в нашей палате, свисая с подоконника, как жидкие часы Сальвадора Дали. Неспешность доктора и парадоксальность дворовой активистки быстро привели разговор в правильное русло, и вот уже Вильямыч распознал главное – сколько ей лет и где она живёт. Не москвичка. Это сулило трудности, но давало надежду.

– Да подари ты ему этого котэ! – вдруг по-житейски буднично предложила Галя, когда величественный силуэт Вильямыча скрылся в дверном проёме. – Ему полезно будэ пальцы разминать. А то иглой своей проткнёт кому-нить нерв – и кирдык…

На кону стояла чья-то жизнь! Тут Фёдоровна отказать не могла. Такие военные операции вполне вписывались в её масштаб. Галя имела безошибочное полесское чутьё, её слушалась даже сестра-хозяйка. Наша палата затрепетала, разрабатывая тактику решающего сражения. Как подарить кота тщательно сохраняющему дистанцию доктору? Он не возьмёт. Это первый вариант, мучительно пораженческий. Возьмёт, но после ничего не будет. Здесь возможны маневры. Горячее предложение подложить в пакет – мешок! – с котом бумажку с номером телефона было с негодованием отвергнуто. Табу! «К тому же телефон он всегда может узнать в истории болезни», – обиженно напомнила Фёдоровна. По её лицу пробегали тени ханжеских химер – это были осуждающие взгляды её молодого альтер эго. То есть её самой лет тридцать назад! Когда она была замужем и в расцвете женского естества. Из тех времён она прогоняла старика Вильямыча хворостиной. Или нет? Или просто нынешняя сама в себе взрывалась – дескать, о чём мы вообще говорим?! Какой кот, какой Вильямыч, что за вздор!

Внутренняя Фёдоровна переговаривалась с внутренней мной. Как узники Бутырки, они переговаривались условным языком перестуков. И та, истинная Фёдоровна, рассказывала истинной мне, как ей страшно возвращаться в дом, где её никто не ждёт. Истинная Фёдоровна рассказывала об этом совсем не так, как мы привыкли. Она молчала об этом, сидя на кровати, спиной к нам. Знаете, как молчит человек в больничной палате, повернувшись к тебе спиной? Смеется, балагурит, капризничает, чаёвничает… и вдруг замолкает. Да, да, «глядя в небеса», конечно. В бесконечный промзонный пейзаж с зеркальными скалами сити…

Мое же альтер эго так и не может внятно объяснить, зачем всё это… мне. Наверное, объяснять страшно, вновь и вновь натыкаясь на непонимание. И поэтому мне хочется защитить от этого страха кого-то другого. Не зря же именно советские граждане так сочувствовали борьбе чернокожих против рабства… Чужое – очевидней. Своё рабство объяснять больнее. Или, не копая глубоко, – я просто ощущаю беспорядочную и бессистемную ответственность за своих читателей? Что я могу для них сделать, кроме того, что сохраняю на манжетах отрывочные свидетельства об их жизни… Когда-нибудь я бессильно упаду и уже не встану у стены, возведённой между соотечественниками и современной прозой, рождаемой такими же бедолагами, как и я. Живущими на территории, описанной классиком русского рока как «восемь тысяч двести верст пустоты, а всё равно нам негде с тобой ночевать»… Но, несмотря на стену, я знаю, что слово моё не будет потеряно. Я уже могу говорить это без мучительного стыда за неуклюжую саморекламу, как было раньше. Когда ты смотришь, как человек читает твою книгу – о, да, ты ослабляешь петлю вечного недовольства собой. Ты паришь и трепещешь. Боишься спугнуть момент истины, бабочку нирваны. А я увидела даже больше – как Галя зачиталась и отвлеклась от любимого телешоу, которое в тот момент все смотрели по динкиному компьютеру. Я не мечтала тягаться с TV. Но раз ненароком потягалась – и победила, я король на час! – выступлю защитником «малых сих». Они соскучились по книге. Им надо просто объяснить, что она ще не вмерла. И читать книги ещё живых писателей не смертельно. Далеко не все из них извращенцы, сквернословы или премиальные зануды.

После того, как Галя для меня сделала почти невозможное, я роняла невидимые миру слёзы на курительном балконе. Меня мучило желание стать лучше. Труженица из брянской глуши разбередила во мне гуманистическую традицию. Пускай я знала, что возвышенная нота не вечна. Она выветрится, и мы, сокамерники палаты имярек, разъедемся и забудем друг о друге. В смысле – они забудут. Лично я не забыла даже утиную походку хваткой старушки, которая случайно однажды заменяла заболевшую нянечку в моём детском саду сорок лет назад. Старушка разрешила мне не доесть ненавистный манный пудинг. Для меня это воспоминание – робкое свидетельство врождённого предназначения человека на Земле, и у меня это бережно хранить осколки чужих жизней. И отвечать за них перед вселенной, даже если ей всё равно.

Балкон был длинный и просторный, почти как коридор, но он обдувался всеми ветрами и нависал над бездной, как Ласточкино гнездо. Ходить по нему взад-вперёд было

куда перспективней, чем по душным больничным маршрутам. Я делала перед самой собой вид, что погружаюсь в думы, а на самом деле пыталась справиться со смятением наивной гордыни. Пока на балкон не пришёл покурить Вильямыч.

Я хотела ретироваться, чтобы не мешать доктору выкурить вечернюю сигаретку в покое, но он сказал: «Нет-нет, ходите на здоровье, вы тоже имеете право на одиночество. Палата у вас… шибко весёлая».

Благодарное смятение перемкнуло риторику, за считанные мгновения я должна была попасть в «яблочко» его подсознания. Гипноз, НЛП, любая ересь – только бы у него появилось – или усилилось! – желание узнать Фёдоровну поближе. Я просто столбенею от ответственности, когда лезу в чужую жизнь. Я же обязана – частички чужих судеб, мои читатели… И, конечно, ничего умного мне в голову не приходит. В «яблочко» попадает хладнокровный творец.

– Да, весёлая…а как же? Иначе с тоски помрёшь. А всё благодаря…

Я ошалело поняла, что, как всегда, забыла главное – имя! Все мы зовем её просто «Фёдоровна»…

– Понятно, благодаря кому, – отозвался Вильямыч, нежадно затягиваясь. Нюанс интонации был мне неясен. Это симпатия или усталость? Или усталая симпатия? Нейтральная ирония, дистанция «врач – пациент»… хотя какие могут быть дистанции у мудрого человека.

– А вы не боитесь таких людей?

Я совсем не ожидала такого вопроса. Но я должна была ответить честно. Вспомнив свой ужас, когда зашла в палату впервые, и мне хотелось бежать оттуда без оглядки. Новенького не любят, он разрывает насиженный микроклимат, он должен заслужить расположение. А как заслужить, если тут сплошное умерщвление плоти и унижение духа, ты бесправная биоединица, лишённая права на личную гигиену и вынужденная колебаться вместе с генеральной линией партии, то есть с паханом, лидером, самоизбранным по закону человеческих джунглей. Не вступать же с ним в дискуссии, право слово, отравляя жизнь самому себе! Кто был паханом в нашей палате, нетрудно догадаться… Но что-то было в этой Фёдоровне настоящее, раз я, ненавистница любой власти как главного насилия, к ней прикипела. И я ответила, как могла:

– Сначала страх, потом любовь.

Вильямыч даже не посмотрел в мою сторону. Означало ли это презрение к моим сводническим потугам? Или он так концентрировался на мысли. Он был человеком, чьи действия не поддавались толкованию на скорую руку. И только сейчас я заметила, что он в джинсах, и у него длинные ноги. Какой красивый благородный старик, подумалось мне.

Больше я его не видела. С котом вышла странная история. Фёдоровна отправилась к нему в кабинет, он был тронут, но сказал, что примет подарок в день её выписки.

– Вам ведь он нравится. Вот и побудьте с ним подольше.

Вежливый отказ? На то он и вежливый, чтобы могли тешить себя иллюзией. Но я верила, что Фёдоровна не должна была струсить, раз уж решилась. Карфаген должен быть разрушен, подарок должен быть подарен. А после нас хоть потоп. Всё дело в том, что струсила я. Со мной это бывает – слишком переживаю, чтобы дождаться финала. Иногда так волнуюсь, что не могу смотреть выступление сына на концерте. Лучше пусть кто-то с победным криком принесёт в клювике видеозапись – сама же изведусь в ожидании. К тому же я – вечное пугало своих желаний. Не зря же моё заболевание – аутоиммунное: иммунитет, призванный быть защитником организма, нападает на него и пытается уничтожить. Военный переворот в масштабах бумажного кораблика. Словом, за меня надо просить другим, сама же я себе всё испорчу! И ребёнку заодно, а это уже я пережить не в силах. Короче, я смылась, испугавшись аутоиммунного сглаза для столь тщательно взлелеянного сюжета. В последнюю минуту Фёдоровна должна принять решение сама, без окрестных нашёптываний и хихиканья.

Смылась – громко сказано. Напросилась на выписку у своего хирурга. Высокий брюнет с синими глазами, имеющий престижную профессию, да ещё находящийся в родстве

с начальством, как мне нашептали, – имеет возможность быть великодушным. Роскошь ни на кого не таить обиду! Резать людей мастерски и с удовольствием… По названным причинам я не могу его хвалить в лоб, но я всю сознательную жизнь мечтаю встретить такого же редактора, не изъеденного мелкой порочной амбицией, благородного талантливого увлечённого труженика, радующегося встретившемуся ему на пути самобытному литературному дару. И ко всему этому – прочно стоящему на этой земле, непотопляемому и имеющему могущественных покровителей. Но в литературе совокупности этих качеств не бывает. Что ж, признаем, хирург важнее по жизненным показаниям. Хотя в душе я буду спорить, закидывая саму себя камнями.

Итак, я выписалась, а Фёдоровна вышла из больничного заключения на следующий день. Остался ребяческий повод думать, что у меня был шанс что-то изменить. И одновременно – возможность надеяться, что лучший исход свершился без моего участия. И мы разъехались, стремительно погружаясь в привычную повседневность.

…Я его увидела в конце лета. Забытым в речном трамвайчике. Зелёного кота.

Бросило в жар, кольнуло в сюжетное сплетение. Воображение возрадовалось лёгкой разминке, переходящей в хроническое наваждение. Она приехала, они встретились? Сели на теплоходик посмотреть на московские виды. Он опять не взял подарок. Она обиделась, взыграла гордость. Сказала: «Не возьмёшь – оставлю его здесь!» Не так, конечно. Они увлеклись беседой, может, немного выпили из фляжки Вильямыча. Анестезиологи умеют пить, в отличие от многих. Но Фёдоровну, допустим, понесло… Опять не то. По соседству с ними никак не успокаивался ребенок! Они решили подарить ему кота. На удачу. А потом, что потом… почему он остался здесь? Или эта целебная игрушка обладает свободой воли? Я ж теперь никогда не успокоюсь, не воссоздав ход событий. Буду представлять, как Фёдоровна и Вильямыч, сойдя с корабля, воспарили, как влюблённые Шагала, и смеются сейчас над загадкой, которую мне задали. Над моим призванием бережно хранить частички чужих жизней. Бумажные кораблики, зелёные коты…

Но что мы, в сущности, знаем о поздней любви?

Москва 2016

Амарсана УЛЗЫТУЕВ

ПРОДВИГАЯСЬ ВНУТРИ ПЛОМБИРА

Анафоры

Всеземля

О, эта лёгкость кита в океане,
Облака лёт в пламенеющей бездне,
Очи, горящие очи зебры, летящей в саванне,
Ос невесомость тончайшей работы…

Ни возлюбить, ни обнять, ни у сердца взлелеять –
Нет ей конца, тесноте этой, ибо
Небо и звёзды, земля, океаны
Ни обратить – круговерть остановишь ты разве?...

Не укротить, как в гречихе жужжанья –
Смертно так, никогда, ни в какую,
Неповторимую, ни приручить для любви, бесконечность
Не воскресить, о душе уповая.

Как невозможно, ударившись оземь,
В камень, в траву обратиться, в планету,
Ни возлюбив, ни пожертвовав ради
Снегом, дождём, золотыми лучами…

Техника безопасного поцелуя на морозе

(*Взгляд бурята на Якутию)*

Еду в Республику Саха – кто без греха, первый брось в меня строганиной из рыбины чир!
Нету… всем блазнится она, нежная вечной мерзлотой и северным сиянием,
Да, купили меня с потрохами – за экологически чистое небо в алмазах,
За поцелуй на морозе взасос, с тобою, краса!

Во время долгого поцелуя с тобою нельзя: улыбаться, разевать рот – скуёт язык,
(Вот почему якутяне молчаливые, как мамонты),
При этом, руки держи в рукавицах, иначе пальцы примёрзнут к вселенной,
(Поэтому якутяне не размахивают руками и очень редко обнимаются)…

Где мохнатые лошади снег тебенят, продвигаясь внутри пломбира,
А башковитые волки, вгрызаясь в косулю, подранят вторую – дабы дней через 20 вернуться за нею…
Где якут, если сел на коня – превращается сразу в поэта,
И влекут блаженную рыбу в подлёдные сети психоделические воды великой Лены…

Здесь, по Аянскому тракту два века сплошь белели кости ямщицких коней,
Здесь эвен иль эвенк, юкагир или чукча – вместо компаса пользовались якутским,
И со времен ымыяхтахской культуры, здесь после краткого лета, первого снега ждут не дождутся,
И собирают в огромный замороженный куб оленье молоко – для сказочной книги рекордов Гинесса…

И чёрными полярными ночами у них всё никак не сойдутся генетические концы на якут точка ру,
И пращуров во тьме веков всё ищут, словно детдомовские своих родителей,
Черноглазые и гордые, так доверчиво смотрят в глаза, словно это я потерял их,
в бескрайних, как космос, снегах,
Узкоглазый бродяга, охмурил их красавицу-мать и бросил…

У реки

В сельве Амазонии –
Вселенной на Божьей ладони –
Дедушка в гамаке из листьев, с трубкой в правой руке, а левую под голову подложив,
Девочке восемь лет, стебелёк в мочку уха продет,
Мальчику уже семь, губа не болит совсем (ниточку-оберег недавно туда продели),
Малыш поплакал возле дедушкиного гамака и успокоился,
Да и как тут поплачешь – птицы смеются, солнце щекочет,
Дай нам тебя поцеловать! – подшучивают цветы лиан,
Старый шаман, от жизни и смерти пьян, спит в гамаке с трубкой в правой руке,
Стая жар-птиц пролетает мимо, джунгли тут как тут, все сплетни свои плетут,
Одиннадцать тысяч лет крокодил в эту реку продет,
Лыбится крокодил, видать кого-то опять проглотил,
Деревушка луки у самого края,
Девушка из реки, нагая...
Радуйся, дед, одиннадцать тысяч лет,
Рая и ада, болезней и бед во сне твоём нет…

Германия

Внутри чужой Родины
Внуков и правнуков тех, чья история – от варваров до Люфтганзы,
Вот она какая – как спящий ребёнок, трогательная и безмятежная!
Любо мне прикоснуться к люльке её крепостей и соборов,
Лоб готический её поцеловать...
Ай да братья Гримм её лесов и полей!
Дай, обниму вас, бурятские сопки баварские,
Аккуратные чёлки нежно поглажу черепичных крыш деревушек и городков,
Ахтунг! – вынянченные с умом
Гениев, познавших блаженство,
Гегеля и моего учителя Канта, и других совершенномудрых...

Ода женским причёскам

Зверокудрая эта женщина – зачем тебе,
Звёзд быстроглазых, галактикобедрых воитель,
Эклиптикогрудой песни ласкатель –
Эта богиня многогневных волос с неумолимой расческой судьбы?..

Я встречаю её с флорой и фауной самых разных причесок,
В ямах метро, в норах автобусов и трамваев, в долинах и ущельях улиц,
Кто с огненными распущенными волосами первобытными,
Кто с козьим хвостиком, а кто с китовьим фонтаном-хвостом.

Планирующие махаоны каре марсианский глаз мой ласкают,
Фланирующие буйволиные стада кудряшек, львиные прайды кудрей,
Лошадиные табуны стрижек,
Лебединые станы укладок,

А косы, боже мой, что за звери – эти косы!
Аллоха! я им кричу, Аллахум! я им пою, Ом мани! – я их молю…
Этим древнерусским косам, этим африканским дредам,
Этим средиземноморским локонам-завиткам в бесконечность…

Как будто природа через волосы женщин молит меня –
Бенвенуто, алле, я здесь – целуй меня камнем или бронзой!
Машет волосяной стихией женских головок голоуших и зимой, и летом,
Манит обратно в доисторическую нежность, в лохматые объятия, в пещеры, в берлоги, в саванны, в пампасы…….

Шарики за ролики у меня в голове,
Шарю по этому буйству природы нлошными очами восхищёнными,
Цивилизацией воскресшей – то индской, то кхмерской, то древнегреческой,
Целюсь то в одну елену прекрасную, то в другую…

Лилия ГАЗИЗОВА

ПАПА И ФУЭТЕ

Верлибры

Папа и фуэте

1

О как я мечтала о них –
Бифокальных и сферопризматических,
Да просто волшебных очках,
Излечивающих близорукость.
Ещё я хотела встретиться
С физиком Утехиным,
Который их придумал.
Вырезку из газеты
Всегда с собой носила
И показывала казанским окулистам.
Они читали и не верили,
Говорили, что этого не может быть.
В двенадцать лет
Я мечтала снять очки
И стать, наконец, красивой.
И вот мы с папой
В царстве офтальмологии –
В московском институте Гельмгольца.
Врач с татарской фамилией Акчурина
Даже читать не стала
Мою обветшалую газетную вырезку.
– Физики не врачи, – говорит.
И добавила:
– Шарлатан он.
Мечта разбилась.
Но вскоре, счастье-то какое,
Линзы появились.
И я выкинула очки свои в окно,
Именно так, в окно,
Совсем не по-взрослому
Я поступила.
Но до сих пор
Сомнения во мне гнездятся,
Не могли очки,
Носящие дивное название –
Бифокальные и сферопризматические –
Не сделать мир
Более чётким,
Более счастливым.

2

Папа не умел готовить.
Я тоже.
Он деньги мне давал,
И я шла в «Экият» обедать,
В кафе «Сказку», значит.
Меню за годы сложилось –
«Лапша куриная», «ёжики» и мороженое.
Официантки меня знали,
Уже и спрашивать перестали,
Что выберу.
А кафе было детское,
Взрослых без детей не пускали.
Однажды при входе
Одна красивая девушка мне рукой помахала
И со мной зашла.
Я подумала, что мы знакомы,
И весело проговорила с ней за обедом,
Хотя так и не вспомнила её,
А спросить постеснялась.
Она была продавщицей
Из магазина «Детский мир».
Я даже подумала,
Не познакомить ли с ней папу.
Но мысль ушла.
Потом расстались.
И только через несколько дней поняла,
Что мы и не были знакомы.
Просто она хотела пообедать в «Сказке».
Девять лет мне было.
Странно, что помню.

3

Несложно делать фуэте.
Но как не выйти
Из круга воображаемого?!..
Ловлю равновесие под Казанью,
Где в центре сада
Деревянный настил установлен
Для моих ежедневных
Тридцать два фуэте ан турнан.
Мама рисовала мелом маленький круг,
А папа – большой.
После двенадцатого –
Не я крутила фуэте,
А мир кружил меня
Вокруг яблонь и сирени,
Кустов крыжовника и малины.
И я не удерживалась
В маленьком круге.
Мама презрительно щурилась,

А папа восхищался.
После восемнадцатого –
Я и в большом круге не удерживалась.
Мама уходила в дом,
А папа восхищался.
И дивился дачный люд
На фуэте мои,
На мамину строгость,
А больше всего –
На папино восхищение…

Наталья ЕЛИЗАРОВА

ПОКА СМЕРТЬ НЕ РАЗЛУЧИТ НАС

Роман

Иногда мне кажется, что я медленно схожу с ума. А иногда – что уже спятил и даже не заметил этого. Да и можно ли ощутить безумие? Холод – да: он пробирается через одежду, которая не греет, сводит немеющие пальцы и пронизывает до костей. Жажду – да: тебе кажется, что в глотке – песок, и ты готов выпить целое озеро. Отчаяние – да: оно наваливается на тебя тяжёлой, подавляющей лапой и лишает возможности думать. Желание, если остаётся хоть немного сил, одно – поскорее освободиться от этого мрачного, парализующего гнёта, пусть даже ценою собственной жизни, а если сил нет – падать в него, как в колодец, у которого нет ни дна, ни краёв. А безумие? Оно приближается незаметно, и в его появлении нет ничего угрожающего. Ты такой же, как прежде, но вдруг замечаешь, что окружающие смотрят на тебя с недоумённой усмешкой или с брезгливым сочувствием.

На меня с усмешкой не смотрит никто. Когда я вхожу в какое-нибудь общественное заведение, люди опускают глаза, втягивают подбородок в плечи и стараются превратиться в тень – крошечную и неприметную. Я знаю, какая мысль в это мгновение сверлит их мозг: они хотят исчезнуть. Иногда я отвечаю на их ожидание, но только потому, что в данный момент они мне не нужны, а иногда – останавливаюсь напротив них и говорю всего лишь одну фразу: «Прошу следовать за мной». В этих простых четырёх словах нет ничего пугающего, но у тех, кому они адресованы, подкашиваются ноги, мертвеет лицо и в глазах застывает отупляющее оцепенение. Его я вижу и тогда, когда вообще ничего не говорю, а только пересекаюсь с кем-то глазами. Я словно кошмар наяву для всех, кого окружаю.

…Спускаясь по лестнице, слышу разговор между фрау Кауптман, квартирной хозяйкой, и её мужем.

– Ты напрасно отчитала её, – в приглушённых интонациях пожилого, похожего на сонного сенбернара бюргера слышатся непривычные ноты испуга.

– Она запустила руку в кассу. Я недосчиталась двухсот марок.

– Надо было перетерпеть, смолчать. Эта девка путается с полковником фон Штуком. Как бы она нам не навредила.

– Я – немка, – вижу, как фрау Кауптман вызывающе вздёрнула подбородок. – Мне нечего бояться.

– Лишняя осторожность не помешает, – опуская глаза, проговорил её супруг.

Увидев меня, они невнятно прошамкали приветствие и растворились в углах комнаты. Я вернул фрау Кауптман просьбой о кофе.

Она, не глядя на меня, поставила передо мной поднос с кофейной чашкой, сливочником и сахарницей. Я уточнил, что хочу чёрный кофе. Женщина безропотно унесла сливки.

Кашель – сухой и надрывный – душит её, раздирает лёгкие, колет иголками горло. Она, закрыв рот платком, спешит скрыться за фанерную перегородку, разделяющую бар и подсобное помещение. Я знаю, что увидит фрау Кауптман через мгновение, оторвав скомканный белый прямоугольник от губ и напряжённо всмотревшись в него, – пятнышко крови, расплывающееся между нечётким оттиском бледно-розовой помады. У неё туберкулёз, самая тяжёлая и запущенная форма. И именно он, а не чистейшая арийская раса – причина её непривычной смелости.

«Эта девка путается с полковником фон Штуком…» Путается – лучшего слова для неё и не придумаешь. Гильда Краузе… Умопомрачительная Гильда Краузе. Богиня, рождённая для жизни шлюхи.

…Ещё совсем недавно я был лакеем в доме её матери – баронессы Бригитты фон Краузе. Моя каморка находилась в подвальном этаже виллы. Это был малюсенький закуток между чуланом, в котором стояли плетёные корзины с грязным бельём, и прачечной; во время стирки запах отсыревшей извести вторгался в мою комнату вместе с грохотом алюминиевых тазов. Я спал, поджав под себя ноги, на топчане, сколоченном из грубых

сосновых досок и накрытом старым ватным одеялом. В углу стоял ржавый железный рукомойник, и там же, у входа, были вбиты два гвоздя: на один из них я вешал свою одежду, на другой – полотенце.

Я вставал с рассветом, в половине пятого, ложился – за полночь. Весь день мой проходил в хозяйственных хлопотах по дому, которые обычно, у других господ, выполняют женщины. Но мой наниматель, генерал фон Краузе, не признавал женскую прислугу. В Первую мировую он командовал армией, и по окончании войны, выйдя в отставку, привыкнув видеть вокруг себя только военных, он и в работники предпочитал нанимать мужчин. Исключением была прачка – прямая и тощая, как кочерга, пожилая крестьянка, жившая в деревне, расположенной в двух милях от поместья. Она приходила дважды в неделю и стирала накопившееся бельё. Развешивая на заднем дворе мокрые господские тряпки, она неизменно гундела себе под нос какой-то одной ей известный хуторской мотив. Однажды я не выдержал и сделал ей замечание: «Вот что, фрау Нольде, вы или пойте, как все нормальные люди, или молчите. От вашего гудения в ушах звенит!» Она посмотрела на меня выцветшими голубыми глазами и тихо уронила: «Хорошо». С тех пор я не слышал от неё ни звука.

После приготовления завтрака я торопился в свою комнату умыться и переодеться – утончённое обоняние баронессы не переносило запахов кухни, которыми пропитывалась моя одежда. Сменив испачканную мукой куртку на серую ливрею с позолоченными пуговицами, на которых выгравирован герб моего хозяина, я, подхватив серебряный поднос с приборами, стремглав мчался сервировать стол. Если бы я пришёл в столовую хотя бы минутой позже того, как большая стрелка часов коснулась девяти, меня ждал бы расчёт.

К тому времени чета фон Краузе уже величественно восседала за столом: генерал – с утренней газетой, баронесса – со своей болонкой. Фройляйн приходила последней. По выражению её лица я угадывал, какая порция страданий ждёт меня сегодня. Если она являлась бледной и невыспавшейся, то мои неприятности начинались тотчас же – всё своё раздражение барышня срывала на мне прямо за завтраком: не туда положил салфетку, не вымыл, как следует, руки после того, как чистил рыбу, подал холодный кофе… Но если, напротив, – в приподнятом настроении, с сияющей улыбкой на губах и с лёгкой игривостью чмокала родителей в щёки, – у меня обрывалось сердце, а в горле увязал комок: в этом случае унижения были особенно изощрёнными.

Что бы она ни выкинула, я сносил всё безропотно, хотя в душе проклинал эту избалованную, самовлюблённую сучку, вообразившую себя пупом земли только потому, что её папаше посчастливилось ограбить пол Европы в то время, когда мой отец выплёвывал под Верденом кровавые ошмётки собственных лёгких, сожжённых отравляющим газом, а старший брат корчился за неведомые ему идеалы кайзера Вильгельма от пулевой раны в живот на полях Восточной Пруссии.

Вызывать меня к себе в ванную во время купания было одной из забав пятнадцатилетней сумасбродки. Делала она это, как правило, во время отсутствия генерала – хозяин часто уезжал по делам в Берлин, и в дни, когда её мать запиралась в своей комнате с приступом мигрени.

Я приходил на настойчивый звонок фройляйн. Остановившись на пороге, опускал глаза, ослеплённый белизной её кожи. Она, выжимая жгут влажных волос, неторопливо, без малейшего стеснения отдавала приказания:

– Полотенце!

Я дрожащими руками подхватывал полотенце и протягивал ей, краем глаза успев скользнуть по округлым очертаниям её тела.

– Я зачем тебя позвала? Чтобы ты стоял, как пень?! Вытри спину, болван!

Я, стараясь выглядеть как можно более невозмутимо, помогал ей обсушиться. Она ни на минуту не переставала оскорблять меня:

– Чем от тебя несёт? Ты был на конюшне? Боже, меня сейчас вырвет! Какой мерзкий запах!.. Как только мой отец терпит в доме такое ничтожество?! Ты глуп, как пробка! Будь моя воля – давно бы выставила тебя вон!.. До чего ты омерзителен с этими прилизанными

бриллиантином волосами! Неужели на этом свете есть хоть одна идиотка, которая захочет поцеловать такую тошнотворную рожу?!..

Я с трудом сдерживался, чтобы не свернуть ей шею. «Интересно, – думал я, – а что если она будто бы невзначай поскользнётся на сверкающем кафеле и разобьёт себе череп?..» Я слыхал про такие случаи: мокрый пол, человек поторопился, оступился и… Полиции ни за что меня не заподозрить – никто ведь даже и не предполагает, что я могу здесь бывать. Фройляйн Гильда умеет хранить свои маленькие секреты от посторонних глаз.

Свой протест я осмелился высказать вслух лишь однажды:

– Прошу прощения, фройляйн, но почему бы вам не попросить вашего отца нанять вам горничную?

– На что она мне? – спросила барышня.

– Не совсем удобно, когда при вашем туалете присутствует мужчина.

– Мужчина? – в её глазах мелькнуло искренне изумление. – Ты?..

Выбегая из ванной, я слышал её громкий уничижительный хохот.

Очутившись в своей каморке, я бросился на топчан и что есть сил замолотил по подушке кулаками. Меня трясло, как в лихорадке. Я рычал, словно дикий зверь, вспоминая все самые грязные ругательства, которые только слышал в своей жизни.

В эту минуту на пороге появилась фрау Нольде, спросила, всё ли у меня в порядке. Не говоря ни слова, я зажал ей рот ладонью и втащил в комнату, рывком задрал холщовый подол платья. Фрау Нольде, вытаращив испуганные глаза, вцепилась красными, распаренными пальцами в перекрученную простыню, которую принесла с собой из прачечной. Я видел, как лопаются мелкие мыльные пузырьки на её руках, чувствовал, как влага от простыни попадает мне за ворот и стекает по спине и груди, и повторял – не знаю, мысленно или вслух, – ненавистное имя: «Гильда… Гильда… Гильда…»

Моего имени она не знала. А может быть, делала вид, что не знает. Генерал обращался ко мне всегда только по фамилии, баронесса, когда ей что-то было нужно, – движением глаз или жестом; за всю мою службу она удостоила меня не более чем десятком слов. Гильда подзывала меня к себе презрительным свистом, как собачонку, и при этом иногда добавляла: «Эй, ты!» Если у хозяев в этот момент были гости, на меня оборачивались и разглядывали, словно диковинное насекомое.

Я тысячу раз хотел просить генерала рассчитать меня и тысячу раз готов был уйти куда глаза глядят, не прося никакого расчёта. Если меня и останавливало что-то – это желание отомстить.

Убить Гильду Краузе стало для меня навязчивой идеей. Я бессчётное количество раз прокручивал в голове все детали «несчастного случая», тщательно продумывал алиби, стараясь предугадать возможные вопросы полицейских, отшлифовывал ответы на них. И в тот момент, когда мой план виделся мне безупречным, я отступал – такое убийство казалось невинной детской шалостью; мне же хотелось обречь её на самые мучительные пытки, чтобы она страдала до последнего вздоха. О, милая фройляйн Гильда, вы даже представить себе не можете, какие жуткие картины рисовало моё воображение!.. Но при таком раскладе я должен был сразу же после её смерти покончить с собой и тем самым навсегда обрубить все концы. Однако суицид в мои планы не входил. К тому же мне хотелось до конца жизни наслаждаться ароматом её агонии – пить ужас из её посеревших губ, купаться в отчаянии её остекленевших глаз. И я тянул с приведением в действие моего приговора. Как выяснилось позже – не напрасно.

Всё началось с появления в поместье приехавшего из Баварии кузена госпожи Бригитты – смазливого двадцатилетнего юноши с меланхоличным выражением лица. Скучающая баронесса оживилась и с горячим рвением принялась устраивать судьбу родственника, который числился в начинающих и подающих большие надежды дарованиях по части живописи. Генерал фон Краузе восторгов супруги по поводу художественного таланта юноши не разделил, денег на устройство выставки в столице не дал и вообще едва ли не в глаза назвал его бездельником, чем вызвал бурное негодование жены.

Размолвки следовали одна за другой. Атмосфера в доме стала буквально наэлектризованной. Ни один обед, за которым собиралась вся семья, не обходился без

скандала. Едва генерал заводил разговор о своём боевом прошлом, который, обычно, у домочадцев не вызывал никаких эмоций, поскольку все давным-давно знали не только, что именно он скажет, но и с какой интонацией, как баронесса ехидно осведомлялась: «Ты гордишься тем, что отправлял людей на бойню?» Кончалось это тем, что генерал швырял в тарелку скомканную салфетку, покидал стол и поспешно уезжал из дома.

Его отлучки стали практически ежедневными. Иногда он, никого не предупреждая, по нескольку дней проводил в Берлине, а по возвращении, уклоняясь от встреч с женой и дочерью, запирался в своём кабинете. Конфликт родителей был фройляйн Гильде только на руку. Она бессовестным образом пользовалась своей никем не контролируемой свободой, чтобы изводить меня. Её испорченная натура была изобретательна на всякие гнусные выдумки. Я, стискивая зубы, ждал предела своему терпению.

В одну из душных июньских ночей генерал вернулся в крайне скверном расположении духа. Он был пьян и сыпал площадной бранью. Прямо с порога он отправился в комнату баронессы. Я в это время подтирал лужу, которую наделала болонка, и слышал каждое слово взбешённого супруга и испуганной женщины. Вскоре из спальни донеслись женские вопли и выстрел. Я тут же побежал к себе, улёгся на топчан и притворился спящим. Спустя несколько минут он спустился в мою каморку и, глядя сквозь меня отсутствующим взглядом, велел следовать за ним.

В спальне баронессы я почувствовал подступивший к горлу спазм – вид разбрызганных по стене мозгов и осколков черепа вызвал тошноту. Он убил только художника, её не тронул – госпожа Бригитта лежала у ножки кровати в глубоком обмороке. Мы перенесли её в библиотеку, положили на диван.

Мне было велено привести в порядок комнату. На всё про всё хозяин дал мне не более десяти минут. Сам – отправился за брезентом и лопатой. Я усердно замыл следы крови на стенах, а окровавленное покрывало отнёс в прачечную и сжёг в тазу – разводить камин побоялся: летом его не топили, и это могло вызвать подозрения.

Когда хозяин вернулся, мы обернули труп с головы до ног, как египетскую мумию, спустились с ним через чёрный ход по лестнице в сад. Генерал на ходу отдавал негромкие приказания: «Когда с этим закончишь, отвезёшь её на вокзал. К тому времени она уже придёт в себя. Пусть катится за океан, с глаз подальше. Гильде говори – уехали оба». И, словно прочитав мои мысли, добавил: «Не беспокойся, она не выдаст». Я хотел спросить: «Кто? Баронесса или…», но не решился.

Зарыв тело молодого человека под старым каштаном, я переоделся и пошёл в кабинет хозяина. Его жена, бледная, с распухшими глазами, сидела, чуть покачиваясь, в кресле. Она показалась мне одурманенной. Генерал, кивая на саквояж, стоявший на столе, отрывисто говорил ей: «Там деньги и документы. Из вещей – только самое необходимое. Всё, что нужно, приобретёшь в дороге. Я дал тебе достаточную сумму на первое время. Сегодня же открою счёт на твоё имя, приедешь в Штаты – купишь дом». Баронесса поискала глазами по сторонам. Я догадался, что она ищет собаку, и спросил хозяина, могу ли принести её. «Разумеется, пусть забирает», – отозвался генерал. Я разыскал болонку и передал женщине. Она, прижав её к сердцу, зарылась носом в кудрявую шерсть и всхлипнула. Через полчаса я отвёз её на вокзал.

Когда на следующее утро фройляйн за завтраком спросила о матери, генерал, не отрывая глаз от газеты и не вынимая сигареты изо рта, холодно ответил так, как мы с ним договорились. Фройляйн Гильда пожала плечами: «Может, так будет лучше… Надеюсь, когда мама вернётся, вы перестанете цапаться?» Генерал не ответил.

Я пристально посмотрел на Гильду, задавая себе вопрос: слышала ли она ночной выстрел? Наверное, нет, иначе бы обязательно о нём спросила. Её сон не отличался чуткостью. К тому же, будучи дочерью военного, девушка привыкла к звукам пальбы, раздававшейся едва ли не каждый день, когда генерал упражнялся на заднем дворе, стреляя по пустым бутылкам, и они не пугали её.

…С отъездом супруги генерал и вовсе перестал бывать дома. Гильда была предоставлена самой себе. Целыми днями она слонялась по вилле в нарядах и драгоценностях, которые нашла в гардеробе матери. Я видел, как она, разговаривая со своим

отражением, принимает перед зеркалами картинные позы, которых насмотрелась в модных журналах. Израсходовав за два дня весь запас материной парфюмерии, она послала меня в город за румянами и помадой.

Меня в этот период времени она не особенно донимала. Иногда, правда, делала одно-два язвительных замечания: «Эй, ты! Хочешь, куплю тебе женщину? Думаю, у тебя никогда её не было… Хотя с таким уродом, как ты, я бы не стала делать это ни за какие деньги». Или: «Эй, ты! Я приказываю тебе надеть платье! Такой разваренный судак, как ты, должен носить только платье», – и тут же теряла ко мне интерес.

После того как фрау фон Краузе покинула поместье, я, по распоряжению генерала, закрыл часть пустующих комнат в доме, предварительно накрыв в них чехлами мебель. С этого дня вилла потеряла свой парадный вид, осиротела, а жизнь в ней точно замерла.

Мы с генералом заготовили для Гильды несколько слаженных ответов на случай, если она поинтересуется, пишет ли мать, но девушка о ней не спрашивала. Она будто позабыла о её существовании. Единственный вопрос, который заботил фройляйн, – это когда отец разрешит ей выезжать в Берлин на спортивной машине госпожи Бригитты. Генерал наотрез запретил ей даже думать о таких поездках. «Сейчас такое неспокойное время», – помрачнев, проговорил он.

Мы жили за городом и про неспокойное время ничего не знали. Как островитяне, затерянные среди океанской пучины. До нас не доходили никакие слухи. У нас почти никто не бывал. Из прислуги в доме остались лишь я и фрау Нольде, но и она приходила только на пару часов – постирать и погладить бельё. Если случайно мы сталкивались друг с другом в коридоре, она, ссутулившись, обхватывала костлявыми руками плечи и проходила мимо. Меня бы не удивило известие, что при моём появлении она истово повторяет про себя «Отче наш».

Однажды, во время отсутствия генерала, фройляйн, разодетая и напомаженная, точно кокотка из борделя, потребовала отвезти её в трактир. Я отказался, сославшись на запрет хозяина. Она в бешенстве плюнула мне в лицо. Я, с трудом сдерживаясь, чтобы не ударить её, утёрся рукавом.

«Твоя поганая рожа мне надоела! – орала Гильда, топая ногами. – Убирайся вон! Я увольняю тебя!» Я, стараясь выглядеть как можно более спокойно, объяснил ей, что меня на работу брал господин фон Краузе и, следовательно, только он и может уволить, а его дочь к нашему договору не имеет никакого отношения. «Он тебя вышвырнет, вот увидишь! – угрожала взбесившаяся барышня. – И не просто вышвырнет… Я скажу ему, что ты ко мне приставал, и он пристрелит тебя, как собаку!»

Никогда ещё я не был так близок к тому, чтобы осуществить своё намерение. Стиснув кулаки, я двинулся к ней. Мне помешал оглушительный грохот, донёсшийся со стороны дороги, ведущей в город. Часть горизонта осветило багряное зарево. Гильда от испуга вскрикнула. Схватив девушку за руку, я потащил её в дом и запер в комнате на ключ. Она честила меня последними словами. Проигнорировав её вопли, я сел в автомобиль баронессы и погнал его в город, а уже через пару часов знал, что отныне капризная маленькая дрянь – моя собственность, с которой я могу делать всё, что хочу.

Никогда не забуду выражение её лица, когда я объявил ей об этом. Она смерила меня сверху вниз высокомерным взглядом и постучала пальцем по виску: «Да ты спятил!» Я хотел тотчас же отвесить ей оплеуху, но сдержался – с этим можно подождать, торопиться некуда. Тщательно подбирая слова, пробуя на язык свою ненависть, смакуя её, я медленно, с растяжкой проговорил:

– Вот что, фройляйн, с этого дня забудьте свои барские замашки. Вам будет нелегко отучиться от всего, к чему вы привыкли, но надо очень постараться, – я перешёл на вкрадчивый шёпот, – иначе вы меня рассердите, а этого я вам делать не советую. Упаси вас бог хотя бы раз показать при мне свой гонор.

– Что за чушь?! – закричала она. – Ты, верно, пьян!

Я ударил её кулаком по лицу так, что она отлетела на пару метров и ударилась головой о стену.

– Ай-яй-яй, фройляйн, я же предупредил вас. Почему вы так строптивы? Нужно слушать то, что вам говорят. Внимательно слушать, фройляйн Гильда…

Она смотрела на меня, как на безумца. Я бросил ей платок.

– Утритесь, у вас подбородок в крови.

– Отец убьёт тебя… – донеслось из её угла.

– Ваш отец мёртв, равно как и другие командиры штурмовиков. Он поставил на Эрнста Рёма, а нужно было ставить на рейхсканцлера. Ему не повезло – его лошадь прибежала последней.

– Я не понимаю, о чём ты говоришь…

– А вот это вы напрасно, фройляйн Гильда, в политике нужно разбираться. А для вас – в особенности. И знаете почему? Потому что теперь для вас начинается другая жизнь.

Она сделала ещё одну попытку взбунтоваться, но теперь её наскоки меня не задевали, ведь в её глазах блистали слёзы, а в голосе слышалась дрожь:

– Я не верю, что отец мёртв. Ты лжёшь! Если он мёртв, то где его тело? И где моя мать, которая должна приехать на похороны?

– О, вы соизволили вспомнить о своей матушке! Очень мило. – Я рывком поднял её с пола за руку. – Идёмте, я вам кое-что покажу.

– Пусти, мне больно! – пискнула она, но я и ухом не повёл.

Я выволок её из дома и потащил к старому каштану. Поковырявшись несколько минут лопатой в земле, я, схватив её за шею, притянул к рыхлому чернозёму, из которого торчали скрюченные окостеневшие пальцы.

– Узнаёте перстенёк своего родственничка, а, фройляйн Гильда? Хотите взять на память?

Я ожидал, что с ней разразится истерика, но она не проронила ни слезинки, хотя в глазах её прочно поселился ужас:

– Ты убил маму и Гюнтера? – тихо произнесла она, не сводя глаз с бледной, присыпанной землёй руки.

Она сама подсказала мне отличный ход.

– Ваш отец, не я. Я лишь помог их закопать.

– За что?..

– За что он убил их? Адюльтер, фройляйн Гильда, адюльтер. Знакомо вам это словечко?

Она машинально кивнула головой.

– Я не осуждаю господина фон Краузе. Быть рогоносцем не слишком приятно. А по поводу смерти баронессы я бы на вашем месте не стал особо расстраиваться – никакой матерью она вам не была. Когда ваш отец ворвался в её спальню, где она резвилась со своим недоноском-кузеном, я слышал, что она ему сказала в своё оправдание. Она напомнила ему, что пятнадцать лет назад он привёз ей на воспитание полугодовалого ублюдка, рождённого от хорватской потаскушки, с которой таскался во время походов. То есть вас, фройляйн Гильда.

И быть хорватским ублюдком я бы на вашем месте боялся гораздо больше, чем нищеты и лишений. Не понимаете? Пожалуй, вам стоит как-нибудь послушать выступление нашего фюрера, тогда поймёте… А теперь ступайте в дом и соберите свои вещи, берите только самое необходимое. Через полчаса мы должны уехать. Нам нельзя здесь оставаться.

Она, пребывая в состоянии лёгкого шока, подчинилась без всяких пререканий. Я двинулся в кабинет господина фон Краузе. К сожалению, у меня не было ключей от сейфа, где он хранил ценности, – он всегда носил их при себе, и я вынужден был довольствоваться тем, что найду в ящиках письменного стола и шкафа. Собрав вещи, мы покинули поместье на старенькой, допотопной колымаге, возившей меня в город за продуктами. Спортивную машину баронессы я сжёг в кювете в полумиле от виллы, предварительно позаботившись, чтобы рядом с остовом автомобиля тлели обрывки документов и вещей Гильды.

К вечеру мы уже были в Берлине. Я имел достаточно денег, чтобы снять номер в приличной гостинице, но я не стал этого делать, а выбрал самую скверную ночлежку на окраине города. Очутившись с фройляйн Гильдой в комнате наедине, я несколько минут упивался её замешательством, видя, как она морщится от долетавшего с кухни запаха

прогорклого масла, которым провонял весь дом, и изо всех сил прижимает к ноздрям благоухающий жасмином платочек; как с отвращением разглядывает расплывшиеся жирные пятна на склизких желтоватых обоях, оставленные руками многочисленных постояльцев, как с испугом следит за блестящими чёрными точками на мешковатом, застиранном покрывале, пытаясь угадать – грязь это или клопы. Видя её нарастающий ужас, во мне крепло дикое животное желание. Не в силах больше сдерживать себя, я набросился на неё и, сломив её сопротивление парой-тройкой крепких затрещин, овладел ею на грязном истоптанном полу. А спустя полчаса заказал в номер бутылку рейнского и бисквиты и с большим аппетитом поужинал. Гильда к еде не притронулась: обхватив колени руками и сжавшись в комок, она тихонько плакала в углу, где я разрешил ей сесть. Я велел ей снять с меня сапоги и лёг спать.

…Иногда я задаю себе вопрос: как могла сложиться моя жизнь, если бы в ней не было Гильды фон Краузе? Был бы я счастлив? Да, наверняка. У меня никогда не было завышенных запросов, с самого детства я привык довольствоваться малым, к чему меня приучил отец, человек суровый и религиозный, у которого на всё, что бы ни уготовила для него или других людей жизнь, была припасена одна лишь фраза – «Suum cuique» – «каждому своё». Мрачная и мудрая истина.

До встречи с Гильдой я знал, что «моё» – это собственная свиноводческая ферма. И тут я был, пожалуй, честолюбивей своего отца, гнувшего спину на хозяина. С пяти лет помогая ему ходить за свиньями, я в совершенстве освоил работу скотника.

Поначалу то, что мне приказывали делать, было несложным и не требовало особых физических усилий: нарвать ботвы на огороде, помыть и очистить корнеплоды. Приготовление болтушки мне долгое время не доверяли. Отец сам рубил заготовленные мною брюкву и картофель, укладывал их в чан, перемешивал с остатками пищи, принесёнными кухаркой из столовой, и заливал водой. Но со временем это стало исключительно моей обязанностью. Причём, не без гордости могу констатировать, я варил корм не только для взрослых особей, но и для молочных поросят, чьё кормление требовало предельной осторожности: малейший промах – и свинка погибла. Я старался как можно чище мыть кормушки, тщательно обрабатывал овощи. Хрюшки, когда я заходил в сарай, встречали меня радостным повизгиванием. Иногда я брал одну из них на руки и целовал в мокрый розовый пятачок, приятно щекочущий лицо своими щетинками… Потом я стал выполнять и более сложные вещи – чистить сарай, менять подстилки. От этой работы у меня с непривычки болели руки, сводило судорогой плечи, ныли колени. Но я очень быстро освоился. Мне даже нравилось, что мои мышцы с каждым днём наливаются стальными желваками. А осознание того, что я делаю что-то полезное, наполняло меня небывалой доселе гордостью.

Несмотря на то, что отец ни разу не похвалил меня, думаю, он был мною доволен – животные, за которыми я ухаживал, всегда были ухоженными, упитанными. Когда отец брал меня на бойню, я с удовольствием глядел на весы, на которых помещались разделанные туши, – прирост живого веса иногда составлял до семидесяти килограммов.

Старик научил меня кое-каким премудростям, которые я хранил в памяти так же ревностно, как девица на выданье бережёт в сундуке своё приданное. Например, он по секрету рассказал мне, что если кормить поросят по особому методу: неделю отрубями, запаренными в кипятке, а неделю – ранетками, которые мы каждый день собирали под яблонями целыми вёдрами, – их сало будет особенно вкусным, с нежной мясной прослойкой; а если, не меняя рацион, держать на чём-то одном, то в итоге получится голимый жир.

Вооружённый такими ценными знаниями и обогащённый более чем десятилетней практикой, я мечтал о фермерском хозяйстве. И эта мысль не казалась мне невозможной и недосягаемой, стоило лишь подкопить деньжат, взять кредит и купить хороший участок. Я уже воочию видел своё подворье: несколько тёплых огороженных помещений с крытыми выгулами. У хозяина, на которого мы с отцом работали, загоны были без крыш – оттого-то после дождя там образовывалась страшная грязь, и если лето бывало дождливым, мы не успевали их чистить. Но на своей ферме я бы такого безобразия не допустил, сделал бы всё по правилам, на совесть, основательно. В свинарниках установил бы стальные перегородки. Пол соорудил так, чтобы получился небольшой уклон в сторону прохода, где устроил бы

жёлоб для сбора жидкости. По опыту знаю – хоть навоз каждый день убираешь и солому с опилками меняешь, а влаги всё равно много бывает. А свинья чистоту любит. Как говорил мой отец, это самое культурное животное, а уж он-то в них толк понимал.

Рядом с сараями я планировал вырыть погреб для хранения овощей, сколотить навес для мешков с зерном – его, конечно, пришлось бы покупать у крестьян, а вот морковь, кукурузу и сахарную свёклу можно выращивать самому. Здесь же думал построить маленькую коптильню – на свете нет ничего вкуснее колбасы с кровью и пахнущего дымком окорока!

Для начала я бы взял на обзаведение одну-две свиноматки, кабанчика и десяток голов на откорм. Отец советовал брать только племенных, породистых. «Свинья без родословной – деньги на ветер», – вот как говорил мой старик, а уж он-то был в таком деле дока. Поскольку свиньи – животные прихотливые, я бы стал приобретать их не в месячном, младенческом возрасте, а значительно повзрослевшими, чтоб уже и вес, и форму успели набрать. Это, правда, дороже выйдет, но зато и мороки меньше, а то чуть понос какой напал – и загнулся поросёнок. Если всё по уму делать, сколько убытков в хозяйстве избежать можно, а если, как иные, швырять марки направо и налево, недолго и по миру пойти… Если б ещё такую жену найти, чтоб мои взгляды разделяла и к транжирству охоты не имела, то и мечтать больше не о чем.

…Гильда фон Краузе… Как ты от всего этого далека…

В юности я подумывал жениться на дочери молочника Иде Диц. Она обладала всеми качествами хорошей жены: была трудолюбива, бережлива, добродетельна. Её сильное большое тело, напоминающее круто замешенное, хорошо сбитое тесто, свидетельствовало об отменном здоровье, выносливости и способности к деторождению. Я не сомневался, что если введу Иду в свой дом хозяйкой, то в нём всегда будут порядок и достаток. Я был уверен, что со временем смогу полюбить её, а она – меня. «Любовь рождается в браке», – говорил отец, и он был прав: если люди в согласии живут бок о бок, ведут совместное хозяйство, трудятся в поте лица, выращивают детей, то Господь им ниспосылает милость свою – благополучие и уверенность в завтрашнем дне. А разве, имея столь прочную почву под ногами, столь основательный стержень, можно быть несчастным?

Ида Диц была спокойной, молчаливой девушкой, что выгодно отличало её от деревенских хохотушек, принимавшихся заливаться по всякому ничтожному поводу. Когда мы изредка встречались в церкви, она, опустив глаза, смущённо проходила мимо. Меня волновал румянец на её щеках, вспыхивающий при моём появлении, – это был добрый знак, он означал, что она стыдлива, – а для девушки это являлось первой заповедью, – и что я ей нравился.

Я не решался с ней заговаривать. Лишь однажды, когда мы оказались совсем рядом и вокруг нас не было никого, спросил:

– Пройдёмся немного?

Она, не поднимая глаз, кивнула. Мы пошли вдоль церковной ограды.

– Ида… Я могу называть вас по имени?

Она ещё ниже опустила голову и прижала к груди молитвенник.

– Ида, я хотел бы вам сказать… Вы очень нравитесь мне… Но если вы любите кого-нибудь другого, скажите мне…

– Что вы! – она впервые за всё время нашего знакомства посмотрела на меня; на её лице читались удивление и испуг. – Как вы могли подумать? У меня никого нет.

– Простите, я не хотел вас обидеть… Я не сомневаюсь, что вы честная девушка, но… Если я вам не по душе…

– Я ничего не имею против вас… Но вы ещё так молоды… и я тоже…

– Нет-нет, не прямо сейчас, может быть, через год, два…

– Ах, это так неожиданно!.. Я, право, не знаю, что и сказать.

У меня пересохло в горле от волнения:

– Вы мне отказываете?

– О, что вы!

– Тогда я могу надеяться?..

– Поговорите с моим отцом, – отозвалась она и, прибавив шагу, присоединилась к группе прихожан, возвращавшихся со службы.

Я смотрел ей вслед и улыбался.

На дворе стоял май 1914 года. Я не помню более тихого и лучезарного месяца. Залитые солнцем холмы, аромат цветущих вдоль дороги ландышей, опушённые нежной зеленью деревья, на которые, тяжело хлопая крыльями, приземлялись аисты, завораживали своей обволакивающей элегической прелестью. Я искренне верил, что буду счастлив с Идой Диц – милой и славной девушкой, захотевшей выйти за меня замуж… Когда я вспоминаю свою жизнь до войны, передо мной встаёт одна и та же картина: ландыши, аисты и девушка с молитвенником.

Возможно, мне только кажется, что я смог бы обрести счастье с Идой Диц. Но как сладостен этот самообман! С каким наслаждением я отдавался ему, когда представлял, что в моей жизни всё могло бы сложиться по-другому!.. Ведь, если справедливо разобрать, то мы любим наших возлюбленных за наши иллюзии. Как только мы лишаемся их – божества сразу же обращаются в глиняных идолов, священные алтари разбиваются, золотые храмы сгорают дотла, а мы становимся атеистами.
И как никчёмна наша жизнь без магических чар этого опиума!.. Моя маленькая Ида, благословен тот день и час, когда ты позволила мне надеяться! Если б не ты, я бы считал, что уже при рождении Бог плюнул мне в лицо.

…Война началась спустя два месяца. Сначала призвали моего старшего брата Рихарда. Я его плохо знал. Он жил отдельно от нас, работал в Дрездене, с семьёй отношения не поддерживал. У нас в доме не было ни одной его фотографии, а лица я его совсем не помню – мне было лет пять, когда отец отправил его в город учиться на плотника. С тех пор от Рихарда не пришло ни одного письма. Что его вынудило забыть о нас, я не знаю. Отец и мать тоже никогда не заводили разговор о нём, будто его и не было вовсе. Лишь когда на Рихарда пришла похоронка, отец произнёс фразу, которая врезалась в мою память на всю жизнь: «Пошёл по дурной дорожке, а умер, как герой… Чудно́…» В его словах не было ни гордости, ни скорби – одно удивление.

Мы проводили отца на фронт через месяц после гибели Рихарда. Уезжая, он дал мне только одно напутствие – быть хорошим немцем. «Знаешь ли ты, что значит быть хорошим немцем?» – встряхнув меня за плечи, рявкнул он. Я, затаив дыхание, вытянулся в струнку. Накануне отец крепко выпил, а с похмелья он всегда был не в духе. Стараясь не разозлить его ещё больше, я молчал.

– Быть хорошим немцем – значит выполнять всё, что прикажет Германия! – орал он. – Германия приказывает – ты выполняешь! Запомнил?

– Да, отец, – я трепыхался в его стальных пальцах, как куропатка в силке.

– Не «да», а «так точно», щенок!

– Так точно!

– Германия приказывает – ты выполняешь! Повтори!

– Германия приказывает – я выполняю!

– Громче! Не слышу!

– Германия приказывает – я выполняю!

– Ещё!

– Германия приказывает – я выполняю!

Он отпустил меня – слишком резко, я с трудом удержался на ногах.

– Ты понял, что значит быть хорошим немцем? – спросил он, и в его голосе я ощутил усталость немолодого человека, которому предстоит дальняя и утомительная дорога; от былого куража не осталось и следа.

– Так точно! – во всё горло гаркнул я. – Германия приказывает – я выполняю!

– То-то же, – похлопал меня по плечу он.

Это был наш последний разговор. В феврале 1916 года отец погиб при штурме форта Домон во время газовой атаки французов.

Я не стал дожидаться приказа Германии. В июне того же года я удрал из дома, вскочив на подножку воинского эшелона, отправлявшегося на фронт. Меня арестовали на следующей

же станции, допросили и вернули матери. Помню, как она отхлестала меня хворостиной, которой обычно загоняла гусей в клеть, а я, окрысившись, обозвал её бранным словом, а потом, когда она, закрыв глаза передником, расплакалась, выпрашивал прощения. Мать не простила меня, это я знаю точно. Когда её глаза высохли от слёз, она взглянула на меня в упор и холодно, с нажимом проговорила: «Дай Бог тебе на своей шкуре испытать, что значит это слово!»

…Гильда фон Краузе… Проклятьем матери я пригвождён к этой женщине навеки.

Спустя три недели я снова сбежал из дома, и на этот раз удачно, как мне казалось: прибавив себе два года, я поступил в драгунский батальон N-ского полка. Очевидно, ангел-хранитель, огорчённый такой чёрной неблагодарностью со стороны своего легкомысленного подопечного, больше не стал предпринимать попыток уберечь меня от самого себя. Так я по собственной воле очутился в аду.

У меня не осталось ни одного воспоминания, когда бы я испытывал хоть какие-то человеческие чувства. Буквально с первых дней на передовой я перестал ощущать реальность этой жизни. Она казалась мне нескончаемым кошмаром наяву, в котором все: и я, и окружающие – были марионетками, подчинёнными чьей-то неведомой, хаотичной воле. Загибались ли мы от кровавого поноса, кололи ли мы штыком чью-то плоть, ложкой ли выуживали фасолину со дна котелка, вскидывая руки, валились ли замертво с дырой в груди – мы все находились во власти абсурда. Кому жить, кому умирать – не было никакой логики в обоснованности брошенного жребия. В редкие минуты затишья, когда пулемёты прекращали свою сбивчивую трескотню, я смотрел на небо и думал: есть ли ты, Бог? Потом этот вопрос перестал меня занимать. Возможность раздобыть табаку или высушить сапоги, промокшие от талого апрельского снега, наличие кусочков сала в сладковатом картофельном вареве – стали важнее, чем философские бредни. Бог развлекается, это ясно, ему скучно видеть меня простым фермером. «Ты привык чистить лопатой навоз, – говорит он мне, – а попробуй-ка во время рукопашного боя всадить её в чью-то хлипкую шею, она и на это сгодится». Я попробовал. Меня наградили Железным крестом. Сколько же деревянных должно было появиться ради того, чтобы он заблистал на моей груди… В то же время я старался не думать о тех, кого убил, и тем более не считал их, как другие солдаты, которые вели счёт загубленным жизням с энтузиазмом Ловеласа, обольстившего очередную неприступную красавицу. Я всего лишь солдат: Германия приказывает – я выполняю. Выполнять то, что приказывает Германия, – значит быть хорошим немцем. Вот и всё, размышлять тут не над чем.

Иногда я задумывался: что, если тот, в кого я целюсь, окажется ловчее меня? И сам себе отвечал: если уж подыхать, то мгновенно – пуф! – и наповал. Я смертельно боялся лазарета, боялся гнить заживо на кровавых простынях. Лучше уж сразу, плакать никто не будет, некому – к тому времени я уже знал, что моя мать почти сразу же после моего бегства из дома скоропостижно умерла от чахотки. Думала ли она обо мне в свою последнюю минуту? Скорее всего, нет. Чахоточные обычно угасают в бреду и беспамятстве. Если так, значит, она меня не простила…

То, чего я так опасался, свершилось – с осколочным ранением попал в госпиталь. Но, к счастью, я быстро пошёл на поправку, а потому сравнительно недолго валялся на больничной койке. Ухаживавшая за мной медсестра сказала, что я везунчик. «Рана не страшная, но если бы тебе сразу не ввели сыворотку против столбняка…» – обтирая моё плечо губкой, говорила она; запах земляничного мыла, который источала её кожа, сводил меня с ума. Не поборов искушение, я попытался обнять её за талию здоровой рукой. Она спокойно и равнодушно высвободилась: «Если б не сыворотка, то началось бы заражение». И, завершив перевязку, деловито собрала перекрученные бурые ленты бинтов и зашагала к выходу – невозмутимая, закованная в белую броню халата сестра милосердия, в которой не было ничего милосердного. «Сучка! – злобно подумал я, смотря ей вслед. – Перед офицером не ломалась бы!» Она резко обернулась. Её карие глаза пустили в мою сторону огненные стрелы. Неужели я сказал это вслух?

– Сколько тебе лет, мальчик? – насмешливо проговорила она.

– Девятнадцать.

– Не ври. Шестнадцать, не больше…

– И семь месяцев!

– О, да, семь месяцев – это существенно, – с усмешкой, но уже без издёвки произнесла она и, подойдя ко мне, положила руку на мой лоб, скользнула пальцем по щеке, на которой кое-где пробивались редкие белёсые волоски. – У тебя снова поднялся жар. Сегодня ночью у меня будет дежурство, придётся, видать, за тобой присмотреть…

После выписки из лазарета наш отряд перебросили на Палестинский фронт. В спешке я даже не успел с нею проститься. Но это ночное дежурство я потом ещё долго вспоминал – спустя некоторое время я с ужасом узнал, что заражён венерической болезнью. Моему отчаянью не было предела. Сгорая от стыда, я кинулся за помощью к товарищу. Тот, на секунду оторвав щётку от сапога, уже и без того начищенного ваксой до зеркального блеска, философски изрёк: «Сочувствую. Мою первую девушку тоже звали фройляйн Сифилис», – и посоветовал обратиться к полковому доктору.

Палестина, Месопотамия, Сирия… Череда бесконечно долгих месяцев жесточайшего напряжения и отупляющего безделья. Атаки вперемежку с эпидемиями холеры и малярии, которые выкашивали наши ряды почище любого кровопролитного сражения. И вечный спутник этой проклятой местности – палящее, изнуряющее солнце, в лучах которого мы, точно
в расплавленном олове, варились заживо с утра до ночи. Вот уж воистину ирония судьбы: находясь на Западном фронте и костенея от холода, мы молили Бога лишь об одном – согреться, попав сюда – изнемогаем от жары и снова грозим кулаком небу.

Помимо Господа, в адрес которого мы без устали сыпали бранью, кое-что перепадало и нашим турецким союзникам, чьё бездарное командование явилось причиной многих провальных операций и нашего позорного отступления. Мой товарищ Макс называл их не иначе как двуногими животными.

Макс Лауб. Мы сошлись с ним не потому, что почувствовали какую-то обоюдную симпатию и расположение друг к другу. Просто так сложилось, что он всегда был рядом. Когда я впервые попал на линию фронта, он грубо оборвал мои восторженные речи о будущем Великой Германии: «Засунь свой патриотизм знаешь куда?! Суслик хренов!» Он научил меня обматывать каску мешковиной, чтобы отблеск стали не привлёк внимание снайпера. Когда мы пробирались по затопленным грязью траншеям, он неизменно шёл впереди и предупреждал: «Не оступись, здесь яма... Башку пригни, проволока... Осторожно, снаряд!..» Именно он силой удержал меня в блиндаже, когда я во время своего первого боя, облепленный горячими ошмётками мяса и клочками обмундирования одного из убитых снарядом новобранцев, пытался в приступе паники вырваться из окопа.

До чего же он был умный, этот Макс Лауб: начитанный, разбирался в политике, спокойно и уверенно рассуждал о таких вещах, о которых я и не слыхивал. Я буквально заглядывал ему в рот и изо всех сил пытался подражать. Помню, нахватавшись верхушек в одной из прокламаций, которые с недавних пор нам регулярно подбрасывала чья-то неведомая рука, я принялся разглагольствовать о всеобщем тайном избирательном праве, а он меня высмеял: «Избирательное право, говоришь? А где была вся эта тыловая сволочь, все эти Либкнехты и прочая партийная шваль, которая сейчас горланит на каждом углу про наши права, где они были все эти четыре года, пока мы кормили червей в окопах?.. Пока мы здесь подыхали, как собаки, эти мрази жировали, разъезжали по заграницам и трахали своих потаскух, а теперь они являются этакими борцами за наши права и обливают ушатом грязных помоев то, во что мы верили и за что заплатили своими жизнями… Когда они говорят, что война проиграна, что в её продолжении заинтересованы только монархия и капитал, они дают нам понять, что мы толпа одураченных простаков, что мы напрасно воевали и сошли в могилу… Они гаже мародёров! Они превращают павших героев в оболваненных кретинов!.. Будь моя воля, я бы их всех до одного поставил к стенке!»…

Макс погиб уже перед самым окончанием войны, погиб нелепо и совсем не героически – во время привала в одной из захолустных арабских деревушек его укусила гадюка. Это было 27 октября 1918 года. А спустя две недели мы узнали, что империя пала, кайзер Вильгельм II, сложив с себя корону, бежал в Голландию, а наше Отечество было

провозглашено республикой. Нам точно ударили обухом по голове – мы почувствовали себя опустошёнными и обманутыми.

Получив справку об увольнении в запас, я задал себе мучительный и вместе с тем неизбежный вопрос: и что теперь? Я с завистью смотрел на однополчан, торопившихся после демобилизации поскорее уехать домой, – счастливые, у них есть угол, их кто-то ждёт. Я же был совершенно один: без семьи, без средств к существованию, без перспектив на будущее. Случись мне загнуться в сточной канаве, ни одному живому существу не было бы до этого дела.

Деньги, которые мне выдали при увольнении, закончились очень быстро. Я тщетно пытался найти хоть какую-то работу. Брался за всё, на что можно было купить хотя бы кусок хлеба. Работал посыльным, продавцом газет, расклейщиком объявлений, подсобным рабочим, землекопом, грузчиком на железнодорожной станции. Надрываясь, разгружал мешки с цементом и песком по четырнадцать часов в сутки, разделывал говяжьи туши в забойном цеху, за миску супа копал могилы на кладбище. Ночевал на постоялом дворе, когда в кармане звенело хотя бы несколько пфеннингов, когда нет – везде, где придётся: на скамейках в парке, под мостом, в пустых бочках из-под сельди, в хибаре, скроенной из упаковочных материалов.

Пару раз я до того сильно простужался, что начинал харкать кровью. Смерть не пугала, напротив, её приход был бы желанным избавлением от унизительного нищенского прозябания, конца которому я не видел. Но Старуха с косой упорно обходила меня стороной. Измождённый, надломленный организм отчаянно боролся за жизнь – так, словно она имела какую-то ценность, и в итоге побеждал любой недуг. Меня поражала собственная живучесть.

Всё чаще в мою голову лезли назойливые мысли о самоубийстве. По ночам, оставшись наедине с собой, я разматывал грязные тряпки и вытаскивал маузер, привезённый с фронта. С безумной радостью я крутил его в вытянутой руке, поворачивая так и сяк, отводил предохранитель и приставлял к виску. И в тот момент, когда казалось, что я готов это сделать, что-то меня останавливало. Я обзывал себя трусом, решительным жестом запихивал дуло в рот. И снова опускал руки. Когда я всё же решился нажать на курок, пистолет дал осечку. Я лихорадочно пытался повторить попытку – результат был тем же, что и прежде. Всё моё тело сотрясла истерическая дрожь. Я, как ребёнок, катался по полу и плакал навзрыд.

На следующий день я убил человека – ради бумажника и золотых часов. Меня задержали на месте преступления, прямо возле жертвы, которой я размозжил голову булыжником, судили и дали десять лет тюрьмы.

В исправительном заведении, где я отбывал наказание, я познакомился с Отто Альфартом, репортёром газеты «Фёлькишер беобахтер», попавшим за решётку по приговору мюнхенского суда после провалившегося «пивного путча», в котором он принимал активное участие. От него я впервые узнал о существовании Национал-социалистической рабочей партии, куда при первой же возможности незамедлительно вступил, поскольку её заповеди полностью отвечали моим воззрениям: я истово жаждал скорейшей агонии Веймарской республики, которая превратила меня из честного солдата, сражавшегося за величие Германии, в бродягу и отщепенца. Не терпелось также поквитаться и с моим главным врагом, растащившим по клочкам мою страну своими хищными, алчными лапами, – евреями. Не окажись рядом со мной Отто Альфарта, я бы никогда не узнал, что совершил не грабёж, а акт политического возмездия: того буржуйчика, которого я убил, звали Гершель Опперман, он был евреем. Это стало для меня одновременно индульгенцией, смывшей кровь с рук, и дальнейшим пропуском в партийную жизнь.

Выйдя из тюрьмы, я чувствовал себя спокойно и уверенно: у меня не было ни гроша за душой, но у меня было дело, которому я поклялся быть преданным. С помощью партийных товарищей я устроился работником в поместье генерала фон Краузе, где бывало много видных членов НСДАП. Раз в неделю я встречался с Отто, который к тому времени служил в подразделении Гиммлера, и докладывал ему обо всём, что происходило в доме. Обо всём, кроме Гильды. То, что было связано с ней, касалось лишь меня одного и никого больше.

Впоследствии я неоднократно имел повод похвалить себя за немногословность и сдержанность. После «ночи длинных ножей», во время которой в числе других представителей партийной оппозиции был ликвидирован генерал фон Краузе, я смог сравнительно беспрепятственно похитить девчонку и спрятать её ото всех.

Мне удалось раздобыть для неё фальшивые документы. Аристократка Гильда фон Краузе навсегда перестала существовать. Её новое имя ничем не отличалось от имени какой-нибудь горничной. Мне заблагорассудилось окрестить её Лизхен – так звали подстилку из госпиталя, заразившую меня сифилисом. Фамилию я ей дал свою – Брандт. В глазах закона и людей мы были мужем и женой.

В течение нескольких лет Гильда была моей игрушкой, ночной забавой, постельной принадлежностью. Я сделал всё, чтобы сломить в ней даже малейший намёк на волю. От природы её характер не был податливым и покладистым. Самолюбивая, решительная, она изо всех сил сопротивлялась оказываемому на неё давлению. Пришлось немало потрудиться, прежде чем удалось вымуштровать её сообразно моим вкусам. На моём теле до сих пор имеется шрам от удара ножницами, которыми однажды меня попыталась зарезать эта фурия. С ней было очень непросто.

Поначалу я боялся, что она сбежит и донесёт на меня, поэтому долгое время держал её под замком. Она, точно раненый хищник, попавший в западню, действительно, предпринимала попытки к бегству. И один раз, несмотря на всю мою бдительность, ей это удалось.

Это случилось в ночь с 9 на 10 ноября 1938 года, когда страну сотрясла серия массовых еврейских погромов. Гильды не было больше суток. Я безуспешно разыскивал её по улицам Берлина, наводнённым толпой одичавших граждан, в порыве стихийного безумия разрушающих всё, что попадало им под руку: синагоги, магазинные витрины, жилые дома. Уворачиваясь от летящих со всех сторон камней, спотыкаясь на битом стекле, замирая от угрожающих щелчков ружейных выстрелов, я нагибался над каждым растерзанным телом, пытаясь разглядеть в заплывших, затёкших лицах черты Гильды. Полный самых худших предчувствий я вернулся домой и остолбенел – на диване, неестественно выпрямив спину, скрестив руки на груди, сидела Гильда; на ней был наглухо застёгнутый плащ, кожаные перчатки, завязанная узлом под подбородком косынка. Зрачки её глаз, провалившихся в тёмные глазницы, остекленели… Впоследствии она больше не пыталась обрести свободу, хотя так до конца и не смирилась со своей участью.

Чтобы окончательно сбить с Гильды спесь и показать ей её истинное место, я заставил её наняться в кофейню при гостиничных номерах фрау Кауптман официанткой. Правда, спустя месяц мне пришлось спешно забрать её оттуда – маленькая похотливая тварь, окунувшись в привычную для неё фривольную стихию, начала напропалую таскаться с посетителями заведения. Желая досадить мне, она несколько раз устраивала свои отвратительные случки так, чтобы я становился их невольным свидетелем. Но не ревность и чувство собственника заставили меня поставить на её работе крест – среди её любовников было несколько высокопоставленных офицеров Вермахта, которым не составило бы труда уничтожить меня. К счастью, мстительная глупышка Гильда не была расчётливой интриганкой, а отыгрывалась по-мелкому и поэтому не смогла мне серьёзно навредить.

Чаще всего её ненависть ко мне обращалась против неё самой. Так, однажды она добровольно дала себя изуродовать грязной, малограмотной повитухе, лишь бы очистить своё чрево от моего ребёнка. Я был в ужасе, увидев её истекающее кровью, искромсанное тело. А она, корчась от боли, собирала остатки сил, чтобы оскорблять меня: «Ты думал, я позволю этому плебейскому отродью появиться на свет?! Лучше сдохнуть, чем родить лакея!»…

В Германии согласно особому распоряжению фюрера аборты были под строжайшим запретом. Женщине, решившейся прервать беременность, ровно как и медику, согласившемуся произвести процедуру, грозил трудовой лагерь. Чтобы замести следы этой скверной истории, мне пришлось избавиться от акушерки, а Гильду выхаживать самому, без врачебной помощи.

Иногда, когда нервы сдавали под натиском не прекращающейся ни на один день, изматывающей борьбы, у меня возникало желание освободиться от стальных пут этой разрушительной, противоестественной страсти, державшей меня за глотку вот уже несколько лет. Мысленно я много раз хотел бросить всё и отправиться на фронт – Третьему рейху, развязавшему войну в Европе, нужны были солдаты. Но моя одержимость этой женщиной парализовала решимость. Я оставался подле её юбки, чтобы вновь и вновь мучить её и себя. И не было никаких сил разорвать этот порочный, удушающий нас обоих круг.

Помощь пришла из рук рейхсфюрера Гиммлера, поручившего мне ответственное и важное задание, выполнению которого я посвятил всего себя, так что на Гильду не осталось ни времени, ни сил. Я получил приказ на месте бывших польских казарм в Освенциме организовать концентрационный лагерь. Не тратя времени на прощание с Гильдой, я незамедлительно выехал в Польшу. Поезд, увозивший меня на Восток, должен был навсегда разделить жизнь Гильды и мою. Этого я, во всяком случае, искренне желал.

Куря в купе сигарету за сигаретой, я щурился на мелькавшие за окном ночные патрули, пролетавшие частоколы деревьев, полуразрушенные посёлки, и, выхватывая на стекле контуры собственного отражения, спрашивал себя: «И что теперь? Удастся ли мне обрести покой вдали от неё?» В неясных чертах, расплывавшихся мутными бликами, я, словно гадалка на кофейной гуще, пытался увидеть своё будущее. Разум, выбрав радужную палитру, писал широкими энергичными мазками: мне сорок лет, я старый член партии, на хорошем счету в СС, руководство ценит меня за военные заслуги. Моя характеристика безупречна: я тщателен и точен в исполнении приказаний, способен проявить инициативу и организаторские способности, дисциплинирован и сдержан. Совсем недавно меня произвели в гауптштурмфюреры и доверили строительство секретного объекта; по всей вероятности, в дальнейшем я могу рассчитывать на высокий административный пост в концлагере. Но что-то гадкое, забравшееся в самые глубины подсознания, вещало: большую часть своей жизни я занимался лишь тем, что убивал. Моё ремесло – это хруст костей и предсмертные хрипы в казематах гестапо; я слышу их во сне каждую ночь, и как напуганная шорохом в тёмном углу кельи монашка начинает шёпотом творить молитву, так и я повторяю про себя спасительные, снимающие с меня ответственность лозунги: «Фюрер приказывает – я выполняю», «Воля фюрера – высший закон», «Ради великой цели никакие жертвы не могут быть слишком большими». Я состою в браке с женщиной, которую презираю и которая испытывает отвращение ко мне. Я смертельно устал от всего, что меня окружает, и единственная возможность что-то изменить – это пустить себе пулю в лоб… Чем же ты будешь для меня, Освенцим, – последним шансом обрести себя или некрополем?

Когда я увидел местность, где полагалось разместить лагерь, – растянувшиеся на десятки гектаров непролазные болота, – оценил объём работ, которые необходимо было выполнить, и сопоставил с отпущенными на строительство сроками, у меня засосало под ложечкой: даже если я буду как каторжный трудиться сутками, мне всё равно не справиться. Но выбора не было: или я выполню приказ, или буду казнён за его неисполнение – другого не дано. И я принялся за работу.

Я начал с выселения жителей окрестных деревень Бжезинка, Засоле, Бабице, Буды, Райско, Брощковице, Плавы, Харменже. Когда мероприятия по освобождению территории от местного населения были закончены, приступил к осушению болот и выкорчёвыванию лесного массива. Работа шла в тяжелейших условиях – ситуацию усугубляла вышедшая из берегов Висла; необходимо было срочно сооружать дамбу. Пленные поляки, поступившие в моё распоряжение, работали не разгибая спин день и ночь. Смертность среди них резко возросла – каждый день сотни человек, истощённые изнуряющим графиком и скудным питанием, падали замертво на строительной площадке. Но это не отразилось на производительности труда – новые ежедневные поставки людского ресурса с лихвой компенсировали потери.

Прибывшая первая партия заключённых получила задание обнести территорию будущего лагеря колючей проволокой, к которой впоследствии был подключён ток, и установить сторожевые вышки. Буквально на следующий день поступила вторая партия.

Узники прибывали каждый день несколькими эшелонами. Старые казармы уже не вмещали всех людей. Пришлось срочно отсортировать их на годных к работе и не годных, которые подлежали уничтожению. Относящиеся к первой группе были брошены на строительство деревянных бараков и бетонных блоков, предназначенных для различных целей: помещений для дезинфекции заключённых и санобработки вещей, лазарета, бункеров для наказания нарушителей дисциплины, газовых камер и крематориев. Возле здания комендатуры решено было расположить несколько хозяйственных строений: оружейный и овощной склады, столовую, баню, прачечную, мастерские, гаражи и конюшни. Поскольку охрана лагеря требовала наличия огромного количества служебных собак, несущих круглосуточную вахту, я также отдал распоряжение о строительстве псарни, вольеров для выгула, специальной кухни и ветеринарной больницы – животные должны были содержаться в приличных санитарно-гигиенических условиях. Параллельно с этим возводились дома для администрации лагеря с проведением телефонной линии, отопления, горячей воды, канализационной системы; возле них разбивались огороды, сады для посадки плодово-ягодных деревьев, палисадники с цветочными клумбами.

Очень скоро бывший захолустный городок Освенцим, который мог похвастаться разве что гнилостными испарениями своих болот, превратился в огромный комплекс концлагерей Аушвиц-Биркенау, в котором было всё необходимое для эффективного выполнения тайной спецоперации – массового уничтожения неполноценных рас. За оперативную организацию стратегически важного объекта по обеспечению решения расовой проблемы я был повышен в звании.

На открытие лагеря приехал сам Генрих Гиммлер, который остался доволен увиденным. Пожав мне руку, он поблагодарил меня за выполненную работу и тут же возложил на меня новую миссию – стать комендантом Освенцима. У меня перехватило дыхание от волнения, а рейхсфюрер, как ни в чём не бывало, осведомился о самочувствии фрау Брандт. Побледнев, я отвечал, что тронут его заботой о здоровье моей супруги. «Почему её здесь нет?» – продолжал свои вопросы, от которых я холодел, Гиммлер. Я сказал, что запланировал переезд жены к окончанию строительства. «Немедленно вызовите её. Долг жены – быть рядом с мужем». Я встал навытяжку: «Так точно, господин рейхсфюрер». Гиммлер сквозь стёкла очков окинул меня острым, пронизывающим взглядом: «Запомните, штурмбанфюрер, семья – это высшая ценность Третьего рейха». «Так точно, господин рейхсфюрер»… Через несколько дней Гильда снова вошла в мою жизнь.

Когда она приехала, я хотел было послать за ней машину на станцию, но, помня наказ рейхсфюрера, встретил лично. Мы обменялись формальным приветствием, механически прикоснулись губами к щеке друг друга под пристальными взорами моего помощника Бауэра и шофёра. Всю дорогу Гильда не проронила ни слова, хотя Бауэр сыпал остротами, пытаясь привлечь её внимание. Я несколько раз перехватывал нескрываемое восхищение в его глазах – он, по всей вероятности, был ошарашен красотой Гильды. Мне же, напротив, она показалась чрезвычайно бледной и уставшей. Её глаза обрамляла нездоровая синева, на переносице и в уголках глаз начали прорезываться тонкие линии. С момента нашей последней встречи она ещё больше похудела и своей фигурой напоминала девочку-подростка. Я с изумлением обнаружил, что она не вызывает во мне никаких эмоций. Это порадовало и одновременно насторожило: я дорого бы дал, чтобы избавиться от своей зависимости от неё, и вместе с тем мой мозг сверлило беспокойство – что если это всего лишь последствия длительного и напряжённого труда?

Я разместил Гильду в отдельной комнате, которую разрешил ей обставить по своему усмотрению. К тому времени на одном из складов скопилась уйма вещей, конфискованных у интернированных поляков и евреев, отправленных в гетто. Я, не понимая ценности всего этого хрустально-фарфорового барахла, но догадываясь, что все эти вещицы стоили немало, раз жиды изо всех сил прятали их, предоставил Гильде самой разбираться с ними. Она действительно знала в них толк – что ни говори, голубая кровь. Очень скоро она нашла применение каждой картине, каждой вазе в нашем доме. Особняк приобрёл недостающий ему блеск. Целыми днями я пропадал в лагере, предоставив Гильде самостоятельно вести

дом. В помощь она получила двух работников из числа заключённых для выполнения тяжёлой физической работы и горничную-польку.

Я в это время выбивался из сил, пытаясь решить проблему, которая стояла передо мной как перед начальником лагеря во всей своей угрожающей остроте. Ежедневно в Освенцим прибывало около десяти эшелонов с пленными со всей оккупированной Европы. К составу прицеплялось порядка пятидесяти, а иногда и более, вагонов, в каждом из которых находилось до ста человек. Треть из них, правда, в результате скученности и нехватки воздуха погибала уже в дороге, но большинство людей были живы, а это требовало площадей для их размещения и продуктов. У меня не было запасов, чтобы кормить такое количество пленных, катастрофически не хватало бараков. В помещение вместимостью в двести человек приходилось селить до пятисот узников; многие их них в результате таких условий содержания оказывались передавленными – каждое утро приходилось освобождать бараки от новых и новых трупов. Вспыхнули массовые эпидемии тифа и цинги.

Я в отчаянии забрасывал руководство рапортами с просьбой направлять часть заключённых в Люблин, Треблинку и Дахау, где были также оборудованы концлагеря, но они оставались без внимания. Наконец из Берлина пришла строжайшая директива: в связи с затянувшейся войной в России, которая дала резкий прирост военнопленных, увеличить процент ликвидации до десяти тысяч единиц в сутки. Я схватился за голову – мои газовые камеры не обладали такой пропускной способностью. К тому же совершенно не решаемым являлся вопрос с захоронением: мои подчинённые и так как можно компактнее старались укладывать тела штабелями, не оставляя ни одного драгоценного сантиметра свободного места, но это не спасало ситуацию – все близлежащие земли уже были на сотни раз перерыты и не вмещали новых трупов. Нужно было что-то срочно предпринимать.

Мы с Бауэром ежедневно проводили до десяти экспериментов, пытаясь определить, что нам позволит увеличить производительность. Приходилось загонять евреев в бункер и наблюдать, как быстро на них подействуют выхлопные газы, подававшиеся из нескольких грузовиков. Бауэр предложил применить взрывчатку, но результат нас обоих разочаровал – ненужный шум и слишком много отходов. От расстрела узников тоже пришлось отказаться, поскольку я имел на руках чёткие указания сократить расходы на ликвидацию, а использование патронов в таких масштабах спровоцировало бы резкое удорожание. Я кинулся на поиск инженеров, способных спроектировать крематории большей мощности. Ездил в Эрфурт, чтобы в фирме «Топф и братья» оформить заказ на производство гигантских печей для сжигания. Беседовал со специалистами из берлинской научной лаборатории, пытаясь поставить перед ними задачу – найти эффективное и сравнительно дешёвое средство умерщвления. Встречался с владельцами нескольких концернов, чтобы заключить договоры на промышленную переработку останков и использование их в производственных целях.

Все дни я проводил на ногах, забывая иногда даже поесть. Результат не заставил себя ждать – я свалился с приступом язвы желудка и на целую неделю вышел из строя. По настоянию врачей меня прооперировали в одной из столичных клиник. Когда я вернулся домой, меня ждал неприятный сюрприз – оставленный замещать меня на время болезни Бауэр стал моим преемником и в супружеской постели. Мы уладили дело без скандала. Несмотря ни на что, я испытывал симпатию к этому юноше, который вряд ли осмелился бы мне подложить такую свинью по собственной инициативе. Не сомневаюсь, что её проявила именно Гильда – я неоднократно имел возможность изучить гнилую натуру этой женщины вдоль и поперёк и не строил никаких иллюзий на её счёт. Я завизировал написанный без всякого нажима с моей стороны рапорт Бауэра об отставке и ходатайствовал о его переводе в ряды действующей армии. А чтобы раз и навсегда предупредить возможные искушения этой сладострастной мартовской кошки, выбрал себе до того безобразного заместителя, что при виде него у меня самого подкатывала тошнота к горлу – помимо отталкивающей внешности, парень был совершенно незнаком с правилами гигиены. Гильда возненавидела его с первого взгляда и иначе как скотом не называла. Я поздравил себя с кадровой удачей.

Помимо этого, у меня был ещё один повод для радости. Мои мытарства, связанные с поиском недорогого и качественного средства уничтожения, увенчались успехом. Учёные

открыли, что синильная кислота, используемая на кораблях для борьбы с крысами, вырабатывала в воздухе газовые пары, способные в течение нескольких минут умертвить человека. Килограмм кристаллов этого уникального вещества, получившего название «Циклон Б», стоил менее четырёх марок. Я приобрёл несколько коробок с ядовитым газом, действие которого решил немедленно проверить. Результат предвосхитил все ожидания: буквально через десять минут все двести испытуемых, которых мы с моим новым помощником Фишером отобрали, оказались мертвы. Я воздал хвалу небу – слава Богу, жизнь потихоньку налаживается! Единственной неприятностью при этом стало неожиданное открытие – Фишер оказался настоящим садистом. В отличие от меня, которого интересовала лишь техническая сторона вопроса, а именно – выигрыш во времени при ликвидации, – он с удовольствием разглядывал через смотровое окошко конвульсии жертв, а потом, когда уже всё было кончено, заходил в зал и подолгу вглядывался в искажённые предсмертной судорогой лица. Я искренне недоумевал: на что там можно любоваться? Смертельный исход наших подопечных, как правило, сопровождался испражнениями и рвотой – в этом что, есть какая-то эстетика? Нет, я решительно не понимал этого Фишера и даже воспротивился его идее отравлять людей обнажёнными. Я догадывался, по какой причине ему понадобилось их раздевать, – его извращённая природа жаждала наготы. Но он убедил меня, что в противном случае запачкаются вещи и придётся тратить дополнительные финансовые ресурсы на их дальнейшую санобработку. К тому же не всегда удавалось оперативно снять одежду с умерщвлённых, а из-за наступавшего трупного окоченения сделать это без повреждения вещей было практически невозможно. В конечном счёте я признал его правоту – перед смертью в целях экономии денежных средств люди должны были самостоятельно снимать одежду.

Должен признать, этот Фишер, несмотря на всю его гнусную породу, обладал практической и деловой смёткой. В его голове постоянно зрели рационалистические идеи. Например, он подсказал мне, что с обречёнными на ликвидацию будет меньше мороки, если на месте газовой камеры создать имитацию душевой, чтобы снять беспокойство и проявление агрессии с их стороны. Что верно – то верно: как только узники начинали догадываться, что их планируют истребить, поднимали бунты, и их приходилось усмирять с помощью автоматчиков, что, соответственно, опять влекло расходы. Несомненно, задумка с мытьём в бане была хорошей. Я похвалил помощника за ценное предложение и хлопотал о начислении ему премиальных.

Когда в Аушвиц-Биркенау были введены в эксплуатацию четыре новых сверхмощных крематория, дававшие возможность в течение пяти часов уничтожить сразу двенадцать тысяч человек, я и вовсе вздохнул спокойно – при таком оборудовании мы могли, без учёта выходных дней, увеличить производительность до двухсот семидесяти тысяч единиц в месяц. Таким образом, я не только укладывался в рамки отпущенных показателей, но и перевыполнял план на две тысячи единиц. Кроме того, благодаря сотрудничеству с предприятием «Топф и братья», которое наладило производство металлических банок для сбора пепла, мы смогли не только решить проблему утилизации, но и обеспечивать наше сельское хозяйство сравнительно недорогим удобрением. Я имел все основания без ложной скромности гордиться своими успехами. Мои усилия были замечены и должным образом поощрены. Приехавший на осмотр Освенцима инспектор концентрационных лагерей Рудольф Хёсс нашёл его образцовым. А спустя неделю после отправленного мною в Берлин годового статистического отчёта меня представили к государственной награде.

Поводом для огорчения была только Гильда. Все попытки заставить её уважать меня обращались в прах. Она не оценила ни офицерского звания, которое я получил без всякой протекции, ни занимаемой мною высокой должности, ни комфорта, которым я её окружил, ни терпения к её грешкам, на которые не стал бы закрывать глаза ни один мужчина, ни моей преданности, а Бог свидетель – за всё время нашего брака я ни разу не прикоснулся к другой женщине! Она относилась ко мне так, словно я был пустым местом. Она умудрялась презирать меня даже в постели, замирая от наслаждения, которое я ей дарил. Иногда я хотел, чтобы она умерла. Но когда я хотя бы на миг представлял, что её вдруг не станет, понимал – жизнь без неё мне неинтересна.

После того как я смог окончательно упрочить моё положение, у меня появилось время на светские мероприятия, я стал устраивать у себя дома приёмы. Они, правда, не отличались особой помпезностью, всё было очень скромно, к чему обязывало военное время, но среди моих гостей было немало известных особ. В их числе был выдающийся светила науки доктор Йозеф Менгеле. Освенциму выпала честь стать участником антропологических биолого-расовых исследований, которые он проводил. В нашем лагере была оборудована лаборатория, где уважаемый учёный занимался экспериментами. В качестве рабочего анатомического материала он использовал моих заключённых. Когда подумаю, что мне, сыну простого крестьянина, посчастливилось быть полезным столь авторитетному в области медицины человеку, меня охватывает трепет – как знать, может быть когда-нибудь в научных трудах, посвящённых воспроизводству нордической расы, будет упомянуто и моё скромное имя.

Помимо блестящего, отточенного ума, которому я преклонялся, в профессоре Менгеле была и ещё одна черта, приводившая меня в восхищение, – необыкновенная сердечность. Он, прекрасно осознавая сделанный им вклад в науку, совершенно не кичился собственным величием. Ему, казалось, доставляло удовольствие беседовать со мной, человеком, который и подмётки его не стоил, отвечать на наивные вопросы. Я был весь во власти его обаяния.

Также я принимал ещё нескольких учёных, чьи имена являлись гордостью Третьего рейха. Моими частыми гостями были доктора Клауберг и Шуман, занимавшиеся стерилизацией неполноценных рас с целью их дальнейшего использования в качестве рабочей силы без возможности размножения; специалист по изучению действия воздушного давления и экстремально низких температур на организм человека Зигмунд Рашер; ординатор клиники ортопедической хирургии Берлинского университета, проводивший исследования по трансплантации костных тканей, Карл Гебхард; руководитель лаборатории по изучению эффективности новых вакцин, разработанных немецкими фармацевтическими компаниями, профессор медицины Лаутеншлегер. Эти господа приезжали в Освенцим, привлечённые чрезвычайно благоприятными условиями для занятия научной деятельностью, которые я создал. Благодаря мне они были обеспечены самыми лучшими помещениями, а также тщательно отобранным материалом для проведения опытов. При отборе индивидов я всегда присутствовал лично, не доверяя его Фишеру.

С недавних пор мне начало казаться, что мой заместитель слегка мухлюет в этом деле, особенно когда вопрос касался особей женского пола. У доктора Менгеле, когда речь шла об отборе самок, неизменным было условие – только самые красивые из них подлежали экспериментам. Я буквально расшибался в лепёшку, изо всех сил стараясь угодить учёному, и выбирал лучших из лучших: хорошо сложённых, с привлекательными чертами лица. Тупоголовый же Фишер, не понимая того важного значения, которое имели проводимые исследования для науки, был абсолютно глух к просьбам доктора и, приберегая красивых для себя, подсовывал ему кого ни попадя. Я старался воздействовать на нерадивого подчинённого, проводя многочисленные разъяснительные беседы и убеждая, что личные низменные мотивчики не должны быть препятствием на пути тех грандиозных целей, которые преследовал профессор, но все эти разговоры были как о стену горох. Не помогло даже взыскание, которое я ему сделал за халатное исполнение обязанностей. В итоге мне пришлось совсем оградить Фишера от этой работы, что его ни капли не расстроило. И впоследствии я понял, почему: свой отбор он проводил ещё до того, как женщины расселялись по баракам, сразу же после их прибытия в Освенцим, при первом построении. Когда я узнал об этом, то тотчас же принял решение разжаловать Фишера, но руководство не приняло моей просьбы о его отставке – такие высококвалифицированные кадры нужны были рейху.

Устройство вечеров требовало огромных усилий, и поскольку Гильда уже не могла обходиться имеющимися у нас батраками, я выделил ей ещё двух. К тому же пришлось заменить прежних – срок их эксплуатации был недолог: два-три, максимум – пять месяцев. Я предпочитал брать для работы евреев – они были расторопны, почтительны и хорошо понимали язык кнута. Славяне, несмотря на свою выносливость, были слишком тупы и ленивы, плохо подвергались дрессировке и обладали скрытой злопамятностью, которая

прорывалась в них самым неожиданным образом. Надзиратели жаловались, что носители именно этой расы чаще всего становились зачинщиками бунтов. Наш фюрер абсолютно прав, говоря о необходимости полного истребления этой проклятой породы.

Гильда хоть и принимала участие в подготовке званых ужинов, составляя меню, контролируя процесс приготовления блюд и сервировки стола, сама на них не никогда не бывала. Мне было неудобно перед гостями за её невежливое поведение, но я на её присутствии не настаивал, опасаясь повторения скандала, который она учинила в наш первый приём; при одном воспоминании о нём меня начинает колотить дрожь.

Помню, в тот злополучный вечер собралось много народу, присутствовала вся верхушка нашего лагеря. Удалённое от людских глаз местечко Аушвиц-Биркенау было лишено каких-либо увеселительных заведений, поэтому у меня и моих коллег был не слишком богатый выбор развлечений. Все мы жаждали за бокалом вина и приятной музыкой хоть немного отвлечься от повседневной рутины. Накануне я, не присев ни на минутку, целый день провёл в хозяйственных хлопотах: позаботился, чтобы стол был накрыт по высшему разряду, чтобы каждый угол гостиной благоухал живыми цветами; желая сделать гостям сюрприз, пригласил скрипача и пианистку. И ужин действительно удался бы на славу, если б не Гильда.

Весь вечер она подавляла всех присутствующих своим мрачным молчанием. Любые попытки заговорить с ней наталкивались на безмолвную стену отчуждения. Едва кто-то пробовал пошутить, как она бросала на весельчака взгляд такого неприкрытого высокомерия, что тот обрывал себя на полуслове. И вместе с тем я не мог не видеть, что красота Гильды произвела ошеломляющее действие на моих гостей – они как заворожённые следили за каждым её жестом, ловили малейшее движение губ. Но Гильда не произносила ни слова, точно немая. Я не сомневался, что она вела себя так из-за наставления, которое я ей дал накануне, – быть полюбезнее с моими сослуживцами. Я давно заметил в Гильде привычку действовать назло. Сначала я приписывал это качество дерзкой юношеской поре и думал, что возраст её образумит, но я ошибался – с годами она становилась всё более своенравной и неуправляемой. Её уже невозможно было запугать, как раньше. При малейшей попытке погладить её против шёрстки она буквально взрывалась, причём её совершенно не заботило, что свидетелями этих безобразных сцен нередко становились мои подчинённые, более того, ей даже нравилось унижать меня в их присутствии и тем самым подрывать мой авторитет в их глазах. Так было и на этот раз. Гильда, презрев все правила приличия, вела себя так, точно была одна в комнате. Я, пытаясь разрядить атмосферу, как мог старался занять гостей, однако нота дискомфорта, которую внесла Гильда, уже оказала своё разлагающее действие – в гостиной витало затаённое напряжение. Один доктор Менгеле, казалось, ничего не замечал. Этот милый человек, не обращая внимания на мою спесивую жену, рассказывал о результатах последнего научного эксперимента. В конце концов ему удалось полностью завладеть аудиторией и нейтрализовать разрушительное влияние Гильды.

– Мы столько месяцев потратили на изыскание быстрого и надежного средства массовой стерилизации, а оно у нас находилось прямо под носом. Ха-ха-ха!.. Мы буквально ходили
по нему, пинали ногами… Старый добрый формалин, кто бы мог подумать… Совсем немного этой дивной субстанции – и через шесть недель гарантированная непроходимость яйцеводов.

Я заметил, как Гильда побледнела.

– И вы вводили его здоровым женщинам?

– О, да! Мои подопытные крольчихи были абсолютно здоровы. Около полусотни крепких нерожавших полек в возрасте двадцати-тридцати лет...

– Самый оптимальный для беременности возраст, – добавил Клауберг.

– А насколько болезненна эта процедура? – поинтересовалась надзирательница лагеря фрау Кох.

– Болезненна? Ну что вы, ничуть! Хотя у более половины наблюдалось сильное кровотечение, которое привело к коллапсу, но процедура по своей переносимости, я вас уверяю, пустяковая, как удаление аппендикса.

Увидев, как исказилось лицо Гильды, я спешно хотел было послать её на кухню сделать распоряжение прислуге, чтобы принесли фрукты, но не успел; глядя на доктора полными ненависти глазами, она одним духом выпалила:

– Вы искалечили пятьдесят молодых здоровых женщин и рассказываете об этом, как о чём-то выдающемся… будто совершили подвиг…

За столом повисла гнетущая пауза.

У меня вырвался непроизвольный жест; я едва сдержался, чтобы не назвать её по имени, которое, кроме нас двоих, никто не знал.

– Речь идёт о низшей расе, фрау Брандт, – опомнившись, произнёс доктор.

Гильда, отшвыривая салфетку, вскочила.

– Да вы просто здесь все посходили с ума! – и выбежала из-за стола.

Я, извинившись перед гостями, последовал за ней.

Она не успела защёлкнуть на задвижку дверь своей комнаты. Я, ворвавшись вслед за ней, схватив её за плечи у порога, втянул вглубь спальни, затряс, зашипел прямо в лицо:

– Ты что, совсем идиотка?! Ты отдаёшь отчёт в своих действиях?

– Никому в здравом уме не придёт в голову называть врачами этих живодёров…

– Замолчи!

– Ты видел его лицо?.. Видел, какой оно светится радостью?.. Ему доставляет удовольствие истязать людей…

– Тише, прошу тебя…

– Как и тебе!.. О, ты, пожалуй, ещё дашь ему фору… Ему с тобой не тягаться…

Я зажал ей рот ладонью, но она вырвалась.

– Господи, до чего же страшно!.. Кругом одни психопаты...

– Если ты сейчас же не заткнёшь свою пасть, я запру тебя под замок, и ты никогда не выйдешь из этой комнаты или…

Она широко улыбнулась.

– Или что?.. – смеялись даже её глаза, глядевшие в упор на меня. – Я окажусь на месте одной из пациенток добрейшего доктора Менгеле? Ты это хотел сказать?

– Гильда… – простонал я, стискивая виски.

Она, вскинув вперёд руку, перебила не терпящим возражений жестом:

– Оставь свои угрозы, я тебя не боюсь! Можешь делать со мной всё, что хочешь: хоть расстрелять, хоть отдать в лапы этому маньяку, только избавь меня от своей омерзительной рожи!

– «Расстрелять»? – усмехнулся я. – Вижу, вы, фрау Брандт, плохо знакомы с обычаями Освенцима. Ну ничего, мы с вами восполним этот пробел. Завтра я устрою вам небольшую экскурсию. Будьте готовы – в половине девятого я зайду за вами. Доброй ночи, фрау Брандт, желаю вам отлично выспаться.

Я, закрыв двери на ключ, отправился к гостям. В холле мне встретился доктор Менгеле, застёгивавший пуговицы пальто.

– Вы уже покидаете нас, доктор? Хочу попросить прощения за мою жену, право, мне очень жаль, что так вышло.

– Не стоит, Брандт.

– Она никак не может адаптироваться, привыкла совсем к другой жизни: театры, ревю... Ей скучно здесь.

– Хотите совет врача? Вам с женой нужно как можно скорее завести ребёнка. Даю гарантию – приступы истерии как рукой снимет.

Я помрачнел.

– Спасибо за совет, доктор Менгеле, непременно.

– И загляните завтра ко мне в лабораторию, я дам вашей жене успокоительное.

– Благодарю вас, доктор.

– Всего доброго, Брандт.

– До встречи.

Я сдержал своё слово и на следующий же день показал Гильде Освенцим – тот, о котором не имела понятия ни она, ни сотни тысяч других добропорядочных немцев. Сопровождать её не стал, доверив это дело своему заместителю. Она считает меня садистом, что ж, пусть в таком случае узнает, что означает это слово во всей своей неприкрытой наготе – Фишер постарается, можно не сомневаться. Я велел ему показать нашей любознательной посетительнице камеру для удаления золотых зубов, подробно объяснив назначение каждой имеющейся там пилки, каждых щипчиков, «сувенирную лавку», где по заказу наших бравых эсэсовцев изготавливались головы заключённых, высушенные до размера в кулак; наглядно продемонстрировать, что представляет собой процесс ликвидации синильной кислотой, и, конечно же, каптёрку, нашу огромную прожорливую малышку, поглощавшую в день тысячи трупов. Оставив Гильду в обществе Фишера, я спокойно занялся работой. Но не прошло и часа, как мой усердный зам, запыхавшись, появился на пороге кабинета и, щёлкнув каблуками, взволнованно известил, что фрау Брандт потеряла сознание в одной из камер.

После «экскурсии» Гильда шарахалась от меня, как от чумного. Я задавал себе вопрос: надолго ли мне удалось её присмирить? Оказалось, что ненадолго.

Однажды в комендатуру явилась возмущённая фрау Кох, надзиравшая за женским блоком, и обрушила на меня град упрёков:

– Прошу вашего вмешательства, господин штурмбанфюрер! Это просто какое-то безобразие! – могучая грудь фрау Кох грозно колыхалась под гимнастёркой подобно океаническим волнам во время шторма. – Вам хорошо известно, как заинтересованы в наших поставках предприятия по текстильному и кожевенному производству. Я, как ломовая лошадь, денно и нощно тружусь, чтобы обеспечить наших деловых партнёров сырьём, а этот Фишер занимается настоящим вредительством!

– Присядьте, фрау Кох, – я никак не мог взять в толк, о чём говорит эта женщина, – успокойтесь, выпейте стакан воды. И изложите внятно ваши претензии к Фишеру.

Фрау Кох нервно куснула стенку стакана, который я ей протянул, расплескала воду, намочив свою форменную юбку.

– О, господин штурмбанфюрер, то, что делает этот человек, просто безбожно! Я всех сотрудников до единого тысячу раз проинструктировала: заключённых с татуированной кожей не расстреливать в спину! Это же так чудовищно портит материал, наносит такие непоправимые дефекты! Неужели так трудно просто бить по голове или стрелять в шею?! Сколько раз просила Фишера – никакого толку. Вчера он отдал приказ расстрелять партию русских военнопленных с такими чудесными татуировками на теле! Сколько восхитительных абажуров можно было бы изготовить! Татуировки придают такой изысканный декор, никакого сравнения с обычной кожей… Вам ведь понравился томик Шиллера, который я подарила к Рождеству?

Я кивнул.

– Изумительный переплёт, не правда ли? Я мечтала, что смогу преподнести на свадьбу моей милой сестрице Гретхен из Мюнхена пару перчаток для верховой езды, а милому зятю – седло. Они оба страстные наездники. Познакомились полгода назад на ипподроме. И, о господин штурмбанфюрер, это была любовь с первого взгляда! Я прослезилась, когда получила от них приглашение на свадьбу. Мне хотелось сделать этим двум славным голубкам какой-нибудь очаровательный подарок. А этот Фишер поставил на всех моих чаяниях крест!

– Успокойтесь, фрау Кох, – устав от трескотни женщины, проговорил я. – Сегодня же я поговорю с Фишером.

– Да, но что я теперь подарю на свадьбу крошке Гретхен? Чем обрадую зятя? Пустыми руками?

– В Освенциме есть и другие заключённые, помимо тех, что расстрелял Фишер.

– Есть, но не у всех из них татуированная кожа. Эти подлые евреи совершенно не делают татуировок, они только у русских солдат. А к нам русские поступают не часто. На

них специализируется Бухенвальд. Разрешите мне поехать туда в служебную командировку на неделю, чтобы я могла отобрать необходимый материал.

– Нет, фрау Кох, я не могу вас отпустить, мы и так уже за прошлый месяц превысили смету командировочных расходов.

– О, моя бедная Гретхен!

– Хорошо, я позвоню инспектору Хёссу и попрошу, чтобы нам направили большую партию русских.

– Да, но пока придёт эта партия…

– Пленные поступают ежедневно. Русские несут большие потери на Западном фронте.

– Да, но вы забываете, что процесс выделки кожи очень долгий и деликатный. Нужно сначала подвергнуть её химической обработке, а затем высушить на солнце. Пройдёт не одна неделя… А свадьба моей сестры уже двадцать пятого августа!

– Ничем не могу помочь, фрау Кох, придётся подождать. Расходы на поездку в Бухенвальд не предусмотрены статьёй расходов на этот месяц.

– Но, может быть, нам не откажется помочь ваша супруга?

– Что вы имеете в виду?

– Накануне она отобрала для работы по дому одного русского с прекрасной татуированной кожей. Вы бы не могли попросить фрау Брандт обменять его на любого другого из заключённых?

– Фрау Брандт взяла русского? – это было новостью; я ничего не слышал про нового работника.

– Да, садовника. А вы ничего не знали об этом?

– Ах, да… – смутился я под любопытствующим взором этой горгоны. – Совсем вылетело из головы… Конечно… жена говорила мне об этом…

– Так вы поговорите с фрау Брандт?

– Не беспокойтесь, поговорю сегодня же.

Вечером, придя домой с работы, я первым делом оглядел жену пристальным, пристрастным взглядом. Она – на редкость умиротворённая и довольная – сидела напротив меня за столом и, глядя в кофейную чашку, помешивала серебряной ложечкой сахар. На её шее, чуть ниже уха, розовело еле приметное пятнышко. Кровь в моих жилах будто смешали с расплавленным свинцом. Стараясь сохранять как можно более отстранённый вид, я задал вопрос, который мучил меня в течение долгого дня:

– Фрау Кох сказала, что ты наняла садовника.

– И что? – серебряная ложечка, выписывающая в чашке огнедышащие круги, на секунду замерла.

– Разве я давал на это согласие?

– А ты полагаешь, что на всё в этом мире нужно твоё согласие? – насмешливо проговорила Гильда. – Воистину прав наш фюрер: «Самомнение и чванство – родные братья глупости и невежества».

– Перестань паясничать!

– Я? А при чём здесь я? Почитай на досуге «Mein Kampf», если, конечно, тебе знакома азбука.

– Где этот русский?

– Не бойся, в твоей постели его нет.

– Мне не до шуток. Я хочу сию же минуту его видеть.

– Не насмотрелся на своей живодёрне за день? Право же, в нём нет ничего особенного: один из миллиона несчастных, попавших в твои мерзкие клешни.

Я кликнул охранника.

– Эрлих, немедленно приведите нового работника!

– Сожжёшь его в камине? – улыбнулась Гильда, скользнув плотоядным взглядом по фигуре удаляющегося выполнять моё приказание молодого эсэсовца.

Меня аж передёрнуло – эта курва не стесняется даже при мне глазеть на мужиков. Надо будет позаботиться о переводе Эрлиха в Майданек. Я инстинктивно шагнул к бару, взял

первую попавшуюся початую бутылку. Наблюдавшая за мной Гильда с нескрываемой злобной радостью следила, как отплясывают лихую тарантеллу мои пальцы.

Ввели русского.

Я поперхнулся глотком коньяка.

Это был здоровенный, под два метра громила с огромными, похожими на две совковые лопаты ручищами, опоясанными чернильными якорями. Узкая полосатая роба на его широченных плечах так и трещала по швам. Остановившись на пороге, он метнул в меня из-под кустистых светлых бровей недобрый взгляд цепких волчьих глаз. Эрлих толкнул его в спину, и русский оказался передо мной лицом к лицу. Наши взгляды скрестились.

Меня поразило спокойствие, с каким смотрел на меня этот недочеловек. Он что, не понимает, что стоит мне шевельнуть пальцем, и его плоть превратится в лоскутки? Но в глазах русского не было и тени страха, одно отстранённое равнодушие, как у скотины, идущей на бойню под плетью погонщика. Воистину – племя рабов! Представив, как эта мразь тискает Гильду, я заскрежетал зубами – мне захотелось предать его такой чудовищной пытке, чтобы он на коленях умолял меня о смерти.

– Какой откормленный боров, – сказал я Эрлиху, – а Красный Крест ещё упрекает нас, что мы морим голодом этих свиней.

– Он выглядит очень упитанным, – подтвердил Эрлих. – Я всегда был уверен, что заключённые всего лишь симулируют крайнюю степень истощённости, чтобы выставить нас изуверами в глазах международных делегаций.

– Это хитрость животного, алчущего поплотней набить себе брюхо. Жрать и спариваться – единственное, на что способен этот славянский сброд. Пока арийцы создавали фундамент всех человеческих творений и, подобно Прометею, несли людям факел культуры и прогресса, эти скоты, давясь кислой отрыжкой в своём грязном хлеву, только и делали, что совокуплялись и размножались, как крысы.

И тут произошло неожиданное – русский заговорил на чистейшем немецком языке:

– Это ты-то, фашистская сволочь, культуру нёс? Да ты сам не вылезал никуда дальше стойла.

– Молчать! – я выхватил из кобуры пистолет.

Гильда вскрикнула. Эрлих несколько раз ударил русского кулаком в живот. Когда тот свалился на пол, я заехал ему ногой по физиономии и не без удовольствия смотрел, как он сплюнул на пол кровавый сгусток.

– Прикажете расстрелять прямо сейчас, господин штурмбанфюрер, или завтра публично повестим перед всем лагерем? – спросил Эрлих.

– Завтра утром доставьте его фрау Кох, – поднимая голову русского носком сапога, проговорил я. – И передайте ей мой приказ – кожу с него содрать живьём. Пусть экзекуция длится как можно дольше. – Я бросил на Гильду торжествующий взгляд. – Мюнхенская родственница фрау Кох получит чудные перчатки. Передайте также, Эрлих, чтобы изготовили пару и для фрау Брандт.

– Слушаюсь, господин штурмбанфюрер.

Я видел, как на лбу моей жены выступили капли пота. Готов поклясться, что в этот момент она вспомнила «сувенирную лавку».

– Уведите!

Эрлих, заломив русскому за спину руки, вывел его за дверь. Гильда, нервно кусая кончик ногтя, провожала их глазами. Заметив, что я наблюдаю за ней, она криво усмехнулась и быстро вышла из комнаты. Мне вспомнились порочные жёны римских патрициев, тайно посещавшие гладиаторов накануне боёв…

На рассвете меня поднял сигнал тревоги. Оказалось, что приговорённый к казни русский ночью совершил побег. На ноги была поставлена вся лагерная охрана. Несколько суток подряд отряды эсэсовцев со служебными овчарками прочёсывали окрестность – безрезультатно. Я готов был рвать и метать, но русский точно в воду канул.

Попытки допросить Гильду ни к чему не привели – мерзавка открыто смеялась мне в лицо: «Тебе ни за что его не поймать – руки коротки!» Когда я пригрозил ей гестапо, где

развязывание языка являлось детской забавой, она невозмутимо заявила: «Кажется, ты забыл, что у меня только одна жизнь. Ты удавишься с досады, если меня убьют». И, язвительно улыбаясь, добавила: «Он был чертовски хорош, этот русский… У него несколько месяцев не было женщины… Он накинулся на меня, как изголодавшийся зверь…»

Я избил Гильду так, что она несколько дней не могла подняться с кровати. И отдал приказ об уничтожении всех заключённых из блока, в котором содержался беглец.

После этой истории Гильда на какое-то время притихла, а потом в неё снова вселился бес. В один прекрасный день она объявила, что не может больше дышать тошнотворным запахом палёного человеческого мяса, который извергали трубы крематориев, и требует немедленно отпустить её в Берлин – «за глотком свежего воздуха». Я, разумеется, отказался – она принимает меня за дурака, если думает, что я не понимаю, для чего ей понадобилась эта поездка. Гильда, чьё коварство не знало границ, не погнушалась сделать шаг, которого я от неё уж никак не ожидал – прикинувшись расхворавшейся, она ввела в заблуждение и завладела доверием осматривавшего её доктора Менгеле. Простодушный профессор, не распознав волчицу в овечьей шкуре, сплясал под её дудку и настоял, чтобы я отпустил Гильду в столицу для лечения. Скрипя зубами, я согласился. Гильда уехала.

Я поклялся, что эта поездка станет для неё последней. Но она опять перехитрила меня. Будучи в столице, Гильда познакомилась с жёнами известных нацистских лидеров, произвела на них самое благоприятное впечатление, а по возвращении в Освенцим – вступила в переписку. Льстивые, лицемерные оды, которые она изливала на страницы своих насквозь фальшивых писем, трогательные знаки внимания и «подарочки от чистого сердца» возымели действие. Когда Гильда вновь собралась в Берлин, а я её не пустил, мне пришло гневное письмо от Магды Геббельс, в котором меня называли варваром, заточившим жену в четырёх стенах подобно восточному деспоту. Последняя строчка письма заставила мою спину и вовсе покрыться испариной: «Всякое противодействие активной деятельности во имя блага немецкого народа есть преступление». Разрази меня гром, если я понимаю, как этой лживой суке удалось убедить фрау Геббельс, что она жаждет заняться политической карьерой! Мне ничего не оставалось делать, как отпустить «ярую партийную активистку» в Берлин.

У меня не было возможности следить за ней лично, поскольку работа требовала моего постоянного присутствия в Аушвиц-Биркенау, но в то же время я счёл, что глупо и неосмотрительно полностью бросать ситуацию на самотёк. Я связался со старым товарищем по партии Отто Альфартом, который в настоящее время занимал один из видных постов в гестапо, и попросил его приглядеть за моей женой. Отто хоть и удивила эта неожиданная просьба, но он не оставил её без внимания.

Спустя какое-то время я получил известие, что Гильда ведёт в столице насыщенную светскую жизнь, появляясь в различных общественных местах в компании молодых офицеров. Особенно часто её видели с майором Бертольдом Шенком фон Штауффенбергом, выходцем из старинного дворянского рода, связанного кровными узами с королевским домом Баден-Вюртемберга. Узнав эту новость, у меня оборвалось сердце, – такого соперника не одолеть. Но я не собирался сдаваться, приняв твёрдое решение застрелить Гильду, а потом себя. Бросив все дела на Фишера, я помчался в Берлин.

В поезде я изо всех сил пытался сосредоточиться, но мысли разбегались, как бильярдные шарики по зелёному сукну. Под размеренный стук колес я наконец смог принять важное для себя решение – не рисковать репутацией, нажитой долгими годами упорного труда, ради гулящей девки, которая не стоила ломаного гроша. И потому изменил план действий. Хоть Гильда и заслужила возмездия, я не стану стрелять в неё, словно обычный бандит. Я найму автомобиль, под видом загородной прогулки выведу его на трассу, где не будет посторонних глаз, и на скорости врежусь в какое-нибудь дерево. Так мне удастся сохранить достоинство даже после смерти. В противном же случае будет расследование: Альфарт даст показания о том, что я подозревал жену в измене, мои коллеги вспомнят о наших ссорах, а ещё, не дай бог, выступит свидетелем её любовник. И тогда на всеобщее обозрение выволокут столько грязного белья, что я и в гробу сгорю со стыда.

Погружённый в свои мысли, я не заметил, что ко мне обращается какой-то престарелый господин в штатском. Услышав, что он просит закурить, я протянул ему портсигар и чиркнул спичкой. Поблагодарив, он тут же пустился в утомительные разглагольствования – похоже, старик искал повод заговорить, а сигарета была лишь предлогом. Вещи, о которых он принялся рассуждать, мне были абсолютно чужды: культурные традиции Германии, Гёте, Вагнер, Ницше, последний фильм Ленни Рифеншталь. Крайне трудно было поддерживать разговор, поскольку обо всех упомянутых деятелях я имел в голове только самые общие сведения. Когда мне показалось, что старик, обнаружив мои крайне скудные познания, попытался пристыдить меня: дескать, ариец, а не знаешь автора бессмертного «Фауста», – я вспылил:

– Не тебе меня учить, папаша! Да, мой отец Фриц Брандт не был каким-то там дворянчиком, он родился простым крестьянином, как дед мой и прадед. Он был неграмотным и про какого-то там Фауста понятия не имел. Но он научил меня более важным для немца вещам: выполнять свой долг, служить обществу и жертвовать жизнью в интересах Отечества. И если кто-то из нас послужил делу возрождения немецкого народа, то это мы – бойцы и труженики, а не вы, испускающие пустые вопли крикуны-чистоплюи.

Старик, сражённый моим напором, смущённо протирал свои очки:

– Вы сказали, фамилия вашего отца Брандт?.. Когда-то давно в Дрездене я знавал одного Брандта, он был моим учеником. Если мне не изменяет память, его звали Рихардом. Родители отреклись от него за то, что он переменил веру. Они были набожными католиками и резко осудили парнишку, когда он переметнулся в лютеранство… Замечательные стихи писал этот Рихард Брандт, скажу я вам. У него был настоящий талант. Перед парнем открывалось блестящее литературное будущее, но, увы, война…

Я глубоко затянулся сигаретным дымом: «Так вот, оказывается, какое прегрешение совершил Рихард… Забавно… Бедный отец, что бы он сказал обо мне…»

Внезапно поезд, резко дёрнувшись, остановился. Мы со стариком стукнулись лбами и в замешательстве одновременно проговорили: «Что происходит?»

Я вышел в тамбур. За окном суетились вооружённые до зубов отряды СС. Очевидно, случилось что-то неладное.

В поезд прыгали и расходились по купе автоматчики. Всем пассажирам было велено предъявить документы. Осмотру подверглись и наши багажи. Крайне удивило, что и мне тоже был учинён обыск – обычно, едва взглянув на моё служебное удостоверение, любой военный козырял и извинялся, что побеспокоил. На этот раз что-то было не так. Я не на шутку встревожился. Особенно когда объявили, что поезд дальше не пойдёт. Я кинулся разыскивать телефон на станции.

Когда меня соединили с Альфартом, едва смог возмущённо выдохнуть в трубку:

– Отто, меня не пропускают в город! Что у вас там случилось?

Ответ Альфарта был неожиданно резким:

– Немедленно возвращайся в Аушвиц! – сказал он.

– Я приехал забрать жену.

– Чёрт бы побрал твою жену!

– В чём дело, Отто?

– Передай трубку Вольфу, я распоряжусь, чтоб тебя пропустили.

Я разыскал указанного офицера и дал ему поговорить с Альфартом. Мне была предоставлена машина, на которой я смог последовать в Берлин. Через несколько часов я смог увидеться с моим другом.

Отто, принявший меня на своей квартире, был взбешён и буквально исходил ядовитой слюной. В таком состоянии я не видел его никогда.

– Тут такое творится… такое!..

– Да что у вас стряслось?

– Заговор. Попытка государственного переворота. Гитлера пытались убить.

– Убить?! – в ужасе воскликнул я. – Когда?

– Двадцатого июля. Подложили взрывчатку под стол во время совещания, на котором он выступал.

Я похолодел:

– Он… мёртв?

– Кто, фюрер?.. Конечно нет! Покушение сорвалось.

– Слава богу!

– Да, тут не без провидения, – согласился Отто. – Ему чудом удалось выжить. Он ранен, к счастью, не опасно.

– Кто это сделал?

Отто, усмехнувшись, пристально посмотрел мне в глаза:

– А ты спроси у своей жены.

Я почувствовал себя так, будто сквозь меня пропустили электрический заряд.

– Я не понимаю, о чём ты…

– Ну да, конечно, как в том анекдоте – муж узнаёт обо всём последним.

– Отто, умоляю тебя, мне сейчас не до шуток!..

– И мне тоже! – рявкнул он. – Ты знаешь, кто организовал заговор? Не знаешь? Счастливец! Так вот я тебе скажу – покушение подготовил полковник Штауффенберг с братьями.

С одним из них, Бертольдом, твоя милая жёнушка кувыркалась в постели.

Я не верил своим ушам.

– Штауффенберг был заговорщиком?

– Да, и наиболее активным. Всего же изменников было больше тысячи. Высший офицерский состав.

– Что с ними стало?

– Четверо организаторов расстреляны сразу после покушения. Среди них и полковник Клаус Штауффенберг. Остальных ищут. Кого поймали – допрашивает гестапо. Сейчас по всей стране идут повальные аресты.

– А Бертольд фон Штауффенберг?

– Схвачен. И подвергнут пыткам, если тебя именно это интересует.

– Отто, меня интересует не это…

– Если ты хотел завести разговор о своей жене – забудь! Её песенка спета. Кстати, чтобы ты не распускал сопли, скажу тебе, что она якшалась не только с Бертольдом Штауффенбергом.

– Не думаешь же ты, что она как-то замешана в заговоре?

– А тут и думать нечего, учитывая её близкое знакомство с одним из участников!

– Брось, Отто! Она обычная шлюха. Не делай Люцифера из мелкого беса. Отпусти её.

– Да ты с ума сошёл! – взвизгнул Альфарт. – В кого тебя превратила эта баба! Ты же размазня, тряпка! Её имели все, кому не лень! Ненасытная тварь, кого она только через себя не пропустила! Знаешь, чем она отличается от рядовой проститутки? Той за обслуживание надо платить, а эта даром ноги раздвигает! Противно смотреть, как ты из-за неё унижаешься!

– Отто, я знаю… – устало проговорил я. – Прошу тебя, отпусти её…

Альфарт, не сводя с меня изумлённых глаз, печально покачал головой и после долгого молчания с сочувствием произнёс:

– Бедняга Брандт… как же ты её любишь…

Мне удалось убедить Отто не упоминать имя Гильды в расследовании. В конце концов, следили за ней по частной инициативе, без составления каких-либо официальных донесений. Не было и прямых доказательств её связи с Бертольдом Штауффенбергом и другими участниками заговора. Если не раскручивать эту историю с пристрастием, то единственное, в чём можно упрекнуть мою жену, – это в излишней эксцентричности. Желание постоянно мелькать на публике в сопровождении галантных молодых воздыхателей – это ещё не преступление. Когда я изложил все эти доводы Отто Альфарту, он лишь покрутил пальцем у виска и обозвал меня глупым сентиментальным ослом. И, тем не менее, он ничего не стал предпринимать против Гильды.

После того, как мне удалось поставить запятую в предложении «Казнить нельзя, помиловать» в нужном месте, я отправился на нашу берлинскую квартиру. Я не знал, о чём буду говорить с Гильдой. Мне хотелось её задушить, и в то же время не было никаких сил. Я

чувствовал себя абсолютно выпотрошенным: ни мыслей, ни эмоций. Желание только одно – выспаться. Потом я решу, что делать дальше.

Гильда была дома. Уронив голову на атласные, до локтя перчатки, она сидела за столом. При моём появлении встала. Под её глазами темнели пятна расплывшейся и засохшей туши. На ней было красное вечернее платье. Я не сказал ей ни слова. Закрывшись в спальне, не раздеваясь, я лёг на диван и моментально уснул.

Все остальные дни прошли в чудовищном напряжении. Меня вызывали к Гиммлеру. Я, подумав, что Отто нарушил обещание, уже приготовился распрощаться с жизнью, но этот вызов никак не был связан с Гильдой. Рейхсфюрер был озабочен ухудшающейся с каждым днём ситуацией на фронте и поинтересовался, что я могу от себя предложить, чтобы изменить её в лучшую сторону. Этот несколько наивный вопрос заставил меня вздрогнуть. Генрих Гиммлер был не из тех, кто задавал риторические вопросы. Сомнений нет, меня прощупывают, проверяют на лояльность режиму. Я не придумал ничего более умного, как гаркнуть во всё горло, что победа будет принадлежать Великой Германии. Рейхсфюрер внимательно посмотрел мне в лицо… и справился о здоровье моей жены. Я на секунду зажмурился, будто меня стегнули кнутом, и чуть слышно проговорил: «Спасибо, она в добром здравии». Рейхсфюрер улыбнулся уголками губ и прощальным жестом отпустил меня. «Хайль Гитлер!» – ответил я и чуть ли не бегом поспешил удалиться из кабинета. У меня не было никаких сомнений, что Гильда побывала и в его объятиях… Теперь понимаю, почему Альфарт проявил такое дружеское участие.

После июльского покушения по стране прокатилась волна массовых чисток. Все, кто имел хоть какое-то отношение к заговору, были схвачены и преданы в руки правосудия. В Народной судебной палате под председательством судьи и прокурора Роланда Фрейслера были устроены показательные процессы. Вердикты судьи не отличались оригинальностью – большинство заговорщиков было приговорено к смертной казни. Члены их семей отправлялись в концентрационные лагеря.

Смертный приговор был вынесен и майору Бертольду Шенку фон Штауффенбергу. Не скажу, что я возликовал, услышав эту новость, – пинать мёртвую собаку было не в моих принципах. Всего лишь хотелось, чтобы в этой грязной истории, которая имела косвенное отношение и ко мне, была поставлена точка. Но Гильда сама подлила масла в затухающий огонь.

Сразу после процесса она кинулась ко мне с такой неистовой страстностью, какой я в ней ни до этого, ни после не видел:

– Я знаю, ты можешь, у тебя есть связи… Помоги ему!

От такой наглости у меня даже дух захватило.

– Да ты просто спятила!

– Я не прошу его спасти, я знаю, это невозможно… – она что-то торопливо сунула мне в руку. – Но умоляю тебя – передай ему ампулу с ядом…

Я, зажав двумя пальцами миниатюрный цилиндрик с цианистым калием, рассмотрел его на свету и тихо засмеялся:

– Прощальный подарок от малышки Гильды… Трогательно. Но ничего не выйдет, детка. Твой дружок умрёт в соответствии с пожеланием, высказанным нашим фюрером. А знаешь, какую смерть для него выбрал фюрер?..

Гильда, закрыв уши, истерически закричала:

– Нет! Не хочу слушать! Замолчи!

– Наш фюрер пожелал, – невозмутимо продолжал я, – чтобы в тюрьме Плётцензее его вместе с другими осуждёнными повесили, проткнув шею, на мясных крюках подобно тушам на бойне.

Грудь Гильды сотрясали бурные рыдания:

– Умоляю, замолчи!

– Постой, дорогая, ты ещё не всё выслушала… Ты не знаешь, как вешают туши на бойне… Предварительно им вспарывают живот и выпускают наружу весь ливер…

Гильда бросилась передо мной на колени:

– Людвиг, клянусь всем, что у меня есть, жизнью своей клянусь… Больше у меня не будет никого, кроме тебя… Я сделаю всё, что ты захочешь… Только, умоляю, передай ему ампулу! Пожалуйста!

Я с ужасом ощущал на своих руках влажные прикосновения её губ. Она впервые в жизни называла меня по имени.

– Я думал, у тебя бешенство матки… А ты, оказывается, умеешь любить…

Отпихнув её от себя, я выскочил за дверь. Вслед мне неслись её отчаянные вопли: «Людвиг!.. Пожалуйста, Людвиг!..»

Казнь состоялась десятого августа 1944 года. Бертольд фон Штауффенберг умирал несколько часов в жутких мучениях. Весь процесс повешения от начала до конца был заснят на киноплёнку, которую впоследствии лично просматривал Адольф Гитлер.

Мне удалось достать копию – в подарок Гильде. Я устроил в нашей спальне нечто вроде домашнего кинозала и заставил её присутствовать на трансляции «фильма». Она, до крови закусив губы, старалась держаться. Я и не подозревал, что в ней столько мужества. Похоже, все свои слёзы Гильда выплакала накануне, и у неё просто не осталось сил для новых страданий. Она точно окаменела. Когда последний кадр со скрежетом и шипением вильнул по экрану зигзагообразным хвостом, я, бросив на Гильду пытливый и торжествующий взгляд, с затаённым содроганием обнаружил, что её роскошные каштановые волосы поседели.

Мы вернулись в Освенцим. Гильда без всякого сопротивления дала себя увезти. В её внезапной покорности было что-то неестественное. Она вела себя так, как вели умалишённые, которых мне однажды довелось подвергнуть спецобработке, – с тупым безразличием, не реагируя ни на какие внешние раздражители. Её бледное, безжизненное лицо напоминало маску. Кажется, даже если бы вдруг начался пожар, она не сдвинулась бы с места. Я всерьёз опасался, что она попытается свести счёты с жизнью. Но Гильда не предпринимала никаких попыток суицида – она была слишком пассивна. Все дни она проводила, лёжа в кровати, повернув голову к стене. Её бессмысленный, немигающий взгляд не выражал никаких проявлений мыслительной и эмоциональной деятельности. Создавалось впечатление, что душа покинула её, осталось лишь одно вялое, безвольное тело.

Поскольку в таком состоянии Гильда пребывала уже несколько недель, я был вынужден прибегнуть к помощи доктора Менгеле. Его прогноз был неутешительным – психологическая травма, полученная Гильдой, была очень серьёзной. Требовалось длительное психиатрическое лечение. Я съёжился – мне и в голову не приходило, что её состояние настолько критично. Думалось, что она упрямится и показывает характер, отказываясь принимать пищу и говорить со мной. Когда доктор спросил, что произошло с моей женой в Берлине, я не знал, что ответить, и лишь отвёл глаза в сторону.

Он начал её лечение. Но ни к каким ощутимым результатам оно не приводило: если раньше моя жена целыми днями лежала, безмолвно уставившись в стену, то теперь спала.

Прошло несколько месяцев, прежде чем она начала вставать. Однако на выздоровление это походило мало. Целыми днями напролёт Гильда слонялась по дому в несвежей ночной сорочке, пестревшей пятнами от пролитого кофе. Она перестала расчёсывать волосы, не мылась неделями. Мне пришлось нанять сиделку, которая ходила за ней, как за младенцем: помогала переодеваться, подбирала с ковров тлеющие окурки, кормила с ложки.

Гильда пристрастилась к антидепрессантам, которые выписывал ей Менгеле, и по нескольку раз в день глотала их пригоршнями. У неё вошло в привычку запивать таблетки алкоголем, на который она особенно сильно налегала в последнее время. Раза три ей приходилось промывать желудок из-за отравления. Однажды ночью, заснув с непотушенной сигаретой в руке, она чуть не задохнулась в дыму.

Моё существование благодаря ей превратилось в кошмар. Я не мог сосредоточиться на работе. Был вынужден то и дело звонить домой, чтобы справиться, всё ли там в порядке. Когда раздавался звонок в кабинете, у меня учащался пульс – я боялся брать трубку, опасаясь, что услышу известие о её смерти.

Однажды доктор Менгеле, разглядев в уголках моего рта нервный тик, настоятельно посоветовал мне взять отпуск. Я на несколько дней уехал в Мюнхен. Но все попытки

расслабиться – а по совету доктора я пробовал и кутить, и заводить интрижки – ни к чему не привели. Мне не удалось выбросить Гильду из головы даже на мгновение.

Постоянно сверлящая мысль о ней, вытеснившая все остальные думы, привела к самым негативным последствиям: пока я занимался решением своих семейных проблем, у меня под носом из огромного числа заключённых сформировалась группа сопротивления. В октябре 1944 года, напав на охрану и завладев оружием, мятежникам удалось не только помочь некоторым из своих собратьев бежать из лагеря, но и разрушить один из крематориев. Бросив все силы на подавление бунта, я беспощадно расправился с восставшими. Но даже самые жестокие репрессии не смогли вернуть былую атмосферу липкого, парализующего страха. Узники, приободрённые набегами советских самолётов, которые всё чаще стали прорываться
в воздушное пространство над Освенцимом, обретали ранее забитую, затоптанную надежду на спасение и начинали с остервенением рваться из своих блоков. Мы с трудом удерживали эту многотысячную орду в повиновении. Ежедневно пачками мы расстреливали особо рьяных из этой обезумевшей своры, но никакие угрозы на них больше не действовали. Хищник уже вкусил крови. Недели не проходило, чтобы не совершалось нападение на кого-нибудь из сотрудников лагеря. Я всех призывал соблюдать предельную осторожность, требовал в барак заходить только по несколько человек в полной готовности к бою в любой момент. Но это не помогало. Заключённые со всех сторон набрасывались на эсэсовцев: одни подставляли свои тела под автоматную очередь, другие начинали борьбу и отбирали оружие. Появляться перед толпой дикарей с напрочь отсутствовавшим инстинктом самосохранения, которые моих солдат забрасывали собой, как живыми гранатами, было по-настоящему страшно. И небезопасно. Некоторые из моих коллег поплатились жизнями за собственную беспечность. Так, в начале ноября была зверски убита фрау Кох, или фрау Абажур, как её называли пленные. Собственно, это маленькое невинное хобби её и сгубило. Когда фрау Кох отбирала «подходящий материал» среди партии цыган, на неё и на двух сопровождавших её охранников накинулись, сбили с ног и поглумились самым изуверским образом. Обезображенный, оскальпированный труп надзирательницы с вырезанной ножом на спине свастикой удалось отыскать под грудой сваленных, залитых кровью тел только к вечеру следующего дня, после того, как несколькими отрядами автоматчиков был перебит весь корпус.

К концу года вражеские самолёты уже вовсю хозяйничали на нашем небе. Бомбёжки стали едва ли не ежедневными. В декабре, находясь под давлением наступавших со всех сторон советских войск, я получил приказ эвакуировать вглубь страны трудоспособных заключённых лагеря; нами было вывезено в Равенсбрюк более пятидесяти восьми тысяч человек. От остальных мы по возможности постарались избавиться, подорвав часть бараков. Кого не смогли уничтожить, бросили подыхать голодной смертью, предварительно ликвидировав все съестные запасы. Также мы сожгли около тридцати пяти складов с одеждой и обувью, отобранной у пленных. На горящие постройки, в которые вложено столько труда, было больно смотреть – гибло дело всей моей жизни. Я чувствовал себя, как Наполеон, проиграв сражение при Ватерлоо: ещё совсем недавно были власть, сила, влияние – и вот от всего этого
не оставалось и следа – только дым и пепел.

Нагрузив весь имевшийся в нашем распоряжении транспорт оборудованием, документацией и вещами, мы двинулись назад в Германию по дорогам, наводнённым грузовиками, которые были до отказа набиты беженцами. После постоянных воздушных обстрелов машины то и дело сходили с дистанции. Фишер настойчиво уговаривал меня сжечь все бумаги, в которых была отражена работа лагеря, и сосредоточиться на спасении личного имущества. Я и слушать об этом не стал – раз был приказ обеспечить сохранность и доставку делопроизводственных материалов, мы обязаны его исполнить. «Когда-нибудь этот конторский мусор нам боком вылезет…» – мрачно изрёк он.

В течение нескольких месяцев мы кочевали от одного населённого пункта к другому. Нам приходилось ненадолго оседать то в маленькой деревушке, то на какой-нибудь станции. Места для временного пристанища были самые скромные: здание школы, амбар, склад,

конюшня. Некоторые из моих подчинённых, воспользовавшись всеобщей неразберихой, начали потихоньку исчезать в неизвестном направлении. Я, чтобы пресечь попытки бегства, объявил их дезертирами и даже собственноручно расстрелял двоих попытавшихся удрать шарфюреров. Но даже такие крутые меры ни к чему не привели – крысы продолжали бежать с тонущего корабля.

В конце марта нас покинул доктор Менгеле. В отличие от многих, он не улизнул под покровом ночи, а пришёл попрощаться. Как всегда, у него был дружеский совет для меня:

– Пока не поздно, Брандт, бросьте всю эту канцелярию и бежим в Швейцарию. Оттуда можно добраться до Латинской Америки.

– Я не могу нарушить приказ, доктор.

– Да не будьте же глупцом! Война проиграна. Не сегодня-завтра мы окажемся в руках русских. Рассчитывать на снисхождение, учитывая то, что мы с вами творили в Освенциме, не приходится.

– Я лишь исполнял то, что мне приказывали.

– Но это не снимает с вас ответственности!

– Какова бы ни была моя участь, я останусь верен своим принципам. Моя честь – это моя верность.

– Вы смешны, Брандт, – отозвался доктор, пожав плечами. – Ну, как знаете… Прощайте!

– Прощайте, доктор.

К концу апреля мы добрались до Берлина. Я не узнал истерзанный, разгромленный город. Глазам предстали руины. К счастью, мой дом не пострадал во время бомбардировок. Я, разместив архив прямо у себя на квартире, предпринял попытку связаться с Альфартом. С огромным трудом мне удалось разыскать его среди разрушенных кварталов. Ещё пару месяцев назад он благополучно переправил семью в Мексику вместе с бесценными полотнами старинных голландских мастеров и саквояжами, полными золотых и бриллиантовых украшений, и перевёл туда основную часть своих финансовых средств. Теперь же, имея в кармане поддельный паспорт, намеревался с кучкой партийных бонз добраться через Баварию до Альп, где их ждал самолёт. Его несказанно удивило моё появление. Он был уверен, что мне удалось успешно скрыться. Я рассказал ему о предложении Менгеле и о моём отказе стать дезертиром. Отто с сожалением покачал головой:

– Зря, может, это была последняя возможность спастись.

– Понятие «долг» для меня – не пустой звук, – упрямо отозвался я.

– Брандт, дружище, забудь об этом! – в сердцах воскликнул Альфарт. – У тебя больше нет командиров. Теперь каждый думает сам за себя.

– Меня этому не учили. Меня учили выполнять приказы.

– В таком случае слушай меня, штурмбанфюрер Брандт. Я приказываю тебе спасать свою шкуру. Ты понял? Выполняй!

Я машинально козырнул, но привычные слова «Хайль Гитлер!» застряли в глотке – впервые за много лет.

Альфарт предложил отправиться вместе с ним.

– Не могу, – помрачнел я. – Мне нужно вернуться за женой.

– Что она тебе далась?! Оставь её! Время идёт на минуты! Ещё чуть-чуть – и мы упустим свой последний шанс!

Я лишь покачал головой.

– Брандт, эта баба испоганила всю твою жизнь! – Альфарт смотрел на меня, как на сумасшедшего. – Клянусь Богом, ты дождёшься, что на твоей шее благодаря ей будет затянута верёвка!

– Не трать на меня драгоценное время, Отто, беги! Я останусь с ней.

– Эта женщина создана тебе на погибель… – пробормотал Альфарт.

Мы крепко обнялись.

Снабдив меня подложными документами, Альфарт простился со мной. Я от всей души пожелал ему удачи.

Пробираясь к дому, я не узнавал дороги: несколько домов подряд были разрушены, приходилось делать огромные круги, чтобы обогнуть груды кирпича и щебня. В любой момент я рисковал нарваться на шальную пулю – шли уличные бои.

На пороге квартиры я лицом к лицу столкнулся с офицером вражеской армии. Я схватился за пистолет. Меня остановил громкий крик моего помощника:

– Не стреляйте, господин штурмбанфюрер!

– Вы чокнулись, Фишер! Зачем вы нацепили русскую форму?

– Другой, увы, нет. Так будет легче выскользнуть из мышеловки. Это всё-таки лучше, чем мундир офицера СС.

– Вас разоблачат на первом же углу. Вы не знаете языка! На что вы рассчитываете?!

– Только бы вырваться за черту города, потом я избавлюсь от этого маскарадного костюма, – Фишер самодовольно ухмыльнулся. – Знать язык мне не нужно – я могу быть контуженым.

– Вижу, вы уже всё за себя решили, – я прошёл мимо него. – В таком случае – скатертью дорога!

В спину мне донеслось:

– Вам бы тоже не мешало позаботиться о себе.

– Не беспокойтесь, Фишер, позабочусь. Бывайте!

Но он снова окликнул меня:

– Господин штурмбанфюрер!

– Ну что ещё?

– У меня за углом машина.

Я быстро взглянул на него:

– Хорошо, я мигом!

Вбежав в квартиру, я принялся заглядывать из комнаты в комнату, ища Гильду. Она не отзывалась на мой зов. Наконец я догадался заглянуть в ванную.

Она сидела на полу, обхватив руками плечи, в одной комбинации. Рядом с ней в бордовой лужице валялась бутылка, разлитое содержимое которой я в первое мгновение принял
за кровь. Я бросился к ней и выволок в коридор:

– Вставай! Что ты расселась? Нам нужно немедленно убираться из города!

Гильда вырвалась.

– Отпусти меня! Я никуда с тобой не поеду!

– Не дури! У нас мало времени. Оденься и собери вещи.

Я быстро поскидывал в рюкзак деньги и кое-что из одежды. Переоделся в старый штатский костюм. И тут меня оглушил звук фортепиано. Я кинулся в гостиную. Гильда как ни в чём не бывало тренькала пальцами по клавишам. Я затряс её за плечи:

– Приди в себя! Русские в городе! Скоро они возьмут его в кольцо – и тогда конец!

Она смотрела на меня плывущим рассеянным взглядом. Я влепил ей пощечину.

– Гильда, очнись! Если мы не уйдём прямо сейчас, мы погибнем!

– Не трогай меня! – оплеуха, похоже, привела её в чувство, в глазах заблистали знакомые злобные огоньки. – Можешь сматываться, куда хочешь, а я останусь здесь!

– У меня есть паспорта для нас обоих, Гильда… Затеряемся среди людей, спрячемся где-нибудь, переждём… Если повезёт, уедем в Мексику – там у меня друзья, нам помогут…

– Нет! – вопила она. – Нет!

– Уедем туда, где нас никто не знает… Начнём всё сначала, с чистого листа!

Гильда фыркнула, как одичавшая кошка:

– Лучше сдохнуть в тюрьме здесь, чем жить там с тобой!..

Она крикнула так громко, что у меня зазвенело в ушах.

– Ты даже не представляешь, до какой степени ты мне противен!.. Я ненавидела тебя всю свою жизнь! Но если бы ты только знал, как я устала от этой ненависти... Когда мы впервые встретились, я была ребёнком: глупым, пустым, избалованным, вздорным ребёнком… Я дурно обошлась с тобой, и ты отплатил мне тем же… Мы причинили друг другу много зла… Но теперь мы квиты… Если в тебе есть хоть что-то человеческое, прошу,

отпусти меня… – из её глаз полились слёзы. – Я так устала жить, Людвиг… так устала… Отпусти меня, пожалуйста…

Передо мной было лицо постаревшей, больной женщины: измождённое, обескровленное, искажённое мукой. Если б я не знал, то никогда бы не поверил, что эти резкие черты на высохшей, восковой коже, потухшие голубые глаза, седые растрёпанные космы могут принадлежать двадцатишестилетней женщине. Что же с тобой сделала моя жестокость, Гильда!

Я стёр крупную солёную каплю с её щеки. Сняв пистолет с предохранителя, положил его на панель фортепиано. И, с трудом переставляя ноги, вышел из комнаты, затворил за собой дверь.

Через минуту раздался выстрел.

Я не мог себя заставить пойти к ней.

Навстречу мне летел взволнованный Фишер.

– Господин штурмбанфюрер, надо торопиться! Русские в нескольких кварталах от нас!

– Я остаюсь, Фишер. Уезжайте. Извините, что отнял время.

Фишер сунулся в гостиную и выскочил оттуда с перекошенным лицом.

– О, мой бог! Фрау Брандт!

– Я должен её похоронить.

– В этом нет необходимости. Мёртвым уже ничего не нужно, им всё равно.

Я пошёл на него с кулаками.

– Убирайтесь! Дайте мне побыть с моей женой!

– Сумасшедший! – пробормотал Фишер и выбежал из квартиры.

Тяжёлыми, ватными ногами я медленно дошёл до закрытых дверей гостиной. Упёрся в них лбом. Из моих стиснутых зубов силился и не мог прорваться глухой, похожий на рычание стон. Я сполз на пол. Тихонько раскачиваясь, сидел с зажмуренными глазами. Когда я открыл их, в коридоре было по-настоящему темно. Должно быть, наступила ночь. Не найдя в себе сил отворить двери гостиной, я вышел из дома и, шатаясь, побрёл по улице.

Несмотря на лающие звуки пальбы, раздававшейся на угрожающе близком от меня расстоянии, я шёл, не чувствуя абсолютно никакого страха, словно турист, разглядывающий музейные экспонаты. Увидев вырывавшиеся языки пламени из окон соседнего дома, я остановился, силясь вспомнить, что за контора располагалась здесь раньше: похоронное бюро? аптека? кафе? Из-за копоти и цементной пыли было очень трудно дышать. Так и не вспомнив названия заведения, я пошёл дальше.

У тротуара чернели обугленные трупы. Засмотревшись на них, я едва не распластался на дороге, поскользнувшись на зловонных склизких внутренностях. Глядя на разбросанные повсюду останки, взглянул на затянутое дымовой завесой небо. Я слышал рык самолётов и ждал, что на мою голову посыплется огненный дождь – спасительное и вожделенное возмездие. Однако самолёты летели мимо и убивали тех, кто хотел спастись.

У обочины я увидел развороченный автомобиль. Из распахнутой двери наполовину вывалился окровавленный человек в гимнастёрке защитного цвета: его ноги находились в машине, а руками и головой он упирался в асфальт. Часы на левом запястье убитого мне показались знакомыми. Это был Фишер. Я испытал прилив жалости – бедняга, если б я не задержал его, возможно, ему удалось бы спастись.

Почувствовав шорох за спиной, я по инерции сунул руку в кобуру – пуста! Потянулся к оружию Фишера, но не успел его взять. В спину мне упёрлось автоматное дуло. Услышав резкий окрик на незнакомом языке, я поднял руки. А дальше был резкий удар прикладом в затылок – и земля передо мной точно расступилась. Я начал падать в тускнеющую с каждым мгновением и превращающуюся во мрак пустоту.

Очнулся уже в тюрьме. Едва открыл глаза, меня сразу же начали допрашивать. Я ответил на все заданные вопросы: честно, не пытаясь увильнуть и преуменьшить тяжесть деяний. Скрывать мне было нечего. Я был лишь солдат, выполнявший свой долг. Приказы отдавал не я. За меня принимали решения другие, я только повиновался.

Мне задавали странные вопросы: осознаю ли я, насколько бесчеловечными были мои поступки? что я испытывал, когда уничтожал целые народы? чувствую ли я угрызения

совести? Я криво усмехнулся: и эти наивные вопросы задавал военный. Когда есть устав, согласно которому я обязан выполнять все распоряжения моих командиров, о каких внутренних сомнениях и рассуждениях может идти речь?

Дальше и вовсе шла нелепица: не жалко ли мне было убивать невинных, беспомощных детей? неужели за всё время совершения чудовищных злодеяний моё сердце так ни разу и не дрогнуло? Офицер, несущий всю эту чушь, постепенно начинал выводить меня из себя. «Грош цена бы мне была как военному, если бы я стал вести себя подобным образом», – силясь подавить раздражение, ответил я, а про себя подумал: дослужился до полковничьих звёзд, а что такое воинский устав – не знаешь! И как таким, как вы, ещё удалось войну выиграть?!

В 1946 году я сел на скамью подсудимых в Нюрнберге. Рядом со мной находились многие известные государственные деятели Третьего рейха, но ни Альфарта, ни доктора Менгеле среди них не было. Значит, им удалось скрыться. Я искренне порадовался за своих товарищей. Среди обвиняемых отсутствовал также и мой патрон. Во время одного из заседаний я был оглушён известием, что, не дожидаясь суда, Генрих Гиммлер покончил с собой. Таким образом, он предоставил нам, рядовым исполнителям, расхлёбывать заваренную им кашу. Такого малодушия я от него никак не ожидал. Я считал его великим человеком. Исходящая от него сверхъестественная аура могущества делала его почти Богом. И вот под занавес я с разочарованием был вынужден узнать, что никакого Бога не было, а был жалкий, боящийся наказания смертный. Я почувствовал себя преданным. Всех подсудимых снабдили наушниками, чтобы мы могли слышать, как бесконечно длинная вереница свидетелей называет нас циничными подонками и палачами. Но благоразумный рейхсфюрер ничего этого, разумеется, не слышал.

На Нюрнбергском процессе я получил последний плевок в лицо и от Гильды. В одном из выступавших свидетелей, который обвинял меня с трибуны в геноциде, я узнал сбежавшего из Освенцима «садовника». Русский, сыпавший оскорблениями и проклятиями в мой адрес, упомянул и о моей «несчастной жене» – «достойной и порядочной женщине», которая, рискуя жизнью, спасла от гибели двадцать девять узников лагеря. Я непроизвольно стиснул кулаки – двадцать девять отборных гренадеров. Эта стерва не мелочилась в своём гуманизме!

После дачи показаний в Нюрнберге я был передан полякам, считавшим, что я несу персональную ответственность перед польским народом за устроенную моими руками на их земле фабрику смерти. Варшавский суд приговорил меня за уничтожение двух с половиной миллионов человек к смертной казни. Другого приговора я и не ждал. Скорая смерть не страшила, слишком уж часто мне приходилось сталкиваться с ней лицом к лицу. Меня даже порадовало, что способ, который поляки выбрали, чтобы расправиться со мной, был слишком мягким: затянутая верёвка на шее, перелом позвонков при падении с высоты, пара секунд удушья – и вечность. Полностью устраивало и то, что мой труп намеревались сжечь, а прах – развеять по ветру. Всё лучше, чем, к примеру, позорная участь итальянского дуче, которого кровожадная толпа повесила вниз головой под свист и улюлюканье. Единственное, против чего бы я возразил, – это место будущей казни. По решению суда виселица должна была быть установлена в Освенциме, напротив одного из крематориев. Возвращаться туда не хотелось. Я боялся разворошить уснувшую память. О ней.

Когда конвоиры повели меня в последний путь, я чувствовал себя на редкость спокойным и собранным. Слава богу, скоро всё это кончится! Кровь, пропитавшая землю под ногами, стоны, которые я исторг, были мне безразличны. Что для меня страдания всех этих жертв! Не о них я думал на пороге предсмертной тьмы. Как бы ни была страшна участь этих двух с половиной миллионов, это была всего лишь цифра, не имеющая ни лиц, ни имён: двойка, пятёрка и пять нулей. Я не знал никого, кто скрывался за этими числами. Ни одной живой души.

Единственное, о чём я сожалел, поднимаясь по ступенькам эшафота, – это о том, что никогда не видел твоей счастливой улыбки… Любимая.

Ефим ГАММЕР

ФЕСТИВАЛЬ СМЫТЫХ КИНОПЛЁНОК

Файвишу Аронесу – актёру кино и государственных еврейских театров Харькова, Минска, Белорусской еврейской студии в Москве, Биробиджана, узнику ГУЛАГа с 1949 года. Реабилитирован 14 сентября 1956 года. И его жене Берте (Белле) Аронес – певице Ленинградской капеллы под управлением Мильнера, исполнительнице еврейских песен, а также песен народов СССР, участнице фронтовых концертных бригад во время войны с фашистами.

1

Умирают актёры на сцене,
чтобы в жизни не умирать.
Умирают без смерти и тлена,
сотни раз и в сто первый опять.
А затем режиссура иная.
И премьера наоборот.
Не подмостки от края до края,
а из трупов живых эшафот.
– Роль желаете? Вот вам на выбор:
врач-убийца, космополит.
Жребий брошен. И жребий выпал.
В главной роли опять будет жид.
И давили его – на выжим,
и ломили его – в разгром.
Но, однако, он снова выжил,
ибо новый приспел погром.

2

Строке не дано познать
кровавую изморозь пули.
Не время вновь умирать,
хоть ВРЕМЯ опять в разгуле.
Из ржавых винтовок – вдогон,
из-за горизонта ГУЛАГа,
палят нержавеющим страхом,
палят из лагерных зон.
Строке не дано познать
кровавую изморозь пули.
Какие хребты согнули,
прежде, чем их сломать!
В каждой судьбе века –
сон мёртвого, боль живого.
А мимо течёт строка,
записывая всё слово в слово.
Строке не дано познать
кровавую изморозь пули.
Провидцы опять уснули.
Проснутся ль? Не будем гадать.

3

Слепые ведут слепых
путями слепой надежды.
Им светит слепая звезда,
своим ослеплённая светом.
Но сколько в пути не плутай,
окажешься в небе нездешнем –
наедине с душой своей,
дыханием Божьим согретой.
О, Господи! Предвосхити
летопись жизни и смерти.
О, Господи! Пощади!
Избавь нас от этого знанья.
Часы живых, прошу,
с часами мёртвых сверьте.
И вслушайтесь, и вслушайтесь
в их слитное звучанье.

4

На смытой киноплёнке –
кадры дождевые,
но всё же различимы –
присмотрись:
Путевой обходчик
сошёл с колеи.
Теперь ищут его
в придорожных кустах.
А он в том временном
отрезке Земли,
где надёжнее слов,
чем «режь!» и «коли!»
не найти,
коль гложет смертельный страх.
Справа – враг, слева – друг,
чуть подальше – стукач.
А душа в самоволку рвётся –
домой.
Но домой – ни ногой!
И ни шагу назад.
Стой! Стой! Стой!
И не плачь!
А ведь он – путевой обходчик.
Ему
не стоять,
а ходить – не сходить с колеи.
Однако: «Ни шагу назад!»
«Режь – коли, режь – коли!»
Никакого движенья,
а уходишь во тьму
где всё кувырком:
морг – гром,

мод – дом,
гол – лог,
год – дог,
му – ум,
мук – кум.

5

Сотворение мира, жизнь по спирали.
Те же ошибки на каждом витке.
Сколько бы память нам не стирали,
с прошлым по-прежнему накоротке.
Вроде бы детство. Но где ностальгия?
Мечется бедная – зонт не найти.
Дождь бесконечный, струи тугие,
очередь к хлебу, и с ней по пути
год и другой, дальше – третий и пятый,
жизнь подминается склочной толпой.
Зомбируют разум: лишь те виноваты,
кто прежде вели вас вперёд за собой.

6

Ева родилась из ребра Адама.
По тому же закону мощи
из собственной кости
породят
неисчислимое воинство
людей,
оживлённых
для Страшного Суда.
И каждый живой
позавидует мёртвому.
Мёртвые
позавидуют живым,
ибо восстали из тлена
для земных – запоздалых –
судилищ.
Чудно будет им думать –
мёртвым среди живых:
«Как медленно движется
судопроизводство
на этой, лучшей –
по схваченному при жизни мнению –
планете».
Живые
будут тыкать пальцами
в мёртвых.
И вопить:
«За что же их?
За что же?
Тысячу лет назад –
да! – были они виноваты.
Но сегодня?

Сейчас?
У них даже кости усохли!
За что же?
Ни кожи! Ни рожи!»
И если в ответ
небеса – ни гу-гу,
эти, живые,
тут же – в дугу:
«Кому послабленье?
Кому погребенье?
Им?
Нас объедят!
Нам?
Так устроим победный парад.
Боже, послушай,
и дай нам ответ.
Готовы
ответа ждать тысячу лет.
Готовы
и впредь не ходить на суды.
А их убери от нашей еды.
У них
ни мозгов и ни рыла.
У них
вместо совести мыло.
А мы – их потомки –
считай нас детьми.
Наш бронепоезд,
на новом пути».

7

Что отличает человека
от братьев его меньших?
Право выбора.
А, значит, и умение
видеть в зеркале лжи
свою правду –
видеть-распознавать...
Это дано человеку
с первого дня
осознания смыслов.
Но после первого дня
был второй.
После второго –
третий.
Но сегодня суббота
переходит в воскресенье.
А завтра воскресенье
переходит в понедельник,
тяжелый похмельный день.
Но мы ещё живы…
Живы мы…
И это всегда…

Андрей КОЗЫРЕВ

УХО ВАН ГОГА

Поэтические сонаты, фуги, оратории

Державину. Жизнь омская

Фуга

Я жил на Омке, – не на Званке, –
Когда из тьмы веков ко мне
Явилась Муза – голодранка
И замаячила в окне.
Она зашла ко мне погреться,
Залезла в душу и в карман,
И объяснила суть прогресса,
И водки налила в стакан.

Вы, Машка, Хлоя и Фелица,
Меня не смейте ревновать!
Для шуток с этою девицей
Нужна тетрадь, а не кровать.
Я с вами цацкаться не стану,
Ведь на земле известно всем:
Пиитам русским по Корану
Иметь дозволено гарем.
Мне всё дозволено и свято,
Святое место часто смято.
Жись без греха – что без стиха:
Мелка, соплива и тиха.
Так наплюём на наше горе
И запируем на просторе!

Глагол времён… Всё это басни.
Есть вещи слаще и прекрасней:
Вот на столе лежит арбуз
И выставил зелёный ус.
Вот разлеглась, ещё невинна,
Изнеженная осетрина.
Блины с икрой, как генералы,
Лежат горою после бала,
И разлитой по кружкам квас,
Являя нрав, шипит на нас…

Согласно истине столетней,
Литература – дочка сплетни.
И я с утра до самой ночи
В окно на двор уставлю очи,
Чтоб подсмотреть там стайку тем
Для од, элегий и поэм.

Какой народец населяет
Те животрепетны края,
Где в Иппокрену претекает
Моя иртышская струя!
Какие здесь мосты, дороги,
Какие старые чертоги,
И каждому здесь старику
Власть оставляет по пеньку.
Какая пыль! Какие были!
Какие дивы нас любили!
Какие стервы нас бросали!
Какие звёзды нам сияли!
В каких болотах мы тонули –
И вот теперь сидим вот здесь,
На Омке, в крепости, в июле,
И будоражим лестью спесь.
А Муза, девка крепостная,
Роман нам крутит, превирая
Сухую правду в сладку ложь,
И хренушки её поймёшь.

Российских од архиерей,
Приди ко мне и помудрей.
Тебе я расскажу о мире,
Бряцая на журнальной лире.
Журнал твой разум озадачит:
Какая в мире канитель!
А что там Вашингтон чудачит?
Пошто артачится Брюссель?
Варшава лезет вон из кожи,
Чтоб сажей нам замазать рожи,
И где-то бродит гад Игил –
Ошеломительный дебил.

А что у нас? Покой, затишье,
Песок да тополиный пух.
Ворует вор. Писатель – пишет.
Реклама – тешит взор и слух.
Гад – гадит. Машет пикой витязь.
На всяк вопрос – один ответ:
Вы молодцы. Вы здесь держитесь.
Страна в порядке. Денег нет.

Восстань, воззри, пиит свободный,
На синь народныя волны!
Пойми язык простонародный,
Доверь ему бессмертны сны!
Постигни правду нашей веры,
Пойми всю суть заподлицо,
В лицо Истории-мегеры
Влепи российское словцо!

Я всё ж чего-нибудь да стою,
Недаром пел, недаром жил.
И да залягу я рудою
Меж каменных Господних жил!
Окаменеет близь и дальность,
Разбьётся звёздная хрустальность
В тот страшный час, последний час,
Что уравняет с прахом нас,
Но и в кремнёвой вспышке света,
Что в судный день издаст планета,
Мелькнёт часть моего огня –
И Бог воспомнит про меня…

Прости меня, мой собеседник:
Чудачеств пушкинских наследник,
Я разбираться не привык
В том, что вещает мой язык…
Слова резвятся, как амуры,
Пред ликом девственной натуры,
Трезвы, ясны, вполне в уме,
А я уже ни бе, ни ме.
Но, и не смысля ни бельмеса,
Я всех зову на путь прогресса,
И пусть трепещет тот прогресс,
Что нас не вздёрнет до небес!
Держава росская богата,
Трепещет в небе грозный флаг,
И всё не так у нас, ребята,
И слава Богу, что не так!

Ухо Ван Гога

Соната

Наш мир стоит на Боге и тревоге.
Наш мир стоит на жертве и жратве…
У жертвы, выбранной жрецами в боги,
Перевернулся космос в голове.

Его холстов бессмертные ошибки –
Зрачка безукоризненный каприз:
Плывёт над садом облако улыбки,
И в облаке струится кипарис.

Пылает ухо в пурпурном закате,
Кровь виноградников пьянее книг,
И пузырится звёздами хвостато
Ночного неба чёрный черновик.

Сухой голландец, тощий и небритый,
Сам для себя – дурдом, дурман и страх,
Взирает на подсолнечье с палитрой,
Сжимая трубку старую в зубах.

Он слышит сердцем звуки небосмеха,
Он ловит кистью Божий смехолуч,
И ухо отзывается, как эхо,
В ушах листвы и в раковинах туч.

Он совершит святое разгильдяйство –
Мазком к холсту пришпилит высоту.
Джокондовское снится улыбайство
Подсолнухам, врисованным в мечту!

Звенит над храмом небо колокольно,
Чтоб нам зрачки от скуки протереть,
Но всё же вечно смотрим мы – невольно –
Туда, куда так больно нам смотреть!

Прозрачная идёт по склону лошадь,
И жалуется ей сквозь холст Ван Гог,
Что башмаки его устали слушать
Рассказы неоконченных дорог…

Творец в сверкальне сна полузеркален.
С холста струится солнечная кровь.
Мозг гения прозрачно гениален,
И сквозь мозги сквозит сквозняк богов!

2

Вот он идёт – не человек – дурман,
Дурман небес, чудачества лекало.
Он пьян, давно упал бы он в бурьян,
Когда б за крылья небо не держало.

Он пьян, но не от нашего вина,
А от другого – горше и суровей.
Кровь виноградников всегда красна,
Как солнце, конопатое от крови.

Он пил всю ночь глухой абсент легенд.
Полынный вкус небес во рту дымится.
Абсент легенд – священный элемент,
Он миражам даёт черты и лица!

А рано утром, только он проспится,
Увидит Бог, живой в его зрачке,
Как солнце сквозь подсолнухи струится,
Бушует, пляшет в каждом лепестке!

Пусть барабанит в жилах кровь-тревога,
Пусть грают птицы, небо вороша, –
Подсолнечье – вот небеса Ван Гога!
Подсолнухи звенят в его ушах!

Художество не худо. Всё – оттуда,
Где метеор – взамен карандашей.
Да, вот такая амплитуда чуда –
От неба до отрезанных ушей!

Колумб вернулся

Монолог пьяного адмирала

На небе светит глупоглазый месяц.
Я на него готов завыть, как пёс.
На всю вселенную усы развесив,
Меня в таверне слушает матрос.
Ночь холодна, как будто королева.
Европа спит, грязна, как мой камзол.
И тошно представлять, твою налево,
Что я – источник золота и зол…

Когда стремился я в поход индейский,
Я не стыдился лести и вранья –
Руководила мной, по-компанейски,
Космическая алчность бытия.
«*Нажива на живых рабах – гуманна,*
Рабам спасает души – невзначай.
А золото – ведёт за океаны,
Питает разум, покупает рай».
Сто раз я кланялся убийцам и прохвостам,
Сто раз просил взаймы у дураков,
Сквозь океан тащил пропойц на чёртов остров,
Открыл дорогу в рай… и был таков.

Открыл? Проваливай! Тебя не жальче,
Чем тех рабов, что ты привёз, дур-рак!
…Моя метафизическая алчность –
Дорога в Новый Свет и Новый Мрак.
Ругнуться бы озлобленно и грубо,
Да смысла в злобе нет…как и во всём.
Индеец-раб нахально пучит губы,
Не понимая, что мы тут несём…

Себя учу я, как язык индейский.
Ночь молчалива, словно ветчина.
Смерть смотрит вдаль с улыбкой фарисейской,
А жизнь – скучна, как верная жена.
Я быть пытаюсь сумрачным и гордым,
Я умножаю злобу и враньё…
А королева холодна, как орден,
Как званье адмиральское моё.

…Я лгал. Я грабил. Я сменил отчизну.
Я знал похмелье, но знавал и хмель…
Хуан! Тащи бутылку. В небо брызну

Струёй бургундского… Я, кстати, вызнал
Научное определенье жизни –
Оно одно, простое: канитель.

Какая канитель, скажите просто, –
Мечтать о славе, золоте, добре,
Считать, что океан тебе по росту,
И оказаться смердом при дворе!
Они меня забудут, право слово,
Бог весть чьим именем прозвав страну,
Что я открыл… Но в этом нет худого.
Смешно другое, как я ни взгляну:

Сие забавно – стать в веках героем,
Рискуя жизнью, честью и душою,
Сквозь океан прокладывать следы
Для воровства, наживы и вражды.
Сквозь море рыскать, надрывая *опу,
Сто раз тонуть, в долги по грудь залезть,
Чтоб привезти в студёную Европу
Рабов, и золото, и модную болезнь;
В Мадриде плесть для грандов небылицы,
Просить деньжат, и жрать, и бабу мять…
Но стало тошно мне к чему-то зря стремиться
И что-то в этой жизни понимать.

Стреляй, скачи, живи… А что же дальше?
Как ни ломай башку, и не поймёшь.
Во всём, что мы творим, есть доля фальши,
И даже правда – это праведная ложь.
Мы лжём, что ищем новизны, открытий.
Для грандов всё равно, я жив иль мёртв:
Достаньте золото, а там – хоть не живите,
Хоть удавитесь… Бережливый мот,
Я промотал себя – за власть и деньги,
Которые сквозь пальцы утекут…
Да, все мы дураки, но все мы – дети,
Не знающие, что они – растут.
Мы подрастём. Мы, может, поумнеем.
Мы станем благодарней и скромней…
Мадрид мудрит, вино в нём – чуть хмельнее,
Чем в Генуе, и сумрак – чуть черней.
Европа пахнет лавром и лимоном.
И на черта я мчал за океан?
Добро везде слабо, а зло – бездонно,
Как океан… как этот вот стакан.
Я пью, я пью… и не напьюсь, дружище.
Мы, моряки, такие дураки!
Плывём куда-то, всё чего-то ищем,
Хотя не движутся материки…
И море нам бормочет матерки.

Мадрид мудрит, а гранды жаждут грантов.
Ночь молчалива, словно ветчина.
Откапыватель собственных талантов,
Я сам не знаю, в чём моя вина:
Я развратил открытием полмира,
Привёз вам попугая и банан,
Приполз в харчевню, сам себе не милый,
И пью, и злюсь, что до сих пор не пьян.
Европа спит, как мирная старушка…
А океан ворчит, как Бог, суров…
Хуан! Тащи бутылку. Где же кружка?
Куда нам плыть? Понятно всё без слов.

ПЕРЕПУТЬЕ ТРЁХ ДОРОГ

Антология одного стихотворения

Ингвар ДОНСКОВ

ИВАН-ДУРАК

Вот и камешек заветный.
Перепутье трёх дорог.
А вокруг туман рассветный.
Слева дыба и острог.
Справа слава и богатство.
Это мне не по зубам.
Не положено пол-царства
Нам, Иванам-дуракам.

Я стою, чешу в затылке.
Вправо – путь, и влево – путь.
Перекрёстки и развилки –
Нас нетрудно обмануть.
Хоть подбрасывай монету!
Но дрожит моя рука.
Эту выбрать? Или эту?
Пожалейте дурака.

А на камне – чёрный ворон.
Прямо вылитый монах.
Значит, время разговоров
С вороньём, увы и ах.
Ты же знаешь всё на свете,
Так ответь наверняка –
Где враги готовят сети
На Ивана-дурака?

Чёрный ворон встрепенулся,
На мгновение исчез.
И монахом обернулся –
Вот ведь чудо из чудес!
Усмехнулся, зыркнул глазом,
Подперев свои бока.
– Нету правильных подсказок
Для Ивана-дурака.

Вот такое, братцы, дело –
Слева – топи, справа – кровь.
Ну а прямо – топай смело!
Разнесчастная любовь.
Знамо дело, выбираю –
Снова всё пойдёт не так!
За любовью я шагаю
Как всегда... Ведь я – дурак.

Дарья ВЕРЕЯСОВА

* * *

Отправлялись на зимовье.
Кто по-русски, кто на мове:
«Боже мой!» и «чёрт возьми!»,
На вокзале пахло морем
И бродячими людьми.

Так и жили: сидя, лёжа,
Так стуча одно и то же,
И от графика отстав,
Мчался железнодорожный
Жёлто-голубой состав.

Так, соседей не жалея,
Москали, хохлы, евреи
Кур жевали и треску.
И накатывало время,
И стекало по песку.

Через лето, через осень,
Через снежные заносы –
Лишь бы воздуха глотнуть –
Ты не бойся, – худо-босо
Доберёмся как-нибудь!

По стране лихой, по вражьей.
Вот билет, а вот поклажа,
Вот волчок, а вот – крути.
Нам конец пути покажет,
Где он есть – конец пути.

Что за странствие такое,
Что за пустошь упокоит
Сотни городов спустя,
На плечах плацкартных коек
Выношенное дитя.

Вадим ГОРИНОВ

* * *

Рассмеяться, вдруг заметив –
Вот призвание моё –
В январе на голых ветках
Урожай из воробьёв.

Просыпаться: солнце встало!
Вновь нахлынувшим апрелем.
На прогулку – снегом талым –
Шлепать – ах, какая прелесть!

Плыть, однажды став лучами,
Над землёй (повсюду вместе!)
Тихо, чисто, как в начале.
Ничего опять не веся.

Марина ЛЯЩЕНКО

* * *

Моменты, которые хочется помнить,
Записать их на плёнку в своей голове.
И в случайном кафе, прищурившись робко,
позволить немного мечтать о тебе.
Не поддаться коварному и бездушному,
миллионник – неискренний и недобрый.
Здесь сомнения и метания,
действительно, стали нормой.

но есть Честность – невесомая, неосязаемая,
на моей ключице твоими губами.

Дмитрий СОСНОВ

* * *

Под Новый год желанье быть любимым
Рвёт сердце, точно коготь ястребиный –

Ему попавшуюся перепёлку.
Вот если бы, как в детстве, да под ёлкой

Найти письмо с признанием! Поверьте,
Возможно это. Только – нет, конверта

Такого в праздник мне не обнаружить –
Другим придётся согревать мне душу...

Под звон фужеров буду я желать
Друзьям сильней меня в любви сиять!

Быть может, отблеск этого сиянья
Когда-нибудь, влетев в моё желанье,

Ему поможет сбыться. А пока
К любви грядущей вновь летит строка!

Антон ШКОЛЬНИКОВ

* * *

На кухне утром бутылок роща,
Чайник. Ставлю на газ его...
Многое в жизни простого проще,
А все простое – крепче всего.

Три аккорда, топор и водка –
Приёма нет, хоть гранатой рви.
Вот так чугунная сковородка
Пережила две моих любви.

Наталья МАМЛИНА

* * *

Какой-то опасный мыс.
Там твой человек бредёт.
То жизнь потеряет смысл,
то заново обретёт.

То всё прогорит стократ,
то вдруг устремится вспять.
Здесь каждый чуть-чуть Сократ
в каких-нибудь двадцать пять.

Становится смерть лютей.
Ужели нельзя сберечь
хоть чьих-то родных людей,
по ком просвистит картечь?

Валерий СКОБЛО

* * *

Хорошо... Чёрт с тобой... Говори!
Объясняй, что ты понят превратно,
Что ты белый, пушистый внутри...
Да зачем?.. ведь и так всё понятно.

За предательство плата одна –
Взгляд в глаза... горький взгляд без ответа,
Чтоб ты знал – всем на свете видна
И навечно предательства мета.

Повернуть жизнь мечтаешь назад? –
Не бывает подобного чуда.
Все осинки в округе шуршат
Тихо-тихо: Иуда... Иуда...

Алексей КУРИЛКО

МОРСКОЙ ЛЕВ ЛИТЕРАТУРЫ

Попытка анализа главного произведения Эрнеста Хемингуэя

> Это проза, над которой я работал всю свою жизнь, которая должна быть лёгкой, простой и лаконичной и в то же время передавать все изменения видимого мира и сферы человеческого духа. Это самая лучшая проза, на которую я сейчас способен.
>
> *Э. Хемингуэй, «Старик и море»*

Сперва я попробую окунуть вас в недалекое прошлое, во времена, когда повесть увидела свет, чтобы затем мы смогли погрузиться в глубины авторского подсознания. Нам предстоит долгий путь, наберитесь терпения, я буду вашим капитаном, доверьтесь мне. Если вы куда-то спешите, или не готовы сосредоточить своё внимание на ком-то другом более чем на несколько минут, или привыкли сразу удовлетворять мимолётное любопытство в результате скорого ответа, кратко и по существу; словом, если вас всегда и во всем больше интересует результат, а не процесс его получения, то даю совет, пропускайте моё эссе, не смею вас задерживать! Оставшихся прошу: мысленно перенестись в Америку, в середину прошлого века, далеко от меня не уходить, держаться вместе! В этом капиталистическом раю адская путаница и беспредел!

В сентябре 1952 года повесть «Старик и море» целиком выходит в одном из номеров журнала «Лайф». Читатели только о ней и говорят. Повесть произвела фурор. Такого Хема ещё не читали. Но − хуже того − ничего подобного от него уже и не ждали. Его последняя книга была обругана критиками, и при этом не была защищена вниманием читателей. А тут вдруг такой резкий и повсеместный восторг в связи с публикацией не такой уж большой вещи в журнале «Лайф»! Счастливые обладатели этого журнального номера пересказывают сюжет повести тем, кто не успел его купить. Но в пересказе повесть совсем не производит того ошеломительного эффекта, который испытали те, кто читал и перечитывал эту вещь в журнале. Такое легко и, вместе с тем, невозможно пересказать. Это нужно читать! Поэтому, видя такой спрос, уже через восемь дней повесть печатают отдельной книгой. Все пятьдесят тысяч экземпляров, несмотря на высокую для такой тоненькой книжки цену, раскупают так быстро, что самые крупные издательства наперебой атакуют автора заманчивыми предложениями переиздать его «Старика». Вскоре эта повесть приносит Хемингуэю Пулитцеровскую премию и, по сути, становится поводом для присуждения Нобелевской. Кто бы мог подумать, что сия незамысловатая, на первый взгляд, история о том, как старый рыбак поймал огромную рыбу, но не смог довести свой улов до дому в целости и сохранности, вновь сделает Хемингуэя лучшим писателем Америки, подтвердит его глобальное значение для мировой литературы, станет последним пиком его карьеры!

А ведь ещё совсем недавно Хемингуэя почти не рассматривали всерьёз как действующего писателя. Казалось, его время прошло. Поговаривали о потере творческой потенции: да, он был великим писателем, но акцент падал в основном на слово «был». И критики, и литературоведы, и читательская публика охладели к его дару. В последнее время этот дар никому, кроме его верных поклонников, был и даром не нужен, во всяком случае, акции его дара стремительно падали в цене. Оно и понятно: в конце 1940-х – начале 1950-х

Хемингуэй переживает глубокий творческий спад. Всему виной его тяжелое физическое и психическое состояние после пережитого на фронте плюс болезненный и нелегкий разрыв с Мартой Геллхорн... Он чувствует приближение старости. Учащаются приступы депрессии. Жизнь с каждым прожитым годом становится всё менее понятной. Всё это − многочисленные травмы, полученные им после переломов и ранений; одиночество, разочарование, утрата былого величия и неверие в собственные силы, − существенно сказывается на состоянии здоровья писателя и приводит к ослаблению его творческого потенциала.

В это сейчас слабо верится. Ныне кажется, что Хемингуэй никогда и ни в чём не знал поражения. Его книги, его высказывания, его манера жить и работать − легко переходя границы человеческих возможностей, рискуя, не зная сомнений − всегда давали ему повод гордиться собой и быть блистательным примером для подражания. Все, кто хотя бы немного был знаком с его биографией, восхищались его личностью, его мужеством, и даже порой его безрассудством. Судите сами! Почти всю свою жизнь он постоянно испытывает себя на прочность. Он словно нарочно дразнит Фортуну, и не боится играть со Смертью, ставя на кон всегда и неизменно собственную жизнь, словно ни чуточку ею не дорожит. Тут и участие в трёх войнах, и состязания на ринге с профессиональными боксёрами, и охота на львов в Африке, многочисленные попойки и уличные драки, дружба и сотрудничество с революционерами и контрабандистами, походы на маленьком катере «Пилар» в штормовом океане, игра в «русскую рулетку», болезни, авто- и авиакатастрофы... На его теле было более двухсот шрамов! А главное, он восемь раз был на самом краю гибели, но всякий раз после того, как практически чудом выкарабкивался из цепких лап смерти, он не только не менял своего образа жизни, но, напротив, начинал ещё наглее играть со свой судьбой. Да, он был, как сказали бы сейчас, крутой мужик, но боюсь, один из его биографов абсолютно прав, утверждая, что он не бежал от смерти, а все время − долгое время неосознанно − искал её. Впрочем, нам он признался в этом сам. И мы и безо всяких биографов пришли бы к такому выводу, если бы поверили в искренность его собственных слов, характеризующих писателя коротко и точно: «Пишет мало, а пьёт много, но если бы не пил, давно пустил бы себе пулю в лоб». А ведь их многие принимали за шутливый эпатаж и некую позу… Но это то, что касается его натуры. А меня сейчас мало занимает Хемингуэй-человек, с ним мне всё более-менее ясно. Меня интересует Хемингуэй-литератор. Причем особенно занимает меня писатель последнего периода − он весьма отличается от раннего Хемингуэя, и есть существенные отличия от того Хема, который находился в самом зените сил и творчества...

Понятно, что проза Хемингуэя – это всегда по-настоящему мужская литература! Сверх того − хорошая, добротная, настоящая Литература. Язык его прозы прост, ясен, лаконичен... Не только сам текст увлекателен и способен унести читателя к высотам катарсиса, но и тот глубокий подтекст, который в нем всегда явно чувствуется. Чаще всего в центре произведений или охота, или война, или борьба с противником, или, в крайнем случае (случае классическом!) борьба с самим собой. Как чемпион по борьбе с самим собой, ответственно заявляю: это самый тяжёлый вид борьбы и весьма обидный, поскольку выигрывая, ты терпишь поражение, но проиграв, − выигрываешь. Вроде бы, чудной парадокс, а, между тем, всё предельно просто и ясно (кстати, типичный случай для Хемингуэя!).

Его герой всегда готов с гордостью и непоколебимой верой в справедливость своих поступков достигнуть цели любой ценой, пройдя все испытания (идёт ли он на подвиг или на преступление). Настоящий мужик, одним словом! Он готов принести в жертву жизнь − как свою, так и чужую − лишь бы знать, что он прав и жертва будет принесена не зря. Сначала кажется: почти все книги его такие. А «Старик и море» − это вообще ликбез для настоящих мужчин, не зависимо от положения, возраста, времени и места действия... Эта книга может служить пособием для проведения мастер-классов по самосовершенствованию! Я не шучу! При этом перед нами высокохудожественный шедевр мировой литературы. Хотя постойте! То, о чём Хемингуэй поведал в повести, когда-то, почти двадцать лет назад, он смог уместить всего лишь на нескольких страницах своего очерка в журнале «Эсквайр»! Но в том-

то и прелесть, что язык его не изменился, манера писать осталась такой же сдержанной и сухой, как и в романе «Иметь или не иметь», он столь же лаконичен, как и прежде... Но! Именно в этом произведении впервые Хемингуэй предельно внимателен к мелочам или к вещам, которые, на первый взгляд, не имеют прямого отношения к главной, а можно сказать и единственной сюжетной линии... Да, обычно он пишет кратко, емко... А тут − целая книга, большое по объёму произведение, но которое, как ни крути, и по композиции, да и по сути, − всего лишь рассказ: всего пара героев (а по гамбургскому счету герой один − Старик) и происходит пара событий в течение весьма непродолжительного времени – не более трёх суток в целом. Всю историю можно пересказать за полминуты. Но в данном случае автор посчитал нужным поведать все обстоятельно, подробно, нисколько при этом не меняя собственную стилистику и манеру письма и легко удерживая наше внимание. Он мог написать в пять раз короче, но не пожелал. Почему? Потому что за те сутки, пока Старик был в море, благодаря его монологам, перед нами вырисовывается вся жизнь, казалось бы, простого и вместе с тем незаурядного человека. Только такой человек, просоленный жизнью, мог восемьдесят четыре дня выходить в море, возвращаться ни с чем, но всё равно продолжать выходить, пока ему не попадется такая громадная рыба, которую доселе никто не видел! Нет, может, и видели, но поймать её и справиться с ней одному человеку не под силу... Старик не раз вспоминает мальчишку, который хоть в мелочах, но мог бы ему помочь, хотя всякий раз признает, что и вдвоём бы они с этой рыбиной не справились... Рыба, с которой так долго боролся старик Сантьяго, − прямо мечта всех истинных любителей рыбалки и невероятный трофей для профессиональных рыболовов: гигантский марлин, рыба-меч из отряда парусниковых. Хемингуэй ловил таких, но с ним всегда был его верный помощник Григорио Фуентес, человек, которого он сделал капитаном своей яхты и послуживший одним из прототипов Сантьяго. Они познакомились в конце двадцатых: легкая моторная лодка Хемингуэя попала в шторм, как назло − отказал двигатель. Оказавшийся поблизости на своём катере Григорио, пришёл на помощь. Фуентес довёз Хемингуэя до берега, помог согреться, они разговорились, выпили, само собой... Так завязалась их многолетняя дружба. Лишь только Хем приобрел яхту − он, не раздумывая, взял Григорио капитаном, платил 250 долларов в месяц. Такие деньги тогда мало кому платили. Но зато в лице Фуентеса он приобрёл надежного помощника, друга, фанатично любившего и хозяина, и его яхту до такой степени, что со временем окончательно переехал туда жить и проводил на яхте все 365 дней в году, заботясь о ней, как о родной дочери, которой у него никогда не было... Григорио после смерти папы Хема рассказывал, что они частенько выходили в море, невзирая на штормовое предупреждение, не раз оказывались в тяжёлой, критической ситуации. «Хозяин любил играть с огнём», − признавался он в многочисленных интервью. Хотя в данном случае, правильнее было бы сказать «с водой». Впрочем, мы говорим об Эрнесте Хемингуэе! Он играл и с огнём, и с водой, и с огненной водой, и с теми, кто мог метать в него молнии и громыхать обвинениями, − с женщинами... Любил он и охоту, и рыбалку... Ловил и марлина, подобного описанному в повести. Но в отличие от Старика, он был моложе, сильнее и ему помогал Григорио, а от акул он обычно спасал свою добычу довольно своеобразно: пускал в них очередь из автомата. Этот необычный метод теперь называется методом Хема... Но за него сейчас можно получить серьёзный тюремный срок. Да и далеко не каждому позволено держать на яхте такое количество оружия. Так что сам Хем знавал часы триумфа! Как фанатичный поклонник рыбной ловли, он мог легко дать столь реалистичное описание противостояния человека и марлина, и мог представить, каково было бы рыболову, окажись он в такой ситуации в одиночку.

Герой Хемингуэя сразу же понимает, лишь только узнает, какого рода противник попался ему на крючок, какая крупная удача его настигла. И крупная она до такой степени, что справиться с ней − с удачей в виде этой рыбы − в одиночку ему не удастся. Он и вдвоём с помощником вряд ли бы справился, но шансы – пусть мизерные, − были бы... Заметьте, это очень важно: он признает, что они бы не справились и вдвоём, а между тем продолжает упорно бороться со своим морским противником, которого он с каждым часом всё больше уважает, уважает настолько, что начинает говорить с ним. Это наводит на мысли о том, что

он очень одинок и не привык проигрывать, тем паче без боя. Старик, с каждым часом слабея, удивляется силе и упорству морского гиганта, и уважение скоро перерастает во что-то большее. И он не скрывает своих чувств: «Рыба, – позвал он тихонько, – я с тобой не расстанусь, пока не умру. Да и она со мной, верно, не расстанется», – подумал старик и стал дожидаться утра. В этот предрассветный час было холодно, и он прижался к доскам, чтобы хоть немножко согреться. «Если она терпит, значит, и я стерплю». Он словно почувствовал, что рыба и он − они родные души, оба сильны и упрямы, оба готовы сопротивляться до последнего, оба настроены решительно − победить или умереть. Он − старый опытный рыбак − по поведению рыбы догадался, что имеет дело с самцом. Причём с таким, который уже побывал в подобных переделках, или наблюдал подобную ситуацию, поскольку рыба-самец ведет себя странно, слишком умно, грамотно и без трусливой, нервной суеты, словно преследуя такую же точно цель, какую преследует мудрый Сантьяго, − измотать, утомить своего противника. Можно было бы предположить, что это именно тот самец, который видел гибель своей подруги. Старик не случайно вылавливает из океана своих воспоминай одно − случай, поразивший его некогда до глубины души: «Он вспомнил, как однажды поймал на крючок самку марлина. Самец всегда подпускает самку к пище первую, и, попавшись на крючок, самка со страха вступила в яростную, отчаянную борьбу, которая быстро её изнурила, а самец, ни на шаг не отставая от неё, плавал и кружил вместе с ней по поверхности моря. Он плыл так близко, что старик боялся, как бы он не перерезал лесу хвостом, острым, как серп, и почти такой же формы. Когда старик зацепил самку багром и стукнул её дубинкой, придерживая острую, как рапира, пасть с шершавыми краями, когда он бил её дубинкой по черепу до тех пор, пока цвет её не стал похож на цвет амальгамы, которой покрывают оборотную сторону зеркала, и когда потом он с помощью мальчика втаскивал её в лодку, самец оставался рядом. Потом, когда старик стал сматывать лесу и готовить гарпун, самец высоко подпрыгнул в воздух возле лодки, чтобы поглядеть, что стало с его подругой, а затем ушёл глубоко в воду, раскинув светло-сиреневые крылья грудных плавников, и широкие сиреневые полосы у него на спине были ясно видны. Старик не мог забыть, какой он был красивый. И он не покинул свою подругу до конца».

Сам Сантьяго не говорит о том, что такое возможно. Ведь этот марлин огромен, он вдвое больше его лодки, он признается, что ему ещё не доводилось видеть марлина таких размеров, а тем паче, ловить. Стало быть, тот самец был меньше, чем этот, утаскивающий его всё дальше и дальше в открытое море. Но ведь с того дня прошло как минимум три месяца (мы же помним, что восемьдесят пять дней прошло с последнего удачного улова), а то и год, или полтора... Ведь Старик не говорит, что это произошло именно в тот, последний день, перед чередой несчастливых дней. Но даже взяв самый малый срок, прошедший с того дня, когда была поймана самка марлина, получаем, повторю, три месяца, не меньше. Для рыбы-меч три месяца − это большой срок. За такое время она, хищница, спокойно могла бы набрать вес и стать вдвое больше, чем была. Если допустить сие предположение и поверить в такое случайное стечение обстоятельств, то притча приобретает совсем иной оттенок: идёт не просто борьба «кто – кого», идёт принципиальное противостояние двух заклятых врагов, и Старик выступает для Рыбы неким злым роком, убившим когда-то его подругу, лишившим его спутницы, нанесшим душевную рану, а теперь добравшимся и до него. Это поначалу вас может рассмешить или расстроить, или разочаровать... Вот же, право слово, перемудрил этот наивный Курилко, да ещё и пишет о рыбе, словно о человеке. Да ведь не я, а герой наделяет холодную, бездушную рыбу и характером, и умом, и разумным поведением, и душой. Именно он наделяет её сугубо человеческими качествами и ощущает с ней родство душ с похожими стремлениями... Просто вспомните, как много он с ней говорит! И вспомните, что он ей говорит! «Рыба, − обращается он к ней, когда силы его почти на исходе, а та начинает свой последний бой за свободу и жизнь. − Рыба! Тебе всё равно уже не жить, так зачем ты желаешь погубить и меня?» Таковы, по его мнению, её истинные намерения: не спастись, а погубить и его вместе с собой. Старик с самого начала относился к ней по-особенному, словно они и вправду равны. «По виду она спокойна, – подумал он, – и действует обдуманно. Но что она задумала? И что собираюсь делать я? Мой план я должен тут же приспособить к

её плану, ведь она такая громадина. Если она выплывет, я смогу её убить. А если она так и останется в глубине? Тогда и я останусь с нею». Решение принято! Цель ясна! Однако и Рыба, по его разумению, знает себе цену. Но, несмотря на её внушительные размеры, Старик поначалу недооценивает её. Она же пока для него всего лишь рыба, обитатель морских глубин, а он человек, не привыкший и за восемьдесят четыре дня к неудачам и проигрышам. «Она громадина, эта рыба, и я не дам ей почувствовать свою силу, – думал он. – Нельзя, чтобы она поняла, что может сделать со мной, если пустится наутёк. На её месте я бы сейчас поставил всё на карту и шёл бы вперёд до тех пор, покуда что-нибудь не лопнет. Но рыбы, слава богу, не так умны, как люди, которые их убивают; хотя в них гораздо больше и ловкости и благородства». Он недооценил противника, это было его ошибкой, которую он, как поистине честный и мужественный человек, относительно скоро признал. После этого его отношение к противнику пересматривается, он теперь внимательно анализирует каждое движение марлина, каждый его поступок предусмотрительно предугадывается или прорабатывается впоследствии: «Интересно, почему она вдруг вынырнула, – размышлял старик. – Можно подумать, что она вынырнула только для того, чтобы показать мне, какая она громадная. Ну что ж, теперь я знаю. Жаль, что я не могу показать ей, что я за человек. Положим, она бы тогда увидела мою сведенную руку. Пусть она думает обо мне лучше, чем я на самом деле, и я тогда буду и в самом деле лучше. Хотел бы я быть рыбой, и чтобы у меня было всё, что есть у нее, а не только воля и сообразительность».

Теперь старик Сантьяго впадает в иную крайность: он недооценивает себя. Он обладает не только волей и сообразительностью, но также верой в победу, упрямством, силой не только стареющего (хотя и закаленного трудом) крепкого тела, но и духа… В нём есть гордость, гордость человеческая и профессиональная... и всепоглощающее желание победить! Любой ценой! Или погибнуть! И точно такие же качества Старик начинает видеть в Рыбе. Вот тогда-то обыкновенное восхищение размерами добычи сменяется сначала уважением, переходящим затем в любовь. «Рыба, – сказал он, – я тебя очень люблю и уважаю. Но я убью тебя прежде, чем настанет вечер».

Так разве это я перемудрил?! Я лишь внимательно читаю, ибо Хемингуэй, вернее, проза его, только на первый взгляд проста и чиста, как вода в северных озёрах. Но всё в этой повести глубже. Тут целое море идей и мыслей, и чем дальше − тем глубже. А море впадает в океан... Там всё иначе. Предельно честный за письменным столом, Хем, так долго толковавший о прозрачности, писавший в жанре жёсткого реализма, но усиленно работавшего над каждым словом, признавался: «Если писатель хорошо знает то, о чем он пишет, он может опустить многое из того, что знает, и, если он пишет правдиво, читатель почувствует всё опущенное так же сильно, как если бы писатель сказал об этом: «Величавость движения айсберга в том, что он только на одну восьмую возвышается над поверхностью воды». Кто помнит об этом хемингуэевском «принципе айсберга», тот будет по верхушке айсберга пытаться понять *что, где* и *каких размеров* скрыто от нашего взора. Особенно об этом нужно помнить при чтении его лучшей работы. Это не только моё мнение. Так, наверняка, полагал и он сам. Об этом догадывались лучшие из литературных мастеров. Скажем, не менее одарённый Фолкнер по достоинству оценил эту повесть: «Его лучшая вещь. Возможно, время покажет, что это самое лучшее из всего написанного нами – его и моими современниками. На этот раз они создавали сами себя, лепили себя из собственной глины; побеждали друг друга, терпели поражения друг друга, чтобы доказать себе, какие они стойкие. На этот раз писатель написал о жалости – о чём-то, что создало всех: старика, который должен был поймать рыбу, а потом потерять ее; рыбу, которая должна была стать его добычей, а потом пропасть; акул, которые должны были отобрать её у старика, – создало их всех, любило и жалело. Все правильно. И, слава Богу, то, что создало, что любит и жалеет Хемингуэя и меня, не велело ему говорить об этом дальше». Замечательные слова, но и они больше прячут в себе, чем показывают, не правда ли... Нет, первая часть ясна абсолютно. Очень многие так и трактовали повесть-притчу. Но об этом чуть ниже. А пока – о том, о чём сказал Фолкнер и о чём недосказал, а также о том, что отвергал лично автор повести «Старик и море».

Если советские и европейские критики видели лишь мужество, стойкость и величие человека в борьбе за существование, а также призыв против обособленности и индивидуализма ради удовлетворения эгоистических амбиций и сугубо личных, низменных потребностей. То американцам и некоторым отдельным индивидуумам скорее понравилась идея величия человека над природой и стремление достигать поставленных целей, превосходя собственные возможности. Фолкнер и ещё ряд интеллектуалов отметили также ноту смирения, тень любви и принятия того, что всё правильно и разумно устроено в мире, кажущемся жестоким, несправедливым и суетным.

Теперь о недосказанном. Хемингуэй и сам признавал, что изначально задумывал написать роман со множеством героев, сменой картин и действий. Но затем, уже в процессе работы, найдя, наконец, идеального героя, его устами рассказал нечто простое. Его герой делает своё дело добросовестно и не столько ради корысти или гордости, а по причинам более прозаичным: так должно, каждый обязан быть собой, без утомительных и рефлектирующих поисков себя. Ты тот, кто ты есть, будь им всегда, смирившись с любой участью, гордо неси крест своего предназначения − и тогда ты победишь, даже потерпев поражение. Такие выводы особенно удобны для церкви и государственной власти. Право слово, ведь всем будет только хорошо, когда большинство наконец осознает: ты родился, чтобы стать рыбаком, как рыба родилась, чтобы быть рыбой. Всё, что ни случается, всё правильно, всё справедливо. Делай хорошо своё дело, и не тревожь лишними мыслями ни себя, ни других... «Может быть, мне не нужно было становиться рыбаком. Но ведь для этого я родился!» Верно! Не сомневайся! Делай привычный труд без сомнений, без колебаний и живи с миром в гармонии. Ты такой, какой есть, ты ничего не в силах изменить, тем более, если ты один.

«Подумать только, что благодаря моему коварству ей пришлось изменить своей судьбе. Её судьба была оставаться в тёмной глубине океана. Моя судьба была отправиться за ней в одиночку и найти её там, куда не проникал ни один человек. Теперь мы связаны друг с другом. И некому помочь ни ей, ни мне». Но ты не один. С тобой всегда такие же, как ты. Просто не уходи один далеко в море, а не то одиночество и сомнения сломают тебя.... Вот и старик испытывал нечто похожее: «Может быть, грешно было убивать рыбу. Думаю, что грешно, хоть я и убил её для того, чтобы накормить уйму людей. Нечего раздумывать, что грешно, что не грешно. Ты родился, чтобы стать рыбаком, как рыба родилась, чтобы быть рыбой». И всё! А над тобой и с тобой всегда мудрый Бог, или всеведущие боги, или родимая партия, или президент и парламент – главные слуги народа... Ты смирись, главное, − и станет так легко и спокойно, как никогда прежде... «А как легко становится, когда ты побеждён! – подумал он. – Я и не знал, что это так легко… Кто же тебя победил, старик? – спросил он себя… – Никто, – ответил он. – Просто я слишком далеко ушёл в море».

Когда в таком небольшом по объёму произведении такая плотная концентрация действий, чувств и мудрых мыслей, да ещё много чего таится между строк, то это всегда раздолье для интерпретаций: можно выбирать, на чём именно поставить акцент, что подчеркнуть, а что оставить в тени авторского замысла. Хемингуэй всегда этого боялся. Он не любил, когда в том, что он написал, кто-то находил то, чего там изначально не было, или, во всяком случае, им специально не подразумевалось, не закладывалось изначально. Впоследствии он яростно протестовал против того, чтобы его повесть считали полной тайных смыслов притчей, не понимая, что этот неожиданно ярко сверкнувший свет его дара был подобен большому взрыву, после которого он начал погружаться в кромешную тьму. Так иногда перегорает лампочка от перенапряжения, ярко вспыхнув перед тем, как погаснуть навсегда, поскольку вольфрамовая нить не может быть соединена вновь, разве что какой-то умелец рискнет разбить стеклянную оболочку в надежде всё чудом склеить, как было. В любом случае, Хемингуэй, как и герой его повести, превзошел самого себя. Каждый из читателей, увлеченно следя за тем, как разворачивается драматическая история старого рыбака, извлекает из прочитанных страниц нечто труднообъяснимое, но понятное и близкое только ему. Поэтому анализ повести не менее интересен, чем анализ стихов, к примеру, Пастернака.

Что бы сам автор ни говорил, но Сантьяго хоть и похож на предыдущих героев Хема, почти всегда имеющих автобиографическую платформу, всё-таки разительно отличается от них всех. Нет, он тоже весьма мужественен, целеустремлен, силён и телом, и духом; наблюдателен и великодушен, но он не мучается вопросами бытия, он этим бытием наслаждается. Он не сомневается и не ищет правильного пути или себя − и то, и другое он давно обрел и находится в относительной гармонии с миром и с собственной совестью. Его не особенно огорчают неудачи, хотя в последнее время они преследуют его беспрерывно, он принимает как должное и ослепительное сияние жемчужных зубов Фортуны, которая наконец-то широко ему улыбнулась; и не теряет присутствия духа, когда улыбка Фортуны оказывается звериным оскалом неожиданного проигрыша. Он продолжает свой неспешный диалог с окружающим миром.

Кстати, вы заметили, что Старик не может вспомнить, когда именно приобрел привычку говорить с самим собой: то ли когда его покинул мальчик, ученик, то ли раньше, сразу после смерти жены… Да, он, как и его гигантская рыба (по моей версии), тоже потерял спутницу жизни, но продолжал жить, смирившись с утратой... Вот почему он особенно охотно общается со своим другом-врагом, самцом рыбы-меч. У них много общего... Мне скажут, что вот это лишь ещё красноречивее подчёркивает его тотальное одиночество! И я не стану спорить! Но и это тотальное одиночество его нисколько не тяготит. И хоть он часто задумывается о том, многое ли один человек − совсем один − многое ли он может? И приходит к единственному правильному ответу: немногое... Но ведь он не один...

Не один? Да как же так? Он и живёт в одиночестве, которое изредка скрашивается приходом его бывшего ученика. И когда рыба потащила его лодку в открытое море, он был совершенно один... Но ведь он сам, а через него автор, упорно убеждал, что человеку нельзя быть одному, что это неправильно! Так быть не должно! Тот, кто один, тот уже проиграл, тот уже заранее обречен, тот почти что погиб... Может, именно поэтому в Советском Союзе так пропагандировали именно эту вещь Эрнеста Хемингуэя? Мол, вот, он был один − и проиграл, а вот будь он в коллективе...то... То что? То он бы скорее сам скормил себя акулам, лишь бы мясо рыбы было вовремя доставлено в порт, откуда прямиком в спецпайки и только исключительно членам Политбюро (деликатес, как-никак, это вам не килька в томате). Шучу, конечно... В Советском Союзе действительно книги Хема имели особый, просто колоссальный успех. И не только «Старик и море», но и «Острова в океане»... А также усиленно рекомендовали «По ком звонит колокол?» и «Прощай, оружие!» (в перерывах между вводами войск в соседние государства, с целью оказания интернациональной помощи угнетённым классам). Да просто Министерство образования СССР, как и члены премиальной комиссии, наградившие папашу Хэма (но совсем не за то, о чём он писал) ни черта в литературе не смыслили... Я позже объясню почему. Но пока для начала вспомним: трое суток борьбы, руки в кровь, силы на исходе, кто кого измотает, возьмёт измором... Да... Старик, конечно, − один. Но и Рыба − одна! Верно? А если «единица – ноль» и обязательно должен проиграть тот, кто один, то почему Старик не проиграл раньше? Он-то, в отличие от Рыбы, человек разумный... Что-что, а собственное одиночество, как и старость, а с ней и потерю былой мощи, он превосходно осознает... Да! Старый рыбак − один, хотя постоянно ведёт внутренний диалог то с мальчиком-учеником, то с рыбой, то с левой рукой, которая в любой момент может его подвести, то с морем, то с самим собой, то со всеми людьми сразу... Ему невероятно тяжело, но старик, несмотря ни на что, не сдается, и умудряется вонзить ей гарпун в брюхо, привязать это огромное тело к борту и по ветру определить путь домой. Победа? Почти! Ведь именно тут, почуяв сильный запах крови, появляются акулы…. и съедают его добычу, его улов, растаскивают по кусочкам всю его победу! Он одолел более сильного противника сам, в одиночку! Ибо каждый из нас, если приложит максимум усилий, способен превзойти самого себя. Человек, даже когда один (а, может, именно потому что один), подобен Его Сотворившему и поэтому всемогущ! Он − царь зверей и венец творения! Но насколько человек всесилен, настолько же он и беспомощен! Человек и мудр, и глуп, и велик, и ничтожен! И это не философия! Это жизнь! Самая что ни есть натуральная жизнь, во всём её паскудстве! Вспомните историю, дорогие мои! Или взгляните на жизнь! На свою,

на жизнь Ваших близких и друзей, соотечественников... И вы обязательно увидите и поймёте: воюют одни, а награду почти всегда получают другие!

Уже обессиленный противостоянием с гигантской рыбой-меч, Старик всё равно, даже понимая всю безнадежность положения, всё равно, как мог и сколько мог, защищал свой улов... Но много ли он мог, если стар, слаб, изранен, утомлён, безоружен и одинок! Вот мы и подбираемся к истине. Что может сделать один мощный старик, когда со всех сторон, почуяв кровь, к его добыче устремился целый и «сплочённый коллектив хищных товарищей» им же убитой большой Рыбы... А я объясню! Он возвращается назад одновременно и победителем, и проигравшим. Да, это победа, и неважно, что не осталось ни куска мяса. Он победил, хотя плодами победы ему не воспользоваться, а значит − он проиграл, и череда неудачных дней продолжает свой счёт... Хотя для Хемингуэя он победил, потому что выстоял. Он не сдался, он один сделал то, что другим не под силу совершить в паре или втроём... И он вновь доказал, что он всё ещё самый лучший. Мальчишка верил в него не напрасно... А ведь сколько раз мальчику советовали не связываться с ним, ведь тот уже слишком стар, ему вечно не везёт, он уже не так хорош, как когда-то, и сети рваные, паруса в заплатах, лодка древняя... Но мальчик выбрал именно его в учителя! Почему? А потому что они одной породы! Из породы крупных хищников... И настроены они на крупную добычу... На крупные победы... Жаль только, что, скорее всего, это последняя победа Старика. Вспомните, в конце рассказа – его сон про льва. Скорее всего, сон – это смерть старика. Но его дело будет жить в мальчике, которого он воспитал настоящим мужчиной... Родители мальчика не разрешали приходить к Старику, только тот всё равно приходил, приносил ему кофе, кормил… Неудачи Старика его огорчали, но не отпугивали. Он видел, что Старик стойко переносит все тяготы и испытания и знает себе цену. У Старика за спиной была тяжёлая жизнь, она была переполнена опасностями, потерями, испытаниями... А он их словно бы не замечал. Это ведь Хему принадлежат самые правильные слова о настоящих мужчинах, которых с каждым годом всё меньше и меньше: «Когда люди столько мужества приносят в этот мир, мир должен убить их, чтобы сломить, и поэтому он их и убивает. Мир ломает каждого, и многие потом только крепче на изломе. Но тех, кто не хочет ломаться, того он убивает. Он убивает и самых добрых, и самых нежных, и самых храбрых без разбора. А если ты ни то, ни другое, ни третье, можешь быть уверен, что и тебя убьют, только без особой спешки». Это Эрнест Хемингуэй. Рекомендую даже прочесть вслух этот отрывок, вслушиваясь и вдумываясь в каждое слово. Если мысленно окинуть цепким взором всю жизнь Хемингуэя, то вы сразу поймете главного героя повести «Старик и море». Раньше я думал, Старик – это стремление к победе, к цели, несмотря ни на что, «до дней последних донца»... Думал я примерно так: море – это жизнь; акулы – препятствия, которые нас поджидают на пути к победе... Но теперь я понимаю, что ошибался! А ведь прошло всего двадцать лет! А я теперь убеждён на все сто, что повесть «Старик и море» − не что иное, как духовное завещание Хема, его предсмертное письмо в виде исповедальной притчи. Жизнь подходила к концу, пора было подводить итоги.

Возьмём для сравнения какой-нибудь его зрелый роман. Полноценный. Ну вот хотя бы... Вот! Его роман «Иметь или не иметь»! «Иметь или не иметь» и «Старик и море» чем-то похожи. Только в «Иметь или не иметь» герой − Генри Морган − никогда не проигрывал, но и ничего от победы не получал, разве только очередную порцию неприятностей. Но, в конце концов, в итоге Генри Морган умудряется остановить бандитов и сохранить деньги, правда, ценой своей жизни. В обоих произведениях вывод один: мы сильные и лучшие, мы победители, даже тогда, когда кажется, что мы повержены. Таким же хотел всегда быть, а порой и был, а иногда лишь казался таковым и сам Эрнест Хемингуэй.

Хемингуэй, как и его герои, никогда поверженным не был! Он же написал самые главные слова повести, явно выражая свою позицию: «Человек не для того создан, чтобы терпеть поражения... Человека можно уничтожить, но его нельзя победить!» Это позиция льва – царя зверей. Хемингуэй – это лев американской литературы. Я не шучу нисколько! Хемингуэй – это лев. Он всегда хотел быть первым, чем бы ни занимался. Журналистикой? Пожалуйста! Стану репортёром полицейской хроники. Буду выезжать на место

преступления вместе с полицией, а то и до неё. Буду проводить собственное независимое расследование! Что ещё? Нужны репортажи из самой глубины воюющей страны? Ок! Готовьте первую полосу, господа! Я отправлюсь в самую гущу событий и достану самый горячий материал. Воевать – значит, я буду героем или погибну. А что если стать великим писателем? Нет, не просто писателем − это любой дурак сможет! Нет, не популярным, а именно великим! В общем так: писать − так лучше всех; что ни роман − шедевр! Уж таким он был! Уж таким уродился!

Лев, он и в Африке − лев! А кто главные противники льва? Подлые, ничтожные гиены. У льва же всего две миссии: расширять и охранять территорию, оплодотворяя самок, которых должно быть как можно больше, и продолжать свой род. Всё! У настоящих львов ведь как? Охотой занимаются самки, но часто бывает так, что львицы − поймали добычу, папы ещё нет, а тут вдруг − откуда ни возьмись − чертовы гиены, штук двадцать. Они подлые, хитрые и достаточно сильные. Единственный, кого они боятся, – это лев. Если папа, он же царь, он же лев, вовремя не подоспеет, гиены легко могут отвоевать добычу у львиц. Если царь подоспел, то, порой, одного его рыка достаточно, чтобы гиены кинулись врассыпную. И, тем не менее, запомните: старея, лев теряет силу. А теряя силу, теряет всё: самок, территорию, влияние... Хем любил охоту, изучал повадки зверей. Возможно, он знал то, что я лишь совсем недавно понял, а именно: на львиную долю всегда претендуют гиены.

Да, Хем всегда хотел быть львом... Вероятно, лев был его тотемным животным...

Отсюда и его неудержимое кошачье увлечение женским полом. Будь его воля, и не столь горячо защищающие нравственность и нормы приличия законы Америки, − то наверняка завел бы себе гарем... То есть, прайд... Впрочем, он и так: расставался с одной, почти тут же женился на другой и при этом был увлечен третьей. Официально он был женат четыре раза. Наверное, Хем не мог писать без женщин, он писал и посвящал им свои романы. Так что женщины его вдохновляли! Но я, хоть и уважаю творчество Хемингуэя, идеализировать его не стану. Вряд ли женщины, попадающие к нему в постель, проникали ему в душу. Не зря он когда-то написал: «Я знал многих женщин, но всегда оставался одиноким, бывая с ними, а это – худшее одиночество!»

И вот мы стремительно приближаемся к финалу. А из глубины моря повествования вновь всплывает тема одиночества, что, само собой, не случайно! Вы, наверное, догадались, к чему я клоню? Мне кажется вполне реально, если не доказать, то хотя бы предположить, что «Старик и море», как ни крути, Хемингуэй написал о себе! А что? Всё сходится! Уж чересчур активно он отвергал в этой лучшей своей повести наличие некой притчи!

Попробуем пофантазировать, не более. Итак! Старик − Хем, открытое море − литература, Большая Рыба − его роман, а чёртовы акулы − литературные критики и журналисты, раскритиковавшие его лучшую книгу в пух и прах... Особенно, если вспомнить, как он упорно доказывал, что море имеет не средний род, и ни в коем случае не мужской... Море − женщина! Литература! И когда он понял, что кризис затянулся, он ушёл далеко-далеко в море, а ведь раньше, как все, рыбачил спокойно у берега, поближе к людям... А тут отплыл далеко, а рыба потащила его ещё дальше....

Вот вам отрывок из повести. Прочтите, заменяя слово «море» словами «проза» или «литература», а слово «рыбаки» − словом «писатели». Сразу же истина откроет вам свои жаркие объятия! И вам останется только либо пойти этим объятиям навстречу, либо увернуться от них, так как вы предпочитаете всё подвергать сомнению. Я приму любой ваш выбор! Я ведь и сам пока в процессе работы. И не могу знать заранее, чем увенчается моё расследование. Но фрагмент о море предоставлю непременно: «Мысленно он всегда звал море la mar, как зовут его по-испански люди, которые его любят. Порою те, кто его любит, говорят о нём дурно, но всегда как о женщине, в женском роде. Рыбаки помоложе, из тех, кто пользуется буями вместо поплавков для своих снастей и ходят на моторных лодках, купленных в те дни, когда акулья печёнка была в большой цене, называют море el mar, то есть в мужском роде. Они говорят о нем как о пространстве, как о сопернике, а порою даже как о враге. Старик же постоянно думал о море как о женщине, которая дарит великие милости или отказывает в них, а если и позволяет себе необдуманные или недобрые

поступки, – что поделаешь, такова уж её природа. «Луна волнует море, как женщину», – думал старик». Ну разве вы не слышите, о чем на самом деле идет речь?

Однако же, стоп! Не всё так идеально укладывается в стройный ряд моей безумной теории. А мальчик? Мальчик тогда кто? Кто он, тот, кто смотрел на него с восхищением, кому он передавал свой опыт... Что-то никого конкретно я не помню из его биографии?

Тут у меня всего два предположения...

Первое: «да был ли мальчик-то, может, мальчика-то и не было…». Не зря же сам Сантьяго, думая о нём, только лишь раз назвал его по имени. «Писатель, если он хорошо трудится, невольно воспитывает многих своих читателей», − эти слова принадлежат Хемингуэю. А конкретного ученика у него никогда не было. Только в его воображении. Я же говорю: абсолютное одиночество... Выдумал он себе ученика. Нафантазировал...

Второе: этот мальчик из далёкого прошлого самого Хема... Это он сам, верный мечте, прислушивающийся к своим предчувствиям, верящий слепо, без каких-либо доказательств, без гарантий и без колебаний в то, что пройдет весь путь, пройденный стариком, станет великим мастером, легендой... И никто его не остановит. Никто не отговорит и не собьёт с пути, даже родная мать.

Мать совершенно иначе хотела распорядиться его судьбой. Но он не желал, как его отец, находится у неё под каблуком. Та всю жизнь помыкала отцом, винила мужа в том, что из-за него она пожертвовала карьерой. Словом, трепала ему нервы и полжизни только тем и занималась, что с истинным аристократизмом элегантно выедала ему мозг маленькой серебряной ложечкой. Его мать стала не последней причиной глобального разочарования отца в жизни. А может и самой главной причиной его нервного срыва, приведшего и к самоубийству. Эрнест любил отца. А вот мать он ненавидел. Она сама виновата. Как и отца, мать частенько критиковала Эрнеста, а тот не терпел никакой критики. Он старался с ней не пересекаться. Поэтому в семнадцать лет он покидает дом, путешествует по миру, затем отправляется на войну, а вернувшись из госпиталя после тяжелого ранения, против согласия матери, практически назло ей, женится... Хотя не исключаю, что таким образом он лишь скрывал свою латентную любовь к ней, через чересчур явную и ярко выраженную агрессию. И такое бывает. Но она умела доставать его и на расстоянии. К примеру, после смерти отца, мать прислала сыну ружье, из которого отец застрелился, сопроводив свой подарок глупой запиской: «Чтобы ты помнил, как жить нельзя!»? Он не жалел оскорблений в её адрес. Но как только мама умерла − у Хема началась депрессия. Это лишь подтверждает мою теорию латентной любви. Раньше ему было кому доказывать, что он лучше, чем о нём думают, доказывать, что он никогда не станет таким, как отец. Но теперь уже некого в чём-то убеждать: мать умерла, а миру он уже всё доказал. И вот он уже замечает признаки старости, усталости, тоски... Предпоследняя книга старика вызвала море негатива у критиков, мол, сдулся Хем, повторяется! Всё, как он предсказал. Его одолевают приступы паранойи и депрессии. Он страдает манией преследования, и не без оснований. По этому поводу есть шутка: «Может у меня и паранойя, но это не значит, что за мной не следят». ФБР действительно следила за писателем: это был период холодной войны, а он − личность крупного калибра, к тому же коммунист, живёт на Кубе, дружит с Фиделем Кастро. Им важно, о чём будет следующая книга, с кем встретится, что скажет. Хемингуэй подозревал всех, даже свою жену, в сотрудничестве с ФБР. Он понимал, что болен, его уговорили пройти курс лечения. Накануне отъезда в Америку Хемингуэй, прощаясь со своим садовником, многие годы проработавшим у него на вилле, сказал: «Хосе, я много раз прощался с тобой, уезжал, но потом возвращался. Вернусь ли я на этот раз? Не знаю. Я чувствую, что болен, и не думаю, что это долго продлится. Врачи на Кубе не знают, что со мной. Животные и люди не должны умирать долго и причинять страдания другим, и их самих нельзя обрекать на страдания».

Лечение не помогло. Болезнь набирала обороты, а после принудительного лечения, страшного лечения, так называемой, электросудорожной терапии (его били током) он потерял возможность сосредотачиваться на работе. Он более не может писать... Это практически смертный приговор. Жить более незачем. Лев, не способный добывать себе

пищу, уходит из прайда, затем его охватывает апатия, и вскоре он умирает. Но это в животном мире, а в человеческом тебе так просто уйти не дают. А зачем его мучить жизнью? Ведь он, альфа-самец, всю жизнь стремился к совершенству.

Вы только представьте себе человека, который постоянно, без устали, всю свою жизнь создавал образ сильного мужчины-победителя, который для него важнее всего! Вот такой он человек. Это надо понимать! Хем никогда не допустит проигрыша. Это его главная жизненная установка. А тут ему за шестьдесят... Силы не те… Роман «За рекой, в тени деревьев» раскритикован. Сжав зубы, он пишет «Острова в океане» и «Праздник, который всегда с тобой». НО ЭТО ВСЁ ДАЕТСЯ ОГРОМНЫМ УСИЛИЕМ ВОЛИ. Пишет он с трудом, очень медленно, буквально по строчке в день. Эти последние романы казались ему на редкость слабыми, хотя это прекрасные произведения. Они опубликованы уже после его смерти, кажется, вдовой. Он более не мужчина. Не воин. А теперь и не писатель уже. Это было началом конца. Думаю, Хем хотел вовремя уйти со сцены − он же герой: воевал, боксировал, рыб громадных ловил... ЕГО ЗНАЮТ ВО ВСЁМ МИРЕ, ОН УЖЕ ВОШЁЛ В ИСТОРИЮ, он лауреат нобелевской премии, у него есть всё: есть слава, есть деньги, куча детей, бездна почитателей – он добыл это сам! И…теперь всё… Все и возможные и невозможные, словом, всевозможные цели достигнуты, жизненная система завершена, задача выполнена. Зачем дальше жить? Надо уметь уходить вовремя. Он же написал в повести «Старик и море»: «Человек не для того создан, чтобы терпеть поражение. Человека можно уничтожить, но его нельзя победить» – это и было главным в философии жизни Хемингуэя.

О том, что после его самоубийства люди и пресса будут распускать порочащие его имя сплетни он, конечно, не думал. Он просто хотел уйти достойно и быстро.

Так было нужно! И я его понимаю. Со сцены жизни и из профессии надо уходить вовремя. Смотрите, полмира обожало Жерара Депардье, а теперь мы видим рыхлую тушу, которая всё время пьёт и позорит некогда сильный образ. Хем такого не допустил бы. Он говорил: «Работа – лучшее лекарство от всех бед». Но работа не шла... А других лекарств Хемингуэй не признавал.

И напоследок ещё раз, для закрепления, вместо эпилога, или в качестве вишенки на торте, превосходная цитата из повести «Старик и море»:

«А как легко становится, когда ты побеждён! – подумал он. – Я и не знал, что это так легко… Кто же тебя победил, старик? – спросил он себя…

– Никто, – ответил он. – Просто я слишком далеко ушёл в море».

И покорил это море! Стал его…Ох, простите! Для него оно женского рода! Тогда так! Стал её властелином! Ведь он царь морей и океанов, превзошедший кумира своей юности – Морского волка Джека Лондона – он – Эрнест Хемингуэй – МОРСКОЙ ЛЕВ ЛИТЕРАТУРЫ!

Ноябрь 2015 – 13 марта 2016 г.
Киев

Игорь СЕНИН

ЗАПРЕЩЁННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

(размышление о пьесе Нины Садур «Лётчик»)

В третьем номере за 2014 год омского литературно-художественного журнала «Менестрель» была опубликована пьеса «Лётчик» Нины Садур. Не могу отнести себя к числу знатоков её прозы и драматургии, хотя помню пьесу «Панночка», шедшую в омском драматическом театре. И вот теперь – публикация в «Менестреле», прочитанная мною, что называется, на одном дыхании.

…Соприкосновение с мистикой творящегося действа, именуемого жизнью. Жизнью, в которой мы, да простит меня Шекспир, – не более чем актёры на сцене. Актёры, выучившие на зубок свои роли, но забывшие, что за пределами сцены есть другая жизнь, ведомая режиссером, а нами – материалистами – лишь смутно угадываемая, да и то, если пристально вглядываться. А вглядывается далеко не каждый. Нина Садур вглядывается…

Вглядывается, продолжая в своей собственной манере, в традициях предшественников, прежде всего, Гоголя и Булгакова, с творчеством которых видятся прямые параллели. А ещё миры, рисуемые Ниной Садур, близки, на мой взгляд, мирам Говарда Филлипса Лавкрафта и Стивена Кинга – известных мастеров жанра мистического ужаса. И в их, и в её произведениях происходит смешение реальности и наваждения, повседневного и сверхъестественного, порядка и хаоса.

Грань незаметна, одно плавно переходит в другое. И вот уже ловишь себя на мысли: какая же из реальностей – настоящая: та, которую мы наблюдаем, или же которую воображаем, предчувствуем, прозреваем в мечтах и помыслах? Понятно, что не каждый читатель, в особенности воспитанный на материалистическом мировоззрении, сможет и захочет разделить и оценить подобный подход. Мне же он показался достаточно близким и созвучным с собственными мыслями о сверхъестественной стороне жизни, запрещённой реальности, несомненно существующей, но тщательно скрываемой от нас. Так и мы сами, обычно скрываем от недобрых посторонних глаз свой сокровенный внутренний мир под масками внешней обыденности, подчиняясь правилам игры, установленным не нами.

В отличие от нас, персонажи «Лётчика» масок не носят, обнажая изнанку своих душ. Помыслы одних грязны и зловонны, как помойка, другие стремятся укрыться от жутковатой действительности, уходя в себя, погружаясь в бредовый и тоскливый транс. Но и первых, и вторых, объединяет общая удушающая атмосфера одиночества, граничащего с безумием.

Так от бытовой неприглядной конкретики автор протягивает нити к философскому осмыслению реальности. Нашей – или некой параллельной? На первый взгляд всё узнаваемо. Герои живут в мире постсоветского безумия, приметы которого знакомы до боли. Это и гастарбайтеры, и риэлторы, и спецназ, и учителя с садистскими наклонностями, и нищие ветераны, заблудившиеся во времени. С другой стороны, все утрированно, подчеркнуто-карикатурно, абсурдно, словно иллюстрация одного из адских уровней, описанных Даниилом Андреевым в «Розе мира». И всё же этот мир – наш, просто привычный, обжитой, потому и безумие его многими не замечается. Нина Садур же выставляет это безумие напоказ. И мир проявляется во всей соей ущербности, опасности, ненадёжности. Такими глазами его и нас могли бы увидеть мудрые инопланетяне, посетившие Землю. В этот мир неуклонно прорываются, разбуженные людьми, тайные мистические силы, которые предстают то в виде потоков света, льющегося с высоты, то бурана, поглощающего попавших в него персонажей. Что это: мираж – или реальный апокалипсис?

Картины безумия происходящего, отравленной ноосферы автор дополняет символическими образами, усиливающими впечатление, хотя вначале не совсем понятными. Это многочисленные мешки, для чего-то выставленные на мороз предприимчивым риэлтором Лазуткиным, это дневник Лены Зацепиной, который никто не проверяет, это чучело белой медведицы в квартире бывшего полярного лётчика Паоло... Но всё имеет свой

смысл. Символы скрывают аллегорию. Не случайно в мешках, в каких преступники обычно выносят расчленённые трупы, оказываются старухи в костюмах снежинок, выселенные из квартир, фактически обречённые на бездомную смерть, и сливающиеся затем в диком танце со всепоглощающей метелью. Неспроста никто не хочет проверять дневник Лены Зацепиной. Зачем вообще кому-то нужна сирота, тем более лишившаяся квартиры? Разве что лишь затем, чтобы в очередной раз грубо насмеяться над юродивой. А белая медведица, спасшая когда-то в полярных льдах раненого лётчика Паоло, из которой сделали чучело? Вероятно, это символ матери-природы, от которой человек отказался, которую стал убивать, и потому сам духовно ослеп, заблудился. Итог печален – искусственная жизнь, доведённая «просвещённым» материалистическим человеком до абсурда, до безумия. Так стоит ли удивляться тому, что созданный им, бессмысленный искусственный мир оказался нежизнеспособным, и рушится на глазах как карточный домик, как страна СССР, от которой у некоторых представителей старшего поколения остались лишь красивые воспоминания, да и те по большей части – нереализованные мечты о сказочном коммунистическом будущем, представлявшемся нам в духе «Туманности Андромеды» Ивана Ефремова, но в реальности оказавшимся «Часом быка».

Финал произведения можно охарактеризовать как оптимистическую трагедию. Раскрывается тайна старого лётчика. Становится понятным, кого и зачем искал доблестный спецназ. Оказывается, во время своих полярных странствий лётчик обнаружил путь в таинственную страну прошлого золотого века человечества – Гиперборею. И вот теперь, когда безумный мир рушится, Паоло, вместе со своим другом дворником – таджиком, открывает портал, скрывающийся в медвежьем чучеле, спасается сам и утягивает за собой в Гиперборею всю Москву. Так природа-медведица во второй раз сумела спасти лётчика, а с ним, может быть и человечество, предоставив им ещё один шанс. Будущее соединилось с прошлым, создав новое настоящее…

Но, как говорится, это уже совсем другая история, и в прямом, и в переносном смысле.

Анастасия СЕРГЕЕВА

ВЫЧИТЫВАЯ ВЕК

А вы бывали на море? Видели на берегу ракушки? Хотели открыть их и узнать, что же там внутри? Взяв в руки книгу О. Клишина «Вычитаемый век», мы оказываемся в похожей ситуации, возникает желание открыть этот пока неизведанный мир, познакомиться с той жемчужиной, что спрятана внутри, узнать, какая же она, но, всегда хочется верить, она там есть.

Сам автор нередко использует в своих стихотворениях образ ракушки, которая для него то (в наиболее привычном для нас представлении) место, где «когда-то был и стол, и дом», то (неожиданно) «та самая крупица, невиданных эпох невероятный стык».

Ещё один сквозной образ – образ облаков, которые можно увидеть (да, именно увидеть, так как образы О.Клишина очень живые, яркие, рисующие перед глазами полноценные картины) как пластичный материал, из которого создаются то небесные архитектурные ансамбли: «июльских облаков скульптурная лепнина», «облака чудной лепки», то образы более приземлённые, обытовлённые: «клочья парусины на разбитом бурей корабле», «небо, плотно набитое ватой» и т.д. Облака для поэта могут быть и «чудо-островами», и «надувным» предметом, иногда автор одушевляет их: «клубящиеся облака в неравном противостоянье песку» – так многообразно представление О.Клишина об одних только облаках.

Интересна позиция автора по отношению к природе, во многих стихах на протяжении всей книги чувствуется очень бережное, сочувственное отношение поэта (лирического героя) к природе. Так с одинаковой человечностью, чуткостью относится герой как к животным, так и к растениям:

… как детский мяч. В игре дворняга
за ним метнулась впопыхах…
Прозрачная мерцает влага
в живых… ещё живых глаза.

… голубиное оперение
легковым снесено крылом.
Словно ангел трепещет крыльями,
Потерявшими высоту.
(«На проезжей части»)

Зачем такие грозные шипы?
Ведь мы одни, тебя никто не тронет.
(«Шиповник»)

и очевидец пламенных минут
безжизненно затих на тротуаре.
И никакого шанса, что спасут –
поднимут, спрячут в бережный гербарий.
(«О будущем по линиям листа…»)

И даже к насекомым можно увидеть не только сочувственное отношение, как в стихотворении «Муха»:

…сухими лапками вот-вот
открутит голову. Ведь шея
не толще нити. Но живёт,
претензий к жизни не имея.

но и уважительное, как в стихотворении «Сверчок», автор сумел разглядеть душу в этом насекомом: «когда свой изношенный панцирь душа разорвёт изнутри» и даже считает маленького сверчка «хранителем ночлега» и «стражем теней».

В одном из своих стихотворений поэт сам себя спрашивает: «Откуда столько нежности, мой друг, к таким обычным, в общем-то, предметам?» Возможно, ответ на этот вопрос мы можем найти в другом стихотворении О. Клишина:

Признайся, оглядевшись, что давно
египетской заслуживаем кары
за то, что продолжаем жить назло
всему живому, ради развлеченья…
(«Апрельских дней обугленная нить…»)

Часто поэт находит поэтическое в обыденном, может из простого похода на рынок или в магазин вырастить стихотворение, где ключевыми образами будут арбузы – «полосатые ягоды», пачка масла, рождающая целый сказочный мир: «стена глухая, сумрачных деревьев надвинется. Какая-то изба на курьих лапах…», или котёнок, ищущий приюта и «покидающий невольничий ряд» на Хитром рынке и т.д.

Не случайно автор в своих произведениях возвращается в детство, возможно, потому, что пытается понять, отчего и когда в нём появилась тяга к поэзии, желание и способность писать стихи:

Возможно, что тогда (беда лиха)
вдруг ощутил, что укротить не в силах
волну от позвоночника в затылок,
рождённую предчувствием стиха.
(«Не отчий дом, но всё-таки родной…»)

В книге «Вычитаемый век» можно встретить много стихов на тему поэта и поэзии («Наверное, надо радоваться – свой!...», «Рукопись», «Напиши в тетрадь, накропай в блокнот…», «Ничего от поэта…» и т.д.), при этом поэт говорит, что в образе его лирического героя «ничего от поэта, ни загулов, ни драк, ни желанья под вечер завалиться в кабак!», но, что важно, кроме стереотипно-разгульного есенинского образа признаком поэта являются, прежде всего, хорошие стихи, признание окружающими, например: «А у нас свой поэт есть!» – эпиграф к стихотворению, в котором автор рассуждает о причастности к поэзии и к «чьим-либо»:

Наверное, надо радоваться – свой! –
среди своих. «Поэт!» – звучит весомо…
… швырнёшь: нет, я ничей, но я не псих,
я просто стал чужим среди своих
из-за тебя… А стоило ли, Муза?

Автор (лирический герой) в стихах ищет себя, своё место в этом мире, часто отделяя, отчуждая себя от толпы, других людей, как в только что процитированном стихотворении, так и в стихотворении «Интроверт»:

Так вот она, желанная свобода! –
идти по жизни, сторонясь людей,
отдельной частью своего народа.

в то же время причисляет себя к той же «группе риска и крови, зовущейся «этой страной».

Подкупает отношение автора к слову (поэтическому и обыденному), осознание его силы: «слово нас ведёт» и в то же время хрупкости, невечности: «среди вещей затерянное слово», «словно зыбкие тени, вдаль уходят слова…», «боль и страх убивают слово» и т.д. В книге «Вычитаемый век» мы можем встретить абсолютно разные определения слов: лишние, брошенные, несказанные:

Нам шанс судьба даёт,
а мы, не понимая,
всё водим хоровод
из лишних слов. Родная
нам не прощает речь
фраз, брошенных на ветер.
Игра не стоит свеч –
уже написан Вертер…
(«Нам шанс судьба даёт…»)

не разжимая губ, смотреть в окно,
несказанное вспоминая слово…
(«Морозный пар родного декабря…»)

Неудивительно, что поэт одушевляет, очеловечивает слова и строки: «Почти без усилья каждый вздох принимает строка», видимо, потому что стихи – это одна из важных целей жизни: «жизнь, сотворённую ради улова, ради слова в грядущей строке». И именно благодаря живости этих строк лирический герой живет не только в них, но и между ними: «где между строк – *нет, весь я не умру…*» или «чтобы остаться между строк, с Прекрасной дамой, Незнакомкой».

Отличительной чертой стиля О.Клишина являются длинные предложения, больше прозаические, чем поэтические, во многих произведениях автор использует так называемую «рваную» строку, разнообразные варианты переноса, создающие особый ритм стихотворений, придающие стихам эпичность.

Также, судя по частотности, наиболее любимый художественный приём – олицетворение, в стихах оживают всевозможные предметы, здесь и «продрогший свет фонаря», и «рассечённая стрелкой минута умирает», и «клён, как на плаху, с повинной идёт головой», и «жемчужин дымчатых дыхание», и «тишина входит в душу по-хозяйски, с метлой». Но ещё более интересен противоположный олицетворению приём – «овеществление», например: «на рельсы для узкоколейки пойдёт человечья руда», «опричная свора во мрак уносилась пропалывать людские грядки». Для усиления образов автор использует и игру слов, каламбуры: «Расползается тьма-таракань по углам полусонной квартиры», «пальто беззащитного цвета». Иногда поэт дразнит избитой рифмой («розы – прозы»), иногда тонко играет, лишь намекая на неё:

Ну чего ты? Подумаешь – случай!
Ерунда. Ну, какая там кровь!
В глубине сокровенных излучин
растворённая рифма…

Чем глубже мы погружаемся в книгу, тем более заметно разнообразие тематического ряда. Автор обращается и к любовной теме (стихотворения «Утро», «Напиши в тетрадь, накропай в блокнот…», «Бегущая строка», «Жизнь по Чехову – просто морковка…» и другие), и к социальной, обсуждая и иногда осуждая современные реалии (стихотворения «Мобильник – орудие пыток», «По следу петляющей мыши…» и другие). Наиболее отчётливо деградация интересов и «достижений», отражённых в современной прессе, показана в стихотворении «День космонавтики»:

Крупным красным шрифтом,
убойным клином:
«Примадонна в загсе!».
Какой контраст
с «Человеком в космосе»,
с той лавиной
ликованья: он же один из нас!

Не чужды автору обращения к мотивам библейским, фольклорным, мифологическим, историческим:

Легче пуха, нежнее пера
вечно юная женственность мира,
для которой не жалко ребра…
(«Утром»)
Своего коня отыскал и я –
узкомордый череп, дождём промытый.
Посерела кость, уползла змея.
По всему: откинул давно копыта.
(«Своего коня отыскал и я…»)

где воин, потерявший силы,
превосходящему врагу
свои оставил Фермопилы
(«На берегу»)

Уже новейшая история звучит в следующих пронзительных строчках:

До рождения двадцать три года… И мне отродясь
не видавшему прадеда, видится снова:
золотой лист кленовый впечатан в осеннюю грязь
сапогом людоедского тридцать седьмого.
(«Памяти Матвея Ананьевича Копкина»)

Надо было в рубашке родиться,
чтоб две чистки в тридцатых пройти.
(«Из личного дела»)

После прочтения книги становится понятным и оправданным выбор названий разделов книги и самой книги – «Вычитаемый век», во многих стихах автор пишет о времени, особенно часто в первом и втором разделах, которые называются «На полях календаря» и «Не отменяя циферблата». Мы можем заметить, что время не идёт – летит, ведь, по словам автора, «время – синоним песка и воды», «на многое не хватит ни времени, ни сил», мы понимаем, что время не щадит: «Отражая неизбежность, свет мой, зеркальце, молчи», «неслышно подкрадется старость». Но неслучайно выбраны завершающие стихотворения этих разделов, как бы время ни было жестоко, как бы быстро оно ни уходило, важно, что «мы были здесь» (стихотворение «Надпись»), на этой земле, в этой жизни, на полях этого календаря, и ещё важнее, что автор не теряет надежды совладать со временем, победить, обратить его:

любимая, дорогой млечной
и мы когда-нибудь с тобой
пойдём, неслышно нашу вечность
вращая против часовой.
(«Пропела жалобно и ржаво…»)

В третьем разделе «По линии отрыва» в тематическом многообразии, среди ваты-облаков, розового снега и золотых луковиц куполов нашли место и стихи, отразившие суровую реальность, увы, основной, «земной» работы поэта, где «мечтаешь о гречневой, по распорядку на мёртвых часах», где «в прогулочной дворике в клеточку небо», где «решётка, бессонный конвой», где «в прицеле стального ствола: заборы, запретная зона вокруг заповедника зла», но где продолжает жить поэзия: «и снежинки мчатся наперерез разбушлатившейся толпой», «луны оловянная бляха надраена звёздным песком», «по небу полуночи ангел летит с надкушенным яблоком спелой луны над спящими с той и с другой стороны». Мне представляется «линия отрыва» «стремящимся ввысь забором», который разделяет на «ту и другую сторону», а заключительное стихотворение этого раздела дарит надежду на светлое, на свет, на то, что «бдительный Горнопроходчик ждёт с фонариком нас за углом», он покажет истинную дорогу.

Завершающий раздел «Грядущим янтарём» показывает ещё более жестокое, озлобленное время, забирающее годы и близких людей, потому здесь видим стихотворения-посвящения ушедшим, стихи о кладбище, размышления о смерти, как о неизбежном: «в эту воду дважды войти нельзя», «Нелепая мысль! – что из тех же дверей тебя… из того же подъезда». И образы соответствуют общему настроению раздела: «лысеют одуванчики седые», «луна-утопленница», «гвоздики падали на снег», «теряется ещё одна душа, освобождая место» и т.д. Но также в этом разделе много стихов о религии, о соборах, о «бессмертной душе», то есть о продолжении жизни? Поэт задает вопросы: «И что потом?», «А если ничего не будет, кроме боли, то есть ли смысл стоять на этом рубеже?». Конечно, есть. Ещё есть время, ещё многое впереди, как писала омская поэтесса М.Безденежных:

Но ещё подсвечены вершины,
И ещё почти полнеба – над…

О многих интересных особенностях поэзии Олега Клишина ещё можно и хотелось бы написать, значит это у нас ещё впереди. А впереди у читателя целый век, хоть и вычитаемый, но не вычитанный.

ДНЕВНИК ИЗДАТЕЛЯ

Андрей ДЕМЬЯНЕНКО

О ПРИНЦИПАХ СОВРЕМЕННОЙ КРИТИКИ

Манифест

Текст построен на примерах критики литературной, но подходит для критики любой.

Первооснова

Всё отрицают или поощряют. Мало кто может пояснить, почему происходит такая оценка. Закопавшись в поощрениях и отрицаниях, никто ничего не хочет предложить взамен.

Я предлагаю критерии современной критики, основанные (в духе времени) на нескольких «не».

Не отрицать!

Есть, и хорошо! Сегодняшний мир в основном состоит из отрицания, что выглядит несколько странновато.

У критиков, да и вообще у многих людей, есть обыкновение обругать что-либо, и ничего не предложить взамен. Если вы ругаете, то аргументируйте толково и альтернативу дайте!

Каждый критик считает себя пупом мира, и, конечно, знает, что такое настоящая литература, или, по крайней мере, как она должна выглядеть. Но так как критик не один, то пупов получается много.

У критика есть право ценить свои знания, свой опыт.

Хотя знать всё невозможно. А облик литературы постоянно меняется.

И предлагают критики автору иногда нечто невразумительное: «Классику читайте!»

Это само собой. Это разумеется, господин хороший! Но такие заявления ставят под сомнения умственные способности заявителя.

Это то же самое, что прийти в магазин, попросить средство связи, подразумевая, конечно, телефон, смартфон, планшет, ноутбук, в конце концов, и увидеть, как перед тобой выкладывают конверт, писчую бумагу, гусиное перо и чернильницу (что, само по себе без отделения почты, средством связи не является). Пишите письма, уважаемый!

Отрицать очень легко. Но отрицание с созиданием не имеет ничего общего.

Отрицание – это разрушение.

В данном контексте я рассматриваю критику, как созидающий процесс, позволяющий выявить контуры литературы.

Не сравнивать!

Не сравнивать авторов между собой. Объективной картины это не даст, а авторам бывает обидно. Единственное сравнение, которое допустимо – сравнение предоставленного текста с внутренним эталоном критика. Зная литературные параметры критика, можно тогда выстраивать цельную картину мироощущения.

Я заговорил о точке отсчета и системе координат. Нельзя сравнивать параметры, имеющие разные системы координат. Если нужно сравнение, – приведите в единую систему координат к одной точке отсчета.

Верным ориентиром может быть только текст. Абстрактные понятия – талант и гениальность – не рассматриваются. Взаимодействие критика с текстом и объяснение

критика, плох ли, хорош ли текст с его точки зрения, могут принести более менее адекватный результат.

Если сравнивать тексты, то целесообразно говорить не о том, какой лучше, какой хуже, а об изменениях в текстах автора.

Все остальные – это сравнение теплого с мягким и солёного с кожаным.

Опыты над собой. Лирическое неотступление

Надевая на себя маскарадный костюм критика, я не сравниваю. Стараюсь не сравнивать. Я пытаюсь осознать – отозвалось прочитанное произведение в моём сердце или прошло мимо. Может, оно наткнуло меня на размышления, которые помогут в жизни. Если стихи автора сегодня сравнивают со стихами Пушкина, Есенина, Маяковского и пр., то, на мой взгляд, это оскорбление. В некоторых случаях для тех, кого сравнивают, в некоторых – с кем сравнивают.

Я пытаюсь абстрагироваться от вещи, будто бы этот текст, вообще, мой первый текст в жизни. Я слушаю себя. Отзовется ли он во мне?

Отозвался – хороший знак.

Далее я помещаю это произведение в колбу сегодняшнего момента. Он делает богаче этот мир, учитывая опыт прочитанного? В контексте времени – это фигура? Значимая фигура?

Вот два критерия оценки произведения. Безотносительная – будто этот текст – первый текст в своей жизни. И связанная со временем. С опытом освоенного критиком материала. Этот взгляд во многом зависит от кругозора критика, от особенностей его личности.

Не создавать идола!

Даже в примерах звучат одни и те же имена. В фильмах одной эпохи наталкиваешься на одни и те же типажи, на одних актёров. Это не значит, что больше нет талантливых. Такое стечение обстоятельств. А Мир намного обширнее, чем кажется.

Создание идола уничтожает Мир. Это всё равно, как подойти к пшеничному полю, выбрать колосок и воскликнуть: «Какой прекрасный колосок!» – имея в виду только его, один единственный, а не сообщество колосков.

В каждой из областей искусства, науки, таких несколько. Поклонение им уничтожает то хорошее, что в культуре было, что в культуре будет. Это уничтожает культуру, науку в целом. Пренебрежение к полю уничтожает поле.

Язычество не имеет ничего общего с идолопоклонничеством. За бревном с фигурой Бога стоит Бог истинный. Вера тогда превращается в идолопоклонничество, когда из-за бревна Бог уходит.

Не обижать!

Не обижайте автора! Идея критики заключается в бережном отношении к автору. Не надо разрушать его текст, и в чужом огороде выращивать свои идеи.

Критика – это зеркало. Это способ донести до читателя (или до творца текста) образы произведения в другом изложении и взаимосвязи произведения с современными реалиями, современным миром. Донести отношение критика, как одного из членов социума, к данному произведению.

Автора надо беречь. Автор может не понять и не усвоить. Задача критика доброжелательно подать отражение в понятном удобочитаемом виде.

Действие совершается, чтобы получить результат. Иначе зачем?

Если это переходит в энергию непонимания, битвы, войны – то это энергоневыгодно, как для критика, так и для автора.

Вы видели, чтобы природа совершала энергоневыгодные действия? Только человек очень любит это занятие, потворствуя упрямству и амбициям.

Не умничать!

Критика должна быть интересной любому читателю. Иначе кому она нужна? Литературоведу? Так литературовед и так всё знает. Критика должна быть написана простым, доступным, образным языком и адресована всем.

Лирическое неотступление о постмодернизме

Как-то меня пригласили на заседание секции критиков Союза писателей России. Критики размышляли о принадлежности того или иного произведения к постмодернизму. Мне показалось, что у этих людей нет общей цели, нет общего языка.

Эти люди были похожи на покупателя, пришедшего в магазин и рассматривающего товары, на которых нет ярлычков. Хорошо, если это курица. С курицей просто. А если это дуриан? М? «Что это за фрукт?! – кричит критик. – Почему он так воняет? Может, он испортился?» Выходит вежливый продавец и объясняет, только вот название фрукта никак вспомнить не может. И накладные потерял. И критик окрещивает этот фрукт постмодернизмом. Что за страсть к привешиванию ярлычков? К классификации? И теперь разгораются диспуты о том, так ли озаглавлено сие явление, и куда его отнести?

А нужно-то было откусить кусочек (сообразно инструкции) и вынести вердикт... Впрочем, скорее всего, он будет похож на вердикт тех, кто дуриан пробовал: «Вкусно безумно, но воняет отвратительно!»

Что за зверь – критик?

Критик – это зеркало, помогающее увидеть автору себя глазами читателя, та обратная связь, которой часто авторам не хватает.

Критик – это телескоп, помогающий читателю увидеть и оценить произведение издалека.

Несходство этих оптических приборов не противоречит особенностям критика. Критик и то, и другое, и третье. Просто в разных системах классификации. Критик по отношению к автору – зеркало, критик по отношению к читателю – телескоп.

Какие ещё системы может совмещать в себе критик? Критик по отношению к социуму.

Критика – это протез для социума. Здоровому обществу он не нужен, а больному вполне может заменить конечность. Если брать аналогию из ряда оптических устройств, то это очки. Здоровому социуму очки могут только испортить ощущение от прочитанного.

Критик по отношению к социуму – это очки.

О работе критика. Литературная кухня

Роль современной критики заключается в формировании информационного потока и в его усилении (в некотором случае ослаблении).

В сегодняшнем море информации критики должны наладить течения, которые будут выносить к берегам читателей то достойное и лучшее, что есть в современной литературе.

Упорядочивание информации и доведение её до читателя – это первейшая роль критики.

Хороших критиков, как всегда, мало. Хорошие те, у кого есть собственное мнение, дальновидность, чувствование эпохи.

У каждого времени свой язык. Можно изучать время по текстам. Литературные произведения – это костюм определённой эпохи.

Информационные потоки – это особенность нынешнего времени. Ругая что-то, заостряя внимание, создается информационная воронка вокруг того, кто её и недостоин.

Дышите ровнее, хорошие критики, ваше дыхание нужно великолепным авторам, которых броуновски мотыляет по волнам современной литературы.

Работа критика с критикой

Критикуй так, как хочешь, чтобы критиковали тебя.

Если хочешь применять жёсткую критику, примени её к себе. Так ли совершенны твои произведения?

Горько видеть, как горлопаны своим деланным величием притесняют творцов. Не обращаем внимания! Это не наше равнодушие, это намеренная акция незамечания. Кто надо,

тот прорастёт в читателях, во времени. А всех не спасти. Критик, есть место в ладонях? Берём, несём.

Критика должна обращать внимание и сопровождать произведения, имеющие отношение к созиданию. То, что к созиданию отношения не имеет, не имеет отношения и к критике.

В этом есть исключение: критика может и должна выполнять роль полицейского, если произведение угрожает жизни людей.

Работа критика с формами

Разговаривая о произведении можно говорить лишь о форме, но не о философии, внутренней сути. О философии пусть философы рассуждают. У критиков задачи другие.

Порицание философии произведения может происходить в следующей форме:

Я не принимаю Вашу точку зрения, потому что она проповедует ... (вставить нужное слово).

Работа критика с рекомендациями

В своих рекомендациях важно не дойти до абсурда. Когда появляется нечто новое, особенное, – возникает желание это затоптать, выдернуть, вернуть к прежнему привычному виду, или хотя бы классифицировать, вогнать в формочку. В знакомую схему.

А если это совсем новое? Неизведанное. То, что изменит облик современности? Такое возникает постоянно и важно не затоптать, не уничтожить. Можно конечно, предложить переписать, но зная косность разума, получится опять классика – это в лучшем случае. Или же ничего не получится. Если расцвела кувшинка, – не надо делать из неё лютик.

Произведение – это дети. Давайте и относиться к ним, как к детям. Есть, конечно, сторонники телесных наказаний. За то, что написал в штаны, можно выпороть. Можно и расстрелять. Вы бы стали так поступать со своим ребёнком? Есть много других средств воспитания, кроме расстрела и порки. И вроде как гуманизм в моде.

Иногда должны последовать резкие действия по отношению к ребёнку. Когда его жизни или здоровью что-либо угрожает – тогда! Только тогда можно одернуть. Без повышения голоса, без побоев и угроз, в обстановке дружбы и любви вырастают хорошие люди.

Если произведение не угрожает жизни людей – всё идёт путём.

Можно отстегать произведение, автора. Но кто сказал, что знает, как воспитуемый воспримет урок? А если он озлобится? Если следующий акт будет сделан специально? Назло?

Работа критика с подбором методов

Тщательный подбор метода критики!

Есть такая математическая конструкция «необходимо и достаточно».

Не надо муравья уничтожать атомным взрывом. Не надо на медведя ходить с зубочисткой.

В разрезе критики это можно увидеть в страницах дифирамбов бросовому двустишию. Или в гениальном «ничо так» в сторону великолепного романа, который показывает срез современной личности.

Описывать свои восторги по поводу прочитанного несколько странно.

Критика – это всё-таки некоторая отстранённость, взгляд со стороны. Надо написать необходимое и достаточное количество текста, чтобы читатель понял, стоит ли ему читать это произведение.

Критика – это и метод рекламы.

Черный пиар – один из самых действенных методов раскрутки бренда. Негативная критическая статья может работать на славу критикуемого.

Кто-то пытается сделать Мир хуже, чем он есть на самом деле. Задача критики, сделать его лучше. Не дать Миру упасть.

Обращай внимание на хорошее, плохое, если оно не угрожает окружающим, умрёт само.

Медицина критики

Принципы критики похожи на принципы медицины. Не навреди!

Но в целом по тексту:

Гуманное отношение к тексту, именно здесь применимо основное гиппократовское требование – не вредить; но также – щадить психику автора, стараться не причинять ему боли.

Соответствие поступков критика общественной функции, согласно которым критик не может участвовать в действиях, направленных против здоровья общества. (Ведь каждый писатель работает, прежде всего, с общественным сознанием, он настраивает звучание общества по камертону своего текста)

Обязанность критика – бороться за духовное совершенство людей.

Обязанность критика – помогать всем независимо от пола, национальной и расовой принадлежности, политических и религиозных убеждений. (Здесь надо уточнить: не навязывать помощь, а действовать либо по велению души, либо по просьбе).

Принцип солидарности и взаимопомощи между критиками.

Европейская медицина нацелена на устранение болезни, на избавление от симптомов, критике можно идти и по этому пути. Но бороться нужно с причинами, не с автором, автор – лишь инструмент отражения реальности. Убив автора, не избавишься от болезни.

Устранение причин болезни, излечение общества от никудышной литературы, прививание иммунитета, хорошего вкуса – задача критики.

Если доводить до точки понимания упрощением, то врачи имеют принципы, критики – беспринципны.

Не пора ли современному обществу выработать принципы критики?

На одном из сайтов нашёл такие слова: «Сохранилась весьма любопытная молитва врача, относящаяся к XII в. В ней говорится: *«Даруй мне любовь к людям, избавь меня от корыстолюбия, тщеславия, чтобы они не ввели меня в заблуждение и не мешали приносить пользу людям, сохрани мне силы моего тела и моей души, чтобы я мог помогать бедному и богатому, доброму и злому, врагу и другу, пусть в каждом страждущем я всегда буду видеть только человека»*.

Прекрасная молитва для современного критика.

У НАС В ГОСТЯХ

Екатерина САДУР

ПРИВИЛЕГИЯ КАСТЫ

1. Катя – о Лиде

Билась в небо немота
Горлом пролетариата…

Любая среда имеет право на свой голос, на то, чтобы появился кто-то – пришёл в неё извне или родился внутри, не суть – но рассказал бы о ней, а ещё лучше – воспел бы…

Любая жизнь должна быть выражена, услышана.

Для чего? Чтобы мы знали.

Зачем? Не знаю…

Кто такие «мы» – не знаю тоже…

Даже та, безголосая, немая, та, в которой и говорить-то по-настоящему не умеют, – там только выживают, и слова там нищие и скудные, – даже она, а может быть, именно она больше всех несёт в себе понимание устройства мира, понимание человеческого бытия, которого нет больше ни у кого и нигде и уже не будет…

И тогда приходит Поэт. Потому что выразить, воспеть, стать голосом обездоленных – скудословных – может только поэт. Побыть в среде и посреди, смотреть, широко распахнув глаза, и тут же говорить об увиденном, а потом внезапно замолчать с ножом между рёбер посреди зимы или с петлёй на шее душной майской ночью. Или мгновенно после юности оказаться в «дурке», чтобы потом многие, бесконечно пустые годы ждать смерти долго-долго-долго…

Так из «ниоткуда в никуда» появилась Бабка Лидка – дивная Лидия Степановна Купцова 41-го года рождения. Так интеллигентные люди, инженеры-академики или кто-то там ещё, переехали на окраину Свердловска в нищие панельные дома, чтобы потом родился поэт Борис Рыжий с лицом наследного принца. Так когда-то давно появился Жан Жене. Так аристократ Гайто Газданов стал в Париже ночным таксистом и написал «Ночные дороги» о падших и потерявших всякую надежду. Да что там! Никогда её не имевших. И ещё, если о голосах, о наших, русских, то, конечно же, великая Лидия Русланова: «Валенки, валенки, ой, да не подшиты, стареньки» и роковые «Очаровательные глазки». Дошла до Берлина. Пела на ступенях Рейхстага. Лично с маршальской груди Жукова получила орден себе на грудь, на сердце. Потом села в лагеря. Здесь – точка.

Сразу же вспомню стих «Ангел» Бабки Лидки из первой книги «Прищепка».

Собственно, «Ангел» – это и есть та призма, та по-особому настроенная оптика, через которую мне, наивному читателю (здесь – «читателю, всё принимающему на веру») Бабка Лидка показывает мир, о котором ей положено и дозволено рассказать.

Этот ангел был без крыл,
Скромный парень из народа.
Зубы в глотку вколотил,
Арестантская порода!

Онемела я тогда,
Рот пустой не открывала
И в палате со стыда
Лезла всё под одеяло.

Только ночью, в чёрном сне,
Словно грешник на поруки,
Из груди рвались вовне
Непонятные мне звуки:

«Та-та-та́-та, та-та-та́… –
И опять: – Та-та́, та-та́-та!..»
Билась в небо немота
Горлом пролетариата.

Я не знаю, для чего
Мне была такая милость.
После встретила его
Да и в ножки поклонилась.

То есть что получается? Она, Бабка Лидка, поэт (об её образе расскажу чуть позже, потому что он тоже призма, через которую мы, читатели, смотрим на мир, потому что Поэт и то, что он пишет, вместе составляют поэзию) – итак, она, Бабка Лидка оказывается в больнице, где койки не вмещаются в палаты и стоят по коридорам. Попадает она туда по старости, по немощи, по… неважно почему. Но мы понимаем – не случайно. Она – Поэт. И она там, чтобы увидеть встречу страдания и неба, как страдание бьётся в небо, но не может родить слова, не может из хрипа и скрежета «вколоченных в глотку зубов» вылить молитву… А она – может! Она единственная, кто может рассказать, потому что ей даны голос и зрение. И она говорит. В парне она сразу же признаёт онемевшего ангела…

Интересно то, что сейчас передо мной лежат две редакции этого стиха. Одна – из сборника «Прищепка», другая – со стены Фейсбука. Разнятся они только последней строчкой последней строфы. В «Прищепке»: «После встретила его / Да и в ножки поклонилась…». На стене ФБ: «После встретила его, / В ножки – нет, не поклонилась…».

Собственно, для меня, как для наивного читателя, разницы нет – увенчалась встреча Поэта и ангела земным поклоном или так разошлись.

В первом случае поэт-пророк видит страдание в человеке, и кланяется не человеку даже, а его грядущей муке, боли его кланяется. Но так обычно делают не поэты, а наши святые.

Во втором случае Поэт не обязан и не может понимать, и осознавать всё то, что ему показывают. Он может об этом только говорить «языками ангельскими», как апостолы, которые вещали волю Бога, минуя человеческое понимание. Тогда получается встреча двух вестников: «Ты – тот, кто должен испытать бессловесную муку. Я – тот (та), кто расскажет…».

2. Бабка Лидка. Сибирь

«Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет / В тяжёлых, нежных наших лапах?..» Думала – Лида. Оказался – Блок.

Вот передо мной аннотация к «Прищепке»: «Лидия Степановна Купцова родилась в Сибири, в Омске, в 1941 году. Из разнорабочих. Закончила культпросвет училище…» Почти платоновский язык.

Сибирь – это отдельная земля, и ей законы не писаны. Это, если хотите, русская Америка, куда ссылали лучшее, что есть в нашем народе – аристократов, впавших вдруг в

вольнодумные мечты о всеобщей недопустимой райской свободе, и самое худшее – воров, убийц и прочих отщепенцев всех мастей… Мы, сибиряки, их прямые потомки. И Бабка Лидка, и Борис Рыжий, и Вампилов, утонувший в Байкале в двух шагах от берега, и шагнувший в окно Башлачёв, и вся целиком сибирская школа поэзии, и Евгений Харитонов, и…

Мы все от них.

Так получилось (и это тоже одна из привилегий нашей касты, касты недоступных и неприкасаемых – о ней расскажу позже), что я с детства видела поэтов. Более того, я среди них росла… Они никогда меня не удивляли, ведь в детстве нет особого выбора, кроме как принять на веру ту действительность, в которую ты погружён…

Я принимала…

Думала, что такие – все вокруг. То есть выходило, что мой мир был миром от поэтов.

Сейчас я думаю, что этого мира нет и не было никогда, и что мы придумали его сами, чтобы позабавить собой народ…

Первое, мгновенное впечатление от Бабки Лидки: увидела её страницу в Фейсбуке и решила: талантливая девочка-филолог скучает на сибирском филфаке среди стройных морозных форм русской академической школы и развлекается тем, что тонко и остроумно, с какой-то особенно ласковой печалью, рассказывает истории на три-пять строк о некоей святой и бомжеватой бабке, которая скитается по больницам и чужим углам, пьёт зверскую спиртовую настойку боярышника из коричневых аптечных склянок по вокзалам и тамбурам электричек дальнего следования, валяется у кирпичной стены, куда всё подобное сползается харкать кровью и помирать, а потом трезвеет – и до слёз, до сердечного надсада-разрыва, до бесконечности жалеет нашу русскую неприкаянную жизнь… И не о себе плачет, о нас, болезных.

Вот, например, короткая записка «Санечка»:

«Посидели немного. Я за добавкой пошла.
Вижу у магазина Мишку Секина, одноклассника.
Всё такой же – ростом с собаку, полубокс, уши торчат.
– Мишка! – кричу ему. – Третий «Б»! Ты откудова?
Набросилась на него, обнимаю, целую от радости.
А он вдруг попятился и давай ходу!
Я за ним, он от меня. Бежим, люди в стороны шарахаются.
– Мишка! – ору. – Ты куда?
В тупик занырнули. Стена кирпичная, сугробы.
Прижался он к стене этой, портфельчиком прикрывается.
– Бабушка! – говорит. – Я не Мишка, я Санечка!
– Какой такой Санечка?
– Левахин, из второго «Г»...
Тут он заплакал. И я заплакала.
Обозналась…»

… Так и бывает с утра: проскользишь глазами по строчкам, улыбнёшься, что-то припоминая, пытаясь не различить случайно, а дальше и вовсе не различать вмёрзшую в глубину печаль…

Нежно и легко шутит девочка-филолог из Омска:

«– Да-а…

– Когда нечего сказать, то и «да-а…» хорошо».

Потом долгое время я не вчитывалась. Пропускала длинные столбцы стихов на странице в ФБ. Я никогда не втягиваюсь в водовороты Интернета. Но поэзии законы не писаны, она никогда не спрашивает – хотим мы или нет. Она просто берёт и не отпускает, она выбирает нас, не мы её… Она удерживает нас в своём плену мгновенным объяснением

того, что резко полоснёт бритвой по горлу и глазам. Мы скулим от боли. Поэзия объясняет и не снимает – она усугубляет причину…

Первым стихом Бабки Лидки, Лидии Степановны Купцовой, разнорабочей, 1941-ого года рождения, в который я по-настоящему вчиталась, был «Подросток»:

Не дразни меня, подросток,
В лоб ударить не спеши.
В жизни всё, конечно, просто
Для простой твоей души.

Посмотри, вот дед столетний,
Хрясни и ему меж глаз.
Выбей, что ли, клык последний,
Если рублик не отдаст.

Как Мамай, идёшь набегом,
Что же голос твой дрожит?
Чуешь ли, что этим снегом
И тебя припорошит?

Виделся сразу же – истощённый, сугорбый… С торчащем кадыком на длинной цыплячьей шее. Исступлённо избивает старуху. Почему? Без цели. За что? Просто так. От тоски…

На тот момент «Подросток» стал моим любимым стихом. Ощущался как очень сильный, ёмкий. Я им даже слегка болела. Вот ясная до боли, до дрожи ситуация: подросток одинок. Одиночество – это страх смерти, когда на Бога опираться не научили. Растущее тело изнуряет и забирает все силы, от бессилия ещё больше проявляется страх этого мира.

Но кто ближе всего к смерти? Старость.

Старость физически слаба, потому что тело так же измучено, но не ростом, а увяданием, и на эту борьбу с телом уходит очень много жизненных сил, почти все. Подросток видит старика. С ними обоими происходит одно и то же: и силы одинаково уходят, и страх один – перед жизнью. Только старику из этой жизни выходить – уходить, а подростку – входить в неё и идти по ней. И оба, оба мучительно не хотят, тоскуют. Подросток и бьёт, и дразнит, потому что видит вовне то, чего так боится в себе, а чувства ещё не развиты. Старость же видит другое, совсем другое: «ТАКИМ, КАК ТЫ – Я БЫЛ, ТАКИМ, КАК Я – ТЫ БУДЕШЬ...»

Простота слов и ритма оказалась мнимой. Простота – от изощрённости. За образом бабки-бродяжки из привокзальных столовок, кожаных, с помойки, пиджаков, пластиковых стаканов с трещиной-надрезом по рифлёному боку, ночёвок вповалку под образом святого Николая, стоял поэт нашей, чувственной, уже полузабытой русской школы, о которой мы, наивные читатели, всегда тосковали и будем тосковать.

– Так что – Бабка-то – мистификация? – спрашивала я поэта в воображаемом разговоре.

– А дело не в бабке, – тут же отвечал он. – В стихах… Стихи есть. И они подлинны. Достоверны. Они не могут быть мистификацией. Стихи либо трогают, либо нет. И они единственное реальное доказательство несуществующего бытия персонажа. Стихи физически подтверждают, что он – есть…

Когда он произносил две последних фразы, мы смеялись над изощрённостью шутки.

3. Подтверждение образа

Каждый стих у поэта, скрывающегося под именем Бабка Лида, уже как философский трактат. Из «Прищепки», «Мостика»… или обе книги, прочитанные взахлёб, целиком –

невольно возникают параллели сравнений! – напоминают по своей сердечности, обречённости и виртуозной простоте изложения дивную книгу «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу».

Святоотеческая русская литература изложена ясным, простым, непревзойдённым языком. Непревзойдённым, потому что он – от Бога! Ясным – потому что сразу же, напрямую говорит о сути, о Начале Начал, то есть излагает один из возможных духовных путей, о котором нам рассказывает автор.

Дар Бога в том, что он избрал себе голос – писателя-рассказчика, который, поведав о своей жизни, открывает нам, простым людям, ещё одну дорогу к спасению, а значит – путь напрямую к Нему.

Чем ближе по времени к нам духовный писатель, тем отчётливее понимаем мы, что и у нас, ныне живущих, есть возможность спасения. И в этом великая милость Бога по отношению к нам. Он посылает на землю святых и угодников, и они примером своей жизни показывают нам, как надо... А те, которым дано писать, ещё и пишут.

Простой человек не будет думать о стиле написанного, только поразится прямой возможности понимания, тому, как написанное откликается в его душе. Образованный человек отметит виртуозность и красоту стиля, но поймет ровно так же, как и простой, прямо и глубоко, потому что перед Богом и перед Его Словами все одинаково равны.

Но вернусь к Бабке Лидке. Её образ поразительно, пронзительно-русский, очень близкий, но почти нереальный, потому что таких людей мы уже не видим вокруг или просто забыли, что они есть, но всё же – мгновенно узнаваемый, потому что в самом начале наших жизней мы ясно и без боязни их видели и принимали.

Я родилась в Новосибирске. Рядом с нашим домом было отделение милиции и газетный киоск, в котором продавали поэтические журналы. Помню, милиция всё время отлавливала нищенствующих, беспризорных – молодых и стариков, сволакивала их в грязные от колёс до оконных стёкол автобусы и безжалостно развозила по ЛТП. Они были в каких-то лохмотьях, рубищах, обмотках, некоторые с сумками-тележками на колёсиках, набитыми полезным скарбом. Они не хотели ехать, вяло сопротивлялись.

Почему-то вдруг оказывалось, что очень многие из них – поэты или опустившиеся, потерявшие профессию актёры. От них я усвоила навсегда, что мы – каста. Мы – бриллианты. Мы недоступны, мы закрыты, мы неприкасаемы, и что таким, как мы, нигде нет места... Будь там в то время Баба Лида, она бы подтвердила…

Некоторых из этих беспризорных милиция вдруг отпускала по каким-то своим, никому неведомым причинам. Мы, дети, видели, как эти нищие в обмотках на ногах, в сплошных прорехах, по той же самой улице, идущей от вокзала, мимо отделения милиции и киоска с литературными журналами с гордо-выпуклым названиями «Знамя» или «Сибирские огни», направлялись к церкви. Некоторые опирались на самодельные посохи... Откуда они пришли? Как они возникли? Мы не знали и не узнаем никогда.

Они с поклонами входили в храм и из каких-то тряпок и рогож доставали иконы и передавали их священникам. Священники нашего храма казались мне в детстве непостижимо прекрасными и очень печальными... Доказательством их бытия были сбережённые ими иконы.

Доказательством бытия поэта были и будут стихи.

Доказательство нашего духа – наш язык. Отнимите его у нас, и нас не будет. Но только попробуйте, отнимите его у нас!..

Во времена моего детства в церковь можно было ходить только тайно, а нательные кресты вшивать в воротнички школьной формы или глубоко запрятывать под одеждой...

«И в этот предпоследний миг / Увижу на стене / Николы Чудотворца лик – / Он улыбнётся мне… /Он улыбнётся не в бреду, / Он для меня живой».

Вот, ведь, думала: «Блок».

Оказалось – Лида.

СТИХИ БАБКИ ЛИДКИ

Прищепка

Я в зеркало глядеть
Стараюсь очень редко.
Чего в него глядеть?
Что в нём увижу я?

Давно приколки нет,
Торчит в башке прищепка.
Так и живёт, мой друг,
Красавица твоя.

Когда ощерю вдруг
Десну свою стальную
И замахнусь ножом
На старое чело,

Хоть ты меня пойми –
Ведь это я тоскую,
И больше – ничего,
И больше – ничего…

Подросток

Не дразни меня, подросток,
В лоб ударить не спеши.
В жизни всё, конечно, просто
Для простой твоей души.

Посмотри, вот дед столетний,
Хрясни и ему меж глаз.
Выбей, что ли, клык последний,
Если рублик не отдаст.

Как Мамай, идёшь набегом,
Что же голос твой дрожит?
Чуешь ли, что этим снегом
И тебя припорошит?

«Бена-беч!»

Как осколочной гранатой
Рвётся жизнь моя в куски.
Надо то и это надо –
Не подохнуть бы с тоски!

Под ногой дворняга лает,
Бьют соседа у ворот,

А ещё меня пугает
Наш квартальный идиот.

Он в друзья набиться хочет
И, моих касаясь плеч,
Всё без устали бормочет:
«Бена-бена, бена-беч!..»

Глыбой чёрного гранита
Ходит-бродит вкруг домов,
Его рожа не умыта
Ровно пятьдесят годов.

Так и я в наш век болезный,
Чтобы разум уберечь,
Возоплю, кружась над бездной:
«Бена-бена, бена-беч!..»

В больнице

Научный дядька смотрит строго
И наставленьями скрипит,
Но здесь-то веселей намного –
Кровать, кормёжка, чистый спирт.

Смолю цигарку под навесом,
Над головою бьётся дождь,
И слышу я, как мелким бесом
Он мне бормочет: «Не уйдёшь!..»

Отец Андрей прошёл по лужам.
На мой этаж? Иль на другой?
Кому-то он сегодня нужен –
Для встречи, Господи, с Тобой.

Кнопка

За Победу поднимая стопки,
Запуская в небо голубей,
Думаю: добраться бы до кнопки
До безумной ядерной моей.

Пусть прижухнут те и эти гады,
Что на русских вздумали переть.
Мы живём, не требуя награды,
Нам одно: Россия – или смерть.

Нам оковы ваши – не оковы,
Только тело заберёт земля…
В дом небесный завсегда готовы.
Где ж ты, кнопка красная моя!

Родина

Люблю я водку на смородине,

Метели, русский наш размах.
Но историческая родина
Однако же – на небесах.
Стрижам секундное мелькание
Мы, неумелые, простим.
Господь вдохнул уже дыхание,
И мы уже – бессмертно с Ним.

Так почему же снова плачу я,
Вцепившись в сердца остриё…
Звезда на небе замаячила,
Вдруг вздрогнула и – нет её.

Ангел

Этот ангел был без крыл,
Скромный парень из народа.
Зубы в глотку вколотил,
Арестантская порода!

Онемела я тогда,
Рот пустой не открывала
И в палате, со стыда,
Лезла всё под одеяло.

Только ночью, в чёрном сне,
Словно грешник на поруки,
Из груди рвались вовне
Непонятные мне звуки:

«Та-та-та́-та, та-та-та́… –
И опять: – Та-та́, та-та́-та!..»
Билась в небо немота
Горлом пролетариата.

Я не знаю, для чего
Мне была такая милость.
После – встретила его,
Да и в ножки поклонилась.

Мостик

Я вся пролегла мосточком
Над вашею кутерьмой,
Чтоб было легче сыночкам
Вернуться к себе домой –

Во вьюгу, мороз и рощи
Берёзовые мои,
Чтоб жизнь веселей и проще
Была бы хоть в эти дни,

Чтоб брат не зарезал брата,

Ну, чтобы подумал хоть,
Чтоб все мы пришли обратно –
В Россию, где наш Господь.
Бегите по мне, болезной,
Ведь это – не на расстрел,
Пока я вишу над бездной,
Пока позвоночник цел.

Творческая встреча

Бывают творческие встречи,
Недавно – у меня была.
Там кореша толкали речи,
Разгладив хмурые чела.

Я им подписывала книжки,
Нацелив единичный глаз.
Был мордобой, хоть это слишком,
Но так положено у нас.

Гремела музыка на рынке,
Менты дремали в стороне,
Хорошие, как на картинке,
Пока дремали в стороне.

Потом без памяти упала,
По полной получив дюле́й,
И более не вспоминала
О встрече творческой моей!

Июнь

Всё-таки, как это зыбко:
Тихий клыкастый сосед,
Баба вот эта, улитка,
На теплотрассе, в обед,

Скромные русские парни,
Пьющие водку с горла,
Пышный джигит у пекарни,
Прочие чьи-то тела.

Ведь через час миномётом
Хряснут им всем по глазам –
Запросто так, мимоходом,
Души взметнув к небесам.

Друг

Русскому не надо много денег,
Он от них немножечко дурак.
Хоть и был когда-то мне брательник,
А возьмёт – и грохнет за пятак.

Нету ни гроша, и я не ною,

Ну, а он чем дальше – тем сильней
Недоволен миром и войною,
Верою и родиной моей.
Ничего, дружок, придёт минута,
Позабудешь ты про колбасу,
И в одно прекраснейшее утро
Я тебе «боярку» поднесу.

Уложу, поправлю телогрейку,
Дерзкую приглажу седину
И твою последнюю копейку
На удачу в небо зашвырну.

Лес

Вечер дует жёлтой золой,
В стылые бабкины дни.
Пилят деревянной пилой
Старые кости мои.

У меня ожог ещё на губах,
Угль ещё не остыл.
Не бойся, говорят, этот страх
Никого ещё не убил.

Утро вновь полыхнёт огнём
В осеннюю тишь да гладь.
Чтобы не сожрали живьём,
Может, ещё поддать?

Старая, плечи-то разверни,
Или нет у тебя плечей?
Лес, мой лес!.. Дни мои, дни!..
Мир мой – не мой, ничей.

Русская баба

Если мужик сдрейфит,
В общем, даст слабину,
Русская баба не стерпит –
Тут же объявит войну!

Она не задаст вопроса:
«А ты кто тут такой?..»
И не посмотрит косо –
В космы вопьётся рукой!

Она зарычит как львица,
Она завизжит: «Етить!..»
И, невзирая на лица,
Будет кусать и бить.

Пусть перекошена рожа,

Набок пускай пятак…
На одну на неё надёжа,
Ежели что не так!

Письмо

Думаю о тебе все время,
Пальцами трогаю память.
Как там ваше небесное племя?
Чем ты хоть занят?

Видишь, как постарела – мигом!
Знаешь, как страшно…
Хвастаюсь рассудочным сдвигом,
Справкой бумажной.

Только бы ты мне не верил, что ли,
Жизнь моя, праздник!
И уберёг бы меня от боли,
Ну, хоть бы разик…

Товарки

Мы рядышком со дня рожденья,
Меж нами – ветер, не стена,
И до последнего мгновенья
За мною тащится она.

Молюсь ли у священной раки,
Сжигаю глотку первачом
Иль падаю в случайной драке –
Она маячит за плечом.

Слепы, горбаты, тугоухи,
Закусывая колбасой,
Бредём по жизни, две старухи,
Я – с посохом, она – с косой.

Когда расстанемся – не знаю,
Но всё ж, когда закрою рот,
Пусть и она присядет с краю
И тоже малость отдохнёт.

Калейдоскоп

Ни копейки нету, ни мапейки,
Ни палаты вашего ума –
В голове щебечут канарейки,
Стёклышками ранит кутерьма.

Греемся на солнышке, а ночью
Под луной – до самых до седин.

Друг свою улыбку скалит волчью,
Ну, и что же, он такой один.

Мы сидим на краешке вселенной –
Нам уже ни в чём не прикословь! –
В ожиданье лёгкой и мгновенной,
И такой же страшной, как любовь.

Только Там

Это моя не улица,
Это моя не смерть.
Здесь не хочу прижмуриться
Я ни теперь, ни впредь.

Только в своём проулочке
Красного кирпича,
Там, где гуляют дурочки
В платьях не с их плеча.

Там, где туберкулёзники
Харкают на длину,
Воют где паровозики
Утром на всю страну.

Где родилась чудачка я,
Там и окончу дни –
Шухерная, барачная,
В радости и любви!

ТАТЬЯНА ЧЕРТОВА

ВЕЧНЫЙ ДОМ

Бредём во тьме, рассеянное братство,
И забываем вещие страницы.
Само обетование Господне
Нам кажется нелепым детским сном.
Но помнят крылья звёздное пространство,
И нас своими почитают птицы,
И чувствую, как Божие дыханье,
Молочный снег – пылающим лицом!

Этот эпиграф представляется мне ключом к пониманию стихов Олега Чертова.

Судьба распорядилась так, что жизнь его внезапно оборвали на 37-м году, искорёжив земное бытие родных и друзей.

В России часто убивали поэтов. В данном случае поэта убили не на дуэли. Это было убийство в спину, в подъезде собственного дома, когда он шёл на встречу с журналистами. Он многим был неудобен своим нешаблонным мышлением, «чистым разумом», смелостью и неординарностью решений. Однако на всё воля Божья.

Олег был православным, глубоко верующим человеком. Принимал деятельное участие в возрождении Свято-Никольского храма в селе Большекулачье. Был постоянным его прихожанином. Он был милосерден, жизнелюбив и деятелен. Это отразилось во всех сферах его приложения, но сейчас мы будем говорить о нём как о поэте и учёном.

Серьёзной поэтической деятельностью занялся в 1981 году. Впервые его стихотворения были опубликованы в 1990 году в журнале «Грани» (ФРГ), и удостоились высокой оценки. Этой публикации активно способствовал Вольфганг Казак – немецкий славист, литературный критик, создатель «Лексикона русской литературы XX века».

Многие из стихов Олега оказались пророческими. В них он стремился заглянуть за черту бытия. Писал он, чаще всего, во время прогулок и больше всего любил сам процесс творчества. В собственной поэзии для него самого было много неразгаданного. Когда-либо это может послужить объектом отдельного литературоведческого исследования.

Олег родился 20 октября 1958 года в семье инженера и учительницы. Закончил исторический факультет Ленинградского университета. В 1988 году блестяще защитил кандидатскую диссертацию, посвящённую гуманистической философии английского Возрождения.

Владел тремя иностранными языками. Имел значительное количество научных публикаций в стране и за рубежом.

На протяжении всей своей деятельности в исторической науке Олег остро переживал двойственность собственного бытия: с одной стороны, жизнь в России с её политическими коллизиями, с другой – постоянное погружение в литературу средневековья, Возрождения, равно как и в не противоречащую ей русскую философскую мысль XIX – начала XX в.в.

В затерянной в центре материка сибирской равнине занятия северо-ренесансной христианской философией неминуемо воспринимались как чудачество, нелепость.

Однако именно собеседование с высокими умами, вживание в их мыслительную ткань давало способность автору жить, не замутняя для себя главные смысловые вопросы нашего здесь пребывания. Эти же занятия структурировали в нём непосредственное религиозное чувство.

Олег считал, что русская религиозная мысль не заслуживает поучительного тона со стороны Запада, и хотя в цивилизованном мире нас, вероятно, «похоронили» давно, но мы живы. Для него всегда было важным наличие и дальнейшее развитие именно позитивно-теологической литературы.

Ему представлялось, что в нынешний момент «замутненного» и дезориентированного сознания предапокалиптической эпохи, верующая интеллигенция обязана развивать, по мере сил, христианскую мысль, не отвлекаясь на побочные внерелигиозные пути. Иначе всем нам грозит опасное снижение уровня христианской литературы, христианского духа.

Везде Бог, везде небо над головой, земля под ногами. Вот так и мы – живы для каких-либо Господних целей и дел, Ему только и ведомых.

1997

Олег ЧЕРТОВ

(1958-1996)

Стихотворения из книги «Вечный Дом»
(Общество памяти игумении Таисии, СПб-2016)

* * *

Смутного года печальная сказка,
Полная мрачных чудес.
Снежные ночи, да ранняя Пасха,
Да пробудившийся лес.

Утро от яркого солнца ослепло,
Но в приближении тьмы
Снова восстанет из снежного пепла
Искристый феникс зимы.

Звездные блики да странные знаки
В тёмной небесной слюде.
Вдоль побережия – льдистая накипь
На загустевшей воде.

В вешней распутице тонут дороги,
Но на исходе Поста
Явится юноша, тихий и строгий,
С посохом в виде креста.

В обетование будущей встречи
Сгинет злой призрак зимы,
В храме умершем затеплятся свечи,
И возликуют псалмы.

Апрель 1984

* * *

Опять стрекозой на тростинке
Качается доля моя,
И я ухожу по тропинке
От дома до небытия.

Туман по низинам клубится,
Роса на траве и коре.
И странная серая птица

Тревожно кричит на заре.

Уже занимается утро,
Но путь не тяжёл и далёк.
И, значит, найдётся минута
Присесть у воды на пенёк.

Минуты плывут или годы,
Но Судьи ко мне не строги.
И вновь под зелёные своды
Вернусь от спокойной реки.

Шагать по тропинке заросшей
Под ломкую песню дрозда,
Молиться на взгорке, за рощей,
Расцветшему Древу Креста.

Июнь 1984

Пасхальное

Мы приближаем День Господень,
Когда нас побеждает плоть,
И пусть от Господа уходим –
Не оставляет нас Господь.

И после зимнего мытарства
Грехопадений и невзгод
Он покаянное лекарство
В пасхальной ложке нам даёт.

Христос, сидящий одесную,
Молитве горестной внемли!
Замкни петлю мою земную
И душу отпусти с Земли.

Молчит… Но что-то озарилось
В забытом тёмном уголке:
Я болен. Детство. Мать склонилась,
И – ложка с каплями в руке.

1985

* * *

Тане

По следу неулыбчивого князя,
По следу неуступчивого Спаса,
По следу той, что нехотя прекрасна,
Лети, душа, стараясь не шуметь.
А то ведь заплутаешь по болотам,
Ослепнешь и оглохнешь ненароком,
И так, бродя по пагубным дорогам,
Без покаянья встретишь свою смерть.

Бежали мы от Молоха к Мамоне
И к ночи – очутились в Вавилоне,
Где развалился на безбожном троне
Безбожный царь Навуходоносор,
Где в низком небе тусклые светила,
Где вновь затравят львами Даниила,
Как будто нашей крови не хватило
Предотвратить очередной позор.

Я сам отравлен вавилонским бредом,
Но ты, душа, лети за теми следом,
Кому был этот душный плен неведом,
А я вздохну поглубже и затем,
С улыбкой, оглядевшись для начала,
Отбросив всё, что дух отягощало,
Навстречу той, что без меня скучала,
Отправлюсь по дороге в Вифлеем!

1986

* * *

Все ближе край, все глубже узнаю
О старости, о тщетности, о боли…
Бесцельно пресмыкание в юдоли,
Безумен эквилибр по острию.
Земля моя – в разврате и разбое.
Прости, Господь, я больше не пою.

Но прежде, чем совсем к Тебе приду,
Подай напиться из Твоей ладони
Той горькой влаги, что текла в Кедроне
В ту ночь ниссана, в том сыром саду,
Где страшный текст своей финальной роли
В кровавом Ты разучивал поту.

Взгляни: опять сожжён Ершалаим,
Где был поток – там солоно и сухо.
Но всё-таки Ты преклоняешь ухо
К рифмованным стенаниям моим.
Ты Сам лукавый разум изменил,
Обогатив созвучьями простыми.
И вот теперь молюсь среди пустыни,
И шёпот этот сотрясает мир.

1987

* * *

А мы ещё не плачем над травой,
Не молимся последнему закату,
Хотя давно механик бородатый
Подвесил к гильотине нож кривой.

А мы ещё не торим звёздный путь,
Всё мечемся на грани тьмы и света,
Хотя давно стрелок из арбалета
Тупой стрелой нацелился нам в грудь.

Стекает время, как из рук вода,
И выпит мёд, и горький хлеб доеден.
А мы всё сомневаемся и бредим
И копим Божий гнев на День Суда.

1987

* * *

Итак, Господь, Синод Твоих светил
Прошёл две трети годового круга.
И лес затих – ни шороха, ни звука.
В нём хорошо дышать, шагать упруго,
Взлохмачивая золотой настил.
Я счёл бы мир игрушкой Демиурга,
Когда бы Ты в него не приходил.

Как осенью наглядней и острей
Твой замысел! Как дороги минуты
Покоя после выпитой цикуты,
Пока не встал из северных морей
Кошмарный знак страны – Гиперборей.
Но вижу: позади Великой Смуты
Грядёт период Судей и Царей.

А здесь я – гость. Я помню тот ковчег,
Где было вдоволь музыки и света,
Где был приятен день и свят ночлег,
Где мне светильником была комета
И рад был человеку человек…
Но та земля моя – ветхозаветна,
В ней живы Халев и Мельхиседек.

Я – поросль от древнего ствола,
Последняя надломленная ветка.
Знамения, верчение стола,
Орфические прорицанья грека,
И магия, и мистика числа –
Мне всё доступно. Так вина ли предка,
Что жизнь, подобно Стиксу, протекла
Сквозь Чёрный Город мирового зла?

На скудный берег оглянусь с кормы,
Из плена устремясь к последней воле.
Казалось бы, что мне до той юдоли,
Где кровь, и тлен, и стоны среди тьмы?
Ненадолго, как Павел в Путеоле,
Дорогой в Рим, здесь пребывали мы…
Вот мысли, приходящие без боли,

В преддверье Тирании и Зимы.

1990

* * *

Господь, Господь, мой дольний дом в огне.
Не я ль Тебя молил о том пожаре,
Чтоб кровью захлебнувшейся державе
Не сдохнуть на Иудином ремне?
И вот огонь, которого мы ждали,
Потрескивая, бродит по стране.
Восстал Голгофный мрак на нас двоих.
Я – Твой свидетель, видно, из последних,
В чумном пиру рыдающий наследник
Пророчеств и раскаяний Твоих.

Итак, Господь, мы встретимся в дыму.
Признаешь ли меня под слоем сажи?
В последний час моления о чаше
Не приведи остаться одному!

Выходит, мы свой дом не сберегли.
Пылает осквернённое жилище,
В проёмах равнодушный ветер свищет
И пепел поднимает от земли…
Поутру, приходя на пепелище,
Не обожгитесь, братья, об угли.

1992

* * *

В оплавленных сугробах утопая,
Поближе к полынье, на край припая,
Откуда выползает тварь слепая –
На кровь, на кровь, на дым пороховой.
Печально быть свидетелем-изгоем,
Вбирать одно, а постигать другое.
Се третий ангел с огненной трубою
И воспалённый нимб над головой!

Затягивает нас полынный омут.
Доколе, Боже, – праведники стонут,–
Ты нас не отомстишь, и не потонут
В огне дела водимых сатаной?
Они опять злодействуют свирепо,
В крови ножи и церкви в клочьях крепа,
И горькое, немоленное небо
Над этой обездоленной страной!

Но где Твой Ной, и Лот, и где Иаков,
Пастух овец и собиратель злаков?
Где рыбаки, те, что бредут без знаков

Небесного величья за Тобой?
Здесь мрак и тлен, здесь умирают птицы.
Дочитаны последние страницы.
Здесь нет избранья, кроме багряницы,
Здесь все равны пред ангельской трубой!

Псалом к Тебе: изгой, в чумном угаре,
И я Тебя молил о том пожаре.
Без страха, в приближенье адской твари,
Стою, не уповая ни на что.
И вижу, как грешно и предпотопно
Живёт Земля, и люди смотрят в окна,
Как к дереву гофер, грызя волокна,
Спешит в руке у Ноя долото!

1994

* * *

Земля моя, равно Добру и Злу
Причастна ты. Скора ты на расправу
И на раскаянье. То ненависть, то славу
Ты, словно бисер, нижешь на иглу.
Ты родила Иисуса и Варавву.
Тебе не усидеть в своём углу,
И трое бесов, впрягшихся в державу,
Нас без дороги волокут во мглу.

Но помню, помню, Господи, для нас
Ты был и терпеливым, и нестрогим.
Мы, Божьи дети, выросши в остроге,
Бывали всё же счастливы подчас.
Ворота настежь. Месяц тонкорогий
Меж облаков то вспыхивал, то гас,
Когда бросали жребий при дороге
Российский демон и российский Спас.

Стал непрозримо-мутным небосклон,
Закрылся грязно-серою фатою.
Однако лишь за сотою верстою
Я начал понимать сквозь вязкий сон:
Мы шли не в Вифлеем, а Вавилон,
Спеша за неопознанной звездою.
Свобода обернулась пустотою,
Разбойным свистом – колокольный звон.

Предвижу я, как будешь Ты суров
К нам, принявшим болотное свеченье
За свет Звезды. Фальшивое ученье –
За проповедь Твою. Зацветший ров –
За Иордан. Покинув прежний кров,
Мы проезжаем мрачное ущелье.
Взыскуя за своё же попущенье,
Не отыми, Господь, Твоих даров!

1995

ДОРОГУ – МОЛОДЫМ

«Искрись стихами, юная душа! Искрись, прошу, пожалуйста, не гасни!»

Литературные фестивали и конкурсы, в которых участвует молодёжь, всегда являлись неотъёмлемой частью литературной жизни. Я вспоминаю, к примеру, фестиваль «Это – мы»! Проходил он в разных местах, но мне особенно запомнилось выступление в конференц-зале ОГОНБ имени Пушкина в 2002 году…Торжественная атмосфера зала, горящие глаза слушателей, громкие аплодисменты, так необходимые тем, кто выступает впервые…Но главное в этих мероприятиях – непосредственное общение авторов, когда люди узнают, кто и что читал, почему выбирает тот или иной литературный стиль, манеру выступления, а потом, как правило, форму издания и даже название первой и последующих книг…

Поэтому фестиваль детско-юношеского творчества «Искрись стихами, моя юная душа!», уже три года проводимый Омским Библиотечным техникумом (за понимающую позицию в этом отношении стоит сказать большое спасибо его директору Зорине Николаевне Берковской и всему коллективу этого учебного заведения), – немаловажное явление омского литературного процесса, продолжающее славную литературную традицию живого авторского общения с читателями.

Как писал в своё время Илья Сельвинский, «читатель почувствовал боль своего поэта». Он имел в виду ободряющее письмо читателя в то время, когда поэта не печатали по соображениям цензурного характера. Сейчас возникла несколько другая проблема – литература перекочевала в сеть Интернета. В интернет-пространство стала выбрасываться порой откровенная грязь, пошлость, или, говоря проще, графомания… Обычно проведению фестивалей подобного рода предшествует представление рукописей участников составу жюри, в ходе которого подобная низкопробщина отсеивается, а результат голосования зависит и от качества стиха, и от умения преподнести его на публику…Второе даётся обычно не сразу. Вспоминается, что в своё время я, студент юрфака ОМГУ, проиграл поэтическую дуэль сопернику из-за неумения хорошо прочесть стихи. Его стихи были явно слабее, но читал он их уверенно, и в итоге победил… А через два года на другом мероприятии подобного рода произошла обратная ситуация – прочитал стихи о любви, окрылённый настоящим чувством, и публика отдала свои симпатии мне. К счастью, тогда в учебных заведениях было немало энтузиастов, просто любящих творчество и продвигающих его бесплатно…

Увы, бессребреники сейчас не в моде. Жаль, что люди такого сорта, золотой запас нации и любого государства, порой влачат жалкое существование, не в силах угнаться за техническим прогрессом. Выступать вживую со стихами непосредственно или, скажем, со стихами, положенными на музыку, сейчас вроде как невыгодно… Но только слово, наполненное живым чувством, порождает живую реакцию читателя или слушателя. Конечно, можно воспользоваться интернетовскими смайликами, но тепло человеческой речи ими не передашь…

Поэтому стоит особо поблагодарить видных омских писателей, члена Союза российских писателей Сергея Денисенко и члена Союза писателей России, руководителя молодёжного ЛИТО Марину Безденежных, нашедших время для работы в жюри этого конкурса! В наше время, заполненное отнюдь не литературными делами, это отнюдь не просто!

Поэтому я ратую всей силой своей души за продолжение живого творческого общения, живых творческих выступлений, благодаря которым происходит передача творческого опыта от одного литературного поколения другому! Пусть продолжаются такие мероприятия,

продолжают выходить в свет такие издания, как альманах «Менестрель», литературный тандем «Тарские ворота» и «Иртышь-Омь», и ежемесячный журнал «Литературный Ковчег», который, кстати, является школой литературного мастерства, для тех, кто приходит в литературу!

Да, Слово – это Бог! И пусть оно будет живым и чистым!

Дмитрий Соснов,
член редколлегии журнала «Менестрель»,
менеджер по связям с общественностью журналов
«Тарские ворота» и «Иртышъ-Омь»,
заместитель главного редактора журнала
«Литературный Ковчег».

СТИХИ УЧАСТНИКОВ ФЕСТИВАЛЯ

ГОРГУЛЕНКО Ольга

ЗВОНОК

– Что бы вы не искали,
Вы нашли не тот адрес,
Вам дали не тот телефон, –
Знакомый голос сделал короткую паузу, –
Вы ошиблись, попав не в тот дом.
– Хорошо, большое спасибо, жаль, что попал
не туда,
Может, вы знаете, в какую квартиру позвонить и когда?
Я хотел лишь сказать, что нынче погода ужасная, не люблю гром и грозу,
Прячусь в подушках, как маленький,
В самом тёмном углу.
А вчера, встретил старого друга,
Он опьянённый нёсся на всех скоростях,
Куда и зачем, я так и не понял,
Может, его жена на сносях.
Потом купил пакет «попкорна» –
Покормил воробья,
Отчего-то стало одиноко, позорно,
Вернулся домой не спеша.
Включил свет, открыл холодильник,
Там только йогурт и майонез,
Сел на диван, постучала соседка,
Вышел, зашёл, испытал стресс.
Пожалел, что не имею собаки,
Потому что некого обнимать.
Наверное, с ней я мог бы даже в бараке,
Жить, смешить, удивлять.
Знаете, а я спать разучился,
Сердцу видятся дали иные…
Классик сказал: «И эти губы, и глаза зелёные»,
А я тут понял, нет, голубые.
Представляете, я набрал номер,

Распивая пресный по-летнему чай,
Наступив всем чертям на голову,
Чтобы сказать два слова:
«Не уезжай...»
По ту сторону стучало молчание,
Я слышал лишь оживший перрон,
Знакомый голос, надломившись, ответил:
– Вы ошиблись, забудьте мой телефон.

СЮНИКАЕВА Зинаида

Метро

Хочется чуда. Хотя бы йогурт.
Я не буду просить уже о стране.
Люди порой и хотеть не могут, –
Я мечтаю. Я этим рада вполне.

Пуд потерпевших, погрязших в лоске;
Как и все – я до центра. Автобус. Билет.
Так же хочу в предосеннем Омске
Затеряться в метро... которого нет...

Там, у подземки, стоят подростки
И добром раздают карманный восторг
Всем потерпевшим, погрязшим в лоске:
Кому – горсть, а кому – огромный кусок...

И не боятся, что я зачем-то
Заберу из карманов больше других.
Я захватила щепотку света;
Мне хватило на чудо – серый, но стих.

Это получше, чем йогурт с витрины,
Хоть масштабом не больше карты Мали.
Пусть и наивны, и примитивны,
Но за то от души и лично мои.

Ну, а подростки стоят у входа
И тихонько прохожим радость дают.
Их озорство – не табак. Не мода.
Ты постой. Посмотри. Ребята поют.

ВОЛИК Юлия

«Как приятно вместе засыпать…»

Как приятно вместе засыпать,
Знать, что утром вновь тебя увижу,
Обниму и твой поймаю взгляд,
И любимый голос вновь услышу.

Кофе крепкий нам с тобой сварить,
Вечером тебе готовить ужин,
Крепко-крепко так тебя любить –
Больше мне никто не нужен.

Нужно только мне твое тепло,
Чтобы обнимал меня покрепче.
Если станет вдруг в душе темно,
Ты прижми к себе, и снова станет легче.

Это счастье – быть с тобой вдвоём!
Вместе навсегда, как пишут в книгах.
Крепкая семья и тёплый дом… –
Будет всё у нас, как в самых лучших фильмах!

АКУЛОВА Анастасия

Ссора

Сжимает горло горечь, как оковы,
Душа кричит беззвучно в пустоту.
На те же грабли наступила снова,
Пересекла незримую черту.

И рада бы сказать: «Я не жалею» –
И гордо вскинуть голову опять.
И рада бы забыть, но не умею.
Обида не даёт тебя понять.

И рада б крикнуть вслед: «Ты мне не нужен!»
И снова стать холодною зимой.
Но знаю – без тебя жизнь будет хуже.
Любимой быть хочу – но лишь тобой...

КУЗНИЦЫНА Олеся

* * *

Смотри на мир глазами кошки,
И ты увидишь яркий свет,
Бегущую сквозь лес дорожку,
В окне движение планет.

Увидишь чистое ты небо,
Услышишь щебет райских птиц,
Но где бы ты сегодня не был –
Не смей смыкать своих ресниц.

Смотри на мир глазами зверя,
Услышь немую тишину,
Гляди, глазам своим не веря,
На след, ведущий в пустоту.

Увязни в липкой паутине
И измарай ладонь в крови.
Услышав хриплый крик скотины –
Не закрывай глаза, смотри.

Раскрой глаза свои пошире
И обостри свой чуткий слух.
Всё, что творится в этом мире,
Не сломит твой железный дух.

Коснись на миг мелодий нити,
На вкус попробуй сладость грёз
И высеки свой путь в граните
Под шелест серебристых звёзд.

ДРАМАТУРГИЯ

Александр СТРОГАНОВ

ИЕРИХОН

Комедия в 2х действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ТОМИЛИН СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ, профессор, за 80
ТОМИЛИНА ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА, дочь профессора Томилина, около 50
ТОМИЛИНА АННА СЕРГЕЕВНА, её сестра, за 40
ТОМИЛИНА ЮЛИЯ СЕРГЕЕВНА, её сестра, около 40
РЕМЕЗОВ АНАТОЛИЙ ПАВЛОВИЧ, предприниматель, за 40, гражданский муж Юлии Сергеевны
ТЕМКИН ДМИТРИЙ ИЛЬИЧ, бывший врач, друг семьи Томилиных, за 60

Сцена представляет собой дачу Томилиных в Липках. Большой старый дом. Панорама тенистого яблоневого сада. Палевые интонации ранней осени.

УТРО

Просторная веранда.

Присутствует оса. Её то появляющееся, то исчезающее жужжание как будто комментирует происходящее на сцене.

Ольга Сергеевна и Анна Сергеевна в плетёных креслах. Ольга Сергеевна увлечённо изучает объёмный, судя по внешнему виду, старинный фолиант, курит, стряхивая в крохотную перламутровую пепельницу, из тех, что несёт в себе больше ритуала, нежели удобства. Пепел, пользуясь вольницей, составляет на лиловом платье любительницы папирос замысловатый узор из стрелок, точек и кружочков.

Анна Сергеевна как будто пьёт рубиновый чай из стакана в подстаканнике – на самом деле, безотрывно наблюдает за вензелями дыма и рождающимся на её глазах абстрактным рисунком. Всё её существо наполнено детским интересом, в любую минуту готовым обернуться восхищением или смехом.

Ольга, перевернув очередную страницу, ловит взгляд сестры.

ОЛЬГА Ты что?
АННА Я? Ничего. Пью чай.
Пауза.
ОЛЬГА Нет, ты не пьёшь чай.
АННА (Протягивает стакан.) Да вот же, чай.
Пауза.
ОЛЬГА Ты занята совсем другим.
АННА Чем же, по-твоему, я занята?
ОЛЬГА Шпионишь за мной.

АННА Я?! Каким образом?

Ольга Сергеевна вновь погружается в чтение, всем своим видом показывая нежелание продолжать диалог.

АННА Нет, уж ты скажи! (Пауза.) Нет, уж ты скажи!

Без ответа.

Анну атакует оса. Крик. Опрокинуто кресло. Погоня за насекомым. Бегство от насекомого. Возвращение в кресло. Ольга не замечает или делает вид, что не замечает происходящего.

АННА (Отдышавшись.) Сидишь, как ни в чём не бывало. (Пауза.) Сестру атакует оса, а тебе никакого дела. (Пауза.) Уж я говорила папочке не трогать их гнездо. Да где там, разве он послушает? (Пауза.) Вот скажи, почему оса на меня нападает, а тебя не трогает? Почему? (Пауза.) Нет, уж ты скажи. (Пауза.) Нет, уж ты скажи!

Долгая пауза.

ОЛЬГА (Переворачивает страницу, удостаивает Анну взглядом.) Ты приготовила завтрак?

АННА Давно уж. (Пауза.) Зачем ты спрашиваешь? Разве не слышала запах? (Пауза.) Слышала. Зачем спрашивать в таком случае? (Долгая пауза.) Что уж они так долго спят?

ОЛЬГА С дороги. Им нужно поспать (Возвращается к чтению).

Долгая пауза.

ОЛЬГА Хочешь, я и тебе налью чаю?

АННА (Не прерывая чтения.) Спасибо, не нужно.

Долгая пауза.

АННА Оленька, у тебя пепел на платье падает. (Долгая пауза.) И что уж это за дорога такая? Что уж устали? (Пауза.) Не пешком шли. (Пауза.) Ты видела их машину?

ОЛЬГА (Не прерывая чтения.) Нет.

АННА Ты не видела их машины?!

ОЛЬГА (Не прерывая чтения.) Нет. И не испытываю ни малейшего желания.

Пауза.

АННА (В оправдательных интонациях.) Мне, собственно, тоже всё равно. Я случайно увидела. (Пауза.) Откуда мне было знать, что они приедут на машине?

ОЛЬГА (Не прерывая чтения.) Успокойся.

Долгая пауза.

АННА Однако машина поразительная! Я и не знала, что такие бывают! (Пауза.) Морда как у акулы. (Пауза.) Нет, как у лошади. (Пауза.) Ну, конечно как у лошади. Я ведь акул-то не видела никогда. А лошадь видела. (Пауза.) Но лошади, в отличие от акул – добрые. (Пауза.) Хотя кусаются и те, и другие. (Пауза.) Но по-разному. (Пауза.) Лошадь человека съесть не может, а акула может. (Пауза.) Хотя, как знать? Разные обстоятельства бывают. (Пауза.) Да нет, лошади добрее. Лошади добрые, правда?

ОЛЬГА (Не прерывая чтения.) Правда.

Долгая пауза.

АННА Уж им бы отогнать эту машину подальше, чтобы папочка, не дай Бог, не увидел! (Пауза.) Он этого не перенесёт. Ой, не перенесёт! (Пауза.) И зачем, спрашивается, людям такие машины? (Пауза.) Что теперь будет?! (Пауза.) Пусть отгонят подальше, ты им скажи. (Пауза.) Ты им скажи – они и послушаются. (Пауза.) Тебя все слушаются, и они послушаются. (Пауза.) Не ровен час, папочка увидит…

ОЛЬГА (Не прерывая чтения.) Отсюда она не заметна, а за ограду отец никогда не выходит.

АННА (Голос дрожит.) А тут, вдруг, возьми и выйди!

ОЛЬГА (Не прерывая чтения.) Не сочиняй.

АННА (Переходит на крик.) И вот уж она пред ним, во всей красе. Не то акула, не то лошадь! И сверкает как рождественская елка! (На глазах слёзы.) Ой, что будет?! (Пауза.) Только бы он не мучился. (Пауза.) Оленька, больше всего на свете я боюсь мученичеств. Смерть не так страшна как мученичества. (Плачет.) Вот ведь ты не знаешь, что это такое, а я знаю. Уж я в больнице натерпелась. Лежишь и думаешь, но почему же смерти-то нет? К кому она завернула по дороге? (Пауза.) Когда мучишься смерть кажется привлекательной и желанной. (Пауза.) Но тебе меня не понять. Ты не натерпелась, а я натерпелась! Потому можешь читать, когда я рассказываю. Всё равно, что я бы безделицу какую-нибудь рассказывала. (Пауза.) А уж чего только я не натерпелась там!

ОЛЬГА (Не прерывая чтения.) Однако когда все закончилось – решила жить вечно.

АННА А это обязательно. (Пауза.) А как же без этого, Оленька? (Пауза.) Постой, а откуда ты знаешь?

ОЛЬГА (Не прерывая чтения.) Да ты же сама и говорила мне.

АННА Говорила?

ОЛЬГА (Не прерывая чтения.) Конечно.

Пауза.

АННА Вот болтушка! Это я о себе. (Пауза.) Вот болтушка! Ненавижу себя за это! (Пауза.) С другой стороны, ты же мне сестра? Так и есть, ты мне – старшая сестра. Выходит, рассказать я тебе должна была? Должна была. Тут уж хочешь, не хочешь, а рассказать обязана. Правильно я рассуждаю?

ОЛЬГА (Не прерывая чтения.) Правильно.

АННА Только уж ты больше никому не говори.

ОЛЬГА (Не прерывая чтения.) Договорились.

Пауза.

АННА Тебе можно доверять.

ОЛЬГА (Не прерывая чтения.) Спасибо.

Пауза.

АННА Уж кому, кому, а тебе то можно доверять.

ОЛЬГА (Не прерывая чтения.) Спасибо.

Новая атака осы. Ритуал охоты за насекомым с последующим бегством и возвращением к креслу повторяется.

АННА (Отдышавшись.) Вот скажи, зачем нужны осы? Пользы от них никакой – один вред.

ОЛЬГА (Не прерывая чтения.) Мы ничего не знаем.

АННА Что?

ОЛЬГА (Не прерывая чтения.) Ничего не знаем.

Пауза.

АННА А почему тебя не кусают – тоже не знаем?

ОЛЬГА Нет.

Пауза.

АННА А почему меня кусают – тоже не знаем?

ОЛЬГА (Не прерывая чтения.) По-моему это – любовь.

АННА Что?

ОЛЬГА (Оставляет чтение.) Любовь.

Пауза.

АННА Ты на полном серьёзе это говоришь?

ОЛЬГА Разумеется.

Пауза.

АННА Зачем же она кусается?

ОЛЬГА А разве она тебя укусила?
АННА Нет. Но хотела.
ОЛЬГА Откуда ты знаешь?

Пауза.

АННА Я?
ОЛЬГА Да.

Пауза.

АННА Но они же кусаются?
ОЛЬГА Тебя кусали?

Пауза.

АННА Не помню. (Пауза.) Нет, как будто.
ОЛЬГА Вот видишь?

Пауза.

АННА (Изумление, открытие.) Вот как?!
ОЛЬГА Представь себе.

Пауза.

АННА (Обращаясь к невидимой осе.) Прости меня, осонька, прости, прости, прости! (Пауза.) Улетела. (Пауза.) Не желает знать меня больше.
ОЛЬГА Успокойся. (Возвращается к чтению.)

Пауза.

АННА (На глазах слезы.) Хотела убить её. Какая же я, всё-таки, дрянь! В этой части, Оленька, ты совершенно права. Дрянь! Дрянь, дрянь, дрянь!
ОЛЬГА (Не прерывая чтения.) Успокойся, она действительно могла тебя укусить.
АННА Да? (В глазах бесёнок.) Ты хотела обмануть меня?
ОЛЬГА (Оставляет чтение.) Так! Чего ты хочешь?
АННА Желаю знать своё будущее.
ОЛЬГА Что именно?
АННА Если она всё же укусит меня, что тогда?
ОЛЬГА Ничего особенного.
АННА Что? Что тогда?
ОЛЬГА Немного поболит и пройдёт.

Пауза.

АННА Я не умру?
ОЛЬГА Нет.

Пауза.

АННА И сильных мученичеств не приму?
ОЛЬГА Нет.

Пауза.

АННА А вот зачем ей это нужно? Вот зачем ей кусать меня, скажи на милость?
ОЛЬГА Она так целует.

Пауза.

АННА (Изумление, открытие.) Да-а-а?
ОЛЬГА Конечно.
АННА (Мечтательно.) Тогда я согласна.

Пауза.

ОЛЬГА Вопросов больше нет?
АННА (Мечтательно.) Тогда я согласна.
ОЛЬГА Всё. Не мешай мне. (Углубляется в чтение.)
АННА Надо же? Любовь.
ОЛЬГА Анюта, я просила тебя.

Долгая пауза.

АННА И что уж такого интересного в этой твоей книге?

ОЛЬГА (Не прерывая чтения.) Много всего.

Долгая пауза.

АННА Вот я бы, к примеру сказать, как оне не смогла.

ОЛЬГА (Отрывается от книги.) Как?

АННА И спать и спать, и спать. (Пауза.) Уж какое утро! Свежестью пахнет! (Пауза.) Прохладно. (Пауза.) Чай. (Пауза.) Любовь. (Пауза.) Мысли разные в голову приходят, лошади. (Пауза.) Опять же ты читаешь, не кричишь.

ОЛЬГА Да разве я хоть раз повысила на тебя голос?

АННА Голос, может быть, и не повысила, но вот посмотришь иногда так, что сразу становится ясно – кричишь.

ОЛЬГА Не выдумывай (Возвращается к чтению).

Долгая пауза.

АННА Всё же я разбужу их.

ОЛЬГА (Не прерывая чтения.) Не смей!

АННА (Молниеносный ответ.) А сейчас? А сейчас вот, разве ты не кричала на меня?

ОЛЬГА (Переворачивает страницу.) Нет.

Пауза.

АННА Ну, уж я и не знаю тогда.

Входит Темкин. В его руках ведерко и удочки.

АННА (Сияет.) Темкин, почему вы каждый раз ходите рыбачить без меня? Вот почему вы не хотите научить меня ловить карасей? (Пауза.) Вы боитесь, что я наловлю больше вашего? И наловлю. (Пауза.) Нет, я серьёзно, в чём дело, Темкин?

ОЛЬГА (Откладывает книгу.) Анюта, сколько раз я тебя просила не называть Дмитрия Ильича Темкиным? В твоём исполнении это звучит очень и очень вульгарно. Здравствуйте, Дмитрий Ильич.

АННА Хотите чаю, Темкин? Простите, Дмитрий Ильич, хотите чаю? Я только что заварила.

ТЕМКИН Спасибо, не откажусь.

Анна издаёт грудной кошачий звук, всплескивает руками, точно получив доказательство собственной правоты в чрезвычайно важном вопросе, бросает сестре многозначительное «Вот!» и устремляется в дом.

ТЕМКИН (Вслед.) Анюта, отнеси рыбу на кухню!

Опрокинув вазу с цветами, Анна возвращается, берёт одну из удочек, рассматривает её.

АННА Хороша эта удочка?

ТЕМКИН По мне хороша.

Пауза.

АННА А зачем верёвочка прозрачная? Чтобы рыбка не видела?

ТЕМКИН Да. Эта верёвочка называется леской.

Пауза.

АННА А то, что она прозрачная – коварство или гуманизм?

ТЕМКИН Вот это вопрос!

АННА Для чего она прозрачная? Чтобы обмануть рыбку, или чтобы она приняла смерть без томительного ожидания?

Пауза.

ТЕМКИН Откровенно говоря, Аннушка, я не думал над этим.

Пауза.

АННА Однозначного ответа нет. Можно и так, и так. Всё зависит от того, в чьих руках удочка. Согласны?

ТЕМКИН Согласен.

АННА Рассудительная я?

ТЕМКИН Ещё бы.

Анна подхватывает ведро и с уже знакомым урчанием исчезает в дверном проеме. Темкин усаживается в освободившееся кресло.

ТЕМКИН А вы всё читаете, Ольга Сергеевна?

ОЛЬГА Да.

ТЕМКИН И что же это, позвольте полюбопытствовать?

ОЛЬГА «Похвала глупости».

Темкин смеется.

ОЛЬГА Почему вы смеётесь?

ТЕМКИН Нет, нет, простите меня, ничего особенного. Просто такой выбор...

ОЛЬГА Чем же плох мой выбор?

ТЕМКИН Не знаю. Очевидно, хорош. Только мне представлялся какой-нибудь дамский роман.

ОЛЬГА Я похожа на поклонницу дамских романов?

ТЕМКИН Да, да, вы правы. Вот только кажется мне, что вам было бы полезно хоть иногда отвлекаться от философии.

ОЛЬГА Это не философия, Дмитрий Ильич. Это – дневники бессмертия. Философии я сама терпеть не могу.

ТЕМКИН Атеистическая чушь.

ОЛЬГА А вы простились с атеизмом, Дмитрий Ильич? Давно ли?

ТЕМКИН Я и не был никогда атеистом. Правда, в полной мере религиозным человеком назвать себя не могу, однако крещён, иногда бываю в церкви, когда чувствую вдохновение, да и дед мой, к слову сказать, был священником.

ОЛЬГА Нынче все сделались набожными.

ТЕМКИН Было бы неплохо, пусть и формально, на первом этапе, да только сдается мне, Ольга Сергеевна, что слухи о всеобщей набожности сильно преувеличены.

Согнувшись от тяжести, покряхтывая, Анна вносит громоздкий дымящийся самовар. Темкин тотчас вскакивает, отнимает его и устанавливает на столе. Анна немедленно занимает своё место.

ТЕМКИН Что же ты не сказала, что отправилась за самоваром?

АННА Вот уж галантный кавалер, правда, Оленька?

ОЛЬГА Анюта, начинай, однако, носить стулья, детка. Скоро будем завтракать.

Анна убегает.

ОЛЬГА (Перебирает страницы.) Вот послушайте, Дмитрий Ильич. Если бы кто-нибудь сорвал на сцене маски с актёров, играющих комедию, и показал зрителям их настоящие лица, разве не расстроил бы он всего представления, и разве не прогнали бы его из театра каменьями, как юродивого? Ведь всё кругом мгновенно приняло бы новое обличье, так что женщина вдруг оказалась бы мужчиной, юноша – старцем, царь – жалким оборвышем, бог – ничтожным смертным. Устранить ложь – значит испортить всё представление, потому что именно лицедейство и притворство приковывают к себе взоры

зрителей. Но и вся жизнь человеческая есть не иное что, как некая комедия, в которой люди, нацепив личины, играют каждый свою роль, пока Хорег не уведёт их с просцениума… И ещё. Разве так уж опасно заблуждался тот аргивянин, помешательство которого выражалось лишь в том, что он целые дни просиживал в театре один-одинешенек, смеясь, рукоплеща, радуясь, как будто присутствовал при исполнении восхитительной трагедии, тогда как в действительности перед ним не было ни единого актёра. Во всех остальных житейских делах он вел себя вполне разумно и дельно.

Но когда родственникам удалось победить болезнь лекарствами, и он пришёл в себя, то немедленно стал жаловаться:

…Не спасли вы меня, а убили,
Други, – сказал он, – клянусь! Ибо вы наслажденье исторгли,
Отняли силой обман, что приятнейшим был для сознанья.

Каково? (Пауза.) Невероятно точно, не правда ли?

ТЕМКИН Скорее грустно. (Пауза.) Очень и очень жаль их.

ОЛЬГА Кого?

ТЕМКИН Да всех. И аргивянина, и семью его несчастную, и рабов. В конце концов, все умерли и ещё не факт, что тем сравнялись и примирились. Истина непостижима, свет в конце туннеля отсутствует. Неравенство и беспробудная тоска.

Входит Анна.

АННА Что уж рыбу-то жарить?

ОЛЬГА Стулья, стулья, Анюта. Рыба потом.

АННА Как скажете, сударыня. (Пауза.) Темкин, здесь осы. Целое стадо. Все поголовно влюблены в меня. Берегитесь. (Убегает.)

ТЕМКИН (Вслед.) Ты удочки-то верни мне.

АННА (Возвращается.) Ни при каких обстоятельствах. Пока не пообещаете мне твёрдо, что возьмёте с собой на рыбалку. (Убегает.)

Пауза.

ОЛЬГА Я, Дмитрий Ильич, пытаюсь осуществить давнюю свою мечту.

ТЕМКИН Что за мечта?

ОЛЬГА Я себе загадала, вот наступит старость, отойдёт вся эта бессмысленная тошнотворная суета, усядусь в кресло и стану читать. Сутки напролет. Читать, читать. Ничего делать не буду. Только читать.

АННА (Вносит поднос с заварным чайником и чашками.) То оно и вышло. Анюта чай носит, а Оленька романы читает.

ОЛЬГА Стулья, Анна!

Анна убегает.

ТЕМКИН Побойтесь Бога, Ольга Сергеевна. Где же это старость-то вы увидели?

ОЛЬГА Отставить комплименты, Дмитрий Ильич – не по адресу. (Пауза.) А, потом, знаете, старость имеет столько преимуществ. Вот как раз у Эразма о старости много справедливого сказано. Хотите, найду вам это место?

ТЕМКИН Нет, нет, благодарю. Я теперь над первой вашей цитатой весь день плакать буду.

ОЛЬГА Как вам будет угодно. (Поднимается, наливает Темкину чай.) Однако попомните мои слова, пройдёт совсем немного времени, и вы попросите у меня эту книгу.

ТЕМКИН (Смеётся.) Всё может статься.

ОЛЬГА Впрочем, зачем вам? Ваша голова отдыхает.

ТЕМКИН (Улыбается.) Из чего это следует? (Принимает чай.) Благодарю.

ОЛЬГА (Возвращается в кресло.) Проверено. Как только мозги у мужчин отключаются, их тотчас тянет на комплименты.

ТЕМКИН Не знаю, что вы за человек, Ольга Сергеевна? Романов не любите, комплиментами пренебрегаете. Опасно это.

ОЛЬГА Очень может быть, что вы и правы.

АННА (Волоча по полу, вносит пару стульев.) А вы, Темкин мне комплименты делайте. Мне они – в радость. Опять же, романы я люблю очень.

ТЕМКИН Какие же ты любишь романы?

АННА Всякие. (Игриво смеется, убегает.)

Пауза.

ТЕМКИН (Ольге.) Вы просто устали. За плечами много печальных событий, отец не совсем здоров…

ОЛЬГА Не то, чтобы устала. И проблем не больше чем у других. (Пауза.) И вот что, Дмитрий Ильич, не слушайте, когда вам говорят, будто я все ещё в трауре по своему покойному мужу. (Пауза.) Наш брак не был идеальным, мягко говоря. (Пауза.) Вот, кажется, сморозила чепуху. Какая-то растерянность со вчерашнего вечера. (Пауза.) О чём мы с вами говорили? Ах, да. (Пауза.) Не знаю, поймёте ли вы меня? Слишком много разочарований. Слишком.

ТЕМКИН Ну, знаете, без этого не бывает. Всё зависит от взгляда. Вы же понимаете, всякий предмет имеет и оборотную сторону. Кто-то назовёт это опытом.

ОЛЬГА Вы – доктор, вам положено так говорить.

ТЕМКИН (Вздыхает.) Был когда-то доктором, Ольга Сергеевна. Теперь всё в прошлом.

Пауза.

ОЛЬГА Сколько раз я просила вас называть меня Ольгой? Ольга – так просто, а мне было бы теплее.

Пауза.

ТЕМКИН Играете со мной, Ольга Сергеевна?

ОЛЬГА Отнюдь.

Пауза.

ТЕМКИН Да вот никак не могу настроиться. Это оттого, что вы на Дмитрия не соглашаетесь.

ОЛЬГА Если вы и впрямь галантный кавалер, как утверждает Анюта, и вам действительно хочется, чтобы я чувствовала себя моложе, так и должно быть – Дмитрий Ильич и Ольга, Ольга и Дмитрий Ильич.

ТЕМКИН Но в таком случае я выгляжу ископаемым. А это жестоко. Вглядитесь в меня хорошенько, что общего у меня с троглодитом?

ОЛЬГА Вы плохо выбриты.

Пауза.

ТЕМКИН А у меня закончились лезвия. (Пауза.) Нет, не то. (Пауза.) Я намерен отпустить бороду. Как у безбожного графа Льва Николаевича Толстого.

ОЛЬГА И писать станете?

ТЕМКИН К сожалению, всё уже написано. Вот выводов не сделано, а написано всё, поверьте.

ОЛЬГА Да и какой же вы Дмитрий? Дмитрий – землепашец, а вы сутки за удочками дремлете, да в гамаке валяетесь. (Пауза.) Попиваете втайне.

ТЕМКИН Кто вам сказал?

ОЛЬГА А иначе и быть не может. Это закон и аксиома.

Пауза.

ТЕМКИН А хотите, я принесу вам своего вина?

ОЛЬГА Нет.

ТЕМКИН Напрасно. Я своим вином горжусь. (Пауза.) А хотите, украду вас, и отнесу к себе? Вы же никогда не бывали у меня? Неужели вам не интересно?

Пауза.

ОЛЬГА Что это с вами сегодня, Дмитрий Ильич?

ТЕМКИН (Грустно улыбается.) Сам не знаю. Что-то с кровью. Шумит как игристое. Странное утро.

ОЛЬГА Это давление. Принести тонометр?

ТЕМКИН Я всё понимаю. И принимаю, все ваши чудачества. (Пауза.) Это мило. Пахнет стариной, но, Ольга Сергеевна, дорогая, игра ваша затянулась и уже смотрится абсурдом. (Пауза.) Да как же можно заточить себя до конца дней? За что? Чем вы провинились перед миром, и чем мир-то виноват? (Пауза.) Не угоден? Так это другое. Можно не любить его, отторгать – соглашусь, сам недоумеваю и раздражён не меньше вашего, но добровольное заключение?! Это уже попахивает самоубийством.

ОЛЬГА И довольно.

Пауза.

ТЕМКИН Впрочем, что я лезу к вам? Живите, как хотите!

ОЛЬГА Ну-ну-ну. Отставить уныние! (Пауза.) Вы, Дмитрий Ильич, наш лучший друг, ангел наш. (Пауза.) Мы вас любим так, как теперь не любят. Обожаем, боготворим вас. (Пауза.) В самом деле, что мы без вас? (Пауза.) Да если бы вам захотелось чего-либо от нас по-настоящему, неужели вы всерьез думаете, что вам было бы отказано? (Пауза.) Вот только вам ничего не надобно, если на чистоту. Вам ведь теперь покой дороже всего, не так ли? (Пауза.) Вам ведь не хочется сомнений, терзаний, боли, правда? (Пауза.) Вы с величайшим облегчением оставили все это в прежней жизни, верно?

ТЕМКИН Зачем вы так?

ОЛЬГА Это – правда. Чистая правда. И говорю я вам это не с упреком. Со мною ведь та же история приключилась. И если бы не болезнь отца, я, пожалуй, могла бы назвать себя счастливой.

ТЕМКИН Но неужели вам не одиноко?

ОЛЬГА А что такое одиночество – вы знаете?

ТЕМКИН Думаю, что знаю.

ОЛЬГА Нет, Дмитрий Ильич, не знаете и знать не можете, потому что мужчина. В одиночестве понимают только женщины, ибо по определению зависимы. Так вот, самая страшная форма одиночества – это одиночество вдвоём. Когда нет возможности и сил бороться за жизнь. Понимаете?

ТЕМКИН Вы обожжены первым браком.

ОЛЬГА Давайте уйдём от этой темы. (Пауза.) Между прочим, если бы нас связывало нечто большее, чем дружба, вы бы мне этого сделать не позволили.

Пауза.

ТЕМКИН (Смеётся.) Прихлопнула как комара.

ОЛЬГА Так уж и комара.

ТЕМКИН Очень странное утро. (Пауза.) Действительно хочется выпить.

ОЛЬГА Вот и подтверждение моих слов.

ТЕМКИН Чаю. (Смеется.)

Долгая пауза.

ОЛЬГА Скучаете по профессии?

ТЕМКИН Иногда. (Пауза.) Не смертельно. (Пауза.) Я же, вы знаете, в деревне иногда практикую. (Пауза.) Но, знаете, уже не в охотку. Как говорится, исключительно для поддержания штанов. (Пауза.) Мне с вами хорошо. Правда. (Оживляется.) Мог ли я в юности предположить, что когда-нибудь дни напролет буду проводить в обществе самого профессора Томилина?

ОЛЬГА (Вздыхает.) Теперь уж он не тот.

ТЕМКИН Для меня ничего не изменилось. (Пауза.) И потом, вы должны учитывать, что с годами прошлое делается ярче и, пожалуй, реальнее настоящего. (Пауза.) Нас в студенчестве одно упоминание его имени в дрожь вгоняло. Вам по причине родства, невдомёк, что такое профессор Томилин! Глыба! Никогда не признавал компромиссов. Любил говорить, что всякий компромисс – шаг в пустоту. (Пауза.) Мог и указкой ударить. Да вы и сами знаете – вы ведь точная копия своего отца.

ОЛЬГА Что вы? Мы совсем разные. Я – слабая женщина.

ТЕМКИН Это вы – слабая женщина?!

ОЛЬГА Конечно.

ТЕМКИНА Да будь вы слабой женщиной, Ольга Сергеевна, я бы уже давно всякое ваше утро превратил в розовый сад. Я бы, не сомневайтесь, сумел отвлечь вас от тяжёлых книг.

ОЛЬГА Я же просила вас, Дмитрий Ильич, целый монолог вам только что выдала.

ТЕМКИН Пожалейте, оставьте мне хоть слова.

ОЛЬГА А это – пожалуйста. Сколько угодно.

Пауза.

ТЕМКИН Вам же приятно, признайтесь, иначе быть не может?

ОЛЬГА Вы безнравственны, не находите?

ТЕМКИН Ольга Сергеевна, мы уже в той стадии своего развития, когда…

ОЛЬГА Дальше последует пошлость, пошлости я не люблю. А по сему, довольно пустых хлопот на сегодня. (Пауза.) И возьмите же, наконец, когда-нибудь Анну с собой на рыбалку. Я хоть отдохну от неё, в самом деле.

Пауза.

ТЕМКИН Весы – одно слово.

ОЛЬГА Что?

ТЕМКИН По гороскопу вы весы, если не ошибаюсь? Единственный неодушевлённый знак зодиака.

ОЛЬГА Вот-вот. Эта чертовщина и погубила всё.

ТЕМКИН Отчего же чертовщина? Древняя наука. (Пауза.) Я так думаю, Ольга Сергеевна, погубило нас то, что мы оказались неготовыми к возвращению библейских времён. Мы, видите ли, волею судеб, однажды зажмурились крепко и надолго. Веру подрастеряли, безбожниками не стали. Так, серединка на половинку. А тем временем всё движется по спирали, если вы помните. В космос слетали – пора к Вавилону возвращаться. А мы глаз-то ещё не открывали. Вот и получается: на дворе новое тысячелетие, уж новые чудеса на пороге, а мы все в черноте кромешной. И космоса толком не видели, и Второе пришествие проспим.

ОЛЬГА Вы всё шутите. Это хорошо. Говорят, продлевает жизнь, но не лечит, увы.

ТЕМКИН Я не шучу. Я всё плачу.

ОЛЬГА В таком случае, отчего бы вам ни вернуться в город? Там веселее. Работой вы были бы обеспечены. Квартиру вы не потеряли, насколько я знаю. Что же вы в Липки прозябаете? Дальше Липок места нет на земле – ваши слова.

ТЕМКИН Видите ли, у меня в городе сердце начинает пошаливать и кашель появляется.

ОЛЬГА Поверьте как старому другу, Дмитрий Ильич, шутка – не ваша амплуа.

ТЕМКИН И указкой по голове. Вылитый профессор.

Смеются.

ОЛЬГА С нами он всегда был ласков. (Пауза.) Даже чересчур.

Долгая пауза.

ТЕМКИН Что касается работы – в моей профессии руки требуются. Я ведь, Ольга Сергеевна, золотой скальпель имею – не сидеть же мне на приеме в амбулатории? (Пауза.) Не прав? (Ловит сочувствующий взгляд Ольги Сергеевны, улыбается.) Нет-нет, не думайте, со мной все хорошо. И, потом, у меня есть образец для подражания – вот ваш папенька тоже не у дел.

ОЛЬГА Он – другое. Он не у дел по убеждениям.

ТЕМКИН (Смеётся.) А знаете, я всегда разделял его убеждения.

ОЛЬГА Да-а-а?

ТЕМКИН Я, может быть, жалею, что не пустился в затворничество сразу же следом за ним.

ОЛЬГА Сами себе противоречите.

ТЕМКИН Из противоречий соткан человек.

ОЛЬГА Противоречия – не единственный материал. Это вам как верующему человеку должно быть хорошо известно. В противном случае, всё не имеет смысла.

ТЕМКИН Как вы сказали? Не имеет смысла? А ведь вы недалеки от истины. Вы ведь теперь в самую точку попали. Смысла нет. Если бы вы, дорогая Ольга Сергеевна, ещё сумели принять это сердцем, уверяю вас, следом незамедлительно наступила бы легкость необыкновенная.

ОЛЬГА И вы тотчас погрузили бы меня в пучину разврата.

ТЕМКИН Нет, серьёзно, разве не хочется вам быть лёгкой? Хотя бы один день? Почувствовать, что это такое?

ОЛЬГА Нет.

ТЕМКИН Чёрт возьми, даже ваша сказочная вредность, хотите – верьте, хотите – нет, вам, Ольга Сергеевна, к лицу! Ах, как жаль, что я не увязался за вами сразу! Быть может, начни я ухаживать раньше…

ОЛЬГА Слова?

ТЕМКИН Умолкаю с зияющей раной в груди. (Пауза.) Нет, нет, вам определённо показаны дамские романы.

ОЛЬГА Избави Бог.

Пауза.

АННА (Вносит новую пару стульев.) А оне всё спят и спят. Уж сколько можно спать? (Пауза.) Лежат, не шелохнутся. (Пауза.) Я уж думала померли. Ан, нет, он ручкой вот так повёл, по одеялу похлопал, как будто ищет кого, и снова спать.

ОЛЬГА Погоди-ка, ты что, подсматривала?

АННА Разумеется. (Пауза.) Между прочим, там, в гардинах притаилась оса. Сидела тихонько – их не трогала. Стоило увидеть меня – тотчас атака. Почему?

ОЛЬГА Ну что с ней делать, Дмитрий Ильич?

АННА (Задумчиво.) Ручкой вот так повёл. Кого-то искал. (Пауза.) Кого? Вот – вопрос. (Пауза.) Оленька, ты не знаешь, у них собаки нет? (Пауза.) Может быть, с ними собака живёт? Так зачем же они её к кроватям приучили? Уж собак в кровати пускать нельзя. Правильно я говорю, Дмитрий Ильич? (Пауза.) А вы что-то загрустили, Темкин. Не печальтесь. Сейчас будем завтракать. Хотите пирогов с яблоками?

ТЕМКИН (Улыбается.) Очень.

АННА Так уж будут вам пироги. (Хвастливо.) Я пекла. (Со знакомым грудным звуком убегает.)

ТЕМКИН (Ольге.) У вас гости?

ОЛЬГА Юлия. Наша младшая сестра. Со своим другом.

АННА (Вносит стулья.) С мужем (Убегает.)

ОЛЬГА Со своим другом.

ТЕМКИН У вас есть сестра?

АННА (Вносит ещё пару стульев.) Юлька. Наша младшенькая. Стерва, конечно. Но прекрасна, как Шахерезада. Прекраснее нас и моложе, что беспокоит мою мучительницу, сестру Ольгу.

ОЛЬГА Анна!

АННА Темкин, лучше теперь бегите прочь, не то Юлька проснётся и вскружит вам голову. Так уже было…

ОЛЬГА Анна!

АННА С покойным Николаем Ивановичем, Оленькиным мужем, Царствие ему небесное!

ОЛЬГА (Анне.) Я, в самом деле, выпорю тебя! Подумать только, какая подлость?!

АННА А сколько можно издеваться над Темкиным?! Уж Темкин и рыбки принесёт, и грибочков принесёт, и слова такие говорит, а она – точно изваяние.

ОЛЬГА Анна!

АННА Не боюсь тебя и всё! Темкин, я тайно влюблена в вас. Лучше вас никого нет. Ухожу краснеть и стыдиться своих слов. (Нарочито медленно уходит.)

ТЕМКИН (Смеётся.) Прелесть!

ОЛЬГА Надо с ней пожить сорок лет, чтобы оценить по достоинству.

Пауза.

ТЕМКИН А вы никогда не говорили о том, что у вас есть ещё одна сестра.

ОЛЬГА Она живёт в городе. Так что и говорить-то не о чем.

Пауза.

ТЕМКИН Ваша родная сестра?

ОЛЬГА Родная, как будто.

Пауза.

ТЕМКИН То-то я вижу – на въезде автомобиль. Небывалое зрелище для этих мест.

АННА (Вносит ещё пару стульев.) Ага, вы видели этого красавца?

ТЕМКИН Да.

АННА (С вызовом.) Ну и как он вам? Правда, на лошадь похоже? (Пауза.) Или все же на акулу? (Пауза.) Помогите мне разобраться, Темкин. Я терзаема сомненьями, честное слово. Акул я никогда не видела, разве что на картинках. С одной стороны, лошадиное в морде этой машины просматривается очевидно. Но, с другой стороны, есть в ней что-то определённо хищное. (Пауза.) Помогите мне, Темкин, вы то уж наверняка акул в своей жизни повидали?

ТЕМКИН Случалось. Одно время я работал в Гаване…

Анна, не дослушав Темкина, убегает.

ТЕМКИН Она мне слепой дождик напоминает. Правда, есть в ней что-то от слепого дождика?

ОЛЬГА Обожаемая вами легкость. Вот что, Дмитрий Ильич, у нас таблетки кончились. Вы бы раздобыли. Не собираетесь в деревню?

АННА (С новой парой стульев.) Никаких таблеток, Темкин! Они меня уморить хотят. (Убегает.)

ТЕМКИН Мне кажется, Ольга Сергеевна, Ольга, простите, вы много лекарства даете ей. Я же приносил вам только две недели назад.

ОЛЬГА У отца бессонница, у меня бессонница.

ТЕМКИН А уж вам-то с отцом и вовсе ни к чему. Заварите пустырника, мяты…

АННА (С новой парой стульев.) Вот-вот! И я им говорю! (Намеревается бежать.)

ОЛЬГА (Анне.) Стоп! Зачем столько стульев? Довольно!

АННА А откуда тебе знать, Оленька, сколько соберётся гостей?

ОЛЬГА Каких гостей, Анюта?

АННА Уж не знаю, только вещает моё сердечко! Уж если одна машина прорвалась…

ОЛЬГА Прекрати валять дурака! У меня от тебя уже голова заболела. Никого больше не будет, слышишь? Никого.

АННА А мальчик Алеша?

ОЛЬГА Анюта, я, как будто, просила тебя?..

АННА Ну, вот. Скажите, Темкин, кричала она сейчас на меня?

ТЕМКИН (Улыбается.) Не знаю, я не обратил внимания.

АННА Обратили, обратили. Уж как кричала то ещё! Просто вы, Темкин, интеллигентный человек, а потому стесняетесь сказать. А я вот только что сказала. Прямо в глаза ей сказала, – Оленька, ты стала покрикивать, имей это в виду. (Пауза.) Вы уж

привезите таблеток, доктор. Вот уж только не для меня, а для неё. И уж проследите, доктор, чтобы таблеточки шли по назначению. (Пауза.) А уж если человек выздоровел, так он уж выздоровел, и нечего его травить. Оне уже давно хотят отравить меня, Темкин. (Ольге.) Только кто вам будет пироги печь и самовары носить? Уж не знаю. Так, наверное, с голоду-то и издохти.

ОЛЬГА Боже мой, это что-то новенькое! Это что за «издохти»?

АННА А то и «издохти»! Вот Темкин знает. Спроси у него.

ТЕМКИН (Смеётся.) Ну, так что, Анюта, будешь ты меня пирогами кормить?

АННА Вас буду. А оне уж как хотят.

ТЕМКИН Не сердись на них.

АННА Как же не сердиться?

ТЕМКИН Они – хорошие.

АННА (Садится в кресло.) Да я знаю, что хорошие. Я жалею их, Темкин. И Юльку жалею, но больше всех – папочку.

Пауза.

ТЕМКИН А надолго они приехали?

АННА (С вызовом.) Навсегда.

ОЛЬГА Анюта, прошу тебя, оставь свои глупости, это же немыслимо всё утро молотить вздор.

АННА Почему вздор? Уж не думаешь ли ты, что им захочется уехать из такого-то рая? А когда они наших яблок отведают!..

ОЛЬГА Замолчи немедленно, дрянь!

ТЕМКИН Ольга Сергеевна, что случилось? Да вы не в себе. Я сразу не рассмотрел, а теперь вижу. (Пауза.) Что с вами? (Пауза.) Что случилось?

ОЛЬГА Случилось, Дмитрий Ильич. Случилось. (Пауза.) Вот, хотела сама принять решение, да что-то ничего не выходит, придется советоваться с вами. (Пауза.) Хоть вы и небриты. (Пауза.) Дело вот в чём. (Пауза.) Они приехали не просто так, в гости, но с определённой целью.

АННА Ой, да они соскучились, Оленька.

ОЛЬГА Приехали с определенной целью. Иного и быть не могло. Им до нас нет никакого дела, как и нам до них.

АННА Уж что ты такое говоришь?!

ОЛЬГА Они хотят отправить к нам, разместить здесь, расквартировать, не знаю, что ещё, поселить своего отпрыска – его сына от первого брака. Пятнадцатилетнего оболтуса, мотоциклиста…

АННА Уж сразу мотоциклиста!

ОЛЬГА …Он что-то там натворил, связался с компанией, проигрался в карты – не знаю. Одним словом, хотят его спрятать здесь на некоторое время…

АННА Юленька говорит – очень хороший мальчик.

ОЛЬГА …Привезли с собой огромные сумки. Суют мне какие-то деньги. Я, разумеется, сказала сестре, что если ещё раз увижу эту гадость, сожгу в печке…

АННА Уж мы небогато живём. Она – сестра наша. Могла бы и взять. Я – обветшалась.

ОЛЬГА …На большее меня не хватило. (Пауза.) Я, Дмитрий Ильич, не знаю, как отказать. (Пауза.) Не нахожу ни сил, ни слов. Издержки воспитания. (Пауза.) Куриная слепота. Обморок. Транс. Называйте, как хотите. Но, если отец, даст Бог, ещё как-нибудь выдержит приезд этой женщины, хотя их отношения почти разорваны, явление вольного юноши вне сомнений обернётся для него смертью…

АННА (На глазах слёзы.) Оленька, что ты говоришь?!

ОЛЬГА …притом мучительной смертью. У него, вы знаете, Дмитрий Ильич, уже был инсульт. Если его парализует, я попросту сойду с ума…

АННА (Плачет.) Оленька!

ОЛЬГА …А наследственность в нашем роду, как видите, тому располагает...

АННА (Сквозь слёзы.) Кого ты имеешь в виду, Оленька?

ОЛЬГА Эта компания – из *того мира*, понимаете, Дмитрий Ильич? До корней волос. Вы бы видели их манеры, как они одеты, какой запах от них исходит. Это запах борделя. Да что я вам втолковываю, когда вы машину их видели? Эти гости – крах, понимаете? (Пауза.) Четырнадцать лет здесь не было чужих. Мы прожили четырнадцать счастливых лет. (Пауза.) Отец, как будто помолодел. Анюта стала спокойнее.

АННА (Сквозь слёзы.) Что ты имеешь в виду, Оленька? (Пауза.) Ненавижу тебя, хоть ты и сестра мне! (Убегает.)

ОЛЬГА Вот видите – начинается. Я – в отчаянии!

Пауза.

ТЕМКИН Успокойтесь.

ОЛЬГА Я не знаю, что делать! Это – катастрофа!

Пауза.

ТЕМКИН Прежде всего, нужно успокоиться. Всё образуется. (Пауза.) Приедет парнишка, и что? (Улыбается.) Долой панику! Молодой крови попьём, Ольга Сергеевна, сами помолодеем.

Пауза.

ОЛЬГА Уф-ф, надо держать себя в руках. (Пауза.) Простите. (Пауза.) А вы немногим отличаетесь от Анюты.

ТЕМКИН Да что вы, в самом деле? Хотите, я возьму его к себе?

ОЛЬГА На пару вино пить будете?

ТЕМКИН Будем вместе встречать рассвет, ходить на охоту…

ОЛЬГА Нет-нет, это невозможно. Он всё равно будет являться к нам. Ругаться по матери.

ТЕМКИН Что же сразу ругаться?

ОЛЬГА Будет непременно. Теперь это у них государственный язык. Редко, когда простое слово проскочит. А в основном всё – матерщина. (Пауза.) Нет, отец не выдержит. (Пауза.) Мы все умрём. Безвыходная ситуация.

ТЕМКИН Мне думается, напрасно вы волнуетесь за Сергея Петровича, он – добрейший человек. (Пауза.) Знаете, однажды мы притащили к нему на лекцию ужа. Настоящего ужа. Вы же знаете, что он боится их, точно змей….

ОЛЬГА Перестаньте заговаривать мне зубы.

ТЕМКИН Ольга, да что с вами? Я вас не узнаю.

ОЛЬГА Я сама себя не узнаю.

ТЕМКИН Все будет хорошо. (Пауза.) А не кажется вам, Ольга Сергеевна, что мы сегодня представляем для них большую опасность, нежели они для нас?

ОЛЬГА О чём вы?

ТЕМКИН Да они же как дети.

ОЛЬГА Не знаю, не знаю. (Прислушивается.) Ну, вот, накликала, как будто, идут. (Берёт в руки книгу, делает вид, что читает.)

В сопровождении Анны Сергеевны входит Юлия Сергеевна.
Юлия – в шелковом пеньюаре, на Анюте шелковый красный платок.

АННА Мне подарен платок. Я не сниму его до конца дней. Фразы о том, что всякий дурачок любит красненький клочок, я не знаю и знать не желаю.

ЮЛИЯ Аннушка, ну что ты такое говоришь?! Это очень модный платок. Я покупала его для себя. В Брюсселе. В очень дорогом магазине.

АННА (Темкину.) Красавица наша!

ЮЛИЯ (Замечает Темкина.) Ой, простите, я вас не увидела.

ТЕМКИН (Поднимается с кресла.) Темкин Дмитрий Ильич, сосед и нахлебник.

ЮЛИЯ Очень приятно. Юлия. (Пауза.) Вы уж меня простите, я ещё от сна отойти не могу. Здесь так дивно спать! (Пауза.) Как же хорошо в Липках! Какой воздух!

(Пауза.) А я ведь здесь была в последний раз, когда мне… погоди-ка, дай вспомнить… да, мне тогда исполнилось одиннадцать. Мы отмечали мой день рождения. (Пауза.) Тетя Лиза ещё была жива. (Пауза.) Оля, ты слышишь меня?

ОЛЬГА (Отрывается от чтения.) А, это ты? Уже проснулась? Прости, я увлеклась чтением. Здравствуй, Юленька. (Откладывает книгу.)

ЮЛИЯ Оля, ты помнишь, когда я была здесь в последний раз?

ОЛЬГА А разве ты была здесь?

ЮЛИЯ Ну, конечно. (Пауза.) Ты что же, всё забыла?

ОЛЬГА Садись. Скоро будем завтракать.

Анна и Юлия рассаживаются в кресла. Пауза.

АННА (Юлии шепотом.) Она всё помнит. (Пауза.) Немножко сердится на тебя, за то, что ты так долго не приезжала, но ты знаешь, она отходчивая. (Пауза.) Всё будет хорошо.

Пауза.

ЮЛИЯ Оленька, а в каком году умерла тётя Лиза?

ОЛЬГА Не знаю. Это у папы следовало бы спросить. (Пауза.) Но лучше этого не делать. Упоминание смерти всякий раз расстраивает его. (Пауза.) С ним теперь нужно говорить о яблоках.

Пауза.

ЮЛИЯ Он совсем плох?

ОЛЬГА Напротив. Если ты помнишь, он собирается жить до трехсот лет, с этой целью пьёт эликсир собственного изготовления. У него как будто даже стало меньше седины.

Пауза.

ЮЛИЯ Он всё ещё верит в это?

ОЛЬГА Больше, чем прежде.

Пауза.

ЮЛИЯ Наверное, это хорошо. Человек должен во что-то верить.

Пауза.

ТЕМКИН А вы, Юлия Сергеевна, находите это невозможным?

ЮЛИЯ А вы полагаете, что это – не чудачество?

ТЕМКИН Нет.

ОЛЬГА И вы туда же, Дмитрий Ильич?

ТЕМКИН Случаи долголетия – исторический факт. В Китае Лао-Цзын прожил пятьсот лет. Ему установлена статуя, предмет паломничества жаждущих бессмертия. (Пауза.) Конечно, выглядел он к концу жизни, судя по изображению, далеко не красавцем, но для того, чтобы прожить пять веков чем-то приходится жертвовать.

ОЛЬГА Опять вы со своим Китаем? Неужели вы не понимаете, что у них всё не так, как у обыкновенных людей.

ТЕМКИН Ну что же я могу поделать, если меня чрезвычайно занимает Китай? Особенно терракотовая армия. Ведь для чего-то была же она создана?

ОЛЬГА У них жизнь не месяцами, а тысячелетиями измеряется.

ТЕМКИН Так и должно быть, Ольга Сергеевна. В идеале так и должно быть.

ОЛЬГА Не знаю, не знаю.

АННА Не знаешь, так молчи. А я верю в папочкино бессмертие. (Пауза.) Только бы его не парализовало.

ОЛЬГА Анюта, опять глупости?

Пауза.

АННА Темкин, а паралитики очень страдают?

ТЕМКИН Конечно.

АННА Очень-очень?

ТЕМКИН Да, Аннушка.

АННА Ах, как жаль! Надо бы не допустить этого.

ОЛЬГА Анна!

Пауза.

АННА (Юлии.) А ваш Алёша точно приедет?

ЮЛИЯ Не знаю. Он, к сожалению, часто не держит слова.

АННА Но он – хороший мальчик?

ЮЛИЯ Он добрый. Только не волевой. (Пауза.) Это – наша вина. (Пауза.) Получается, что нам некогда заниматься с ним. Так много дел.

ОЛЬГА И у тебя дела?

ЮЛИЯ А как же? Анатолию Павловичу одному не управиться.

Пауза.

ОЛЬГА А где родная мать Алеши?

ЮЛИЯ Погибла.

Пауза.

ОЛЬГА А как она погибла?

ЮЛИЯ Покончила с собой.

Пауза.

ОЛЬГА А каким способом она покончила с собой?

ЮЛИЯ Утопилась. В ванне. Но зачем тебе эти подробности?

Пауза.

ОЛЬГА А вы с Анатолием Павловичем уже были знакомы к тому времени?

ЮЛИЯ Да, но какое это имеет значение? (Пауза.) Мы были всего лишь друзьями. (Пауза.) Это никак не связано… (Пауза.) На что ты намекаешь? (Пауза.) Ольга, по-моему, мы уже давно объяснились. (Пауза.) И условились не вспоминать былое. И ты поняла меня. И мы простили друг друга. И всё это уже в прошлом. И быльём поросло. И, в конце концов, это жестоко…

ОЛЬГА И довольно об этом.

Долгая пауза.

АННА Как своим, без передачи, признаюсь, я тоже потихоньку пью папочкин эликсир.

ЮЛИЯ А сколько ты намерена прожить?

АННА Триста сорок семь лет.

ОЛЬГА Скажи на милость, откуда такая точность?

АННА Мне очень нравится это число. Только не спрашивайте почему. Уж я и сама не знаю. (Пауза.) Хотите, я и вам принесу? У него огромная бутыль, так что он и не заметит.

ОЛЬГА Нет уж, уволь.

Пауза.

АННА Юленька, будешь?

ОЛЬГА Мне бы теперь яду.

АННА И яд у папочки есть. Но яду я тебе не дам. Я не знаю, где он у него лежит. А вы, Темкин, не желаете эликсира?

ТЕМКИН А я больше вино люблю.

ЮЛИЯ Послушайте, мы же привезли роскошное вино! И много других вкусностей. Анюта, ты разобрала сумки?

АННА Оленька запретила мне.

ЮЛИЯ Оля, почему?

АННА Нам это вредно.

Пауза.

ЮЛИЯ Что же, везти всё назад?

АННА Разумеется. А на что ты рассчитывала?

Пауза.

ЮЛИЯ Ольга, прошу тебя, не нужно обижать нас. Если бы не безвыходность ситуации, поверь, мы бы не потревожили вас. Очень жаль мальчишку. Хоть он и не родной мне…

ОЛЬГА Юля, ещё раз говорю, нам эта пища не годится. (Пауза.) У отца неблагополучно с желудком. (Пауза.) Он не удержится. Вы уедете, а мне потом возиться с ним?

Пауза.

АННА Оленька, может быть, один раз, в порядке исключения, как-нибудь можно?

ОЛЬГА И не уговаривайте.

ЮЛИЯ Ну, не знаю. (Пауза.) Я думала, мы все вместе посидим, отпразднуем встречу. (Пауза.) Так долго не виделись.

ОЛЬГА В конце концов у нас есть и своё вино, правда, Дмитрий Ильич?

ТЕМКИН Да, ещё какое! Принести?

ОЛЬГА Не нужно пока.

Долгая пауза.

АННА Юленька, а твой кавалер не будет ругаться, что ты отдала мне свой платок из Брюсселя?

ОЛЬГА Анюта!

ЮЛИЯ Нет, Аннушка, он не будет ругаться. Он будет очень рад. А когда увидит тебя в нём, возможно, что и счастлив.

Пауза.

АННА Что, идёт мне платочек?

ЮЛИЯ Очень.

Пауза.

АННА А вы что скажете, Темкин?

ТЕМКИН Замечательно идёт. Только ты его поноси немного и сними, ещё тепло, не по сезону сейчас.

Пауза.

АННА Завидуете мне, Темкин?

ТЕМКИН Не без этого.

Долгая пауза.

АННА Что же, Юленька, твой кавалер все ещё спит?

ОЛЬГА Анна!

ЮЛИЯ Анатолий Павлович проснулся. Приводит себя в порядок. Сейчас спустится.

АННА Он у тебя красавец-мужчина, Юленька. Имей это в виду. (Пауза.) Он у тебя принц. Ты его далеко от себя не отпускай. (Шепотом.) Знаешь, он давеча так на Ольгу смотрел…

ОЛЬГА Анна!

Пауза.

АННА Ну, так что уж, нести пироги?

ОЛЬГА Подождём отца.

В ярком белом костюме входит Ремезов.

РЕМЕЗОВ Всем доброе утро.

АННА (Юлии шепотом.) Как есть Гамлет. Уж где ты его нашла?

РЕМЕЗОВ (Анне.) Вы что-то сказали?

АННА (Игриво.) Я вот всё размышляю, а не лучше ли было бы вам завести настоящую лошадь?

РЕМЕЗОВ О чём вы?

АННА Ваша машина напоминает лошадь, не правда ли? Вот я и думаю, не лучше было бы вам завести настоящую, то есть подлинную лошадь.

РЕМЕЗОВ (Смеётся.) Ах, вот оно что? Я как-то не задумывался об этом.

АННА А вы призадумайтесь.

РЕМЕЗОВ Хорошо. (Темкину.) Мы, кажется, не знакомы, я – Ремезов. Анатолий Павлович.

ТЕМКИН Дмитрий Ильич. Темкин.

Обмениваются рукопожатием. Пауза.

ОЛЬГА Хотите чаю, Анатолий Павлович?

РЕМЕЗОВ Откровенно говоря, я поклонник кофе.

ОЛЬГА Простите, кофе не держим. Нам очень вредно.

РЕМЕЗОВ Напрасно вы думаете, что кофе вреден. Вот я совсем недавно читал…

АННА А мне кажется, лошади вполне способны говорить, только ими никто не занимается всерьёз. Не правда ли?

Пауза.

РЕМЕЗОВ (Смеётся.) Я как-то не задумывался об этом.

Пауза.

АННА А вы видели их глаза?

РЕМЕЗОВ Видел.

АННА И что?

ОЛЬГА Присаживайтесь, Анатолий Павлович, только вот это кресло не занимайте, это папино кресло, он должен вот-вот проснуться и будем завтракать.

Ремезов садится на стул. Пауза.

ТЕМКИН (Поднимается.) У меня есть кофе, я принесу. Я здесь неподалеку живу. Сосед, так сказать.

РЕМЕЗОВ Да что вы, не беспокойтесь, я и чаю выпью.

Темкин возвращается в исходное положение. Анна Сергеевна наливает Ремезову чай.

РЕМЕЗОВ (Делает глоток.) Отменный чай. Прекрасно. (Пауза.) Давно не пил чаю. (Пауза.) А знаете, вы правы, здесь, на природе нужно пить именно чай. (Пауза.) Всё же китайцы – мудрый народ. Зря говорят, что они глуповаты. Это впечатление создается оттого, что они плохо знают наш язык. (Пауза.) Мне приходилось иметь дела с китайцами, и, доложу вам, они производят самое приятное впечатление.

ТЕМКИН Вы увлечены Китаем?

РЕМЕЗОВ Не то, чтобы увлечен.

ТЕМКИН А чем вы занимаетесь, если не секрет?

РЕМЕЗОВ Раньше – всем понемножку. Всякое дело не считал для себя зазорным. Занимался спортом. Потом учился. Много учился. Ходить, одеваться, говорить. (Смеется.) Вот я вижу у вас в руках книгу, Ольга Сергеевна. Приходилось и мне много читать. (Пауза.) Однако столько книг как в вашем доме не встречал, честное слово. (Пауза.) Простите, отвлекся. Ну, так вот, со временем пришлось выбрать что-то одно. Сконцентрировался на игорном бизнесе.

ОЛЬГА Простите?

РЕМЕЗОВ Казино, игорные дома, бильярдные. Одним словом, слуга азарта. (Пауза.) Хотя сам не азартен. (Пауза.) А знаете, азартному человеку в игорном бизнесе долго не продержаться. Парадоксально, но факт. (Пауза.) В игорном бизнесе главное быть предельно внимательным и, разумеется, уметь считать. (Пауза.) Деньги. (Смеется.) Вот,

собственно, и вся наука. (Смеется.) Спрашивается, зачем столько читал? Все равно ничего не отложилось. (Смеется.) Шучу. (Пауза.) Я ведь прежде был биатлонистом.

Долгая пауза.

ОЛЬГА Вам, наверное, не очень комфортно здесь? Все так простенько.

РЕМЕЗОВ (Машет руками.) Что вы, я и сам простой человек, и люблю всё простое.

Пауза.

ОЛЬГА Биатлон – это?..

РЕМЕЗОВ Бег, стрельба по мишеням.

ОЛЬГА А по людям?

Пауза.

РЕМЕЗОВ Не понял, виноват.

ОЛЬГА По людям доводилось стрелять?

РЕМЕЗОВ Нет, что вы? Зачем?

АННА (Шепчет Юлии на ухо.) Очень добрый человек. Ни на минуту не отпускай!

ОЛЬГА Анна!

Долгая пауза.

РЕМЕЗОВ Что же это за чай такой?

АННА Мы не знаем. Нам Дмитрий Ильич привозит из деревни в кулёчках, а на кулёчках ничего не написано.

ТЕМКИН Самый обыкновенный грузинский.

РЕМЕЗОВ Как? У вас ещё продают грузинский чай?

ТЕМКИН Представьте себе. И даже «чатку». Помните «чатку»?

РЕМЕЗОВ Нет.

ТЕМКИН Был такой деликатес. Для всех. (Пауза.) В прошлом веке.

РЕМЕЗОВ Не сталкивался, к сожалению.

Долгая пауза.

РЕМЕЗОВ Насколько я смог рассмотреть, дом уже очень старый. Половицы рассохлись. Надо бы ремонт затеять.

ЮЛИЯ Анатоль, хочешь, пока папа не проснулся, я покажу тебе знаменитый томилинские яблони?

ОЛЬГА Юля, отец любит сам показывать свои яблони. (Пауза.) Извините, Анатолий Павлович. Он уже скоро проснётся, вы сможете осмотреть и сад. (Пауза.) Сад тоже в упадке, ухаживать особенно некому, но мы его любим таким, какой он есть.

РЕМЕЗОВ Да я, собственно…

ОЛЬГА Он вам и виноград покажет, и груши.

РЕМЕЗОВ Да, да, конечно.

Долгая пауза.

РЕМЕЗОВ Вы меня простите, Ольга Сергеевна, я, в виду расположения к вам хочу сказать одну вещь, без обид, это вам пригодится в будущем… Вы уж, Ольга Сергеевна, никогда не спрашивайте, приходилось ли тому или другому убивать. Правды вам никто не скажет, а насторожиться могут. (Пауза.) Только, умоляю, ко мне это не относится. (Пауза.) Это – на будущее. Мало ли с кем вам придётся иметь дело.

ОЛЬГА Благодарю вас, Анатолий Павлович, впредь буду осторожнее.

РЕМЕЗОВ Осторожность здесь как раз ни при чём…

ОЛЬГА Я усвоила.

Пауза.

РЕМЕЗОВ Еще раз простите меня.

ОЛЬГА Да не за что мне прощать вас.

Пауза.

ТЕМКИН (Ремезову.) Что, много теперь убивают?

РЕМЕЗОВ Да, к сожалению. (Пауза.) Прямо скажем, неспокойно. (Пауза.) Но знаете, былого напряжения, тревожного ожидания, паники уже нет. Человек ко всему

привыкает. (Пауза.) Вот я обратил внимание, что на похоронах теперь меньше плачут. Памятники стали как будто менее приметными. (Пауза.) Всё встало на свои места: тело – это тело, душа – это душа. И не нужно путать одно с другим. (Пауза.) К телу стали относиться проще. Например, из тел делают скульптуры. Очень неплохие. Я был на такой выставке в Германии. Всё очень достойно. (Пауза.) Например, появились такие полуофициальные кафе, для избранных, где можно попробовать особым образом приготовленное человеческое мясо. (Пауза.) Например, через некоторое время, мы сможем тела своих близких не зарывать в землю, но забирать к себе домой. Согласитесь, тело много лучше, нежели горстка пепла или выцветшая фотография.

ТЕМКИН Кстати, история знает подобные случаи. В том же Китае двое уже пожилых людей оставили себе тело умершей своей матери. У покойницы была отдельная комната. Каждое утро перед завтраком, они выносили её в обеденную комнату, усаживали вместе с собой за стол, разговаривали с ней, отмечали семейные праздники и так дальше.

РЕМЕЗОВ Это очень гуманно и разумно.

ОЛЬГА Но, может быть, достаточно об этом?

РЕМЕЗОВ Ой, простите великодушно, я, кажется, увлёкся, совсем забыл, что нахожусь в женском обществе.

ОЛЬГА Да нет, ничего страшного. Мы все здесь, кто-то больше, кто-то меньше, имеем отношение к медицине. Просто тема, согласитесь, не к завтраку.

ЮЛИЯ Видишь ли, Оленька, это для Анатолия Павловича – наболевшее. Он безумно влюблен, думаю, что и по сей день, в свою супругу, и, после её смерти пытался проделать с ней этот фокус.

РЕМЕЗОВ Юлия, мне бы не хотелось...

ЮЛИЯ Да что уж, Анатоль, здесь все свои. Так вот. Ни моего, ни Алешиного совета, он разумеется не спросил…

РЕМЕЗОВ Неправда. Я говорил с сыном. Он был очень рад. Ты знаешь, как он был привязан к матери!

ЮЛИЯ Только он не учел, что не все мыслят так же прогрессивно. Слава Богу, ему даже за большие деньги не разрешили сделать этого.

ТЕМКИН И чем же, интересно, они аргументировали, Анатолий Павлович?

РЕМЕЗОВ Тем, что подобный проект существует, но пока находится в стадии разработки. А пока решение будет приниматься, покойницу следует захоронить. Хотя бы временно. Но, сами понимаете, пока вся эта волокита закончится, тело уже превратится в тлен.

Пауза.

ЮЛИЯ Он думает, что я не догадываюсь, зачем ему понадобилось тело.

РЕМЕЗОВ Юленька, опомнись!

ЮЛИЯ (Ремезову.) Я знаю о тебе много больше, чем ты думаешь!

РЕМЕЗОВ А вот этого ты мне не говорила, хорошо?

ОЛЬГА Ну, всё. Успокойтесь.

Пауза.

ЮЛИЯ (Ремезову.) Я, между прочим, в том числе, думаю и о покойной. Она была приличной женщиной. Я ни разу не услышала от неё упрека в свой адрес. Так что, нужно иметь хоть каплю уважения! Не думаю, что, зная о твоих планах, она позволила бы тебе сотворить с собой такое.

ОЛЬГА Успокойся!

Пауза.

РЕМЕЗОВ Ещё раз прошу великодушно простить меня.

ОЛЬГА Забудем об этом.

Долгая пауза.

АННА Какой вы интересный человек, Анатолий Павлович!

РЕМЕЗОВ (Улыбается.) Правда?

АННА Очень. Очень. (Пауза.) С вами должно быть, так хорошо мечтать. (Пауза.) Мне ведь здесь совсем не с кем мечтать. (Пауза.) Темкину до меня нет дела – он увлечен Ольгой. (Пауза.) Разве только с папочкой. Папочка понимает меня, но всё время спит. (Пауза.) Я бы вам доверилась, Анатолий Павлович.

РЕМЕЗОВ (Улыбается.) Спасибо.

Пауза.

АННА (Ремезову.) А хотите, я убью себя, и подарю вам своё тело? Здесь вам не запретят играть с ним. Это край света. Здесь никого не бывает.

РЕМЕЗОВ Не понял. Что вы такое говорите? (Пауза.) Что она такое говорит? (Пауза.) Вы шутите? (Пауза.) Пожалуйста, не нужно шутить такими вещами.

АННА (Ремезову.) Вы испугались, Ремезов? Можно я буду называть вас Ремезов? Я всегда называю по фамилии тех, кому доверяюсь. И в этом нет никакой пошлости. Скажите, вы испугались, Ремезов?

РЕМЕЗОВ Не то, чтобы испугался, но как-то…

АННА Вы привыкнете ко мне, и не станете пугаться.

РЕМЕЗОВ Да, но я, в известной степени…

АННА Я могу показаться вам немного странной, но, поверьте, я очень и очень хорошая.

РЕМЕЗОВ Безусловно, просто…

АННА В прежней жизни я была осой. Бессмысленным, но полным любви существом. Я это только сегодня поняла.

РЕМЕЗОВ Это любопытное наблюдение…

АННА Идёт мне Юлькин платок, как вы находите?

РЕМЕЗОВ Очень.

ОЛЬГА Анна, мне придётся выпороть тебя!

АННА Нет! За что?! Нет! (Пауза.) И что уж ты все время одёргиваешь меня? В кои веки встретила человека, которому можно довериться, и вновь ты одёргиваешь меня. (Глядя на Ольгу Ремезову шепотом.) Приезжайте чаще, Ремезов.

РЕМЕЗОВ Хорошо.

Пауза.

АННА Скажите, а вы не могли бы раздобыть ламу?

РЕМЕЗОВ Какую ламу?

АННА Настоящую южноамериканскую ламу.

РЕМЕЗОВ А на что вам лама?

АННА Разве вы не догадываетесь?

РЕМЕЗОВ Признаться, не догадываюсь.

АННА Только представьте, в нашем саду, среди тенистых яблонь путешествует настоящая лама. Представляете? (Пауза.) Представили?

РЕМЕЗОВ Откровенно говоря…

АННА Приезжайте, если даже не найдете ламы.

РЕМЕЗОВ (Улыбается.) Хорошо.

Пауза.

АННА Вы понравитесь папеньке.

РЕМЕЗОВ (Улыбается.) Очень рад.

Пауза.

АННА Вы мне очень понравились, а, значит, и папеньке понравитесь.

РЕМЕЗОВ (Улыбается.) Очень рад.

Пауза.

АННА Биатлонист. Вы настоящий биатлонист, Ремезов. Я представляла себе биатлонистов именно такими как вы.

РЕМЕЗОВ (Улыбается.) Спасибо.

ЮЛИЯ Нашли друг друга.

АННА (С вызовом.) Нашли.

Пауза.

РЕМЕЗОВ (Ольге.) Я надеялся познакомиться с вашим отцом ещё вчера…

ОЛЬГА Вы слишком поздно приехали, он в это время уже готовится ко сну. Но он знает, что вы здесь. (Анне.) Анюта, папа знает, что Юленька приехала не одна?

АННА Не беспокойтесь сестрица, он всё знает. (Пауза.) Только я, Анатолий Павлович, сказала, что вы пришли пешком.

РЕМЕЗОВ Пешком?

АННА Да.

Пауза.

РЕМЕЗОВ Но почему пешком?

АННА Он очень не любит машин.

РЕМЕЗОВ Вот как?

АННА Да.

Пауза.

РЕМЕЗОВ Странно…

ЮЛИЯ (Ремезову.) Я говорила тебе, что он боится машин. Ты просто забыл. (Пауза.) Он всегда боялся машин. (Пауза.) Преимущественно из-за нас. (Пауза.) Боялся, что мы можем оказаться в катастрофе. И мы всегда ездили на трамвае. Или ходили пешком. (Пауза.) Хотя ему полагалась машина. Он был крупным учёным, и ему полагалась машина. (Пауза.) Действительно, лучше не говорить ему, что мы приехали на машине.

Пауза.

РЕМЕЗОВ Да, но пешком сюда дойти невозможно...

ЮЛИЯ Возможно, Анатолий Павлович, возможно. Если очень – очень захотеть, возможно.

Пауза.

РЕМЕЗОВ Да, но что он подумает обо мне?

ЮЛИЯ Хорошо подумает. Он очень любит простых людей. (Пауза.) Подумает, что мы следим за здоровьем, ведём активный образ жизни.

РЕМЕЗОВ Как будет угодно. Конечно.

Пауза.

ОЛЬГА И в игорном бизнесе папа тоже не очень разбирается. Боюсь, что в этом вопросе он не сможет стать вам достойным собеседником.

РЕМЕЗОВ А вот это вы зря. Знаете сколько у нас старичков в казино? Не поверите, они просто живут там.

ОЛЬГА Папа – другой.

РЕМЕЗОВ Да что же вы никогда не играете в карты? Вечером, на свежем воздухе – это такое удовольствие…

ОЛЬГА Мы – другие, Анатолий Павлович.

РЕМЕЗОВ Ну, что же. (Пауза.) И всё же странно…

ОЛЬГА Другие.

Пауза.

РЕМЕЗОВ Здесь можно курить?

ОЛЬГА Да, конечно.

Ремезов извлекает из нагрудного кармана сигару.

ОЛЬГА Ой, простите, ради всего святого, Анатолий Павлович, возьмите лучше папиросу?

РЕМЕЗОВ Папиросу?

ОЛЬГА Да. Вы же давно не курили папирос?

РЕМЕЗОВ Я никогда их не курил.

ОЛЬГА Правда? А вы попробуйте. Необычный вкус. И потом, очень-очень полезно.

РЕМЕЗОВ (Прячет сигару.) Нет, нет, благодарю. (Пауза.) Я это по инерции. Просто немного растерялся и забыл, что никогда не курю на природе. (Пауза.) Свежий воздух. Грешно. (Пауза.) Вообще я курю редко. Только когда волнуюсь.

ОЛЬГА А вы волнуетесь?

РЕМЕЗОВ Есть немного. Сам не знаю, почему.

Пауза.

АННА (Ремезову.) У нас только папочка курит сигары. Если он услышит, что кто-нибудь ещё курит сигары, очень расстроится. А мы не хотим, чтобы он расстраивался.

ОЛЬГА Анна, что ты придумываешь?

АННА Я не придумываю. (Ремезову.) У него огромная коробка с трофейными сигарами. Ему подарили после войны. (Смеется.) Он думает, что, коль скоро прошло так много времени, теперь он единственный обладатель сигар на всем белом свете.

ОЛЬГА Анна, балаболка!

АННА Я не балаболка – я Аннушка. (С высоко поднятой головой уходит в дом.)

РЕМЕЗОВ Она забавная.

ОЛЬГА Очень.

Долгая пауза.

РЕМЕЗОВ (Темкину.) Вы здесь круглый год живете?

ТЕМКИН Да. У нас здесь, знаете ли, что-то наподобие коммуны. В деревню – только по необходимости. В город – никогда. Чтобы не случилось. (Пауза.) Этакий, знаете ли, Иерихон.

Пауза.

РЕМЕЗОВ Не любите город?

ТЕМКИН Нет. И никогда не любил.

РЕМЕЗОВ А я вот был горожанином по призванию. Шум, суета – все это приятно будоражило, вдохновляло. (Пауза.) Так было до недавнего времени. (Пауза.) Да. (Пауза.) А теперь вот, кажется, завидую вам. Будь моя воля, я бы поселился здесь. Так тихо, покойно.

ТЕМКИН Оставайтесь.

РЕМЕЗОВ (Горько улыбается.) Да, когда такое было бы возможно.

ТЕМКИН Трудно сделать первый шаг. Мы неохотно расстаёмся со своими привычками, боимся рвать связи, которые нередко и не нужны нам уже давно, и в тягость. Но, зато, если уж выбор сделан, поверьте мне, наступают счастливые дни безмятежности.

РЕМЕЗОВ Нет, нет, мне нельзя вас слушать. Велик соблазн, знаете ли.

ТЕМКИН От нас, если уж объективно, мало что зависит. Как говорится мы – предполагаем…

РЕМЕЗОВ Полностью согласен с вами.

Пауза.

ТЕМКИН А вообще мечты исполняются, не обращали внимания?

РЕМЕЗОВ Да. Есть такое наблюдение.

Пауза.

ТЕМКИН Здесь такая тишина!

РЕМЕЗОВ Да.

Пауза.

ТЕМКИН Любите тишину?

РЕМЕЗОВ Очень.

ТЕМКИН Приезжайте к нам поздней осенью или зимой. Когда мы молчим.

РЕМЕЗОВ Как понять, молчим?

ТЕМКИН Очень просто. Иногда до пяти суток доходит, когда никто из здесь присутствующих, а равно и отсутствующих, но проживающих здесь не произносит ни единого слова.

РЕМЕЗОВ И у вас выходит?

ТЕМКИН А почему бы и нет? Мы так долго вместе, что научились слышать друг друга без слов. Вот выпадает снег, и мы умолкаем. Колоссальное удовольствие! В такие дни из тишины можно снежных баб лепить.

РЕМЕЗОВ Чудеса, да и только.

ТЕМКИН Уж чего-чего, а чудес у нас хватает.

Долгая пауза.

ТЕМКИН (Ремезову.) Я только вот чего не могу понять, зачем они все же с воробьями расправились? В этой истории всё не так просто и присутствует, на мой взгляд, нечто над нашим пониманием. Вам не кажется, Анатолий Павлович, что во всём этом кроется какой-то особенный, неведомый нам смысл?

РЕМЕЗОВ О чём вы, Дмитрий Ильич?

ТЕМКИН Да о китайцах же.

Пауза.

РЕМЕЗОВ О китайцах?

ТЕМКИН Ну да, вам же приходилось иметь с ними дело?

РЕМЕЗОВ Ах, вы о китайцах? Честное слово, не знаю. (Пауза.) Затрудняюсь ответить. (Пауза.) А что случилось с воробьями?

ТЕМКИН Китайцы истребили их. (Пауза.) Днём и ночью ходили с колотушками, не давая им присесть. Ну и, одним словом, воробьи погибли. Васе до одного. (Пауза.) Потом это обернулось трагедией для сельского хозяйства, но бедных птичек уже было не вернуть. (Пауза.) Такая, казалось бы, бессмысленная тварь, не стой той же осы, а вот видите, оказывается, приносила пользу.

Анна в новом платье, с прикреплённым к лифу ярким бумажным цветком в тон платку входит и принимается дефилировать по веранде, тщетно пытаясь привлечь внимание окружающих.

РЕМЕЗОВ Воробьёв действительно стало меньше. Я заметил.

ТЕМКИН Правда?

РЕМЕЗОВ Да, да. Я ещё удивился: что-то ни воробьёв, ни голубей не стало. Раньше шагу было не ступить, а теперь всё больше вороны.

ТЕМКИН Интересно. Почему так?

РЕМЕЗОВ Вороны разумнее.

ТЕМКИН Думаете, в этом причина?

РЕМЕЗОВ Конечно.

ТЕМКИН Скажите, а что вы думаете по поводу терракотовой армии?

РЕМЕЗОВ По какому поводу?

ТЕМКИНА Терракотовая армия, не может быть, чтобы вы ничего не слышали о ней.

Оса пытается атаковать Ремезова. Он неподвижен, некоторое время следит за ней взглядом, наконец, резким движением руки ловит её в кулак. Смеётся.

РЕМЕЗОВ У вас осы.

АННА Отпустите её! Немедленно отпустите её!

РЕМЕЗОВ Она может укусить.

АННА Почему вы так решили?

РЕМЕЗОВ Знаю.

Пауза.

АННА А вас когда-нибудь кусали?

РЕМЕЗОВ Они меня боятся.

АННА А меня любят. Немедленно отпустите осоньку!

РЕМЕЗОВ (Отпускает осу.) Пожалуйста.

АННА (Невидимой осе.) Лети ко мне, моя хорошая. (Пауза.) Не хочешь? Обиделась? (Пауза.) Ну вот, теперь она и на вас обиделась. (Пауза.) А на меня ещё давеча обиделась. (Пауза.) Не повезло ей с нами.

РЕМЕЗОВ Прилетит ещё.

Долгая пауза.

Точно гром тишину разрывают аккорды Первого концерта Чайковского.

АННА Папа проснулся! (Убегает.)

Пауза.

РЕМЕЗОВ (Ольге громко, стараясь перекричать музыку.) Ваш отец любит музыку?

ОЛЬГА (Громко.) Очень! Он, когда просыпается, всегда включает Чайковского. (Пауза.) Первый концерт. (Пауза.) Говорит, что это заряжает его на весь день.

РЕМЕЗОВ (Громко.) Ваша сестра больна?

ОЛЬГА (Громко.) Что?

РЕМЕЗОВ (Громко.) Что с вашей сестрой?

ОЛЬГА (Громко.) Она помогает отцу одеться.

Пауза.

РЕМИЗОВ (Громко.) Она больна?

ОЛЬГА (Громко.) Кто?

РЕМЕЗОВ (Громко.) Ваша сестра?

ОЛЬГА (Громко.) Юлия?

РЕМЕЗОВ (Громко.) Да не Юлия.

ОЛЬГА (Громко.) Что?

РЕМЕЗОВ (Громко.) Другая.

ОЛЬГА (Громко.) Я ничего не слышу.

Музыка резко обрывается.

РЕМЕЗОВ Что случилось?

ОЛЬГА По-видимому Анюта сообщила папе о вашем приезде.

Пауза.

РЕМЕЗОВ Но она сообщила ему об этом ещё вчера?

ОЛЬГА Вероятнее всего он заспал. (Пауза.) Вы должны понимать, он уже немолодой человек. Память уходит.

Пауза.

РЕМЕЗОВ А сколько лет вашему отцу?

ОЛЬГА Этого никто, кроме него самого не знает.

РЕМЕЗОВ Как такое может быть?

ОЛЬГА Он всегда хранил свой возраст в тайне.

Пауза.

РЕМЕЗОВ Простите, когда гремела музыка, я спросил вас что с вашей сестрой?

ОЛЬГА Вам лучше знать, вы как будто вместе живёте?

РЕМЕЗОВ Я имею в виду Анну.

ОЛЬГА А что именно вас интересует?

РЕМЕЗОВ Она больна?

Пауза.

ОЛЬГА А зачем вам это?

РЕМЕЗОВ Просто так спросил, без задней мысли. Полюбопытствовал, так сказать. (Пауза.) Но если мой вопрос показался вам бестактным…

ОЛЬГА Показался.

Пауза.

РЕМЕЗОВ Простите.

ОЛЬГА Прощаю.

Долгая пауза.

ЮЛИЯ Вот что, Анатолий Павлович, нам, я думаю, лучше уехать. (Поднимается.)

РЕМЕЗОВ Почему? Что случилось?

ЮЛИЯ Ничего. Просто, мне кажется, так будет лучше для всех.

РЕМЕЗОВ Это из-за моего вопроса? Простите, я не хотел…

ЮЛИЯ Нет. Это не из-за твоего вопроса.

Пауза.

РЕМЕЗОВ Да, но как же?..

ЮЛИЯ Так нужно.

ОЛЬГА В чём дело, Юлия?

ЮЛИЯ Нам нужно домой! (Пауза.) Едем, Анатолий Павлович! Едем, едем! (Пауза.) Алёшка там один. Оставлять надолго его нельзя. (Поднимается.) Поедем, засветло будем дома.

РЕМЕЗОВ Он сказал, что сам приедет сюда. Теперь уж в пути, наверное.

ЮЛИЯ Встретим по дороге. Вставай, прошу тебя.

ОЛЬГА (Юлии.) Немедленно сядь и прекрати истерику! (Пауза.) Ты слышишь меня?! Немедленно сядь и прекрати истерику!

Пауза.

ЮЛИЯ (Ольге.) Дай папиросу.

Ольга протягивает папиросу Юлии. Та закуривает.

ОЛЬГА Это что ещё за новости? Ты задалась целью убить отца? (Пауза.) Хочешь уехать, так и не увидев его? (Пауза.) Спустя четырнадцать лет?

ЮЛИЯ Но я же вижу!..

ОЛЬГА Помолчи! Оставь свои глупости при себе. (Пауза.) Что ты видишь? Ты ещё ничего не видишь. Ты ещё не проснулась. (Пауза.) Пойди и переоденься, будь любезна. Сейчас спустится отец, а ты в ночнушке. (Пауза.) Здесь не бордель, Юлия Сергеевна, а приличный дом. (Пауза.) Шагом марш переодеваться!

Юлия поднимается, идёт в дом.

РЕМЕЗОВ Вот это – да!

ТЕМКИН Так то, брат.

Входит Анна. Без платка.

ОЛЬГА Что случилось?

АННА Папочка велел завтракать без него.

Пауза.

ОЛЬГА Что случилось?

АННА Он сказал, что теперь, коль скоро у нас дорогие гости, он будет бриться. И освободится не раньше, чем к ужину. (Пауза.) Что уж мне пойти разогревать пироги? Уж теперь все остыло.

ОЛЬГА Ну, что поделаешь? Ступай.

Оса жалит Ремезова. Анатолий Павлович вскрикивает и автоматически бьёт себя по шее. Долгая пауза.

АННА Вы убили её?

ТЕМКИН (Рассматривает осу на ладони.) Не знаю. (Пауза.) Во всяком случае, она не шевелится. (Пауза.) Не знаю.

Анна опускается на пол. Так пытаясь ухватиться за воздух, с растерянной, виноватой улыбкой, обыкновенно садятся мимо стула вследствие гадкой шутки.

Действующие лица неподвижны. Мёртвая тишина.

ВЕЧЕР

Вечереет.

Темкин и Ремезов за накрытым столом. В ожидании отсутствующих к еде не прикасаются, пьют вино, наливая из большой чёрной бутыли.

ТЕМКИН Как говорится голенькими рождаемся и голенькими умираем. Вот когда, случается, видишь перед собой семь, девять таких голеньких в анатомическом театре, думаешь, до чего же мы все одинаковые.

РЕМЕЗОВ Нет, нет есть особенные, скверные люди. Они сразу бросаются в глаза. Хоть на улице, хоть в анатомическом театре.

ТЕМКИН Искривление пространства.

РЕМЕЗОВ Это нужно доказать.

ТЕМКИН Сам факт существования кривых зеркал, чем не доказательство?

РЕМЕЗОВ А вы не заметили, что комнат смеха не стало? Поезжайте в любой парк и убедитесь!

ТЕМКИН Вот послал Господь собеседника! Как же хорошо!

РЕМЕЗОВ Очень, очень скверные люди. Их много, их ни с кем не спутаешь, и какие бы не обольщались переменами к лучшему, они продолжают делать своё дело последовательно и методично.

ТЕМКИН И какое же, позвольте вас спросить, дело то?

РЕМЕЗОВ А это – как раз тайна за семью печатями. Мы сталкиваемся только с конечным результатом. А конечный результат настолько прост и очевиден, что и не требует дополнительных разъяснений. Несчастье. Достаточно одного этого слова.

ТЕМКИН Смею заметить, всё относительно. То, что является несчастьем для одного – представляется удачей и везением для другого. Разве не так? Включая абсолютные категории – смерть, например.

Пауза.

РЕМЕЗОВ Что-то от вина как будто голова тяжёлая. Вы – ничего?

ТЕМКИН Превосходно себя чувствую. Очень, очень хорошо.

Пауза.

РЕМЕЗОВ И вот, что характерно: этих выше мною упомянутых скверных людей, по моим наблюдениям, с каждым годом становится все больше и больше.

ТЕМКИН А я утверждаю – все относительно.

РЕМЕЗОВ Но предполагать, что это исключительно и непременно развращённые, избалованные нувориши – большая ошибка. Дескать, если человек богат, так он уже и разбойник и Нерон. А так теперь многие думают. Так удобно теперь думать.

ТЕМКИН Я так не думаю, и никогда не думал.

РЕМЕЗОВ Так выгодно теперь думать. И, пожалуй, модно.

ТЕМКИН Кому это может быть выгодно, кроме собственно негодяев?

РЕМЕЗОВ А вот это, доложу я вам, тупиковый вопрос.

ТЕМКИН Если следовать вашей логике, над скверными, точнее, за скверными людьми стоят ещё более скверные люди.

РЕМЕЗОВ Не исключено.

ТЕМКИН А за очень скверными людьми мы обнаруживаем ещё более скверных? И так до бесконечности?

РЕМЕЗОВ Хотя, если откровенно, доля истины в этих предположениях все же присутствует.

ТЕМКИН Говорят же – чем дольше в лес…

РЕМЕЗОВ Чем дальше…

ТЕМКИН Хорошо и так, но мне больше нравится первый вариант.

РЕМЕЗОВ Взять, к примеру, чем они кормят своих питомцев?

ТЕМКИН Кого вы подразумеваете под питомцами?

РЕМЕЗОВ Да вот хоть собак или свиней.

Пауза.

ТЕМКИН (Улыбается.) Не совсем удачный пример.

РЕМЕЗОВ Отчего же?

Пауза.

ТЕМКИН (Улыбается.) Не совсем удачный пример

РЕМЕЗОВ Да что такое?

ТЕМКИН Я, видите ли, совсем не богат, а, между тем, случается, что кормлю своих свиней виноградом.

РЕМЕЗОВ Вы держите свиней?

ТЕМКИН А как вы думаете, кем и где бы я теперь стал, когда бы не свиньи?

РЕМЕЗОВ (Смеётся.) Да, действительно. Я совсем забыл – вы же врач. (Пауза.) Не отчаивайтесь, я, знаете ли, тоже иногда кормлю своего горгонеса безе.

ТЕМКИН Горгонес, горгонес, не припомню.

РЕМЕЗОВ Собака.

ТЕМКИН Имя?

РЕМЕЗОВ Порода.

ТЕМКИН Никогда не слыхал о такой породе, хотя сам собачник старинный.

РЕМЕЗОВ Новая порода. На сегодняшний день выведено только шесть штук. Внешне очень напоминают мастиффа, но имеется пара бивней.

ТЕМКИН Как у слона?

РЕМЕЗОВ (Смеется.) Меньше, конечно. (Пауза.) Я сначала, конечно, стеснялся. Какой-то червячок точил меня, дескать, нехорошо это, ну, и дальше набор штампов – нищета, голодные дети, в такие минуты Африка непременно в голову лезет. А утешил себя одной чрезвычайно простой мыслью: да это же ребенок. Второй ребенок. А в каком-то смысле и первый. Я же его сызмальства нянчил, то же, что и Алёшку. В раннем возрасте, пока бивни не прорезались, он был абсолютно беспомощен, не хуже телёнка.

ТЕМКИН Превосходно вас понимаю. Для меня свиньи – тоже как дети. Я, не поверите, когда кто-нибудь из них заболеет, укладываю с собой в кровать. И в точности так же стесняюсь – то и дело посматриваю на дверь – не идёт ли кто? Злые языки могут и сожительство прилепить.

РЕМЕЗОВ Но Томилины, насколько я понимаю, никогда не покидают своего, как вы это называете, Иерихона, а больше здесь и нет никого?

ТЕМКИН Мало ли, заблудится кто? Нынче все перемещаются совершенно свободно. Путешественников стало пруд пруди. Кстати, вы не знаете, отчего это все кинулись путешествовать?

РЕМЕЗОВ Взвесь.

ТЕМКИН Как вы говорите?

РЕМЕЗОВ Взвесь взболтали. Когда ещё осадок выпадет?

ТЕМКИН Да.

Беседу нарушают раскаты концерта Чайковского.

Стремительно прорвавшая тишину музыка исчезает так же вдруг, как и появляется. Пауза.

РЕМЕЗОВ А я ведь, ему ещё и колыбельные пел.

ТЕМКИН Кому?

РЕМЕЗОВ Горгонесу своему.

ТЕМКИН Отлично понимаю вас.

РЕМЕЗОВ Спасибо. Огромное вам спасибо. Не каждому дано проникнуться и принять.

ТЕМКИН Это покуда своё не заведется. Как только своё заведется – всё, представления меняются на сто восемьдесят градусов.

РЕМЕЗОВ Если не сказать на триста шестьдесят.

ТЕМКИН Триста шестьдесят – полный оборот.

РЕМЕЗОВ Да, но оборот то совершен. Покуда идёт вращение – весь мир как на ладони.

ТЕМКИН Образно.

РЕМЕЗОВ Находите?

ТЕМКИН Очень, очень образно.

РЕМЕЗОВ Благодарю.

ТЕМКИН Вам бы писать.

РЕМЕЗОВ Что?

ТЕМКИН Писать бы вам, писать.

РЕМЕЗОВ (Улыбается.) Да разве теперь читают? Только что для самого себя или вот для вас.

ТЕМКИН А что, я бы с огромным интересом. А уж Ольга Сергеевна, известный книгочей, была бы в неописуемом восторге. Знаете, теперь таких женщин, как Ольга Сергеевна больше нет.

РЕМЕЗОВ Да их и прежде-то не было.

ТЕМКИН К сожалению, она совершенно отказалась от любви.

РЕМЕЗОВ Что вы говорите?

ТЕМКИН Напрочь.

РЕМЕЗОВ А знаете, я её готов понять.

ТЕМКИН Готовы понять?

РЕМЕЗОВ Готов. Любовь пробуждает в человеке беспомощность.

ТЕМКИН Не соглашусь.

РЕМЕЗОВ И зря. Беспомощность и тревогу.

ТЕМКИН Да нет, это вас крепко обидели.

РЕМЕЗОВ Беспомощность, тревогу и алкоголизм.

ТЕМКИН Неразделённая любовь.

Пауза.

РЕМЕЗОВ Беспомощность, тревогу, алкоголизм и суицид.

ТЕМКИН Неразделённая любовь.

Пауза.

РЕМЕЗОВ Беспомощность, тревогу, алкоголизм, суицид и инцест.

ТЕМКИН Неразделённая любовь.

РЕМЕЗОВ А любовь – это всегда игра в одни ворота.

ТЕМКИН Ну, что вы, я знал вполне благополучные пары.

РЕМЕЗОВ Вот именно, что знал.

ТЕМКИН Ну, это я оговорился. Это связано с тем, что я долгие годы живу здесь.

РЕМЕЗОВ Случайных оговорок не бывает. Ещё дедушка Фрейд настаивал на этом.

ТЕМКИН А вы и с Фрейдом знакомы?

РЕМЕЗОВ А куда же в наше время без Фрейда? Что мы теперь без Фрейда?

ТЕМКИН Сами загнали себя в угол.

РЕМЕЗОВ Загнали и замерли.

ТЕМКИН Точное примечание.

РЕМЕЗОВ Да?

ТЕМКИН Необыкновенно точное примечание. Именно, что загнали и замерли.

Пауза.

ТЕМКИН До чего же вы приятный собеседник, Анатолий Павлович! Очень, очень приятно.

РЕМЕЗОВ А уж мне как приятно?! Вам, наверное, кажется, что мне там, в городе, где сонм всевозможных охотников до разговора, часто встречаются настоящие собеседники?

ТЕМКИН Однако, не сомневаюсь, на разговор провоцируют многие.

РЕМЕЗОВ Именно, что, именно, что провоцируют. И именно, что многие. А собеседников-то нет.

Пауза.

ТЕМКИН До конца дней своих беседовал бы с вами, Анатолий Павлович.

РЕМЕЗОВ Взаимно.

Пауза.

ТЕМКИН Даже спать не отлучался бы.

РЕМЕЗОВ Взаимно.

Пауза.

ТЕМКИН (Разливает вино.) По капельке?

РЕМЕЗОВ Не откажусь.

Выпивают.

ТЕМКИН Так бы и говорил, и говорил, и говорил с вами.

РЕМЕЗОВ В точности так же, как и я: и говорил бы, и говорил бы, и говорил.

ТЕМКИН Да что же это? никак не можем наговориться!

РЕМЕЗОВ Никак, Дмитрий Ильич!

ТЕМКИН В кои веки Господь послал такого собеседника!

РЕМЕЗОВ Чудеса, да и только.

Пауза.

ТЕМКИН Вот, как раз одним из несчастий человечества является страсть к чудесам. Не находите?

РЕМЕЗОВ Да уж, это вечное и неистребимое ожидание чудес.

ТЕМКИН Такое впечатление, что некоторые готовы всю жизнь простоять неподвижно с разинутым ртом в ожидании чуда.

РЕМЕЗОВ И стоят. (Пауза.) Не поверите, стоят. (Пауза.) Поезжайте теперь в город и, оставив на время дела, просто пройдитесь по городу. Не спеша, как какой-нибудь Дарвин или Левингстон. Уверяю вас, уже через полчаса вы насчитаете до десятка таких вот зевак. (Пауза.) Стоят, задрав голову к небу, и ждут манны небесной. Их я тоже смело отношу к скверным людям.

ТЕМКИН А, между тем, чудеса-то вот они, рядом.

В дверях возникает фигура Сергея Петровича Томилина. Он – бос, но в старой шинели, его щеки намылены, на шее вафельное полотенце. За беседой Ремезов и Темкин не замечают его.

РЕМЕЗОВ В том-то и дело, наклонись, да и подними.

ТЕМКИН Ан нет, чудо, в их представлении, должно выглядеть особенным, что-нибудь огромное, как тот слон, а лучше и вовсе бестелесное.

РЕМЕЗОВ Да, вот, кстати, горгонес – чем не чудо? Однако для его создания потребовались десятилетия упорного труда, а, следовательно, чудом, в их понимании, он уже быть не может.

ТЕМКИН А попробуйте-ка вырастить самую обыкновенную свинью? Нет, им подавай, чтобы она, как минимум говорила. И невдомёк, что она, между прочим, весьма говорлива. Кто же виноват, что мы не понимаем их язык?

РЕМЕЗОВ А никто. На каждом углу талдычат, что свинья и человек имеют между собой немыслимое сходство, а постичь, исследовать руки не доходят.

ТЕМКИН Свиньи же, в свою очередь, человеческий язык понимают. (Пауза.) Изумительные животные, и отличные, вопреки принятому убеждению, товарищи. (Пауза.) Не хотел говорить, но как не откроешься такому собеседнику. Я ведь, признаться, ещё ни одной свиньи не убил. (Пауза.) Вот выращиваю, а убивать не убиваю.

РЕМЕЗОВ А это напрасно.

ТЕМКИН Всё понимаю, но никак не могу настроиться.

РЕМЕЗОВ Важно сделать первый шаг.

ТЕМКИН Да как же его сделаешь, когда в глазах у них и мудрость и нежность и вопрос?

РЕМЕЗОВ А вы представьте себе, что перед вами один из скверных людей. Скверные люди, те, что поопытнее, тоже так, бывает, посмотрят, что, кажется, вот теперь же схватил бы его и потащил к себе за стол. В то время, как правильным было бы немедленно достать револьвер и пристрелить подлеца.

ТЕМКИН Ну, что вы, я на это покуда не способен. Ведь к мысли о бесповоротной ничтожности этих людей надо ещё привыкнуть. Прочувствовать, как говорится. Для меня это – новое.

РЕМЕЗОВ А когда они придут и примутся насиловать вас, вы и тогда будете сомневаться?

ТЕМКИН Ну, это уж вы хватили.

РЕМЕЗОВ Нисколько. Представьте себе, нисколько. Поезжайте теперь в город и пройдитесь ночью под звездами, как какой-нибудь Галилей или Коперник, и я посмотрю, что они сделают с вами.

ТЕМКИН Неужели всё так далеко зашло?

РЕМЕЗОВ Я ещё добавлю. Теперь уже и днём надо ухо востро держать.

ТЕМКИН Что вы говорите?

РЕМЕЗОВ Да я сам насилуем трижды на дню. Вот до чего дошло.

ТЕМКИН И вы, как будто спокойно говорите об этом.

РЕМЕЗОВ А что же мне кричать на всех углах? Те же скверные люди осмеют и заплюют. (Улыбается.) Что поделаешь, Дмитрий Ильич? Надо жить.

ТЕМКИН Да, непременно нужно жить.

РЕМЕЗОВ Во что бы то ни стало.

ТЕМКИН Через не могу. (Пауза.) Я, когда мысленно общаюсь с ними, у меня есть такая привычка, мысленно общаться с кем-нибудь, так вот, когда я мысленно разговариваю со всей этой нечистью, обыкновенно говорю им – Не дождетесь! (Пауза.) Не дождетесь!

ТЕМКИН (Смеётся.) Правильно.

РЕМЕЗОВ И на душе, как будто спокойнее делается.

ТЕМКИН Молодец.

РЕМЕЗОВ Как, знаете ли, в анекдоте, – Не дождетесь!

ТЕМКИН Умница.

Сергей Петрович уходит.

РЕМЕЗОВ Война. (Пауза.) Самая настоящая необъявленная война. (Пауза.) Вот вы спросите меня – где война? А я вам отвечу. Она уже в вашем доме. А вы и не заметили. Крепко спите, Дмитрий Ильич!

ТЕМКИН Немного тревожно, но очень и очень хорошо.

РЕМЕЗОВ Тревоги нынче хоть отбавляй. Всё ждем-с чего то. А чего ждём, и сами не знаем.

Пауза.

ТЕМКИН (Разливает вино.) По капельке?

РЕМЕЗОВ Не откажусь.

Выпивают.

РЕМЕЗОВ Они встречаются и на вокзалах, и в подвалах.

ТЕМКИН О! Вокзалы – это целый мир.

РЕМЕЗОВ В любых злачных местах.

ТЕМКИН Шумный, пестрый мир.

РЕМЕЗОВ Прежде вы заметили бы: что же здесь особенного? А где же ещё водиться скверным людям, как не на вокзалах?

ТЕМКИН Именно так прежде и заявил бы.

РЕМЕЗОВ Но теперь другие времена.

ТЕМКИН Вот это вы верно сказали.

РЕМЕЗОВ Теперь уже трудно разобрать, где чёрное, где белое.

ТЕМКИН Но мы то уж с вами знаем.

РЕМЕЗОВ И то сомнения берут.

ТЕМКИН Что есть – то есть.

РЕМЕЗОВ И то, иногда задумаешься.

ТЕМКИН Да.

Пауза.

РЕМЕЗОВ Быть может, вы осудите меня за мои воззрения…

ТЕМКИН Отменное вино.

РЕМЕЗОВ Как пить дать, про себя вы осудите меня.

ТЕМКИН Зачем же судить? Я этого не люблю.

РЕМЕЗОВ Только мне скверных людей нисколько не жаль.

ТЕМКИН А вот, что касается жалости – готов поспорить.

РЕМЕЗОВ Спор – это очень и очень полезно.

ТЕМКИН На самом деле жалость никого не унижает.

РЕМЕЗОВ Спор – это своего рода лекарство для совести.

ТЕМКИН Не знаю ни одного человека, который бы признался, что жалость каким-нибудь способом унизила его.

РЕМЕЗОВ Между тем, скверного человека нисколько не жаль.

ТЕМКИН Да на жалости всё, собственно, и держится.

РЕМЕЗОВ Скажу ещё более жестко: я ненавижу скверных людей.

ТЕМКИН Ваше право. Хотя ненависть – унизительное чувство.

РЕМЕЗОВ И, похоже, что не я один.

ТЕМКИН Я бы даже сказал так: ненависть – чувство, свойственное униженным.

РЕМЕЗОВ Раньше или позже расплата настигает их.

ТЕМКИН Лучше – холодность.

РЕМЕЗОВ И уж если суждено скверному человеку гореть в печи, так невелика разница, здесь он сгорит или там (указывает на пол.) чуть позже.

ТЕМКИН В холодности нет ущербности, свойственной как раз ненависти.

РЕМЕЗОВ И уж если случается и на этом свете редкое мгновение торжества справедливости – это подвигает и окрыляет.

ТЕМКИН Жалость – быть может, самое христианское из всех чувств.

РЕМЕЗОВ Единственное, что портит картину – оговорки.

ТЕМКИН Оговорки?

РЕМЕЗОВ Именно, что оговорки и подозрения.

ТЕМКИН Вы имеете в виду меня?

РЕМЕЗОВ Ни в коем случае.

ТЕМКИН Но я только что, недавно оговорился.

РЕМЕЗОВ Ни в коем случае.

ТЕМКИН Даже если вы намекали на меня, не могу не поддержать вас, оговорки и подозрения мешают. Всегда мешали.

РЕМЕЗОВ Способны и отчаяние вызвать в отдельных случаях.
ТЕМКИН А до отчаяния допускать нельзя.
РЕМЕЗОВ Отчаяние – остановка и тупик.
ТЕМКИН Ни в коем случае нельзя допускать до отчаяния.
РЕМЕЗОВ Тупик и чувство безысходности.
ТЕМКИН Сначала отчаяния, а там, глядишь, и смерть.
РЕМЕЗОВ Покуда не возьмёшь себя в руки.
ТЕМКИН А это уже работа над собой.
РЕМЕЗОВ Главное не обозлиться окончательно.
ТЕМКИН Без работы над собой ничего не будет.
РЕМЕЗОВ Согласен, ничего не будет. Присовокуплю: и быть не может.
ТЕМКИН Совершенная правда.

Пауза.

РЕМЕЗОВ А пьяное вино-то.
ТЕМКИН Исключительное вино.

Пауза.

РЕМЕЗОВ Ну что же поделаешь, если человек, молодой человек, в зыбком ещё возрасте, любит чистоту? Разве это плохо, скажите на милость?
ТЕМКИН Хорошо, очень хорошо.

Пауза.

РЕМЕЗОВ Вы знаете, как теперь в городе пахнут подвалы?
ТЕМКИН Исключительное вино.
РЕМЕЗОВ Точно там держат пропавшую рыбу.
ТЕМКИН Странно, что у вас от него тяжелая голова.

Пауза.

РЕМЕЗОВ И так повсеместно. Такое ощущение, что город – большое животное. И это животное умирает.
ТЕМКИН Высокая влажность.
РЕМЕЗОВ Не мудрено, что Алёшке пришло это в голову.
ТЕМКИН Алешке?
РЕМЕЗОВ Сынишке моему Алешке. (Пауза.) Он скоро прибудет. (Пауза.) Я вас познакомлю. (Пауза.) Любопытный малый. Очень и очень любопытный, знаете ли, малый. (Пауза.) Первоначально он может не понравиться вам. Вызвать некоторое отторжение. (Пауза.) Но когда вы познакомитесь поближе, поймёте – всё не так плохо. И даже вовсе неплохо. (Пауза.) А если проявить некоторое терпение, и вывести его на разговор – даже интересно. (Пауза.) Он – это в известной степени я. Под другим несколько углом, с некоторой натяжкой, но, по сути, он – это ваш покорный слуга. (Пауза.) Такой вот Алешка. Сынишка мой.

Пауза.

ТЕМКИН Нынче, знаете ли, напротив, дефицит жалости.
РЕМЕЗОВ Молодость, ум подвижен.
ТЕМКИН Я помню одну очень пожилую женщину, такую, знаете, из блокадниц. Божий одуванчик в берете.
РЕМЕЗОВ Плакал.
ТЕМКИН Такие на лавочках в скверах сидят.
РЕМЕЗОВ Плакал, понимаете?
ТЕМКИН Как правило в забытье.
РЕМЕЗОВ Навзрыд.
ТЕМКИН Слёзы, слёзы.
РЕМЕЗОВ Хотите верьте, хотите нет, проплакал всю ночь.
ТЕМКИН Душа – это такая загадка, такая загадка.
РЕМЕЗОВ Я ничего от него не мог добиться.
ТЕМКИН Послушайте, да мы же ничего о себе не знаем.

РЕМЕЗОВ Уже потом, много позже удалось выяснить.
ТЕМКИН Как марионетки, честное слово. Внешне – как марионетки.
РЕМЕЗОВ Он видел, как они горели.
ТЕМКИН Кто-то за ниточки дергает…
РЕМЕЗОВ Горели молча. Ни единого звука.
ТЕМКИН А мы строим предположения, кто именно.
РЕМЕЗОВ Это больше всего поразило его.
ТЕМКИН Кто-то в большей степени чувствителен, кто-то в меньшей.
РЕМЕЗОВ И что? Могу ли я назвать это шалостью?
ТЕМКИН Ни в коем случае.
РЕМЕЗОВ Могу ли назвать это баловством?
ТЕМКИН Ни в коем случае.
РЕМЕЗОВ С детских лет мать вдалбливала ему – чистота, чистота.
ТЕМКИН Строим предположения и, что интересно, не редко угадываем.
РЕМЕЗОВ Кружечки должны быть повернуты ручками в одну сторону.
ТЕМКИН Что же из этого следует? Выходит, что наши мысли действительно материальны?
РЕМЕЗОВ И как вам это нравится?
ТЕМКИН Или это всё попадания?
РЕМЕЗОВ Какие-то благовония в дом таскала.
ТЕМКИН Как в тире?
РЕМЕЗОВ Обожаю тир.
ТЕМКИН И можно ли обучиться такой меткости, образно выражаясь?

Входит Анна с мёртвой осой в руках. За беседой, Ремезов и Темкин не замечают её.

РЕМЕЗОВ Но мне бы, откровенно говоря, такой жест в голову не пришёл.
ТЕМКИН Существуют же какие-нибудь правила, закономерности?
РЕМЕЗОВ И не потому, что это – табу.
ТЕМКИН Быть может, они как раз и кроются в парадоксальных поступках?
РЕМЕЗОВ Понимаете, о чём я говорю?
ТЕМКИН Я все о той блокаднице, старушке. Вот, что характерно…
РЕМЕЗОВ Не потому, что мне представляется это невозможным.
ТЕМКИН Она всю свою пенсию тратила на пищу для пожарных.
РЕМЕЗОВ Откуда ему было знать, что там устроились эти отщепенцы?
ТЕМКИН Не на голубей или кошек, а на пожарных.
РЕМЕЗОВ Сволочи.
ТЕМКИН Всю пенсию, до копеечки.
РЕМЕЗОВ Да такое и присниться-то не может.
ТЕМКИН Сама недоедала, а пожарных кормила.
РЕМЕЗОВ В страшном сне.
ТЕМКИН Покупала им хлеб, сыр, колбасу. Случалось и бутылочку возьмёт. Представляете?
РЕМЕЗОВ Мы то с вами, наше поколение, не привыкли, что в подвалах кто-то живёт.
ТЕМКИН Вот это – жалость!
РЕМЕЗОВ А, следовательно, и предупредить, и заронить сомнения в отпрысков своих не могли.
ТЕМКИН Не знаю, способен ли кто-нибудь теперь на такое?
РЕМЕЗОВ Разве возможно всё предугадать?
ТЕМКИН Думаю, что нынче – никто.
РЕМЕЗОВ Знал бы, как говорится, где упасть…
ТЕМКИН Дефицит, одно слово.

Пауза.

РЕМЕЗОВ О чём вы?

ТЕМКИН О жалости.

РЕМЕЗОВ Чего-чего, а жалости-то как раз хватает.

ТЕМКИН Нет, не хватает.

РЕМЕЗОВ Хватает, с избытком.

ТЕМКИН Да где же вы такое видели?

РЕМЕЗОВ Повсюду. Повсеместно.

ТЕМКИН Расскажите.

РЕМЕЗОВ И расскажу.

ТЕМКИН Расскажите.

РЕМЕЗОВ И расскажу.

ТЕМКИН Да что же это? Никак не можем наговориться!

РЕМЕЗОВ Всегда хватало, и теперь ничего не изменилось. Вот только много ли от неё пользы?

ТЕМКИН На мой взгляд, категории пользы, выгоды вообще весьма сомнительны.

РЕМЕЗОВ А как же без выгоды?

ТЕМКИН А веление сердца?

РЕМЕЗОВ Веление сердца, веление сердца! Вот Алёшка устроил поджог по велению сердца. А там – люди. Не люди, конечно, бродяги, скверные люди. Но ему-то в силу возраста нет дела до деталей. Ему-то всё равно, скверный или нескверный человек. Он-то видит внешние признаки. Для него – две руки, две ноги, вот уже и человек. Какие там примечания и характеристики?! Беда и только. (Пауза.) Вы понимаете, о чём я толкую?

ТЕМКИН Вдохновение, если угодно?

РЕМЕЗОВ Я ведь безумно люблю его.

ТЕМКИН Этого, брат, не купишь.

РЕМЕЗОВ Только бы ему было покойно.

ТЕМКИН Есть, есть ещё вещи, что купить нельзя.

РЕМЕЗОВ На всё закрываю глаза.

ТЕМКИН Вещи, на которые и цены-то не придумано.

РЕМЕЗОВ Хотя, быть может, нет, наверняка не прав.

ТЕМКИН Что, безусловно, раздражает некоторых.

РЕМЕЗОВ Вот и эта связь.

ТЕМКИН Не просто раздражает – бесит.

РЕМЕЗОВ С Юлией.

ТЕМКИН И невдомек им, что ничего не поделаешь.

РЕМЕЗОВ У них связь. А я вынужден молчать.

ТЕМКИН Это в порядке вещей.

РЕМЕЗОВ Я же всё-всё о них знаю.

ТЕМКИН И это навсегда.

РЕМЕЗОВ Думаете, не разрывается моё сердце?

ТЕМКИН Ибо это высший порядок вещей.

РЕМЕЗОВ Только заклинаю, пусть это останется между нами.

Пауза.

ТЕМКИН Вот я пробовал настоящее французское вино – кислятина!

Пауза.

РЕМЕЗОВ Драма, Дмитрий Ильич, как есть – драма!

ТЕМКИН Прекрасное, преданное забвению слово.

РЕМЕЗОВ Патетика.

ТЕМКИН Обожаю патетику.

РЕМЕЗОВ Здесь в Липках, в тишине патетика ещё не потеряла своего аромата. Однако смею заметить, в большом мире…

ТЕМКИН Большом относительно чего? Хотелось бы точности в этом вопросе. Относительно Липок это – одно. Но что вы скажете о солнце?

Пауза.

РЕМЕЗОВ Здесь патетика приобретает совсем другое, как бы первоначальное, девственное звучание.

ТЕМКИН Скоро ваша голова пройдёт. Вот увидите.

Пауза.

РЕМЕЗОВ Совсем другой регистр.

Пауза.

ТЕМКИН Вы о чём?

РЕМЕЗОВ О патетике.

Пауза.

ТЕМКИН Если не возражаете, вернёмся к предмету разговора.

РЕМЕЗОВ Пространство здесь напоминает мне колодец.

Пауза.

ТЕМКИН Хочется всё же подобраться к сущности.

РЕМЕЗОВ Когда бы его перевернули вверх дном.

Пауза.

ТЕМКИН Тема, доложу я вам интереснейшая.

РЕМЕЗОВ Любопытная тема, ничего не скажешь.

ТЕМКИН Я много размышлял обо всём этом.

РЕМЕЗОВ По этому поводу существует один восточный анекдот…

ТЕМКИН Благо времени у меня теперь предостаточно.

РЕМЕЗОВ Анекдот. Да. Анекдоты, анекдоты. Много смеёмся, не находите?

ТЕМКИН Вот и размышляю, философствую, так сказать.

РЕМЕЗОВ Я тоже, хотя и занят весьма, нет-нет, да и возвращаюсь к этой теме.

ТЕМКИН Хотя философии, если откровенно, терпеть не могу.

РЕМЕЗОВ Солидарен с вами.

ТЕМКИН А вот Ольга Сергеевна сейчас непременно ввернула бы что-нибудь из Эразма.

РЕМЕЗОВ Из какого Эразма?

ТЕМКИН Роттердамского.

РЕМЕЗОВ Роттердамского?

ТЕМКИН Роттердамского, да. Читали?

РЕМЕЗОВ Имел несчастье. Роттердамского, дамского, дамского…

ТЕМКИН Дамского, да.

РЕМЕЗОМ Роттердамского, дамского…

ТЕМКИН Именно, что дамского. И никак нам не наговориться!

Смеются.

РЕМЕЗОВ Люди у вас редко бывают, вот что.

ТЕМКИН Совсем не бывают.

РЕМЕЗОВ А, может быть, оно и к лучшему?

ТЕМКИН Вы знаете, и мне это не раз приходило в голову.

Смеются.

ТЕМКИН И всё же мне хочется спросить вас, а ну, как ошибка?

Пауза.

РЕМЕЗОВ Голова, как будто проходит.

ТЕМКИН Я же говорил вам!

РЕМЕЗОВ Головная боль в нашем возрасте, согласитесь, очень неприятно.

ТЕМКИН Да! Не дай Боже!

РЕМЕЗОВ Надо же? Как рукой сняло.

ТЕМКИН А если подогреть и добавить немного корицы – это нечто!

Пауза.

РЕМЕЗОВ Цирк.

ТЕМКИН Цирк, да и только.

Пауза.

РЕМЕЗОВ Цирк зажигает огни.

ТЕМКИН Цирк сбежал, а клоуны остались.

Смеются.

ТЕМКИН Кто бы что не говорил, вино выше всяких похвал.

РЕМЕЗОВ Послевкусье.

ТЕМКИН А?!

РЕМЕЗОВ Послевкусье.

ТЕМКИН Вещь!

РЕМЕЗОВ И пьётся так легко.

ТЕМКИН Как вы понимаете, ни капли дрожжей.

Пауза.

РЕМЕЗОВ (Ощупывает голову руками.) Не болит.

Пауза.

ТЕМКИН Как же с моим вопросом?

РЕМЕЗОВ Простите, вопрос-то я, кажется, позабыл.

ТЕМКИН Охотно напомню. Вопрос звучит так: а что, если ошибка?

Пауза.

РЕМЕЗОВ С вашего позволения ещё разик отвлекусь. В свете вышеизложенного я бы сформулировал свою мысль следующим образом: по мне, так мало ещё жгут.

ТЕМКИН Мало?

РЕМЕЗОВ Мало. Мало. Надо бы как во времена инквизиции.

ТЕМКИН Эк, куда хватили!

РЕМЕЗОВ Ничего подобного. Что же, по-вашему, во времена инквизиции одни звери жили?

ТЕМКИН Звери – не звери, но согласитесь…

РЕМЕЗОВ Просвещённые, не меньше нашего люди.

ТЕМКИН Однако…

РЕМЕЗОВ И целомудрия было побольше, нежели теперь.

ТЕМКИН При чём же здесь целомудрие?

РЕМЕЗОВ И цирка поменьше.

ТЕМКИН Не готов согласиться.

РЕМЕЗОВ Меньше, меньше.

ТЕМКИН Пока не готов.

РЕМЕЗОВ Вот именно в те времена душа, как раз, трудилась. Вспоминаете поэта? Вспоминаете?

ТЕМКИН А ну, как ошибка?

РЕМЕЗОВ Ошибка?! Исключено.

ТЕМКИН Не очевидно.

РЕМЕЗОВ Что?

ТЕМКИН Совсем не очевидно.

РЕМЕЗОВ О чём вы? Судьба ведёт нас изумительно легко и ловко.

ТЕМКИН Вот то, что ловко – согласен. В этом пункте или, что у нас теперь, подпункте? Совершенно согласен с вами.

РЕМЕЗОВ Ведь как мы рассуждаем?

ТЕМКИН Послал же Господь собеседника!

РЕМЕЗОВ Мы рассуждаем следующим образом.

ТЕМКИН Спор явно приобретает научный характер.

РЕМЕЗОВ Если мы делаем то-то и то-то, вследствие чего находим спасение и утешение, так это мы сами так решили и мы же сами того достигли.

ТЕМКИН Это – издержки воспитания. Это – воспитание. Однозначно.

АННА (Ремезову.) Ваш мальчик приедет?

Анна говорит очень тихо, и собеседники не слышат её.

РЕМЕЗОВ Да, но всех воспитывали приблизительно одинаково.

ТЕМКИН Не стану спорить.

РЕМЕЗОВ Во всяком случае, ориентиры были едиными.

ТЕМКИН Не спорю. Некое равенство присутствовало.

РЕМЕЗОВ А на поверку вышло: всё – я?! (Пауза.) Я сам? (Пауза.) Дудки. Иллюзия. (Пауза.) Обман зрения.

ТЕМКИН Что-то видеть стал последнее время неважно. У вас как со зрением?

РЕМЕЗОВ На самом деле невидимая рука хватает нас за шкирку и волочит. Только успевай ногами перебирать, когда ноги целы. А нет ног – и без ног тащит.

ТЕМКИН (Смеётся.) Точно.

РЕМЕЗОВ А куда тащит, в печку или на солнышко – это уж как заслужил.

ТЕМКИН Это так. Надо же? Никак не можем наговориться.

РЕМЕЗОВ Потому судьбу, как карты и любят и ненавидят одновременно. Те, что умеют получить удовольствие в любых обстоятельствах – любят. Те, что бояться – ненавидят.

АННА (Ремезову.) Ваш мальчик приедет?

Анна говорит очень тихо, и собеседники не слышат её.

ТЕМКИН Справедливо. Но, согласитесь, многое зависит ещё и от взгляда на предмет.

РЕМЕЗОВ От взгляда на предмет – да, но и к получению удовольствий надобно призвание иметь.

ТЕМКИН Тю-тю-тю. Смотря что считать удовольствием.

РЕМЕЗОВ Самые простые вещи.

ТЕМКИН Ольга беломор курит. Есть в этом что-то от прежней, той ещё жизни.

РЕМЕЗОВ Самые, что ни на есть простые вещи.

ТЕМКИН Для иного удовольствие – сложная система знаков и условностей.

РЕМЕЗОВ Да какие уж там знаки? Посреди зимы, на морозе закрыть глаза и во всём объёме представить себе голую бабу. Красивую голую бабу. Так представить себе, что и запах её почувствовать, и паром от неё согреться. Вот вам все условности и все знаки!

ТЕМКИН Минуточку. (Пауза.) А это, Анатолий Павлович, уже воображение.

РЕМЕЗОВ Удовольствия должны быть здоровыми, сочными. Должны пульсировать.

ТЕМКИН Минуточку. (Пауза.) Приведённый вами пример относится к воображению, и не спорьте.

РЕМЕЗОВ Да, воображение. И что с того? Пусть воображение. А куда мы без воображения?

АННА (Громко.) Она прожила ещё три минуты сорок семь секунд. (Пауза.) Ровно. (Пауза.) Темкин, как вы думаете, она очень страдала? (Пауза.) Она прожила ещё три минуты сорок семь секунд. (Пауза.) Ровно. (Пауза.) Темкин, как вы думаете, она очень страдала? (Пауза.) Она прожила ещё три минуты сорок семь секунд. (Пауза.) Ровно. (Пауза.) Темкин, как вы думаете, она очень страдала?

Долгая пауза.

ТЕМКИН Нет, Аннушка. Она была без сознания.

Пауза.

АННА Вы наверняка знаете это?
ТЕМКИН Ответственно заявляю, как врач.

Входят Юлия и Ольга. Возвращаются с прогулки. У Юлии в руках плоская бутылочка с коньяком. Время от времени она прикладывается к ней.

ЮЛИЯ Ах, как здесь хорошо! Воздух сахарный! (Пауза.) А я помню, Оленька, как мы с тётей Лизой на речку ходили. Это было… послушай, а когда же это было?
ОЛЬГА Тебе тогда исполнилось одиннадцать.
ЮЛИЯ Верно. Мы тогда ещё отмечали мой день рождения. (Пауза.) И тётя Лиза ещё была жива. Я это отчетливо помню. (Пауза.) А что с ней случилось, Оленька?
ОЛЬГА Умерла.
ЮЛИЯ Да, да, конечно. (Пауза.) Прости. (Пауза.) Вы ведь, кажется, очень дружили? (Пауза.) А когда это случилось?
ОЛЬГА Не знаю. (Пауза.) А тебе важно это знать?
ЮЛИЯ А как же? Она и мне не чужой человек.
ОЛЬГА В таком случае, спроси у отца.
ЮЛИЯ (Осматривается.) А что, отца все ещё нет?
ОЛЬГА Как видишь.
ЮЛИЯ Но, в таком случае, я не могу у него спросить.
ОЛЬГА Потому-то я и предложила. Ему сейчас совсем ни к чему беседы о мёртвых. (Усаживается в кресло.)

Пауза.

ЮЛИЯ (Темкину.) Какая же змея старшая моя сестра. Аннушка! Вы знаете, Дмитрий Ильич, она хотела меня утопить.
ОЛЬГА Юлия!
ЮЛИЯ Только что. Привела к обрыву, за шиповником.
ОЛЬГА Юлия!
ЮЛИЯ Знаете обрыв за шиповником? Привела и дышала мне в затылок.
ОЛЬГА Юлия!
ЮЛИЯ У меня и теперь мурашки по коже.
ОЛЬГА Юлия!

Пауза.

АННА Вы даже не пытались спасти её, Темкин.
ТЕМКИН Я, к сожалению, не имею представления, как помогать осам.
АННА Проще всего сказать, – я не имею представления, как помогать осам.
ОЛЬГА Анна, оставь Дмитрия Ильича в покое!

Пауза.

АННА Да уж я не лучше. Можно, можно было успеть предупредить. Топнуть ногой, крикнуть.
ЮЛИЯ Что же вы молчите, Дмитрий Ильич? Знаете вы тот шиповник или нет?
АННА Нет, Темкин, для нас с вами оправдания.

Пауза.

РЕМЕЗОВ Анна Сергеевна, умоляю, простите. Это я во всем виноват.
ЮЛИЯ (Темкину.) И не боитесь вы, Дмитрий Ильич жить с ней по соседству?
ОЛЬГА Юлия, честное слово, ты мало, чем отличаешься от своей младшей сестры.
ЮЛИЯ Естественно. Родная кровь. (Усаживается в кресло.)

Пауза.

АННА (Ремезову.) Я знаю, Ремезов, вы сделали это не намеренно. (Пауза.) Что уж, такова судьба многих влюбленных. (Пауза.) Вы читали «Ромео и Джульетту»?
РЕМЕЗОВ Да. (Пауза.) Отдельные фрагменты могу цитировать. (Пауза.) Хотите, почитаю?

ЮЛИЯ (Ремезову.) Ой, не смеши меня!

Пауза.

АННА Если бы вы, Ремезов, хоть капельку напоминали Ромео, было бы в точности как у Шекспира, не правда ли?

РЕМЕЗОВ Полностью с вами согласен.

Пауза.

ЮЛИЯ Где же отец?

Пауза.

АННА И теперь вы бы уже не вино с Темкиным пили, а обдумывали, как лучше расстаться с жизнью.

РЕМЕЗОВ Да, повесть довольно печальная.

Пауза.

ЮЛИЯ Оленька, где отец? Тебя не настораживает, что его так долго нет?

ОЛЬГА Бреется.

ЮЛИЯ Сколько же можно бриться?

Пауза.

АННА Шекспир знал толк в любви.

РЕМЕЗОВ Несомненно.

ЮЛИЯ (Ремезову.) Послушай, Ромео, уже темнеет, Алексея все нет. (Пауза.) Ты не волнуешься? (Пауза.) Почему я волнуюсь, а ты не волнуешься? Почему я волнуюсь, а родному отцу и дела нет? Почему? Почему?

РЕМЕЗОВ Сказать?!

Пауза.

АННА Но вы, Ремезов, больше похожи на Гамлета.

РЕМЕЗОВ Ну, что вы?

АННА Думаю, потому все так и обернулось.

РЕМЕЗОВ Не исключено.

ЮЛИЯ Душегуб твой Ремезов. Равно, как и Гамлет. (Ремезову.) И скажи! Мне нечего стыдиться! И стесняться здесь некого! Это, видишь ли – моя семья! (Плачет.) И нечего меня пугать! Меня всю жизнь пугают, только я имела вас всех в виду! Говори! Что хочешь, говори! (Пауза.) Да кто тебе здесь поверит?! Кто?! Кто?!

Пауза.

РЕМЕЗОВ (Спокойно.) Можно было не напиваться?

ЮЛИЯ Мой ответ – нет!

Пауза.

АННА Про себя я называю Гамлета Смерть несущим.

РЕМЕЗОВ Ужас, ужас!

ЮЛИЯ А что мне остаётся?

ОЛЬГА (Юлии.) Анатолий Павлович совершенно прав.

ЮЛИЯ У вас своя компания – у меня своя компания.

АННА (Ремезову.) Укус болит?

ЮЛИЯ Моя компания – это я сама.

РЕМЕЗОВ (Анне.) Да, можете взглянуть. Огромный волдырь.

Анна подходит к Ремезову, исследует его шею.

АННА Очень больно?

РЕМЕЗОВ Очень.

Пауза.

ЮЛИЯ (Ольге.) Одиночество. Ты знаешь, что такое одиночество?

ТЕМКИН В медицинской терминологии такого понятия как одиночество не существует.

АННА Спасибо, Ремезов.

ЮЛИЯ (Ольге.) Впрочем, откуда тебе знать? Ты – явление общественное.
АННА (Рассматривает осу.) Теперь она будет всегда со мной.
ЮЛИЯ (Ольге.) У тебя и ангелы на том свете маршировать будут.
АННА (Осе.) Я не расстанусь с тобой никогда.
РЕМЕЗОВ Это очень правильно.
ЮЛИЯ (С наигранным весельем.) За стол, за стол, коньяк кончается, пришло время пить вино.
АННА (Торжественно.) Теперь я умолкаю, хотя до зимы ещё далеко.
ЮЛИЯ Гуляй, провинция!
АННА (Торжественно.) Прошу меня извинить, некоторое время вы не услышите от меня ни единого звука.
РЕМЕЗОВ Нет, нет, зачем? прошу вас, Анна Сергеевна…

Анна уходит.

ОЛЬГА (Вслед.) Анюта, что там отец? (Пауза.) Скоро его ждать?
РЕМЕЗОВ Она отказалась от слов, Ольга Сергеевна.

Долгая пауза.

ОЛЬГА Чёрт меня дернул сочинить этот бред про любовь! (Пауза.) Дмитрий Ильич, прошу вас, Анатолий Павлович, много не пейте. Вы уже как будто не в себе.
ТЕМКИН А мы, Ольга Сергеевна, беседою пьяны. (Ремезову.) Анатолий Павлович – замечательный спорщик. (Пауза.) Мне его Господь послал. В подарок за долгие годы молчания. (Пауза.) О таком собеседнике, Ольга, можно только мечтать. (Пауза.) Вот у меня уже и слезы на глазах. (Пауза.) Делаюсь глупым и сентиментальным. (Пауза.) Вы оказались правы, как всегда правы. Пожалуй, я возьмусь изучать вашего Эразма, Ольга Сергеевна. (Пауза.) А знаете, Анатолий Павлович знаком с ним. Ах, какой собеседник!

Ольга Сергеевна открывает книгу и углубляется в чтение.
Юлия Сергеевна закуривает и закрывает глаза, откинувшись на кресле.

РЕМЕЗОВ (Смеётся.) Как будто, угомонились. (Пауза.) Послушайте, Дмитрий Ильич, какая тишина.

Пауза.

ТЕМКИН Да. (Вытирает слезы.)

Пауза.

РЕМЕЗОВ Вот при такой тишине хорошо играть в карты. (Переходит на шёпот.) А говорить только шёпотом.

Пауза.

ТЕМКИН Да. (Пауза.) Так на чём мы остановились?

Пауза.

РЕМЕЗОВ Промочить горло, что ли? (Пауза.) Как бы не спиться. (Пауза.) Эх, наливай, брат!
ТЕМКИН Молодец, умница! Позвольте мне предварительно поцеловать вас, Анатолий Павлович?

Не дожидаясь ответа, Темкин заключает Ремезова в объятия и троекратно целует, после чего наполняет стаканы.

ТЕМКИН Дорогой Анатолий Павлович. Позвольте от всей души приветствовать вас в нашем Иерихоне, месте тщательно сокрытом от холодных ветров цивилизации, но месте не гибельном, ибо сердца, наши сердца… чёрт, сбился.
РЕМЕЗОВ Выпьем, да и всё.
ТЕМКИН Ай, умница!

Выпивают.

ТЕМКИН Вы не знаете грузинских песен?
РЕМЕЗОВ Нет, к сожалению.
ТЕМКИН Но любите их?
РЕМЕЗОВ Безусловно.
ТЕМКИН Обожаю вас, дорогой мой собеседник.
РЕМЕЗОВ А я – вас, Дмитрий Ильич.
ТЕМКИН Вот, опять слеза накатила. Да что же это, в самом деле? (Вытирает слезы.) Так на чём мы, собственно, остановились?
РЕМЕЗОВ Не помню, честное слово.
ТЕМКИН Да плюньте вы на всё. Такой вечер!
РЕМЕЗОВ Как будто…
ТЕМКИН Ну же, ну?...
РЕМЕЗОВ Ах, да вот это, мы говорили о том, что всем движет страх.

Пауза.

ТЕМКИН Разве мы говорили об этом?
РЕМЕЗОВ Только об этом и говорили.

Пауза.

ТЕМКИН Неожиданный поворот.
РЕМЕЗОВ Всем движет страх. Страх и только страх.
ТЕМКИН Спорно.

Пауза.

РЕМЕЗОВ И вами, и мной. Всеми, без исключения, дорогой Дмитрий Ильич.
ТЕМКИН Спорно.
РЕМЕЗОВ Спроси я вас сию минуту, боитесь вы чего-нибудь? Если вы честный человек, непременно скажете – очень, очень боюсь. Другое дело – можно не подавать виду.
ТЕМКИН Спорно.
РЕМЕЗОВ Так было и будет всегда.
ТЕМКИН Не уверен.
РЕМЕЗОВ Если не согласны – приведите пример, когда было бы иначе, и я тотчас докажу вам обратное.
ТЕМКИН Оставим это.
РЕМЕЗОВ Отчего же оставим?

Входит Анна.

ТЕМКИН На время оставим. Вы лучше скажите, как же распознать, скверный человек или нет?
РЕМЕЗОВ А вот если уже горит – можно не сомневаться. (Смеется.) Это мы себе выдумываем оправдания, уловки, а там, (указывает на пол.) всё точно и предельно ясно.
ТЕМКИН А анализ? Как же анализ?
АННА (Ремезову.) Ваш мальчик приедет?

Собеседники не слышат ее.

ТЕМКИН Должно остаться место анализу?
РЕМЕЗОВ К чёрту! Видимость одна. Все предрешено и припечатано, – этот герой, а этот – свинья. И как ни крутись, как не лезь из кожи вон, соловью – заливаться, а свинье свиньёй оставаться и хрюкать надлежит.
ТЕМКИН Что касается свиней…
РЕМЕЗОВ Я ваших не имел в виду.

ТЕМКИН А, тогда – другое дело.

РЕМЕЗОВ Свиньи, знаете ли, тоже разными бывают.

ТЕМКИН Совсем другое дело.

РЕМЕЗОВ Есть, доложу я вам, такие скверные свиньи, ещё хуже скверных людей!

ТЕМКИН Ольга, Юлия Сергеевна, угощайтесь вином. Исключительное вино.

РЕМЕЗОВ Разумеется, я имею в виду зрелых людей, таких, как мы с вами.

ТЕМКИН (Ольге.) Анатолий Павлович первоначально испытал небольшую тяжесть в голове. Но теперь всё прошло.

РЕМЕЗОВ Конечно, к молодым людям, в зыбком, как говорится, возрасте в полной мере отнести это нельзя.

ТЕМКИН (Ольге.) Теперь всё прошло, и он даже похвалил меня.

РЕМЕЗОВ Скверным человеком юношу, согласитесь, не назовёшь.

ТЕМКИН (Ольге.) Анатолий Павлович так удивился, что вы курите беломор, Ольга Сергеевна.

РЕМЕЗОВ Я понимаю, что их опыты, назовём это опытами, не всегда укладываются в рамки так называемых, я подчеркиваю, так называемых норм.

ТЕМКИН (Ольге.) В точности как в прежние времена. Революция, модерн, что-то в этом духе. А у вас, как будто, была кожаная куртка, Ольга Сергеевна?

РЕМЕЗОВ Но, ответьте мне на следующий вопрос, дорогой Дмитрий Ильич.

ТЕМКИН (Переключается на Ремезова.) Да?

РЕМЕЗОВ Когда бы всё существовало в рамках, совершалось ли бы когда-либо в России то, что славно совершается и достигалось бы то, что достигалось во все времена, вопреки и на зависть всем? (Пауза.) Не смотря ни на что!

ТЕМКИН Да, но, согласитесь, душевного тепла терять нельзя. Ни при каких обстоятельствах.

РЕМЕЗОВ А страх? А что, собственно, страх? Страх только сил и прыти придаёт.

ТЕМКИН Ни при каких обстоятельствах.

РЕМЕЗОВ Страху не надобно сопротивляться. Его любить в себе нужно. Как талант.

ТЕМКИН Хорошо. Если принять за основу вашу теорию, как, в таком случае, распорядимся мы с историей?

РЕМЕЗОВ А что, история?

ТЕМКИН Придётся всё переписывать начисто.

РЕМЕЗОВ Почему же это?

ТЕМКИН Взять хотя бы татар. Татаро-монгольское нашествие. Ведь сумели таки после трехсотлетнего страха скинуть с себя это ярмо? Как с этим быть? Здесь противоречие.

РЕМЕЗОВ Никакого противоречия. А за ваш пример обожаю вас ещё больше.

ОЛЬГА (Откладывает книгу.) Сколько любви разом обрушилось на Липки! Прямо как у Чехова. Быть беде.

АННА Уже.

Юлия Сергеевна открывает глаза.

ОЛЬГА Что?

АННА Беда уже случилась.

ОЛЬГА Аннушка, давай закругляться с этой историей, детка. Что там отец?

АННА Бреется.

РЕМЕЗОВ (Темкину.) А разве я употребил расхожее заблуждение, дескать «страх парализует»?

ЮЛИЯ Сколько же он может бриться?

АННА До этого он спал.

РЕМЕЗОВ Нет. Я сказал страх – движитель. (Пауза.) Как раз парадоксально, что триста лет не отмечалось никакого движения.

ЮЛИЯ Прелюбопытное зрелище наблюдать мужчин за вином. Они прямо на глазах превращаются в геев.

ОЛЬГА Юлия, я тебя очень прошу. Скоро спустится отец...

ЮЛИЯ Ты думаешь, он не знает кто такие геи?

РЕМЕЗОВ А я на стороне геев. Всячески приветствую и поддерживаю их. У меня в казино…

ОЛЬГА Отец не любит этого.

РЕМЕЗОВ Но мы не имеем право пренебрегать ими!

ТЕМКИН Хорошо, пусть так. Наверное, с некоторыми оговорками, в чём-то с вами можно согласиться.

РЕМЕЗОВ Требую безоговорочного согласия!

ОЛЬГА Анатолий Павлович, видите ли, отец – человек старой формации.

ТЕМКИН (Ремезову.) Позвольте, но молодёжь то? Или горячо любимая вами молодёжь и здесь не в счёт?

ЮЛИЯ Какую именно формацию, Оленька, ты имеешь в виду? Мы же не знаем, сколько ему лет? Если предположить, что он жил во времена Рима…

АННА Жил. Я знаю это наверняка. И имею доказательства.

ОЛЬГА Анюта, ты же объявила, что будешь молчать.

АННА А я и молчу.

ТЕМКИН (Ремезову.) А знаете, кому вы присягаете на верность своей позицией?

РЕМЕЗОВ Всё равно. Всё равно кому. Те, что сверху клюют нас по головам – близнецы братья. Разница во внешности – не в счёт. Вот, как раз, в качестве примера удачно подходит ваша терракотовая армия. В качестве метафоры, так сказать.

Анна садится за стол.

АННА Налейте и мне вина.

ОЛЬГА Это ещё что такое, Анна?

Пауза.

АННА Налейте мне вина.

Пауза.

ОЛЬГА Дмитрий Ильич, вы слышите?

ТЕМКИН Ольга Сергеевна, уверяю вас, это очень и очень хорошее вино. Моя гордость. Аннушка, детка, подставляй стакан. (Наливает Анне вино.)

Анна залпом выпивает полный стакан.

ОЛЬГА Не ожидала от вас, Дмитрий Ильич.

ТЕМКИН У Анюты горе. Нужно понимать. (Ремезову.) Итак. Анатолий Павлович, с тем, чтобы разобраться во всём этом…

АННА (Протягивает стакан.) Ещё вина.

Пауза.

ТЕМКИН Аннушка, девочка, может быть достаточно?

АННА Ещё вина.

Темкин наливает Анне ещё полстакана, которые она немедленно выпивает и уходит.

ТЕМКИН Вы на самом деле интересуетесь терракотовой армией?

РЕМЕЗОВ Да что же только я? Она теперь волнует всё человечество.

ТЕМКИН Правда?

РЕМЕЗОВ Исключительно волнует. Что это за армия такая? С какой целью создана?!

ТЕМКИН Да!

РЕМЕЗОВ Какие функции надлежит ей выполнить?
ТЕМКИН Да, да!
РЕМЕЗОВ И тотчас следует: а какие функции самим-то нам надлежит выполнить?
ТЕМКИН Точно!
РЕМЕЗОВ Правомочны ли мы заниматься терракотовой армией, когда не можем осознать, кто же мы сами-то есть?!
ТЕМКИН Да, да, да!
РЕМЕЗОВ Кто, почему и зачем?!
ТЕМКИН Да, да, да!

Пауза.

ЮЛИЯ (Прислушивается.) Анатоль, ты сейчас ничего не слышал?
РЕМЕЗОВ Нет.

Пауза.

ЮЛИЯ Мне показалось треск мотоцикла.
РЕМЕЗОВ Нет.

Пауза.

ЮЛИЯ Вслушайся хорошенько.
РЕМЕЗОВ (Прислушивается.) Да нет ничего.

Пауза.

ЮЛИЯ А вы, Дмитрий Ильич, ничего не слышите?
ТЕМКИН (Прислушивается.) Вроде, тишина.

Пауза.

ЮЛИЯ Выходит, показалось. (Пауза.) Скоро будет совсем темно. (Пауза.) Поехать ему навстречу?
РЕМЕЗОВ Но ты же знаешь, он не любит этого.
ЮЛИЯ А если он не найдёт дорогу?
РЕМЕЗОВ Найдёт. Сообразительный мальчуган. Порой, даже, чересчур.
ЮЛИЯ Ну, не знаю.

Ольга читает.
Темкин наполняет стаканы.

ТЕМКИН Выпейте вина, Юлия Сергеевна.
ЮЛИЯ Бедные, бедные дети.
ТЕМКИН Мне не терпится узнать ваше мнение.
ЮЛИЯ Ведь они всё-всё понимают.

Юлия выпивает, зажмуривается от удовольствия.

ТЕМКИН Каково?

Пауза.

ЮЛИЯ Дивное вино.
ТЕМКИН А что я говорил?

Пауза.

ЮЛИЯ Как будто привкус муската.
ТЕМКИН Нет.

Пауза.

ЮЛИЯ Неужели, Лидия?
ТЕМКИН Нет.

Пауза.

ЮЛИЯ Что же это?
ТМКИН Нектар, пища богов.

Пауза.

ЮЛИЯ Что ждёт меня впереди? Одни лишь тени да сквозняки.

ТЕМКИН Всё своими руками.

Пауза.

ЮЛИЯ Я потрясена.

Пауза.

ТЕМКИН Своими руками. Клянусь вам.

Пауза.

ЮЛИЯ Бедная, бедная Анна.

Пауза.

ТЕМКИН А хотелось бы вам увидеть, как я готовлю его?

Пауза.

ЮЛИЯ Она всё-всё понимает.

Пауза.

ТЕМКИН А вы, Юлия Сергеевна, судя по последним вашим высказываниям, тоже имеете склонность к дискуссии?

ЮЛИЯ Я, Дмитрий Ильич, предпочитаю чувства, страсть. (Пауза.) Безумную, безумную страсть. (Пауза.) Хочется выгореть дотла. Ведь осень уже, Дмитрий Ильич, осень.

ТЕМКИН (Ремезову.) Какая тонкая натура!

ЮЛИЯ Но скоро всё это будет в далёком прошлом. (Пауза.) Что ждёт меня впереди? Одни лишь тени да сквозняки.

Пауза.

ТЕМКИН А вот ваш супруг, Юлия Сергеевна, отменный спорщик.

ЮЛИЯ Соловей. (Пауза.) Поверьте. Мне их действительно безумно жаль.

Пауза.

ТЕМКИН Какой вы замечательный человек, Юлия Сергеевна!

ЮЛИЯ И деток. (Пауза.) И Анну. (Пауза.) Анна совсем как ребёнок. (Пауза.) Маленький, не больше мизинца. (Пауза.) Но всё-всё понимает.

ТЕМКИН Ах, ты, Боже мой! Что же делать, Юлия Сергеевна?

ЮЛИЯ Но как, ответьте мне, как совместить безумную страсть и жалость? (Пауза.) Гремучая смесь струится в моих жилах! (Пауза.) В любую минуту я могу погибнуть на ваших глазах, Дмитрий Ильич! Меня разорвёт на тысячи мелких кусочков!

ОЛЬГА (Прерывает чтение.) Юленька, хочешь, я разберу тебе постель, и ты немного поспишь?

ЮЛИЯ Капрал. Ты – капрал, Ольга. С малых лет топтала ты меня своими коваными сапогами!

ОЛЬГА Хорошо. (Пауза.) Ну, так что, идём?

Пауза.

ЮЛИЯ Анатолий, где наш мальчик?

РЕМЕЗОВ В пути.

Пауза.

ЮЛИЯ Говорят, что ты отменный спорщик, Анатолий?

ТЕМКИН Блистательный собеседник!

ЮЛИЯ (Ремезову.) Отчего бы тебе, в таком случае, не вызвать кого-нибудь на дуэль? Принц Гамлет, насколько я знаю, делал это по нескольку раз на день.

РЕМЕЗОВ Хочешь, я отнесу тебя в комнату?

ЮЛИЯ Да? И что ты будешь там со мной делать?

ОЛЬГА Юлия, он дело говорит!

ЮЛИЯ Чушь! Он за всю свою жизнь не произнёс ничего путного. (Закрывает глаза.)

РЕМЕЗОВ Вот это, Дмитрий Ильич, называется репетицией смерти.

В дверях появляется Анна. В одной её руке удочка, в другой – пустое ведро. Руки и платье в пятнах крови. Присутствующие не видят ее.

ТЕМКИН Нет, нет, это не то. Это совсем другое. (Пауза.) Это – страстная, артистичная натура. Она переполнена любовью, разве вы не видите? (Пауза.) Это пройдёт, Анатолий Павлович, это скоро пройдёт. (Пауза.) Вы ещё будете жалеть об этом. (Пауза.) Когда однажды вы увидите перед собой тихую, домашнюю, но в одночасье постаревшую женщину – ваше сердце сожмется. Вы подумаете, – Что же я наделал? Вам выть захочется, но возврата уже не будет. (Пауза.) Простите, простите и поймите её сейчас. Поверьте, этим вы и себя сохраните.

Анна роняет ведро.

ОЛЬГА Что случилось?! Что с тобой, Анюта?!
АННА (Кладёт удочку на пол.) Вот.
Пауза.
ОЛЬГА Что означает это «вот»? Что, что, что случилось?!
АННА Ему не было больно. Он ничего не понял.
Пауза.
ОЛЬГА Да кто же?! Я ничего не пойму, что случилось?
АННА Папочка.
Пауза.
ОЛЬГА Что, папочка, что?!
АННА Я убила его. (Пауза.) Задушила леской. (Пауза.) Я не хотела… (Плачет.) Я не хотела, чтобы он мучился! (Оседает на пол.)

Пауза. Темкин срывается с места и бежит в дом. Пауза. Ольга Сергеевна поднимается и устремляется за Темкиным. Пауза. Юлия Сергеевна и Ремезов следуют за Ольгой. Пауза.

Анна Сергеевна тяжело поднимается, подходит к столу. Наливает в стакан вино. Садится. Некоторое время сидит без движения. Выпивает. Берёт со стола яблоко. Откусывает. Некоторое время сидит без движения. Берёт со стола салфетку. Принимается оттирать руки. Без видимого успеха. Оставляет это занятие.

Входит Сергей Петрович Томилин. Садится за стол. Смотрит на часы. Качает головой. Начинает есть. Ест с жадностью, точно торопится. Слышно, как работают его челюсти.

Входят Анна Сергеевна, Юлия Сергеевна, Темкин и Ремезов. Увлечён ужином, Сергей Петрович не обращает на них ни малейшего внимания.

Анна Сергеевна, Юлия Сергеевна, Темкин и Ремезов, шокированные увиденным некоторое время остаются без движения, затем подходят к столу и занимают свои места. Принимаются ужинать. Без слов. Первой заговаривает Ольга.

ОЛЬГА (Очень спокойно.) Откуда у тебя кровь, Анюта?
АННА Я чистила рыбу.
Пауза.
ОЛЬГА Зачем ты это выдумала? (Пауза.) Ты понимаешь, что это гадко?
АННА Уж я всё сказала.
Пауза.
ОЛЬГА Что ты сказала?
АННА Я не хочу, что бы он мучился, как я.
Пауза.
ОЛЬГА Ты не знаешь, что обманывать нехорошо?
АННА Я не смогла сделать этого.
Пауза.
ОЛЬГА Жалеешь?

АННА Не знаю. (Пауза.) Ты будешь пороть меня?
ОЛЬГА А как ты думаешь?

Пауза.

АННА Будешь.

Сергей Петрович поднимается из-за стола, усаживается на стул.
Анна Сергеевна подходит к нему, ложится на колени.

АННА (Ремезову.) Пожалуйста, закройте глаза.

Ремезов закрывает глаза.

ОЛЬГА Дмитрий Ильич, помогите нам, пожалуйста.

Темкин извлекает из штанов ремень.
Останавливается. Прислушивается.
На фоне тишины отчетливо слышен звук осы.
К гудению присоединяется далекий рокот мотоциклов.
Мотоциклов не меньше десятка.
Рокот усиливается, и, в конце концов, становится невыносимым.
Присутствующие морщатся и закрывают уши руками.
Затемнение.

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ ОМСКА. 2016 г.

19 января в 14.00 часов в Омском литературном музее им. Ф.М. Достоевского в рамках реализации программы к 300-летию Омска ***«Литературная летопись города»*** состоялся творческий вечер омского писателя **А.А. Дегтярёва,** и открылась выставка, посвященная 75-летию со дня рождения омского прозаика**.**

Александр Афанасьевич Дегтярёв родился 15 января 1941 года в с. Новотроицк Нижнеомского района Омской области. После окончания средней школы работал в геологоразведке на юге Красноярского края. После двухгодичного обучения по спец.набору был направлен на режимное предприятие п/я 90 (позднее названо ОНИИП), где трудился 32 года механиком по радиоаппаратуре. Получил несколько авторских свидетельств на изобретения и свидетельств на промышленные образцы.

В 1996 году был принят в Союз российских писателей. Автор 6 сборников, член редколлегии альманаха «Складчина».

СКОРБИМ

27 января 2016 года на 69 году ушел из жизни народный артист России **Евгений Владимирович Смирнов.**

Евгений Владимирович Смирнов родился 28 декабря 1947 года в селе Горки Варнавинского района Горьковской области (Нижегородской губернии) в семье служащих. В 1967 г. окончил Уфимское училище искусств (педагог – Шаура Мусовна Муртазина). Работал в театре Краснознамённого Черноморского флота Севастополя, Севастопольском городском драматическом театре им. Луначарского, Киевском русском академическом театре драмы им. Леси Украинки. Снимался в художественных фильмах: «Убить шакала», «Стамбульский транзит», «Записки сумасшедшего», «А вы любили когда-нибудь?», «Офицеры», «Про Машу, про Витю и морскую пехоту».

Евгений Владимирович был приглашён в труппу Омского академического театра драмы в 1996 году и сразу же завоевал любовь омских зрителей и уважение коллег, а феерическое исполнение роли Пузырева-отца в спектакле «Про елку у Ивановых» А. Введенского принесло ему признание критики.

Евгению Владимировичу Смирнову присвоено почётное звание «Народный артист Российской Федерации» (2004 г.). Он награжден орденом «Знак почёта» (1986 г.). Смирнов – лауреат премии Правительства Омской области и Омского отделения Союза театральных деятелей России имени народного артиста СССР А.И. Щеголева (М-сье Пьер в спектакле «Приглашение на казнь» В. Набокова) и «Лучшая роль второго плана» (Фана в спектакле «Отель на час» П. Ландовского и Крутицкий в спектакле «На всякого мудреца довольно простоты» А. Островского). Он лауреат Омского фестиваля «Играем Гоголя» за «Лучшую мужскую роль второго плана» в спектакле «На Невском проспекте» (2009 г.), лауреат премии имени Веры Редлих I регионального фестиваля «Сибирский транзит» в г. Новосибирске («Лучшая мужская роль фестиваля») за исполнение роли М-сье Пьера в «Приглашение на казнь».

Светлая память сохранится в наших сердцах об АКТЁРЕ огромного таланта, необыкновенно нежном и чутком человеке.

Выражаем соболезнование родным и близким Евгения Владимировича.

9 и 10 февраля в 13.00 часов **Омский литературный музей им. Ф.М. Достоевского** приглашал на специальные программы, посвящённые дням памяти **Ф.М. Достоевского** и **А.С. Пушкина.**

9 и 10 февраля (по старому стилю 28 и 29 января) – две знаменательные даты в истории русской литературы, которые оказались мистически связаны между собой.

10 февраля – день памяти А.С. Пушкина – традиционно отмечается по всей России так же ярко и насыщенно, как и день рождения поэта.

9 февраля – день памяти Ф.М. Достоевского, ещё одного признанного во всём мире гения. В 2016 году исполняется 135 лет со дня его смерти и 195 лет со дня рождения. Пушкин оказал большое влияние на Достоевского, его образ, его творчество сопровождали писателя всю жизнь…

Омский литературный музей имени Ф.М. Достоевского приглашает омичей 9 и 10 февраля в 13.00 на специальную программу, посвящённую этим датам. Программа включает презентацию выставки из цикла «***Двадцать одна история из жизни Достоевского» «Смерть и бессмертие Достоевского. Омский острог», лекции «Женщины, воспетые Пушкиным», «Достоевский и русские “бесы”».***

21 февраля в 16:00 часов в Омской областной библиотеке для детей и юношества (Красный Путь, 81) состоялась презентация новой книги поэта и художника **Вероники Шелленберг «*Календарю вопреки*».**

В книгу вошли избранные, а так же новые стихотворения 2010-2015 годов, посвящённые Сибири, Омску, Горному Алтаю. Яркие, образные, разнообразные по тематике, узнаваемые по стилю, исполненные внутреннего драматизма стихотворения Вероники Шелленберг давно стали частью современной лирики Сибири.

25 февраля в 15.00 в Центре библиотечно-информационных ресурсов на иностранных языках **Омской государственной областной библиотеки имени А.С. Пушкина** (ауд. 301) прошёл биографический вечер «Непокорённый талант», посвящённый 110-летию со дня рождения **Мусы Джалиля.**

В 2015 году наша страна отметила 70 лет Победы в Великой Отечественной войне. Свой вклад в Победу над фашизмом внесли люди разных национальностей. Они преподнесли нам уроки патриотизма, нравственности и самоотверженности. **Муса Джалиль** – один из ярких представителей татарского народа. В 1941 г. он был призван в ряды Красной Армии, в 1942 г. тяжело ранен и взят в плен. В заточении им был создан всемирно известный цикл стихов «Моабитская тетрадь» – один из символов сопротивления нацизму.

Мероприятие организовано совместно с Региональной татарской национально-культурной автономией Омской области «Маданият» в рамках соглашения о сотрудничестве между Министерством культуры Омской области и Министерством культуры республики Татарстан.

20 марта в 17.00 на сцене Органного зала филармонии заслуженный деятель искусств Омской области **Алла Енина** представила литературно-музыкальную гостиную ***«Страсть и разочарование Марины»***, посвящённую жизни и творчеству М.И.Цветаевой.

Музыкальными иллюстрациями к программе стали знаменитые романсы на стихи Марины Цветаевой: «Генералам 1812 года» из кинофильма «О бедном гусаре замолвите слово», «Под лаской плюшевого пледа» из «Жестокого романса». Их исполнила **Анна Шинковая** под аккомпанемент **Юрия Полякова** (фортепиано).

27 марта в библиотечном центре «Культура Омска» прошла презентация пятого выпуска литературно-художественного альманаха «Менестрель».

«Менестрель» – литературно-художественный альманах. Издаётся в Омске с 2012 г. Издание ставит своей целью налаживание максимально тесного литературного сотрудничества между Москвой, провинцией и русским зарубежьем. В числе достоинств журнала – регулярно публикуемая хроника литературной жизни Омска и России, большой раздел эссеистики.

В числе авторов альманаха – **Вера Павлова, Нина Садур, Вера Зубарева, Борис Кутенков, Мария Малиновская, Ганна Шевченко** и многие другие авторы из России, ближнего и дальнего зарубежья.

Альманах регулярно проводит конференции, дискуссии, семинары, посвящённые проблемам современной литературной жизни. В качестве приложения к альманаху выпускаются книги его постоянных авторов.

В 2014 г. редколлегия издания учредила **Международную литературную премию им. И.Ф. Анненского**, в жюри которой вошли **Алексей Алёхин, Мария Арбатова, Марина Кудимова, Нина Садур, Анна Гедымин, Владимир Берязев** и др. Конкурс вызвал широкий общественный резонанс. Первыми лауреатами премии стали **Олег Клишин (Омск), Ганна Шевченко (Украина), Алексей Леснянский (Хакасия).**

Альманах активно развивается, постоянно расширяет сотрудничество с новыми авторами и литературными организациями, участвует во многочисленных культурных и просветительских проектах

7 апреля в 12.30 часов в **Омском литературном музее им. Ф.М. Достоевского** состоялась акция ***«Читаем Достоевского в музее»*** (в рамках 300-летия Омска и 195-летия со дня рождения Ф.М. Достоевского).

В течение 2016 года музей Достоевского проводил акцию, в ходе которой любой желающий мог принять участие в чтении романа «Записки из Мертвого дома» в интерьере музея. В день рождения музея, 28 января 2016 года первые строчки романа прозвучали в исполнении директора музея, заслуженного работника культуры РФ В.С. Вайнермана.

Чтение «Записок из Мертвого дома» было продолжено в рамках мероприятий, посвященных 195-летию со дня рождения писателя. По итогам акции из лучших видеозаписей чтения романа был смонтирован видеоролик, презентация которого состоялась в день рождения Ф.М. Достоевского, 11 ноября 2016 года.

28 апреля в 13.00 часов в Омском литературном музее им. Ф.М. Достоевского прошло открытие выставки и вечер памяти, посвященные 80-летию со дня рождения омского поэта, журналиста **Е.Н. Мироновой-Злотиной.**

Имя поэтессы, журналиста, театрального критика, заслуженного работника культуры Елены Николаевны Злотиной (литературный псевдоним Миронова) неотделимо от культурной жизни Омска.

Она родилась 28 апреля 1936 г. в пос. Фабричный Новгородской области. Среднюю школу заканчивала в Пскове. В 1956 году поступила на отделение журналистики Ленинградского университета. С 1960 по 1978 годы работала журналистом газеты «Омская правда», стояла у истоков создания газеты «Вечерний Омск». В 1980-е годы была заведующей литературной частью Омского государственного музыкального театра, позже – Омского театра кукол, актёра и маски «Арлекин». Елену Николаевну уважали коллеги-журналисты и омские литераторы, она была душой Омского отделения Союза российских писателей.

ЕЁ произведения часто печатались в омских газетах, они всегда привлекали читателей своей чистотой и одухотворенностью. На её стихи написано несколько песен и романсов.

Е.Н. Миронова – автор трёх поэтических сборников – «Слушайте музыку стоя» (Новосибирск, 1966), «Просторы тишины» (Омск, 1990) и «Творите праздники души» (Омск, 1994).

Е.Н. Миронова умерла в 1994 году в Омске. В 1999 году Омское отделение Союза российских писателей получило муниципальный Грант на издание посмертной книги Елены Мироновой-Злотиной ***«А может быть, счастье...»*** (Омск, 1999).

На выставке были представлены книги из личной библиотеки Елены Николаевны, в их ряду – с автографами, подаренными известными писателями, рецензии на её произведения, черновые варианты рукописей стихотворений, личные вещи.

На вечере памяти, посвящённом Е.Н. Мироновой-Злотиной, присутствовали омские писатели, журналисты, театральные критики**.**

19 мая Российская государственная библиотека искусств (**РГБИ),** журнал **«Современная драматургия»** и радиостанция **«Радио Культура»** представили произведения, вошедшие в лонг-лист конкурса на лучшее драматическое произведение в жанре монопьесы. В него вошло и произведение «Озябшие ноты», написанное заведующей литературно-драматургической части Северного драматического театра им. М.А. Ульянова (г. Тара) **Татьяной Комылиной.**

Произведения тарского драматурга не раз были успешно представлены на престижных международных литературных конкурсах. Ранее жюри международного конкурса «Литдрама» отметило и внесло в лонг-лист другую пьесу – «Банка сгущёнки», драматическую историю, основанную на воспоминаниях омичей, чьё детство пришлось на страшное военное время.

Татьяна Андреевна Комылина является автором пьес, стихотворных произведений, на её стихи написаны песни о Великой Отечественной войне, родном Прииртышье**.**

26 мая в Библиотечном центре **«Культура Омска»** состоялась презентация 41-го выпуска альманаха «**СКЛАДЧИНА**».

28 июля года в Администрации г. Омска прошла церемония вручения молодёжной **литературной премии имени Ф.М.Достоевского.**

Премия учреждена в 1997 году.

Ежегодный творческий конкурс молодых омских литераторов стал неотъемлемой частью литературной и общественной жизни города.

«Это и знак уважения памяти великого писателя, и своеобразный рейтинг культурной среды Омска. Премия важна как стимул литературной деятельности в русле заложенных Достоевским традиций», – отметил председатель Омского отделения Российского фонда культуры, директор Омского филиала института археологии и этнографии СО РАН и Сибирского филиала Российского института культурологии **Николай Томилов**.

Лауреатами премии 2016 года стали **Валерия Мосеевская, Татьяна Синяк и Надежда Головатенко.**

«Конкурс помогает открыть новые имена, познакомить омичей с творчеством молодых авторов, – отметила при вручении наград заместитель мэра **Ирина Касьянова**.– Отрадно, что эта традиция и литературная история Омска продолжаются».

Как сообщили в департаменте культуры администрации Омска, **Валерия Мосеевская** закончила среднюю школу, является обладателем Гран-при II Городского конкурса литературного творчества школьников «Крылья». **Татьяна Синяк** живет в Таре, работает учителем иностранного языка. В 2015 году стала лауреатом районного литературного конкурса «Проба пера». В 2016 году ее дебютный рассказ «Инопланетянин» вошел в шорт-лист Всероссийского литературного фестиваля-конкурса «Хрустальный родник» в городе Орле. **Надежда Головатенко** по специальности – преподаватель английского языка. Сейчас живёт и работает в Москве, в детском издательстве «Тримаг». Стихи Надежды публиковались в «Литературном Омске», в сборниках поэзии, в журнале «Литературный ковчег». В этом году её произведения вошли в поэтический сборник «Звёзды в океане», посвящённый 300-летию Омска.

Познакомиться с творчеством лауреатов можно в Центральной городской библиотеке, где открылась выставка «Литературная премия им.Ф.М. Достоевского: дебюты и награды».

4 августа, в преддверии Дня города, учреждения культуры Омской области устроили для омичей настоящий музыкальный праздник. В самом центре города развернулась огромная концертная площадка, на которой выступили свыше 400 артистов. В **Большом праздничном концерте классической музыки** приняли участие оркестры Омской филармонии и Омского государственного музыкального театра, сводные детский и академический хоры, солисты – Заслуженная артистка России **Ирина Трусова**, Заслуженная артистка России **Светлана Бородина, Вероника Бартеньева**, лауреат премии Губернатора Омской области **Анна Шинковая**, восходящие звёзды оперной сцены **Виталий Фатеев и Виолетта Сабаева.** Специально для участия в этом проекте в свой родной город приехали воспитанник омской вокальной школы, приглашённый солист **Государственного академического Большого театра России**, лауреат международных и всероссийских конкурсов **Павел Червинский** (бас) и воспитанник омской музыкальной школы, лауреат Международных и Всероссийских конкурсов, стипендиат Международного благотворительного фонда Владимира Спивакова **Дмитрий Бородин (скрипка).** Музыкально-литературной композицией на музыку М.Глинки и стихи М.Лермонтова открыл концерт Заслуженный артист России **Владимир Витько**. В концерте прозвучали известные произведения русских и зарубежных композиторов – **П.Чайковского, М. Глинки, С. Рахманинова, Д. Бородина, И. Дунаевского, Э. Артемьева, А. Бабаджаняна.**

Большой праздничный концерт классической музыки состоялся при поддержке Министерства культуры Российской Федерации, Министерства культуры Омской области, в соответствии с Планом мероприятий празднования 300-летия города Омска. Организаторы проекта – бюджетное учреждение культуры Омской области «Государственный центр народного творчества», автономное учреждение культуры Омской области «Омская филармония».

6 августа, в день 300-летия Омска, Министр культуры Российской Федерации **В.Р. Мединский** провёл церемонию награждения ведомственными наградами деятелей культуры Омской области.

Почётными грамотами Министерства культуры Российской Федерации награждены директор Омского государственного детского ансамбля **Александр Беленя**, директор Музея изобразительных искусств им. М. Врубеля **Юрий Трофимов**, художественный руководитель Омского академического симфонического оркестра **Дмитрий Васильев**, актриса Омского академического театра драмы **Екатерина Потапова**, заместитель директора ОГОНБ им.А.С. Пушкина **Алексей Сорокин**, художественный руководитель Омского государственного русского народного Хора **Александр Зобов.**

Министр культуры В.Р. Мединский поблагодарил присутствующих за их работу, отметил огромный вклад работников Министерства культуры Омской области и подведомственных учреждений в подготовку и проведение мероприятий, посвященных 300-летию г. Омска.

СКОРБИМ

13 августа 2016 года скончалась Легенда омской сцены – **Е.А. Аросева.**

Более полувека Елена Александровна Аросева отдала служению омской сцене. Десятки блистательных ролей, яркая индивидуальность, обаяние снискали ей любовь и уважение зрителей, коллег по театру. Почетное звание ***«Легенда омской сцены»,*** присвоенное Елене Александровне в 1999 г. стало тому подтверждением.

Человек многогранного таланта, Е.А. Аросева не только блистала на сцене, но и писала стихи, готовила и вела телепередачу о великих омских актерах, выступала на творческих вечерах.

Служение Е.А. Аросевой Родине и искусству отмечено государственными и региональными наградами – почётным званием «Заслуженная артистка РСФСР», медалями «За доблестный труд», «За оборону Москвы» и «Ветеран труда», юбилейными медалями, посвящёнными Победе в Великой Отечественной войне. Имя Елены Александровны внесено в Книгу Почёта деятелей культуры города Омска.

Министерство культуры Омской области выражает соболезнования родным и близким Елены Александровны Аросевой. Её уход – невосполнимая утрата для российского театрального сообщества, омского зрителя, коллег по театру.

С 9 по 16 сентября в Омске прошла **Неделя экспериментального театра**.

Организаторы фестиваля – творческое объединение **«ДВА ТЕАТРА» (ШуМиМ и КС)** и Государственный центр народного творчества Омской области. Фестиваль проходит при поддержке центрального комитета **Союза театральных деятелей РФ**, финансовой поддержке Правительства Омской области и администрации г. Омска.

Необычный театральный фестиваль с каждым годом привлекает всё больше зрителей и увеличивает масштабы своей работы. Уникальность проекта заключается в том, что в фестивале участвуют экспериментальные спектакли разных театров – профессиональных, любительских, частных, независимых, ведь опыт нового полезен и необходим всем, кто занимается «живым» театром. Кроме того, программа фестиваля включает в себя не только традиционный показ спектаклей, но и проект ***«День современной драматургии»*** (читки пьес современных драматургов), Поэтический диспут и фотовыставку ***«Создано в Омске»,*** а также мастер-классы педагогов ведущих театральных ВУЗов Москвы и Санкт-Петербурга. Отличает фестиваль от других и то, что после каждого спектакля проходит открытое обсуждение экспертами, актёрами, режиссёрами и даже зрителями. Каждый может стать участником творческого процесса!

В этом году в фестивале примут участие коллективы из **Омска, Новосибирска, Екатеринбурга, Тольятти и Москвы.** В состав экспертного совета фестиваля войдут: **Татьяна Тарасова** – режиссёр, старший преподаватель кафедры режиссуры ГИТИС и кафедры актёрского мастерства ВГИК, г. Москва, **Наталья Шурганова** – хореограф-постановщик, театральный режиссёр, педагог, г. Москва, **Андрей Шимко** – актёр театра и кино, доцент Российского государственного института сценических искусств и Института кино и телевидения, художественный руководитель Наивного театра, г. Санкт-Петербург, **Сергей Денисенко** – председатель секции театральных критиков и член правления Омского отделения СТД. г. Омск.

Мероприятия фестиваля пройдут на четырёх сценических площадках: *ГЦНТ Дворец им. А.М. Малунцева, ДКСМ «Звёздный», ГДТ «Студия» Л.Ермолаевой», Омский* государственный драматический «Пятый театр».

25 сентября 2016 года открылась **Филармония на Левобережье.**

Жителям Левого берега не вполне удобно посещать Концертный и Органный залы филармонии в привычные вечерние часы концертов. Добираться до концертных площадок далеко, возвращаться домой в позднее время – сложно. Именно потому Филармония решила сделать творчество своих артистов ближе к горожанам, проживающим в отдалённом районе.

Главное достоинство проекта ***«Филармония на Левобережье»*** – его доступность. Все мероприятия будут проходить в дневное воскресное время – в 16:00, а значит, станут удобны для семейного посещения. Репертуар концертов, состоящий из популярной классики и эстрады, будет понятен и приятен самой широкой публике. Доступность проекта также выразится в цене билетов: диапазон их стоимости планируется в пределах 180-250 рублей.

Данный проект даст возможность жителям Кировского округа познакомиться с творчеством таких коллективов, как **Омский камерный оркестр, Духовой оркестр, квартет народных инструментов «Тарские ворота»**, а также с творчеством ведущих солистов филармонии. На новой площадке выступят **Светлана Бородина** (сопрано), **Вероника Бартеньева** (сопрано), **Евгений Романов** (баритон), **Татьяна Семерьянова**

(сопрано), **Павел Комаров** (баритон), **Виктор Шурыгин** (балалайка) и **Константин Беляков** (гитара).

Серию воскресных музыкальных встреч на Левом берегу открыл большой концерт-презентация с участием ведущих коллективов и солистов филармонии на площади у Дворца Молодежи 25 сентября в 16:00. Вход на него был свободным для всех желающих. Билеты на другие концерты проекта «Филармония на Левобережье» можно приобрести во всех кассах филармонии, а в дни концертов – во **Дворце Молодежи.**

С 30 сентября по 9 октября 2016 г. прошёл **Региональный литературный фестиваль «ПарОм-2016».** Приём заявок и рукописей для участия в семинаре, проводящимся в рамках Фестиваля, осуществлялся **с 20 августа по 20 сентября 2016 г.** Семинар проводился по направлениям: «Поэзия» и «Малая проза».

Фестиваль «ПарОм-2016» более масштабно продолжил работу пяти ежегодных литературных семинаров «ПарОм», проведённых Омским отделением Союза российских писателей в Омске с 2011 по 2015 гг.

Фестиваль включает в себя семинар (проведение мастер-классов по материалам поданных рукописей), ряд выступлений участников, лекции на литературоведческие темы, издание итогового сборника «ПарОм-2016. Поэзия и проза» и его презентацию. В сборник вошли лучшие произведения участников Фестиваля, а также избранные произведения участников предыдущих семинаров «ПарОм».

В 2016 г. издание сборника было осуществлено на средства муниципального гранта (по итогам конкурса общественно полезных проектов среди общественных организаций г. Омска).

5 октября при реконструкции **Никольского собора** было обнаружено захоронение бронзового века.

По сообщению **Л.А. Герасимовой**, представляющей ООО «Ремстрой» – генподрядчика, ведущего реставрационные работы, погребение обнаружили рабочие при проведении земляных работ в цокольном помещении храма. Выемка грунта была приостановлена и о находке немедленно сообщено в Министерство культуры Омской области.

Начальник управления по сохранению и государственной охране объектов культурного наследия Министерства культуры Омской области **О.В. Плющаков:**

– Генподрядчик очень ответственно отнёсся к требованиям Министерства культуры Омской области, как органа охраны культурного наследия. Работы проводились в полном соответствии с действующим законодательством. Это позволило избежать разрушения захоронения и оперативно организовать работу археологов. Сейчас на месте находки ведутся исследовательские работы.

Директор музея археологии и этнографии ОмГПУ **М.А. Грачёв**, возглавляющий группу археологов, работающих на объекте, заявил, что это по-своему уникальная находка, так как погребение чудом уцелело при возведении такого большого сооружения как казачий Никольский собор. Возможно, это захоронение является остатками большого кладбища, исчезнувшего при интенсивном освоении территории нынешнего Омска в последние 300 лет.

18 октября были вручены премии работникам культуры Омской области.

Важная ведомственная награда – Благодарность Министра культуры Российской Федерации – за большой вклад в развитие культуры, многолетнюю плодотворную работу вручена:

Галине Анатольевне Панкратовой – заведующей отделом народного художественного творчества бюджетного учреждения культуры Омской области «Государственный центр народного творчества»;

Татьяне Вячеславовне Прокопьевой – артисту драмы – ведущему мастеру сцены бюджетного учреждения культуры Омской области «Омский государственный академический театр драмы»;

Валентине Юрьевне Тверской – председателю Правления Омской областной общественной организации Союза писателей России.

В 1994 году Указом Губернатора Омской области учреждена премия Губернатора за заслуги в развитии культуры и искусства. Ежегодно лауреатами этих премий становятся художники, писатели, музыканты, актёры, режиссёры, организаторы культурно-досуговых программ.

Награды носят имена наших выдающихся земляков: **Леонида Николаевича Мартынова**, народного артиста РСФСР **Ножери Давидовича Чонишвили**, народного художника РСФСР **Кондратия Петровича Белова**, народного артиста РСФСР **Виссариона Яковлевича Шебалина, Ивана Григорьевича Андреева**. С 2004 года стал проводиться конкурс на соискание ежегодной премии Губернатора Омской области за заслуги в развитии народного творчества с целью оказания государственной поддержки и поощрения выдающихся достижений в сфере самодеятельного художественного творчества.

Дипломы лауреатов премии Губернатора Омской области торжественно вручила Заместитель Председателя Правительства Омской области **Татьяна Анатольевна Вижевитова**.

Директор Омского государственного литературного музея имени Ф.М. Достоевского **Виктор Соломонович Вайнерман** удостоен звания лауреата премии Губернатора Омской области за заслуги в развитии культуры и искусства имени Л. Н. Мартынова за книгу ***«Поручаю себя Вашей доброй памяти» (Ф.М. Достоевский и Сибирь).***

Диплом лауреата премии Губернатора Омской области за заслуги в развитии культуры и искусства имени народного артиста РСФСР Н. Д. Чонишвили в области театрального искусства вручен главному режиссеру Омского государственного Северного драматического театра имени М.А. Ульянова **Константину Викторовичу Рехтину**, за создание спектакля ***«А зори здесь тихие»***.

Лауреатом премии Губернатора Омской области за заслуги в развитии культуры и искусства имени народного артиста РСФСР В.Я. Шебалина стал художественный руководитель духового оркестра Омской филармонии **Олег Юрьевич Романов**. Награда вручена за значительный вклад в развитие профессионального музыкального искусства Омского региона.

За значительный вклад и достижения в области изобразительного искусства диплом лауреата премии Губернатора Омской области за заслуги в развитии культуры и искусства имени народного художника РСФСР К. П. Белова вручён председателю Омского регионального отделения Всероссийской творческой общественной организации «Союз художников России» **Андрею Николаевичу Машанову.**

Лауреатом премии Губернатора Омской области за заслуги в развитии культуры и искусства имени Ивана Григорьевича Андреева в области культурно-досуговой деятельности вручается стала председатель Совета учредителей автономной некоммерческой организации «Творческое объединение «Два театра» **Наталья Владимировна Козловская**. Награда вручена за создание и организацию проекта **«Экспериментальные выходные».**

21 октября 2016 года в 14.00 ч. в Омском библиотечном техникуме состоялась церемония награждения призеров III фестиваля-конкурса детского и юношеского поэтического творчества ***«Искрись стихами, моя юная душа!»***

Фестиваль-конкурс 2016 года посвящён 300-летию города Омска и 80-летию Омского библиотечного техникума. В нём приняли участие более 60 юных поэтов. Это учащиеся общеобразовательных школ, студенты средних профессиональных и высших образовательных учреждений города и области в возрасте от 13 до 21 года. Лучшие поэтические работы конкурсантов вошли в сборник стихов «Искрись стихами, моя юная душа!».

На церемонии награждения были вручены дипломы и награды, прозвучали лучшие произведения юных авторов и омских поэтов. Гости и участники встретились с известными в литературном мире Омска поэтами **Мариной Безденежных и Андреем Козыревым** (выпускником Омского библиотечного техникума 2009г.).

В начале ноября в Омске прошёл всероссийский литературный фестиваль **«Омская зима».**

В числе участников фестиваля – сопредседатель Союза писателей России **Александр Кердан**, сопредседатель Союза российских писателей **Арсен Титов**, лауреаты престижных литературных премий **Пётр Краснов и Виталий Молчанов** (Оренбург), **Анатолий Кирилин** (Барнаул) и **Валентина Ерофеева-Тверская** (Омск), **Анатолий Омельчук** (Тюмень) и **Елена Козлова** (Сыктывкар), доктор филологических наук, профессор и литературный критик **Л.П.Быков**, секретарь Союза писателей Республики Беларусь **С.А. Трахимёнок.**

Программа фестиваля разделена на два этапа.

Первый прошёл 5 ноября, когда известные поэты и прозаики отправились в Марьяновский и Большереченский районы, где приняли участие в традиционных Ганичевских и Макаровских чтениях. Там же состоялись встречи с читателями в районных библиотеках и домах культуры, вручение литературных премий имени **В.Н. Ганичева и В.А. Макарова**.

Второй этап состоялся 6 ноября, когда в 10.00 часов утра в Омской областной библиотеке имени А.С. Пушкина начала работу XVII-я конференция Ассоциации писателей Урала, Западной Сибири и Поволжья. Основная тема конференции: «***О перспективах развития патриотической литературы в России***». С докладом «Традиция и современность: актуальность и вневременность творческого поиска писателя» на конференции выступила секретарь Союза писателей России, кандидат культурологии, доцент **Н.А.Ягодинцева**. Содоклад: «Писатель и читатель: что и для кого мы пишем?» представил **Л.П. Быков.**

В этот же день, в 17.00 часов в ***Омском областном музее изобразительных искусств имени М.А. Врубеля*** состоялась торжественная церемония вручения **Всероссийской литературной премии имени Д.Н. Мамина-Сибиряка.**

Пресс-конференция организаторов и почётных гостей мероприятий для СМИ состоялась ***в областной библиотеке имени А.С. Пушкина*** 6 ноября в 14.00 часов.

1 ноября назначен новый директор АУК Омской области **«Омская филармония».**

Ирина Борисовна Лапшина окончила Омское музыкальное училище им. В.Я. Шебалина и Новосибирскую Государственную консерваторию им. М.И. Глинки. За время работы она неоднократно проходила дополнительное обучение по профессиональным программам как в России – ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, Санкт-Петербургском университете культуры и искусств, так и за рубежом – в Германии. В отрасли культуры Ирина Борисовна проработала более 34 лет и имеет большой профессиональный опыт. С 2009 года возглавила БУК г. Омска «***Городской Дворец культуры и искусств имени Красной Гвардии».*** Решению о назначении нового руководителя филармонии предшествовала серьёзная кадровая работа, были проведены консультации со специалистами отрасли.

По мнению Заместителя Мэра г. Омска И.М. Касьяновой, Дворец культуры и искусств имени Красной Гвардии является одним из центров культурно-массовых мероприятий города. Работа возглавляемого Ириной Борисовной Лапшиной коллектива по организации и проведению празднования 300-летия г. Омска была проведена на высоком уровне и получила высокую оценку. В 2013 году Ирина Борисовна избрана Председателем Совета директоров культурно-досуговых учреждений города Омска.

Профессиональная деятельность И.Б. Лапшиной отмечена на региональном и федеральном уровне – Благодарственными письмами Председателя Омского городского

Совета и Мэра города Омска, Почетной грамотой Администрации города Омска, Почетной грамотой Министерства культуры Омской области, Почетной грамотой Министра образования Российской Федерации.

3 ноября 2016 г. стартовал проект ***«Библиородина»*** – проект, основанный на принципах краудфандинга, или «народного финансирования», когда любой желающий может стать меценатом и оформить подписку на какое-либо периодическое научно-популярное издание в дар российским библиотекам. Он направлен на обеспечение региональных библиотек современными научными, техническими и научно-популярными изданиями. Основные задачи проекта: обеспечение библиотек периодическими изданиями, популяризация науки и обеспечение доступа к знаниям для широких слоев населения, а также сохранение и рост тиражей научной периодики.

На сегодняшний день в проекте участвуют около 5 тысяч библиотек и 13 периодических изданий: ***«Наука и жизнь», «Юный техник», «Знание-сила», «Авиация и космонавтика», «Машины и механизмы», «Изобретатель и рационализатор», «Левша»*** и другие. Библиотеки могут самостоятельно отправить заявку на участие в проекте, заполнив форму на главной странице, указав точный адрес и контактные данные. Журналы также могут подключиться к проекту по собственной инициативе.

«БиблиоРодину» поддержал председатель Правительства РФ **Дмитрий Медведев**, назвав в своём официальном письме старт проекта «знаменательным событием» для миллионов российских читателей: «Сегодня России, как никогда, необходимы высококвалифицированные инженеры, инноваторы и изобретатели, способные генерировать новые идеи. Поэтому популяризация технических СМИ очень важна, ведь они помогают и взрослым, и детям развивать свои способности, современно мыслить, совершать научные открытия. Отличительной чертой проекта «БиблиоРодина» является меценатская подписка. Благодаря этой адресной помощи региональные библиотеки получат дополнительный источник финансирования, а научные издания увеличат свои тиражи. Я сам с большим удовольствием приму участие в этом проекте».

Узнать подробную информацию, принять участие в проекте, или оформить подписку можно на официальном сайте **Planeta.ru** в разделе ***«БиблиоРодина»*** – *https://biblio.planeta.ru*.

11 ноября 195-летний юбилей **Ф.М.Достоевского** был отмечен в Литературном музее г. Омска проведением театрализованной культурно-просветительской акции ***«Один день Федора Михайловича, или История с продолжением…»***. Мероприятие организовано совместно с **Омским драматическим театром «Галерка»** и театром **«Студия» Л. Ермолаевой**». Акция стартовала в 12.00 от здания музея, участники сделали несколько остановок у памятных мест, связанных с пребыванием писателя в Омске, где прозвучали строки «Записок из Мертвого дома». Мероприятие было продолжено в 13.00 в залах музея, где прозвучали строки из романа «Преступление и наказание», а посетители музея узнали о том, насколько актуальны для нас высказывания из «Дневника писателя», представленные в омской книге ***«Достоевский о нас»,*** выпущенной в 2016 году (составитель – **В.С. Вайнерман**).

В соответствии с Указом Президента РФ «О праздновании 200-летия со дня рождения Ф.М. Достоевского» музеем подготовлены предложения, включённые в региональный план празднования юбилея, кроме того внесены предложения для обсуждения на заседании Ассоциации литературных музеев России, членом которой музей стал в 2016 году, о едином туристическом маршруте ***«По местам Ф.М. Достоевского».***

В 2016 году музей в составе делегации представлял Омскую область на XVIII Международном фестивале музеев ***«Интермузей-2016»*** (проект «Созвездие литературных имён Омска: Ф.М.Достоевский, А.С.Сорокин, Л.Н.Мартынов, Т.М.Белозеров, А.П.Кутилов, Б.Г.Пантелеймонов».

Состоялись значимые и интересные события – выставочно-просветительский цикл «21 история из жизни Достоевского» (последняя выставка – ***«“Зимние заметки о летних впечатлениях” и другие…, или Достоевский в путешествиях»*** открылась 30 ноября в 13-00), выставка работ заключенных омских колоний, презентация и работа аудиотеатра для слепых, первая публикация в журнале **«Сибирские огни»** из фондов музея ранее неопубликованного романа **Всеволода Вячеславовича Иванова «Проспект Ильича»,** всероссийская научно-практическая литературно-краеведческая конференция с международным участием **«Достоевские чтения».** Работали выездные выставки музея – 1) ***«В природе столько красоты...»*** (Природа и история Прииртышья в произведениях омских авторов) в здании Бюджетного учреждения Омской области «Природный парк “Птичья гавань”», 2) ***«Лорд с берегов Иртыша»*** (в районных музеях Седельниково – Тара).

13 ноября в 16:00 в Омской областной библиотеке для детей и юношества (ул. Кр. Путь, 81) состоялась презентация литературного сборника **«ПарОм: поэзия и проза»,** выпущенного по итогам семинаров «ПарОм». На презентации можно было приобрести авторские сборники участников и организаторов фестиваля «ПарОм», прошедшего с 30 сентября по 9 октября 2016 года.

14 ноября в 15.00 в Библиотечном центре **«Культура Омска»** (пр. Мира, д.56) состоялся вечер памяти омского поэта **Николая Башкатова.**

Николай Башкатов родился в 1946 году в Крутинском районе Омской области. После службы в армии работал на нефтекомбинате, учился в СибАДИ, был мастером и преподавателем профтехучилища, работал инженером-конструктором ОАО «Омскэнерго».

Печататься начал с 1986 года. Публиковался в омских газетах и сборниках. В 2000 году Николай Башкатов был принят в Союз российских писателей. Является автором стихотворений и рассказов для детей. В разные годы были изданы книги: ***«Вечная карусель» (1997), «Ключ от счастья» (1998), «Веселые загадки для умственной зарядки и плюс скороговорки для Машки и Егорки» (1999), «Длинное замыкание» (2001), «Среди твоих знакомых зверят и насекомых» (2003), «Пунктиры детства» (2005).***

13 ноября 2016 года Николаю Тихоновичу исполнилось бы 70 лет.

Специалисты Библиотечного центра «Культура Омска» рассказали о жизни и творчестве омского писателя, гости смогли познакомиться с книжно-иллюстративной выставкой «Ключ от счастья».

17 ноября в 18:00 в рамках проекта 12 канала ***«Как пройти в библиотеку»*** в библиотеке **«Квартал 5/1»** состоялась встреча со знаменитым писателем **Захаром Прилепиным.** Встреча транслировалась по омскому телевидению**.**

В ноябре 2016 года состоялись **Первые Пантелеймоновские чтения** (24 ноября в 16-00, ряд событий – в Таре и Муромцево).

В декабре 2016 года прошла Шестая научно-практическая юношеская конференция **«Белозёровские чтения».** К ней было подготовлено электронное издание сборника «**Омский литературный музей. Тексты. Материалы. Исследования. Выпуск третий»** (в том числе с публикацией неизданного произведения **М.К. Юрасовой** «Повесть о Тобольском летописце» – строителе Воскресенского собора **Иване Черепанове**), а также электронный каталог изображений **Ф.М. Достоевского** (из фондов музея).

23 ноября 59 учащихся детских школ искусств муниципальных районов Омской области и города Омска и 6 студентов профессиональных образовательных организаций в сфере культуры получили сертификаты обладателей именных стипендий Министерства культуры Омской области.

5 детских школ искусств муниципальных районов Омской области стали лауреатами конкурса на соискание премий для поддержки социально значимых проектов детских творческих коллективов в сфере культуры:

– муниципальное казённое образовательное учреждение дополнительного образования **«Цветочинская детская школа искусств им. Заслуженного артиста РФ А.К. Денисенкова»** Русско-Полянского муниципального района Омской области за проект в области хореографического искусства ***«Только б ваши сердца не старели»;***

– муниципальное бюджетное учреждение дополнительного образования детей **«Большеуковская детская школа искусств»** Большеуковского муниципального района Омской области за проект в области музыкального искусства ***«Использование малых форм музыкального фольклора в развитии речи детей»;***

– муниципальное бюджетное образовательное учреждение дополнительного образования «Крутинская школа искусств Омской области за проект в области музыкального искусства ***«Подарите детям музыку»;***

– муниципальное бюджетное учреждение дополнительного образования «**Детская художественная школа» Калачинского района Омской области** за проект в области изобразительного искусства ***«Палитра сибирского тракта»;***

– учреждение дополнительного образования **«Называевская детская школа искусств»** за проект в области изобразительного искусства ***«Открываем мир искусства».***

Премии руководителям проектов вручал первый заместитель Министра культуры Омской области **Иван Федорович Шеин.** Вручение стипендий проводили заслуженные работники отрасли культуры, известные артисты, результативно работающие педагоги.

1 декабря в Русско-Полянском районе открылся киноцентр на 150 посадочных мест, в Таврическом – на 320 зрителей.

В городе **Таре** 2 декабря открылся кинозал, который вмещает до 585 человек.

На модернизацию кинотеатров муниципальные районы области, участвующие в программе Фонда кино получили субсидии до 5 млн.рублей.

В муниципальном учреждении культуры Таврического муниципального района «Центр народной культуры и досуга» и муниципальном бюджетном учреждении культуры Русско-Полянского муниципального района «Межпоселенческий центр методико-аналитической деятельности» приобретено и установлено кинопроекционное оборудование, экран для показа фильмов в формате 3D, звуковое оборудование, приобретено рабочее место кассира с программным обеспечением и кинотеатральные кресла.

В муниципальном бюджетном учреждении культуры «Тарский культурно-досуговый центр «Север» приобретено кинопроекционное оборудование, киноэкран для показа фильмов в формате 3D, звуковое оборудование, рабочее место кассира. На приобретение необходимого оборудования администрацией Тарского муниципального района дополнительно выделено более 1 млн. рублей.

В 2016 году по программе Фонда кино запланировано открытие кинотеатров и кинозалов в **Большереченском, Исилькульском, Марьяновском, Москаленском, Муромцевском, Русско-Полянском, Таврическом и Тарском** районах.

14 декабря в ОмБТ состоялось заключительное в 2016 году **заседание литературно-поэтического клуба «Магнит»**.

На встрече любители литературы и поэзии подвели итоги деятельности за 2016 год. Этот год был насыщен встречами с интересными людьми. В стенах техникума побывали такие омские прозаики и поэты, как **Марина Безденежных, Дмитрий Соснов, Александр Петров, Влас Вересень, Татьяна Куземцева** и другие. Самым активным литератором, продвигающим современную омскую литературу, является руководитель литературно-поэтического клуба «Магнит», частый гость техникума, выпускник ОмБТ 2009 года, **Андрей Козырев**. В этот раз автор представил свою новую книгу «***Осень в Византии».***

В декабре Омские муниципальные библиотеки и Омское региональное отделение Общероссийской общественной организации ***«Союз российских писателей»*** приступили к реализации акции ***«В авангарде российской литературы»,*** посвящённой 25-летию Союза российских писателей. Акция предусматривает встречи с омскими авторами, презентации изданий, литературные часы и другие мероприятия, которые пройдут в библиотеках.

Основное мероприятие – передвижная выставка **«Союзу российских писателей – 25 лет»**, которая уже работает в **Центральной городской библиотеке** (бульвар Победы, 4), а затем с ней смогут познакомиться жители всех округов нашего города в библиотеках: **им. А.М. Горького, им. М.В. Ломоносова, им. Зои Космодемьянской, Библиотечном центре «Дом семьи», детской библиотеке им. И.А. Крылова.**

24 декабря 2016 года открылся музей военной истории ***«Воскресенский собор».*** Идея восстановления уникального исторического объекта появилась ещё в 1990-е годы, а в 2009 году было принято постановление Правительства Омской области «О строительстве (воссоздании) объекта культуры «Воскресенский собор». В ходе подготовки к празднованию 300-летия г. Омска было принято окончательное решение о строительстве значимого для истории города здания. Для содействия в возведении храма была создана некоммерческая организация – ***«Фонд строительства (воссоздания) объекта культуры «Воскресенский собор».***

Попечительский совет организации вошли видные омские общественники, бизнесмены, представители научного сообщества – историки, архитекторы, археологи. По приглашению Губернатора, Председателя Правительства Омской области **В.И. Назарова** Совет возглавил руководитель фонда «Духовное наследие» **Л.К. Полежаев.**

О готовности федерального центра принять участие в судьбе уникального для Омска здания заявил и Министр культуры Российской Федерации, Председатель Российского военно-исторического общества **В.Р. Мединский**. Проект по воссозданию Воскресенского собора вошел в федеральную целевую программу ***«Культура России (2012-2018 годы)»*** при участии средств регионального бюджета. Всего в 2016 году из федерального бюджета выделено 91,21 млн. рублей, из средств региона – 27,7 млн. рублей.

С Соборо-Воскресенской церковью связаны исторические для Омска моменты. Именно здесь крестили русского художника **М.А. Врубеля**, бывал на службах, во время отбывания каторги, великий писатель **Ф.М. Достоевский**. В 1891 г., будучи проездом в г. Омске, в храме молился **Император Николай II**, а в 1905 г. отслужил Божественную литургию **святой праведный Иоанн Кронштадтский.**

Кроме религиозной, собор выполнял и просветительскую функцию, став прародителем **Омского архива** и своеобразным музеем. В его запасниках хранился ценный документальный материал по храмам Омска и прилегающим к нему селениям. В стенах собора имелась большая духовная **библиотека**, которая в 1867 году насчитывала более 1020 изданий, а к началу XX века их численность возросла до 2000. Были в соборной церкви и уникальные реликвии: напрестольное облачение, крест, дискос и Евангелие, пожертвованные храму самой **императрицей Екатериной II**, а также три казачьих знамени начала XVIII века.

Решение организовать в здании собора исторический музей было неслучайным. Практика создания музеев в отреставрированных храмовых комплексах существует давно. Примерами являются музейный комплекс **«Исаакиевский собор»** или **«музей четырех соборов»**, куда входят **Смольный, Сампсониевский и Исаакиевский соборы, собор Спас на крови**. **Успенский собор Московского Кремля** – православный храм, расположенный на Соборной площади Московского Кремля, входит в Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». Экспозиции Центрального музея древнерусской культуры имени **Андрея Рублева** располагаются, в том числе на территории Спасо-Андронниковского монастыря. При этом, учитывая историческое предназначение, в таких храмах-музеях, по согласованию, могут проводиться и богослужения.

«Это – уникальный собор, потому что он – воинский, и не так часто встречаются соборы с такой историей и великими именами, которые его посещали. Поэтому надеемся, что и нынешние защитники Отечества будут приходить сюда, как к себе домой, в свой домашний храм, в свою домашнюю церковь. В Омске хорошее отделение **российского военно-исторического общества**. Проводится ежегодный фестиваль, посвящённый походам **Ермака**. Видно, как ребята увлечены военной историей», – отметил Министр культуры Российской Федерации **Владимир Мединский.**

Первым почётным посетителям музея были представлены уникальные экспонаты, сохранившиеся в краеведческом музее, а также реликвии, найденные при раскопках при воссоздании собора. В центре экспозиции – напрестольное облачение, крест, дискос и Евангелие, пожертвованные храму самой императрицей **Екатериной II**, и казачьи знамена начала XVIII века, а также плита с именами военных, пропавших без вести во время русско-японской войны, фрагменты оружия и обмундирования.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баранова Евгения (Джен) – поэт. Родилась 26 марта 1987 года. Родной город – Ялта. Произведения публиковали «Юность», «Дальний Восток», «Кольцо А», «Зинзивер», «Плавучий мост», «Ликбез», «Гостиная», «Новая реальность», «Дети Ра», «Зарубежные задворки», «Литеrrатура», «Журнал ПОэтов», «Южное сияние», «45-параллель» и других издания. Финалист «Илья-премия» (2006); призер премии «Серебряный стрелец» (2008); призер премии «Согласование времен» (2010); дипломант премии «Лужарская Долночь» (2013); лауреат конкурса «Пятая Стихия» имени Игоря Царева (2014); призер поэтической эстафеты «Вечерние Стихи» (2015); шорт-листер конкурсов «Эмигрантская лира-2013/2014», «Эмигрантская лира-2015/2016»; финалист премии «Поэт года» (2015). Участник Международного поэтического фестиваля «Киевские Лавры» (2009, 2013, 2016). Участник 19-го Международного Форума Издателей во Львове. Участник Совещания молодых писателей при Союзе писателей Москвы (2015). Судья Международных поэтических конкурсов «45 калибр», «Провинция у моря». Автор двух книг – «Зелёный Отсчёт» (2009), «Том 2-ой» (2012) – и одного аудиопоэтического альбома «Песни для любви и революции» (2015). Член Союза писателей Москвы, Южнорусского союза писателей, Союза писателей XXI века. Проживает в Москве.

Газизова Лилия – поэт, переводчик, эссеист, заслуженный деятель искусств Республики Татарстан, член Союза российских писателей, член Международной федерации журналистов, член Союза писателей Республики Татарстан.

Начала печататься с 1987 года. Первая публикация в центральной прессе была в советско-болгарском журнале «Дружба» в 1990 году. Большую роль в творчестве Газизовой сыграла встреча с Анастасией Ивановной Цветаевой, которая рекомендовала её стихи в журнал «Юность» и написала предисловие к первой книге «Чёрный жемчуг».

Публиковалась в журналах «Знамя«, «Арион», «Дружба народов», «Октябрь«, «Юность», «Современная поэзия«, «Дети Ра«, «Крещатик», «День и ночь», «Сибирские огни«, «Зинзивер«, «Футурум АРТ», «Поэзия сегодня» (Польша), «Идель», в «Литературной газете«, «Литературной России«, альманахах «Истоки», «День поэзии», «Поэзия пяти континентов» (Македония) и ряде зарубежных антологий.

Стихи переводились на английский, французский, немецкий, польский, македонский, турецкий, армянский, румынский, болгарский, латышский, украинский языки.

Переводит татарскую поэзию на русский язык.

Участник международных фестивалей в Македонии («Стружские вечера поэзии», 2013), Польше («Фестиваль славянской поэзии», 2012, 2013), Турции («Фестиваль тюркской поэзии», 2010), Румынии («Врата поэзии», 2012), Армении («Форум писателей и переводчиков стран СНГ, 2012»), Украине («Международный Волошинский фестиваль «, 2011, 2012, 2013) и др.

Член редакционного совета журнала «Зарубежные записки».

Организатор традиционного Осеннего бала поэзии (проводится ежегодно в Казани с 1997 года).

Автор идеи и организатор Международного поэтического фестиваля им. Н. Лобачевского (проводится ежегодно в Казани с 2011 года). Это единственный в мире литературный фестиваль, который носит имя математика. Его важной составляющей является научная конференция «Влияние неевклидовой геометрии на художественное сознание».

Организатор Международного Хлебниковского фестиваля ЛАДОМИР (проводится ежегодно в Казани и Елабуге с 2012 года).

Организатор (совместно с журналом «Дружба народов») Международного фестиваля «Литературная Универсиада в Казани» (2013).

Организатор (совместно с Союзом писателей 21 века) фестиваля «Словесность 21 века» (2013).

Куратор «Литературного салона Лилии Газизовой» при Национальном музее Республики Татарстан.

Гаммер Ефим родился 16 апреля 1945 года в Оренбурге (Россия), жил в Риге, закончил русское отделение журналистики Латвийского госуниверситета, автор 15 книг, лауреат ряда международных премий по литературе, журналистике и изобразительному искусству, обладатель Гран-при и 13 медалей международных выставок в США, Франции, Австралии.

Среди литературных премий – Бунинская, серебряная медаль, Москва, 2008, «Добрая лира», Санкт-Петербург, 2007, «Золотое перо Руси», золотой знак, Москва, 2005 и золотая медаль на постаменте с надписью «Лучшему автору», 2010, «Петербург. Возрождение мечты, 2003». В 2012 году стал лауреатом (малая золотая медаль) 3-го Международного конкурса имени Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков и дипломантом 4-го международного конкурса имени Алексея Толстого.

Его роман о подростках «Приемные дети войны» был также отмечен Фондом «Русский мир».

Живёт в Иерусалиме. Работает на радио «Голос Израиля». Шеф-редактор и ведущий авторского радиожурнала «Вечерний калейдоскоп», член израильских и международных союзов писателей, журналистов художников, входит в редколлегии журналов «Литературный Иерусалим», «Литературный Иерусалим улыбается» (Израиль) и «Приокские зори» (Россия). Печатается в журналах России, США, Израиля, Германии, Франции, Латвии, Дании, Финляндии, Украины, Молдовы и других стран, переводится на иностранные языки.

В 1998 году Ефим Гаммер, бывший победитель первенств Латвии. Прибалтики, Израиля по боксу, вернулся на ринг после 18-летнего перерыва и 27 раз подряд становился чемпионом Иерусалима.

Горнов Григорий – поэт. Родился в 1988 г. Учился в институте связи (МТУСИ), в педагогическом (МПГУ), в медицинском колледже №2, Литературном институте им. Горького (семинар С. Арутюнова). Публикации в журналах «Нева», «День и Ночь», «Дети Ра», «Москва», «Кольцо А», «Новая Юность» и других. Автор двух книг стихов. Член Союза Писателей Москвы. Проживает в Москве.

Демьяненко Андрей – писатель, художник. Родился в 1974 г. Издатель, главный редактор литературного журнала «Вокзал». Живёт и работает в Санкт-Петербурге.

Денисенко Иван – поэт, прозаик. Родился в 1979 году в Омске. Коренной омич. Окончил гимназию № 19 и филологический факультет Омского государственного университета. С 1992 года стал публиковать свои стихи, очерки, рассказы в периодических изданиях Омска, Москвы, Петербурга, в журналах «Омская Муза», «Омск театральный», «Мир увлечений», «Максимум», «Специалист», «День и Ночь», «Ost-West Panorama» и коллективных литературных сборниках «На первом дыхании», «Складчина», «Омск. Дом актера. День за днем» и других. Автор поэтических сборников «Четвёртая дорога», «Охота на тельца», «Рубикон», «Двое в городе» и др., а также повести «Город в кратере», изданной на грант Министерства культуры РФ. С 2002 года – член Союза журналистов России. С 2006-го – член Союза российских писателей. Лауреат литературной премии им. Ф.М.Достоевского (2006 г.), ряда других журналистских и литературных конкурсов. Живёт в Санкт-Петербурге.

Домбровский Станислав – поэт. Родился в Омске в 1987 году. Окончил Новосибирский Государственный Университет, по профессии – программист, по призванию – менеджер. Стихи печатались в различных сборниках, журналах: «Время на ощупь» (Омск, 2004), «Иду на честный разговор» (Омск, 2008), «Литературный Омск» и других. Автор

книги стихов «Запасный выход» (Омск, 2006). Лауреат областной молодежной литературной премии им. Ф.М. Достоевского (2006). Живёт в г. Санкт-Петербург.

Елизарова Наталья – прозаик, драматург, театральный критик, учёный, журналист. Родилась 20 июня 1977 года в городе Омске. Окончила филологический факультет Омского государственного университета, аспирантуру Омского государственного технического университета по специальности «Отечественная история». Кандидат исторических наук. Автор более 100 научных публикаций по истории России. Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств. Печаталась в журналах «Москва», «День и Ночь» (г. Красноярск), «Южная звезда» (г. Ставрополь), «Огни Кузбасса» (г. Кемерово), «Бельские просторы» (г. Уфа), «Урал» (г. Екатеринбург), «Этюд» (г. Киев, Украина), «Подлинник» (г. Кишинёв, Молдова), «Гостиная» (г. Филадельфия, США), «Омская Муза», «Звёздный век», «Пилигрим», «Преодоление» и др., альманахах «Складчина», «Голоса Сибири» (г. Кемерово), «Под часами» (г. Смоленск), «Тарские ворота», «Точка зрения», «Менестрель», «Иртыш-Омь», газетах «Сибирская околица» (г. Татарск), «Московский литератор», «Путник» (г. Херсон), «Интеллигент» (г. Санкт-Петербург), «Класс», коллективных сборниках «На первом дыхании», «Моё имя», «Люблю на разных языках», «И дуют ветры с реки Тишины», хрестоматии по литературному краеведению для младшего и среднего школьного возраста «Сказы Прииртышья», антологии произведений омских писателей для детей «На солнечной гриве», антологии произведений омских писателей «Годовые кольца». Автор шести книг: «Завтрак в постель» (Омск, 2004), «Королевство не для принцесс» (Омск, 2006), «Женщина-лисица» (Омск, 2006), «Ушедшие в ночь» (Омск, 2011), «Жестокие боги» (Омск, 2013), «Жмых» (Омск, 2014). Лауреат областной литературной премии имени Ф.М. Достоевского (Омск, 2004 г.). Лауреат Германского международного литературного конкурса «Лучшая книга года» в номинации «Крупная проза» за роман «Жмых» (Берлин-Франкфурт, 2015 г.). В 2016 г. награждена Почётной грамотой Правительства Омской области за высокое профессиональное мастерство и вклад в развитие культуры. Член Союза российских писателей.

Козырев Андрей родился 26.10.1988 г. в г. Омске. Автор девяти книг. Имеет поэтические публикации в журналах «Арион», «Кольцо А», «Журнал ПОэтов», «Пролог», «Золотое руно» (Москва), «Нива» (Астана), «День и Ночь» (Красноярск), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Гостиная» (Филадельфия), «Книголюб» (Алма-Ата), «Голоса Сибири» (Кемерово), «Литературный Омск», «Литературный меридиан» (г. Арсеньев), «ЛикБез» (Барнаул), альманахах «Складчина», «Точка зрения», «Менестрель», «Тарские ворота» (Омск), «Путник» (Херсон), «Подлинник» (Кишинев), журналах «Пилигрим», «Омская Муза», «Иртыш-Омь», коллективных сборниках «Литеры» (Москва), газетах «День литературы», «Литературные известия» (Москва), «Интеллигент» (Нью-Йорк), «Омский университет», «Литературный Дом», «Пульс» (Омск).

Главный редактор литературно-художественных альманахов «Точка зрения» и «Менестрель». Глава оргкомитета Международной литературной премии им. И.Ф.Анненского. Администратор областного сайта молодой омской поэзии «Молодежный проспект». Участник Международного Волошинского конкурса (лонг-лист 2013, шорт-лист 2014 гг). Руководитель литературной студии «Магнит».

Лауреат областной литературной премии им. Ф.М.Достоевского (2009 г.). Лауреат областного конкурса им. П.Васильева (2009 г.). Член Союза писателей Москвы. Стипендиат Министерства культуры РФ.

Коржавина Анна – поэт. Родилась в 1985 г. в г. Заречном (Пензенская обл.). Окончила факультет русского языка и литературы ПГПУ им. В.Г. Белинского. Стихотворные подборки печатались в журналах «Сура» (Пенза), «Пролог» (Москва), «Лик» (Кемерово), «Студенческий Меридиан»; в альманахах «Золотая строфа» и «Молодая пензенская поэзия»,

многих периодических изданиях России и мира. Автор нескольких поэтических книг. Живёт Москве.

Купцова Лидия (Бабка Лидка) – поэт. Родилась 3 января 1941 года в Омске. Родом из амурских казаков. Училась в новосибирском культпросветучилище. В конце 60-х два года специализировалась на выпуске швейных изделий (ватники, рукавицы). В 70-х – заочница политеха. Разнорабочая. Без определенного места жительства. Православная.

Кураш Владислав – современный украинский писатель. Родился 9 июля 1974 года. Потомок древнего литовского княжеского рода Кураш, берущего свои корни из династии Ягеллонов, родоначальником которой был Великий Князь Литовский и Король Польский Владислав II Ягайло, внук Гедимина, сын великого князя литовского Ольгерда и тверской княжны Иулиании.

Работал продавцом в супермаркете, почтальоном, уборщиком в пивном баре, грузчиком. В 1994 году нанялся матросом на рыболовецкое судно, на котором плавал к берегам Африки, Латинской Америки, берегам Японии и в северные моря. Бывал в Германии, Франции, Испании, Италии, Португалии. Богатые впечатления от путешествий выплеснулись в ряде рассказов об украинских эмигрантах в Европе.

Регулярно публиковаться стал с 2007 года. Печатался в журналах, газетах и альманахах «Дни славянской письменности в Украине» (Киев), «Русло» (Киев), «Новая литература» (Москва), «Нева» (Петербург), «День и Ночь» (Красноярск), «Кольцо А» (Москва), «9 Муз» (Греция), «Точка ZRения» (Москва), «Новый Журнал» (Нью-Йорк), «Камертон» (Москва), «Русский переплёт», (Москва), «Творческая Россия» (Москва), и «Начинающий писатель» (Москва), «Рефлексия Абсурда» (Москва), «Жизнь Международного Фонда ВСМ» (Тель-Авив), «Post Scriptum» (Запорожье), «Великороссъ» (Москва), «Новая Реальность» (Кыштым), «Лава» (Харьков), «Топос» (Москва), «Московский Базар» (Москва), «Слово\Word» (Нью-Йорк), «Наше поколение» (Кишинёв), «Русская жизнь» (Москва), «Украинская литературная газета» (Киев), «Русская народная линия» (Москва), «Золотая Пектораль» (Киев), «Чайка» (Большой Вашингтон), «Литературная Губерния» (Самара), «Товарищъ» (Харьков), «Снежный ком» (Москва), «Литературная Россия» (Москва), «Метаморфозы» (Минск), «Белый ворон» (Екатеринбург), «Литкультпривет» (Нижний Ингаш), «Земляки» (Чикаго), «Графит» (Тольятти), «День Литературы» (Москва), «Литература и жизнь» (Киев), «Existenz« (Петербург), «Сетевая словесность» (Москва), «Фабрика Литературы» (Киев), «Зарубежные задворки» (Дюссельдорф), «Артбухта» (Севастополь), «Кругозор» (Большой Вашингтон), «Новая Юность» (Москва), «Labirint25» (Тель-Авив), «Артикль» (Тель-Авив), «Пражский Парнас» (Прага).

Рассказы Владислава Кураша входили в лонг-лист фестиваля-конкурса «Бумажный Ранет-2014», второго Международного литературного форума «Славянская лира-2015», литературного конкурса «Молекулярное кафе», литературного конкурса «Пишущая Украина-2009», литературного конкурса журнала «Млечный Путь», IV-го Международного конкурса на лучший короткий рассказ «Zeitglas-2015», в шорт-лист литературного конкурса «Птица-Счастье», в десятку самых читаемых произведений журнала «Новая Литература» и десятку победителей фестиваля-конкурса «Русский Stil-2014», литературного конкурса «Малая проза», литературного конкурса «Нарисуем портрет», литературного конкурса «Мирные выси», литературного конкурса «По обе стороны зеркала», в число победителей литературного конкурса «Два вагона лета – 2011», литературных конкурсов «Пути героя – тур 1», «Пути героя –тур 4», литературного конкурса «Ночные магнолии», литературного конкурса «Размышления о прожитом», литературного конкурса «Два вагона лета – 2014», Международного многоуровневого конкурсного проекта имени де Ришелье 2015.

Автор сборника рассказов «Дети судьбы» (2013 г.)

Член Всеукраинского национального культурно-просветительского общества «Русское Собрание». Член Харьковского клуба поэзии «Авал».

Курилко Алексей – писатель, публицист, сатирик, радиоведущий. Родился в 1976 году. С 2001 г. публикуется в отечественной и зарубежной литературной периодике: «Нева», «Крещатик», «Радуга» «Литературная Россия», «Эдита», «Иностранная Литература», «Зарубежные задворки», «Сибирские огни», «Наша Канада»,»Медведь», «День литературы», «Слово/Word» и др.Автор шести книг: «Волчья любовь», «Земля вращается со скрипом», «Долгая дорога в ад», «Все женщины продаются», «Бег по жизни», «Подарок для»… Ведущий радиопрограммы «Литературные беседы, или Мимолётно о вечном». В 2010 году получил Русскую премию за повесть «Сборище неудачников». В 2012 году получил Гоголевскую премию за повесть «В поисках золотого тельца».

Лукшт Игорь – поэт, художник. Родился в 1950 году в городе Баку. Учился в школе во Фрунзе. В 1973 году окончил Московский авиационный институт инженерии, в 1980 поступил в Московское высшее художественно-промышленное училище им Строганова, в 1985 окончил его. В настоящее время – скульптор, преподаёт рисунок в Строгановке и школе-студии МХАТ, член Московского и Российского союзов художников. Стихи начал публиковать с 2004 года. Лауреат ряда международных поэтических конкурсов.

Мельников Дмитрий – поэт. Родился в 1967 году в Ташкенте. С 1994 года живёт и работает в Москве. Публиковался в журналах «Арион», «Знамя», «День и Ночь» и др. изданиях России и зарубежья. Автор поэтических книг «Иди со мной», «Родная речь».

Петров Александр – прозаик. Живёт в г. Омске. Публиковался в альманахе «Менестрель», журналах «Иртыш-Омь», «Вольный лист». Автор сборника рассказов «Ищу человека» (Омск, 2015 г). Лауреат литературной премии им. Ф.М.Достоевского 2015 г.

Рывкин Илья – поэт, прозаик, медиахудожник. Родился в 1974 г. в Петрозаводске. Учился в ФУ Берлин (музыковеденье и германистика), в Берлинском свободном университете (германистика и музыковедение). Автор ряда публикаций в журналах, газетах и антологиях в России и Германии. Живёт в Берлине.

Садур Екатерина – драматург, прозаик, сценарист. Родилась в Новосибирске. Окончила Литературный институт им.А.М. Горького. Публиковалась в журналах «Стрелец», «Знамя», «Новая Юность», «Дружба народов» и др. Лауреат премий «Дебют» журнала «Знамя», «Малый Триумф», премии и стипендия фонда Альфреда Тёпфера. Пьесы неоднократно шла в театрах Москвы, Петербурга, Тольятти. Проза переводилась на немецкий, финский, английский и шведский языки.

Сенин Игорь – поэт, публицист. Родился в Омске в 1962 г., закончил Омскую высшую школу милиции в 1983 г., работает преподавателем в Омском экономическом институте. Публиковался в сборниках «Витражи», «Мой любимый город», «Загадки души», «Поэтам серебряного века» (Москва), московских альманахах «Времена года», «Поют любовь вам ангелы–поэты», русскоязычном альманахе «Жемчужина» (Австралия), журнале «Виктория» (Омск). Автор книги «Россия извечная» (2007).

Сергеева Анастасия – поэт, критик. Родилась в Омске в 1987 году. Окончила специалитет и магистратуру филологического факультета ОмГУ им. Ф.М. Достоевского. Работает преподавателем в ОАБИИ. Участвовала в Омских областных семинарах молодых литераторов (в 2006 и 2012 г.), во Всероссийском семинаре молодых литераторов в г. Каменск-Уральский в 2007 году, во Всероссийском совещании молодых писателей в г. Сургут в 2009 году, в Международном совещании молодых писателей в г. Каменск-Уральский в 2013 году. Является членом литературного объединения при СПРФ. Стихи печатались в коллективных сборниках, журналах: «Привет, у нас уже весна!» (Омск, 1998),

«Время на ощупь» (Омск, 2004), «Бабье лето – 3» (Омск, 2004), «Бабье лето – 4» (Омск, 2007), «Каменский семинар» (Екатеринбург, 2007), «Весна – это всех касается» (Омск, 2007), «Иду на честный разговор» (Омск, 2008), «Когда-нибудь мы встретимся» (Омск, 2011), «Можно коснуться неба» (Омск, 2012), «Литературный Омск», «Бизнес курс» и других.

Симонова Дарья родилась в Свердловске в 1972 году, окончила факультет журналистики Уральского университета. Жила в Санкт-Петербурге, сейчас – жительница Москвы. Постоянный автор журналов «Урал», «Знамя», «Новый берег», «Зинзивер», «Крещатик» и др. Сотрудничала с журналом «От Питера до Москвы». Автор книг: «Половецкие пляски» «Узкие врата», «Свингующие». Публиковалась и в сборниках современной прозы, в том числе в антологии на французском языке «La prose russe contemporaine» (Fayard, Paris, 2005 год). Автор историко-литературных генеалогических изданий «Родословия Огородниковых, Горлиных и Бурштейнов», «Дворовые или дворяне», «Родословная книга Балк». В 2011 году в «Центрполиграфе» вышел детективный роман «Пятнадцатый камень», написанный Симоновой в соавторстве с Еленой Стринадкиной.

Смирнов Михаил – прозаик. Родился 27 сентября 1958 г. Живёт в городе Салават (Башкортостан). Печатался в СМИ республики Башкортостан, московских и зарубежных изданиях. Лауреат ряда литературных премий, в том числе Лауреат Международного литературного фестиваля «Русский Stil – 2010», Лауреат Международного конкурса Национальной литературной премии «Золотое перо Руси – 2010». Лауреат Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы им. А.Н. Толстого. Лауреат Международной премии «Филантроп» 2016 год и мн. др. Обладатель Знака особого отличия «Серебряное перо Руси», обладатель звания «Серебряное перо Руси», сертификат соответствия № 62, награждён медалью «Русский STIL», медалью им. Ф.М. Достоевского «За красоту, гуманизм, справедливость», медалью им. Льва Николаевича Толстого «За воспитание, обучение, просвещение». Член товарищества детских и юношеских писателей России. Член международного творческого объединения детских авторов (МТОДА)

Степанова Анна – поэт. Родилась в 1987 году в г. Степногорск Целиноградской обл., жила в г. Омске. Училась в ОмГУ им. Ф.М. Достоевского на филологическом факультете. С 2005 года является членом литературного объединения при СПРФ. Участвовала в Омских областных семинарах молодых литераторов (в 2006 и 2015 г.), во Всероссийском семинаре молодых литераторов в г. Каменск-Уральский в 2007 году. Стихи печатались в коллективных сборниках, журналах: «Бабье лето – 4» (Омск, 2007), «Весна – это всех касается» (Омск, 2007), «Иду на честный разговор» (Омск, 2008), «Когда-нибудь мы встретимся» (Омск, 2011), «Можно коснуться неба» (Омск, 2012), «Литературный Омск» и других. Автор книги стихов «У Созвездья Большой Лисицы» (Омск, 2007). Живёт в Ямало-Ненецком АО, работает корреспондентом в редакции одной из местных общественно-политических газет.

Строганов Александр родился 29.11.1961 в Барнауле. Драматург, поэт, писатель, член Союза писателей и Союза литераторов России, член Русского ПЕН-центра. Доктор медицинских наук. Профессор кафедры психиатрии Алтайского государственного медицинского университета.

Создал оригинальное направление в психотерапии – трансдраматическую терапию, представляющую собой универсальную схему трансформаций театральных систем в психотерапевтические методы. В рамках трансдраматической терапии на базе театральной системы Б. Брехта разработал метод эпической (описательной) терапии, на основе театральной системы К. С. Станиславского – метод действенно-аналитической коррекции, на базе театрального учения М.А.Чехова – метод коррекции атмосфер, на базе театральных техник В.Э. Мейерхольда и Г.И. Гурджиева – метод психотерапевтического монтажа.

Литературной деятельностью занимается более 30 лет.

Лауреат поэтического фестиваля «Мастерские модерна» 1997 г., лауреат Демидовской премии в области литературы 2000 г., лауреат премии за достижения в области драматургии «Действующие лица» 2008, победитель Открытого международного поэтического конкурса «Золотая строфа 2009», призёр конкурса Международной гильдии писателей «По Чехову» 2013. Автор более 50 пьес. Автор более 50 пьес.

Произведения А. Строганова публиковались в журналах и альманахах «Арион», «Странник», «Сюжеты» (Москва); «Алтай» (Барнаул); «Розмысл» (Бийск); «Театр» (Москва); «Балтийские сезоны» (Санкт-Петербург) и т.д.

В 2003 году пьеса «Орнитология» в переводе Е. Чеха вышла в литературном журнале «Диалог» (Польша).

А. Строганов – автор сборника поэзии «Мелос» (Барнаул. 1980); книги «Excentrique» (Барнаул. 1993); «Книга стихов и пьес» (Москва. 2002); «Каденции» (Барнаул. 2004); «Иерихон» (Барнаул 2007); «The Jester's Chess» (Samara-Runcorn 2007), «Four on the very top of the tower of Babel» (Samara-Runcorn 2008), «Selected Plays» (Authorhouse Publishing 2011) Великобритания, романа «Купание Ягнатьева», сборников пьес «Удильщики милостью Божьей», «Орнитология» (Издательство Za-za, Германия, 2012-2013).

Переводы пьес Строганова на английский язык осуществляют Надежда Рогожина и Дэвид Райт.

В 2008 году в издательстве «Наука и техника» (СПб) вышла книга А. Строганова «Психотерапия на базе театральных систем», в 2011 – в издательстве «LAP-Lambert», Германия, монография «Трансдраматическая психотерапия».

Направление в драматургии, разрабатываемое Строгановым, обозначено литературной критикой парареализмом.

Улзытуев Амарсана родился в г. Улан-Удэ в 1963 г. в литературной семье. Член Союза Российских Писателей, член Русского Пен-Центра. Впервые получил известность благодаря стихотворению «Лосиная песнь» (1982), впоследствии ставшее «легендой» в интернет-пространстве. Первая публикация была в «Литературной России» в 1981 г. Затем в журналах «Юность» 1986, «Дружба народов» 1991 г. и др. После 20-летнего перерыва возобновил публикации в литературных журналах страны: «Новый Мир», «Арион», «Журнал поэтов», «Homo Legens», «Байкал», «Рубеж», «Сибирские огни» и др.

Стихи переведены на азербайджанский, латышский, монгольский, английский, бурятский, украинский и опубликованы в журналах : «World Literature Today» / «Мировая Литература Сегодня» (Нью-Йорк, США), «PLUM»((США), «Atlanta Review» (США), «Punctum» (Латвия), «ШО» (Украина), «Ундэсний уран зохиол» (Монголия) и др.

Автор поэтических сборников «Сокровенные песни» (1986, предисловие Евг. Долматовский), «Утро навсегда» (2002), «Сверхновый» (2009, послесловие Александр Ерёменко), «Анафоры» (2013, предисловие Максим Амелин)

В 2009 г. в своей статье «Конечное и бесконечное в русской поэзии», частично опубликованной в журналах «Арион» (2011), «Homo Legens/ Человек Читающий» (2012), «Новый Мир» (2013), а так же в «Манифесте 2» теоретически обосновал и начал практическое использование новой модели русского стихосложения – анафорическое. Живёт в Улан-Удэ и Москве.

Федоровский Игорь родился в Омске в 1988 году. В 2006 году окончил школу №8, в 2011 – филологический факультет ОмГУ, играл в студенческом народном театре «Поиск». Публиковался в сборниках сочинений «Войною опалённая судьба» (Омск, 2005), «Город мой, ты песня и легенда» (Омск, 2006), коллективных сборниках «Что за чудо этот Омск!» (Омск, 2006), «Моё имя» (Омск, 2006), «На первом дыхании-4» (Омск 2007), «Иду на честный разговор» (Омск, 2008), «Зал взорвётся возгласами «браво!» (Омск, 2010), альманахах «Складчина», «Вольный лист», «Трёхколёсный велосипед», журналах «Вестник Омского университета», «Виктория», «Пилигрим», «Омская муза», «Иртышъ-Омь», «День и Ночь» (Красноярск), «Литературный меридиан» (Арсеньев), «Русская литература мира»

(Уфа), «Журнал литературной критики и словесности», сборнике, посвящённом творческому наследию А.П.Кутилова (Омск, 2008), газетах «Омский университет», «Литературный дом», «Красный путь», «Омское время», «Рампа». В 2006 году был победителем в номинации «Лучшая проза» в факультетском конкурсе «Зажги Filfakel» .В 2007 году издал первую поэтическую книгу «Восьмая нота» (Омск, 2007), которая была удостоена памятного подарка премии Ф.М.Достоевского (2007 год). В 2009 году издал первую прозаическую книгу «Научите меня плакать», удостоенную Главной премии им. Ф.М.Достоевского. Состоял членом редколлегии журнала «Пилигрим» с 2007 по 2010 г. В настоящее время член редколлегии альманаха «Вольный лист». Входит в Литературный клуб «Погреб».

Хохлов Игорь родился в Омске 4 января 1990 года. Окончил Омский авиационный колледж в 2010 году и ОмГУ им. Достоевского в 2015 году (специальность – историк). Литературный редактор, член редколлегии и менеджер по связям с общественностью альманаха «Иртышъ-Омь» (Омск).

Автор сборников стихотворений «Трепетный родник» (Омск, 2009 г.), «Единение» (Омск, 2010 г.), «А искренность – угловата…» (Омск, 2013 г.), участник областного молодежного литературного семинара «Я вижу мир через себя» (Омск, 2009 г.), семинара поэзии, прозы и критики «ПарОМ» (Омск, 2011, 2013, 2014 гг.), XI и XII Форумов молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья в Липках (2011-2012 гг.), I Семинара молодых писателей Урала, Сибири и Дальнего Востока (Томск, 2015 г.).

За сборник стихотворений «А искренность – угловата…» был удостоен звания лауреата литературной премии им. Ф.М. Достоевского.

Стихотворения и критика печатались в журналах «День и Ночь» (Красноярск), «Волга-XXI век» (Саратов), «Молодежная волна» (Самара), «Литературный меридиан» (Арсеньев), сборнике, изданным по итогам XII Форума молодых писателей в Липках «Новые писатели», московской газете «Интеллигент», альманахе «Реванш» (Прага), омских коллективных сборниках, журналах и альманахах: «Складчина», «Тарские ворота», «Иртышъ-Омь», «Менестрель», «Когда-нибудь мы встретимся», «Можно коснуться неба», «Водолей», «Точка зрения», «Откровение», «Серебряный город-2», «Литературный ковчег» и др., Интернет-журналах «Литеррратура» и «Пролог».

Школьников Антон – поэт**.** Родился 1988г в г. Омск. Жил в деревне Михайловка Саргатского района. Окончил факультет гуманитарного образования ОмГТУ по специальности «Дизайн». С момента окончания работает по специальности и не только. Посещал литературную мастерскую ОмГТУ, является членом литературного объединения при СПРФ. Участвовал в Омских областных семинарах молодых литераторов (в 2008 и 2017 г.), во Всероссийском совещании молодых писателей в г. Сургут в 2009 году. Стихи печатались в коллективных сборниках, журналах, газетах: «Когда-нибудь мы встретимся» (Омск, 2011), «Связанные любовью» (Саргатское, 2014), «Литературный Омск», «Омское время» и других.

Цыганков Александр – поэт, художник. Родился 12 августа 1959 года в Комсомольске-на-Амуре. Живёт и работает в Томске. Автор книг «Лестница» (1991), «Тростниковая флейта» (1995, 2005), «Ветер над берегом» (2005), «Дословный мир» (2012). Публикации в периодических изданиях: «Сибирские огни», «День и ночь», «Юность», «Литературная газета», «Дети Ра», «Крещатик», «Урал», «Новая Юность», «Знамя», «Новый Журнал» и др. Стихи вошли в региональные, российские и зарубежные антологии.

Чертов Олег – поэт. Родился 20 октября 1958 года в г. Омске в семье инженера и учительницы. Окончил школу №19 и исторический факультет Ленинградского университета.. Работал преподавателем на кафедре философии Омского технологического института. В 1985 г. поступил в очную аспирантуру философского факультета Ленинградского университета, в 1988 г. защитил кандидатскую диссертацию, посвящённую

политическим учениям английского Возрождения. По окончанию аспирантуры Олег Владиленович в качестве политолога сотрудничал с различными командами столичных аналитиков, действовавших в “горячих точках” страны. С 1989 г. возглавлял кафедру экономики и управления ИПК Нефтехим, развернув активную преподавательскую и консультационную деятельность по реорганизации Омских производственных объединений нефтехимии. В 1991 г. О. Чертов по приглашению руководства Клемсонского университета (Южная Каролина, США) уезжает преподавать в Америку. В Соединенных Штатах Олег Владиленович читает лекции по перспективам политического и экономического развития России в целом ряде университетов, включая знаменитый Гарвард. В 1992 г. Олег Чертов работает в известной британской школе бизнеса Холлборн-Колледж. В Лондоне он становится членом Международного Русского Клуба. Цель Клуба – патриотическая помощь России в сохранении положения великой державы и восстановлении российской экономики.

Член Смитсониевского института (Вашингтон, США). Опубликовал значительное количество научных публикаций в стране и за рубежом. Популярный аналитик и экономический обозреватель средств массовой информации.

29 февраля 1996 года погиб от руки наемного убийцы.

Чертова Татьяна – поэт, прозаик, драматург. Живёт в г. Омске, работает психологом. Автор многих книг и публикаций. Глава Фонда О.В.Чертова, издающего книги Олега Владиленовича Чертова и других авторов. Пьесы Т.Чертовой «Каникулы президента», «Наш друг Ив Монтан» (написанные в соавторстве с И.Косицыным) ставились в Омском музыкальном театре, других театрах города.

Юдин Сергей – прозаик. Родился в 1954 году в Москве, по образованию и профессии – юрист. Публиковался в журналах «Искатель», «Мир Искателя» (г.Москва), «Северо-Муйские огни» (г.Северомуйск), «Зеркало» (Тель-Авив), «Что есть Истина?» (Лондон, сетевое издание), «Русская жизнь» (сетевое издание), «Новая реальность» (сетевое издание), в сборниках «Святочные рассказы, XXI век» (ИД «Русь-Олимп», 2010г.), «Тёмные» («АСТ» 2016г.) и других изданиях. В 2012 году в издательстве «Вече» опубликовал роман в жанре мистического детектива «Золотой лингам», написанный в соавторстве с братом Александром Юдиным.

СОДЕРЖАНИЕ

Менестрель

Литературно-художественный журнал

Подписано к печати 16.02.2016. Формат бумаги 60 х 84 /8.
Печать оперативная. Усл. печ. л. 27,75. Тираж 300 экз.
Издательство «Вариант-Омск»
644043, г. Омск, ул. Фрунзе, 1, кор.3, оф.15.
Тел./факс: 211–600